

ОТ АУСТЕРЛИЦА
ДО ПАРИЖА

1812 ГОД
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

ОТ АУСТЕРЛИЦА ДО ПАРИЖА

ДОРОГАМИ ПОРАЖЕНИЙ
И ПОБЕД

**От Аустерлица
до Парижа**

**Дорогами
поражений и побед**

Москва
«Вече»

ББК 63.3(0)52
УДК 94(47)
О80

Автор-составитель доктор исторических наук О.Г. Гончаренко

О80 От Аустерлица до Парижа. Дорогами поражений и побед / Авт.-сост. О.Г. Гончаренко. — М. : Вече, 2012. — 352 с. : ил.

ISBN 978-5-9533-6482-9

В последние сто лет, прошедшие после первого празднования юбилея 1812 года, отечественная периодика уделила достаточное внимание как отдельным лицам — героям войны и полководцам, так и отдельным сражениям и битвам, участие в которых принимали русские войска. «Дети страшных лет России» — в полной мере эти строки Александра Блока можно отнести к авторам этой книги. И современный читатель, пусть даже впервые знакомящийся с темой Наполеоновских войн, прочитав предлагаемый сборник, получит, хотя и общее, зато весьма яркое представление о ряде исторических лиц, их «днях и делах» и других событиях того времени. В год двухвекового юбилея Отечественной войны 1812 года предлагаемая читателям книга станет еще одним источником полезных сведений для всех тех, кто интересуется этой, без сомнения, яркой исторической эпохой, именуемой Наполеоновскими войнами.

ББК 63.3(0)52
УДК 94(47)

ISBN 978-5-9533-6482-9

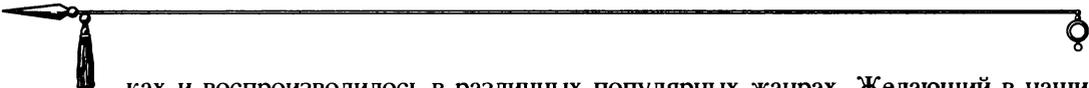
© Гончаренко О.Г., составление, 2012
© ООО «Издательский дом «Вече», 2012
© ООО «Издательство «Вече», 2012

МОЗАИКА ПАМЯТИ

О ревнителях военной старины

Война 1812 г., как и другие наполеоновские военные походы, всегда были теми особенными вехами мировой истории, художественное и публицистическое отражение которых в отечественной библиографии давно занимает свое особое место. К нашему времени в России накоплен столь обширный перечень литературы, что поиск материала для публикаций давно не сопряжен с проблемой выбора, что издавать, но все чаще находится в плоскости решения популяризаторских задач, которые с годами, напротив, не утрачивают своей актуальности. Осмысление своего исторического прошлого в увлекательной и вместе с тем доступной форме давно стало частью практики переизданий богатого наследия, оставленного нам исследователями XIX и XX вв. К тому же за последние пятьдесят лет в стране выросло новое поколение историков, создавших полновесные труды, украсившие отечественную науку новыми гранями исследований. Поток научных работ, очерков и историко-философских исследований данного периода никогда не иссякал, а насыщенность книжного рынка разнообразной литературой по теме заставляет даже заслуживающие внимания тексты дожидаться «лучших времен» для публикации. Таким образом, можно ли утверждать, что добавление к этому списку еще одной книги откроет читателям по-настоящему что-нибудь новое? И в самом деле — что лучше? Идти по проторенному пути, переиздавая некогда «просиявшие» книги, обратиться ли к новейшим монографиям, дать возможность читателю сопоставить под одной обложкой работы авторов разных эпох? Решение, принятое редакторским коллективом издательства «Вече», оказалось, как всегда, нетривиальным. Как известно, описание событий 1805—1807, 1812—1814 гг. уже неоднократно давалось в известных академических сборни-

ках и воспроизводилось в различных популярных жанрах. Желающий в наши дни узнать что-либо о любом боевом эпизоде может без труда отыскать его описание в тех или иных источниках.

Однако от общего представления о вопросе до глубокого знания предмета и существует тот самый пробел, восполнить который возможно, лишь изучив событие или личность во всех деталях, часто ускользающих из поля зрения автора в большой монографии. Снабженная малоизвестными деталями или фактами, сама тема приобретает свою полновесность и полноценность подобно мозаичному полотну, в которое её создатель добавил недостающие фрагменты.

«Мозаичными историями» можно назвать и те четыре десятка статей, появившиеся на страницах парижской «Военной были» в 1950—1970-х годах прошлого века, а также отдельные публикации знатоков и ценителей военной старины, опубликовавших свои работы в период своей эмигрантской жизни.

В последние сто лет, прошедшие после первого празднования юбилея войны 1812 г., в период, охвативший два предвоенных года Первой мировой и во второе десятилетие нового века, отечественная периодика уделила достаточное внимание как отдельным лицам — героям войны и полководцам, так и отдельным сражениям и битвам, участие в которых принимали русские войска. Примечательно, что и в Русском Зарубежье, где доступ к архивным материалам и просто библиотечным фондам был несопоставимо меньше, отдельными ценителями русской военной истории были собраны и опубликованы сведения, так или иначе дополняющие многие вышедшие к тому времени монографии. Разумеется, было бы преувеличением сказать, что публикации «Военной были», например, о светлейшем князе М.И. Голенищеве-Кутузове или императоре Александре I оказались какими-то исключительными по информационной новизне событиями. Однако они призваны были напомнить читателю тех лет по обе стороны «железного занавеса» о двух разновеликих фигурах русской истории, достойных благодарной памяти потомков. Важно было и то, что авторы исторических очерков часто дополняли основную линию повествования рядом забытых или малоизвестных деталей, часто опускаемых даже в пространственных советских исследованиях эпохи по идеологическим соображениям. Усилия горстки влюбленных в свое дело исторических публицистов тех лет позволили в дальнейшем историкам удачно дополнить ими зыбкий и ускользающий для наших современников фон давно канувшей в прошлое эпохи.

Таким образом, и современный читатель, пусть даже впервые знакомящийся с темой наполеоновских войн, прочитав предлагаемый сборник, получит хотя

и общее, зато весьма яркое представление о ряде исторических лиц, их «днях и делах» и других событиях того времени. В процесс создания величественного исторического мозаичного полотна свою лепту внес и коллектив русскоязычного журнала «Военная быль» за 22 года (1952—1974) своего непрерывного существования в Париже, опубликовав более четырех десятков статей, посвященных вопросам Отечественной войны 1812 г. и Заграничным походам русской армии под водительством императора Александра I. Темы опубликованных работ охватывают не только известные сражения и героические подвиги отдельных частей гвардии и армии, повествуя в этом контексте о наиболее известных полководцах и стратегах войны, но и затрагивают и другие личности эпохи — генералов и партизан. Часть публикаций посвящена медалистике, наградам, трофеям, знаменам, взятым у неприятеля и утраченным русскими полками в отдельных боевых эпизодах. Другая часть напечатанных «Военной былью» материалов посвящена заграничным походам и смотрам русской армии, её полков; среди прочего, есть и статьи, которые вполне можно было бы отнести к осмыслению военного опыта и критике мемуаров противника.

Все это в той или иной мере представлено на суд читателя в предлагаемом нами сборнике, содержание которого распределяется следующим образом: материалы исследователей помещены составителем в определенном порядке, будучи условно объединенными общей темой. В качестве дополнительного материала, призванного расширить освещение отдельных вопросов, затронутых в статьях авторов «Военной были» ранее, составителем были использованы опубликованные некогда в Берлине статьи знаменитого историка С.П. Мельгунова, которые можно отнести к творчеству Русского Зарубежья, где продолжилась его научная работа. Превосходящие по объему даже самые крупные статьи авторов «Военной были», эти работы компенсируют это возможностью уделить больше внимания рассматриваемым темам. Общая идеологическая канва работ Мельгунова может быть определена как критический взгляд либерального историка на описываемую им эпоху торжества идей самодержавной империи. Вместе с тем даже излишне вольный и придирчивый взгляд автора не в состоянии умалить ни величия духа героев Отечественной войны, ни ту невероятную сложность борьбы со столь сильным противником, каковыми были Наполеон и его союзники. В целом же нельзя не отметить высокий уровень самих статей и глубину изученности вопросов, поднимаемых в них автором.

В качестве отдельного произведения нами был взят рассказ Юрия Галича «Авангардный генерал», где описана жизнь и смерть героя Отечественной

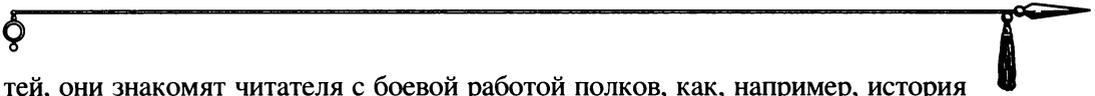

войны, и, между прочего, обрисованы судьбы младших ветвей этого семейства в ту пору, когда с ними общался сам автор. Простой и безыскусный по стилю, этот исторический очерк живо воскрешает живой образ знаменитого генерала. В отличие от Мельгунова, ни Галич, ни коллектив авторов «Военной были» не обладали, за редким исключением (Н.А. фон Реймар или И.И. Сагацкий), ни научными степенями, ни той непозволительной в условиях эмиграции роскошью использования русских архивов, что мог позволить себе отбывший в изгнание многим их позже Мельгунов. Однако существенным подспорьем для военного сословия Императорской России выступала давняя традиция создания юбилейных полковых историй, памяток походов и биографических сборников однополчан. В этом ключе и были написаны те статьи сборника, в которых повествуется как об отдельных боевых эпизодах, как, например, В.С. Хитрово «Лейб-гвардии Конная артиллерия в Бородинском сражении», так и целом ряде событий, как, например, В.Н. Звегинцов «Кавалергарды в 1812 году» или «Из прошлого кавалергардов. Поход 1813 и 1814 года».

Особую ценность помещенным в сборнике статьям придает еще и то обстоятельство, что практически все они написаны знатоками своего дела, посвятившими ему в некоторых случаях целую жизнь. В этой связи невозможно не отметить работы П.Л. Стефановича и В.Н. Звегинцова. В разделе, относящемся к символике, медалистике и знакам эпохи, статьи В.Г. фон Рихтера и С.П. Андоленко исчерпывающим образом освещают ряд сюжетов, многие из которых остаются известными широкому кругу читателей и в наши дни. Тексты насыщены важной фактологической информацией, снабжены рядом важных деталей, как и многое, что выходило из-под пера этих авторов вне сотрудничества с русской зарубежной периодикой. В нашей стране особенной популярностью пользуется выпущенная С.П. Андоленко в 1966 г. в Париже работа по нагрудным знакам Русской армии, переизданная Воениздатом некоторое время тому назад. Достаточно сказать, что на протяжении почти сорока лет вышедшая в эмиграции книга оставалась единственным относительно полным справочником по нагрудным знакам и жетонам российских военно-учебных заведений и полков, пока на смену ей уже в этом веке не пришли роскошно изданные при поддержке банкиров фолианты ряда петербургских собирателей и знатоков вопроса.

Особое место в сборнике занимают небольшие по объему, ёмкие по содержанию истории, касающиеся участия отдельных полков русской армии в тех или иных событиях войн. Извлеченные в виде отрывков из более объемных ста-

тей, они знакомят читателя с боевой работой полков, как, например, история белорусских или мариупольских гусар, созданная Г.М. Гринёвым и Л. Шишковым, или «Русские инженерные войска в войне 1812 года» другого автора «Военной были», творившего под псевдонимом Н.Н.Р. Таким образом, избранные эпизоды органично вписываются в ряд других, больших по объему, сфокусированных на конкретике эпохи работ, таких как статьи И.Ф. Рубца «Кирасиры Её Величества в Бородинском бою», Г.Н. Акимова «Литовцы под Бородином» или «Уланы Цесаревича под Красным 6 ноября 1812 года» Ю.Н. Солодкова. Эти статьи хорошо дополняются общими заметками Б.Н. Сергиевского «Русские артиллеристы. Картинки войны 1812 года» и «Французы вспоминают Тверских драгун» автора под псевдонимом Тверец. В сборник вошли небольшие по объему, но интересные с точки зрения фактов, в них упоминающихся, эссе главного редактора «Военной были» А.А. Геринга и председателя правления Союза русских инженеров во Франции А.С. Крапивина «Русский флот во время наполеоновских войн». Оба автора, в прошлом морские офицеры, посчитали нелишним поделиться результатами своих изысканий в юбилейном номере журнала, посвященном 150-летию Отечественной войны.

Важно отметить, что одной из целей нашего сборника является напомнить современному читателю о людях, чьи имена были воспеты великой русской литературой (генералы Кульнев и Жомини), а также еще раз взглянуть на литературные портреты ряда наиболее неоднозначных личностей эпохи с высоты дня сегодняшнего (Ростопчин, Багратион и Барклай де Толли). И с этим, как нельзя лучше, справляются две большие работы С.П. Мельгунова, богатые меткими характеристиками героев и рисующие картины исторических обстоятельств, во многом обусловивших те или иные поступки и отношения между собой. Памятуя о социалистических взглядах С.П. Мельгунова и его либеральной, враждебной самодержавию позиции, современному читателю стоит снисходительно отнестись к ряду эпитетов, которыми автор награждает героев своих очерков: «крепостник и реакционер по убеждениям», «Дон-Кихот реакции», казалось бы, перекочевавшими туда из арсенала советского Агитпропа.

Лучшим способом понять дух эпохи остается непрерывное его осмысление, сопоставление имеющихся фактов с постоянно дополняющимися сведениями, почерпнутыми из открываемых заново источников, и потому нам показалось целесообразным предоставить возможность авторам «Военной были» поделиться своими открытиями с современным читателем в той или иной области. Так, статья И.И. Сагацкого «“Перлы” и “клюква” мемуаров генерала

барона де Марбо» представляет определенный интерес тем, что обоснованно требует взвешенного подхода к творениям зарубежной мемуаристики с учетом личных и общественных особенностей пишущего. А Ю.Н. Солодков знакомит нас с образами русских воинов 1812 г. в изображении иностранного ваятеля. Эта тема иностранного взгляда на Русскую армию отчасти перекликается со статьей В.Г. фон Рихтера «Казачья Отечественная война в глазах англичан». Что же касается умонастроений русского общества того времени, то здесь, как нельзя лучше, выступают работы С.П. Мельгунова «Патриотические настроения в Отечественную войну» и «Кто сжег Москву?».

Необыкновенно богатая символика эпохи наполеоновских войн наша свое отражение в статьях частых авторов «Военной были», специализировавшихся по данному вопросу, — В.Г. фон Рихтера и Е.С. Молло. Статьи первого «Кульмский крест» и «Еще раз о Кульмском кресте» можно отнести к одному из наиболее интересных исследований по фалеристике. Взятая за основу для полковых знаков, широко распространившихся в Российской империи в 1900-х годах и утвержденная в качестве награды в Германии в период Первой и Второй мировых войн, специфическая форма Кульмского креста до сих пор остается предметом распространенного заблуждения обывателей, видящих в нем некое клише «нацистской атрибутики». Работа В.Г. фон Рихтера дает исчерпывающую характеристику как самой награде, так и событию, вызвавшему её к жизни. В наши дни значок, воспроизводящий его, с вензелем императора Александра I посередине и памятливыми юбилейными датами на трех сторонах креста выпущен в память о победе под Кульмом Общественным Юбилейным советом и предназначен для награждения за заслуги и достижения на ниве вклада в возрождение отечественных исторических традиций.

Статья Е.С. Молло «О ношении знаков отличия в царствование императора Александра I» является замечательным сочинением известного зарубежного собирателя антикварного холодного оружия, наград и знаков Российской империи. Примечательно, что Молло был известен рядом публикаций в русской зарубежной военной печати, не считая многочисленных статей «Военной были», в которых со знанием дела рассказывал о традициях ношения знаков отличия в императорской армии. Приводимая нами статья продолжает или, лучше сказать, дополняет все, ранее написанное и опубликованное им по данной теме, хотя и тематически ограничена одной эпохой.

Среди всех опубликованных работ стоит упомянуть о той, тема которой красной нитью проходит сквозь все приводимые в сборнике тексты. Это статья

В.В. Федуленко «150-летие Бородинской битвы 1812—1962!». По своей исключительной содержательности и динамичной описательности работа, присланная в редакцию «Военной были» ее автором из США, по-настоящему украсила этот юбилейный выпуск. Учитывая, что написана она была не профессиональным историком, но просто хорошо образованным русским офицером одного из многочисленных полков, невозможно не отдать дань уважения уровню стиля и качеству проделанной им работы, памятью о тех житейских и бытовых трудностях, в которых существовало большинство военных эмигрантов.

Большие или малые, объемные и всего в несколько строк, публикации «Военной были» составляют часть той исторической памяти нашего народа, которая, во многом подобная мозаике, составляет одно величественное многоцветное полотно героического прошлого. Истории, поведенные авторами зарубежного военно-исторического журнала, созданы в том особом духе, который был так свойствен большей части военной эмиграции из России и практически всем пишущим на его страницах. Там подбирались единомышленники, объединенные не только единством цели и увлеченностью историей своего Отечества, но и люди, чьи судьбы очень во многом перекликались друг с другом. Шестнадцать из двадцати трех приняли участие в Гражданской войне, будучи кадровыми офицерами российской гвардии и армии. Среди оставшихся семи пятеро были воспитанниками кадетских корпусов за рубежом, близко к сердцу воспринявшими память о родной истории через полученное корпусное воспитание. Двое, не связанные с армией напрямую, принадлежали к тем людям, для которых честное имя родины оставалось всегда на первом месте между другими ценностями. «Дети страшных лет России» — в полной мере эти строки Александра Блока можно отнести и к авторам нашего сборника. Теперь их творчество продолжает свое триумфальное возвращение в Россию, что доказывает лишний раз истинную ценность вклада русских зарубежных любителей старины в копилку отечественной культуры и знаний. Хочется надеяться, что в год двухвекового юбилея Отечественной войны 1812 г., с выпуском этого сборника труд наших соотечественников станет еще одним источником полезных сведений для всех тех, кто интересуется этой, без сомнения, яркой исторической эпохой.

8 февраля 2012 г.

О.Г. Гончаренко, доктор исторических наук

В ГАЛЕРЕЕ ГЕРОЕВ

Император АЛЕКСАНДР I. Сфинкс, не разгаданный до гроба

Ныне, в годовщину «вечной памяти двенадцатого года», мысли мои обращаются к тому, кто возглавлял тогда Россию.

Во всей истории России нет монарха более загадочного, мнения о котором более противоречивы, чем Александр Павлович. Тема эта столь обширна, что далеко выходит за пределы журнальной статьи. Поэтому мы ограничим себя размышлениями лишь о его внешности и о том впечатлении, которое он производил на современников.

В моем собрании хранится известный портрет Александра Павловича, кисти Дау, писанный в 1825 году и почитавшийся одним из наиболее схожих. Александр Павлович изображен на портрете во весь рост, в темно-зеленом кавалергардском вицмундире с серебряными эполетами, темно-зеленых панталонах и высоких ботфортах. Грудь государя украшена орденами, из которых выделяется собой им самим созданный орденский знак, состоящий из Андреевской звезды, обвитой лентой английского ордена Подвязки и с привешенным снизу шведским орденом Меча¹. В левой руке Александр Павлович держит шляпу с бело-оранжево-черным султаном. Белые перчатки и шпа-

---

¹ Александр Павлович был кавалером весьма многих российских и иностранных орденов и иных знаков отличия. Из них он обычно носил весьма немногие; кроме описанного выше орденского знака, он обычно носил в колодке: Военный орден Святого великомученика и победоносца Георгия 4-й степени; серебряную медаль 1812 г.

га на бедре завершают его туалет. От всего облика государя веет изяществом и благородством, которые были так присущи ему.

А вот описание Александра Павловича, сделанное с натуры в день Тильзитского свидания, 13 июня 1807 года, знаменитым впоследствии партизаном Денисом Давыдовым: «Император Александр имел на себе Преображенский мундир, на правом плече висел аксельбант, эполет же тогда не носили. Панталоны были белые лосиные, ботфорты короткие. Голова была покрыта пудрою. Шляпа была высокая; по краям ее выступал белый плюмаж, а черный султан веял на гребне ее. Перчатки были белые лосиные, шпага на бедре, шарф вокруг талии и Андреевская лента через плечо». И далее, «я не спускал глаз с государя, мне казалось, что он прикрывал искусственным спокойствием и даже иногда веселостью духа различные чувства, его обвевавшие и невольно обнаруживавшиеся в ангельском его взгляде и на высоком челе. И как могло быть иначе. Дело шло о свидании с великим полководцем, политиком, законодателем и завоевателем, поразившим в течение двух только лет войска всей Европы и уже два раза нашу армию и ныне стоявшим на рубеже России» — таков был Александр Павлович на тридцатом году жизни.

Но вот еще описание Александра Павловича, на этот раз действующего в роли Царя Польского, также сделанное с натуры в день открытия сейма Д.К. Тарасовым: «При вступлении императора в палату водворилась благоговейная тишина и особенное чувство умиления. Его Величество вступил на трон с исключительно принадлежавшим ему, повелительным величием. Подле него, немного позади и вправо, поместился цесаревич Константин Павлович; на ступени трона с правой стороны сидел вице-король Заиончек (он без ног и не мог ходить — его носили); на нижней ступени трона, справа также императора, стоял с портфелем статс-секретарь граф Грабовский. Дипломатические чины и свита государя поместились позади трона».

«Император, стоящий на троне в полном своем величии, представлял собою существо, превышающее все земное. Окинув своим величественно-ангельским взором все собрание и стоящих на хорах дам, император довольно громким и твердым голосом и с особенным воодушевлением прочитал на французском языке довольно пространную речь, которую вслед за тем на польском языке повторил статс-секретарь граф Грабовский. Тронная речь

на Андреевской ленте; австрийский орден Марии-Терезии; русский Железный крест; прусскую медаль 1813—1814 гг.

Император Александр I. Художник Дж. Доу

эта, как по содержанию своему, так и по образу произнесения императором, произвела в слушателях столь глубокое впечатление, что все сановники польские казались изумленными, а дамы почти все плакали».

«Находясь около семи лет при дворе, я в первый раз удостоился видеть императора Александра в таком поражающем, неземном величии. В небесном взоре его изумительно выражались могущество, проницательность, кротость и благоволение» — таков был Александр Павлович в последний год своей жизни.

О том, что Александр Павлович был обаятелен, нам непрестанно твердят все его современники. «Он был красив и добр, — пишет близко знавшая его

графиня Головина, — его сердцу всепрощение так же близко, как далека от него тирания; его нрав, кроткий и обходительный, в его разговоре чувствуется мягкость и изящество, в его стиле много красноречия, а во всех прекрасных поступках замечается полная скромность».

Подобных сему описаний существует несметное количество. Особенно много писали о нем женщины — Александр Павлович был чересчур обаятельным мужчиной. Сперанский называет его «un vrai charmeur»². Некоторую роль тут, конечно, играет «культ Государя», который всегда создавался у нас вокруг особы монарха, но по отношению к Александру Павловичу это не была простая придворная лесть — в этих излияниях чересчур много непосредственности и искренности. Так у нас не говорили ни об одном монархе.

Александр Павлович был обворожителен во все возрасты. Державная бабка его Екатерина души не чаяла во внуке и всегда описывала его в самых восторженных тонах. В пятнадцать лет он был красавец. «Высокий ростом, прекрасно сложенный, он отличался изяществом приемов и ловкостью движений, которая, однако, не вредила величию его осанки. Голубые глаза его светились умом; частые вспышки нежно стыдливого румянца оживляли мраморную белизну его нежного, женственного лица»³. Особенную прелесть придавала его лицу улыбка, имевшая в себе чарующую привлекательность» (Шильдер).

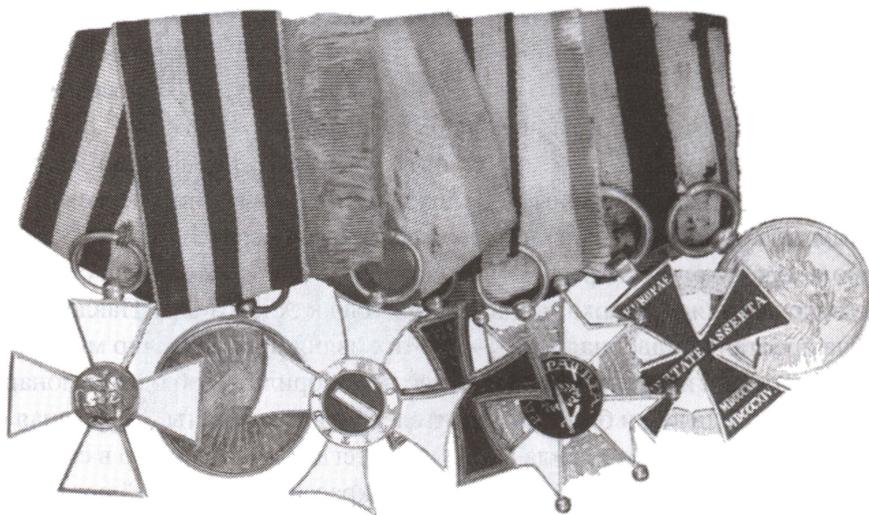
Во время своей коронации 23-летний Александр Павлович сиял всем блеском молодости и красоты. При выходе его из Успенского собора среди зрителей раздались восклицания «Как он хорош, какой ангел!» «Не с самонадеянностью и гордым величием шел он; не страх внушали его взгляды, кроткие и приветливые, а беспредельную любовь, сочувствие и готовность к самопожертвованию. Платон с крестом в руках вел помазанника, разделяя с народом восторг и слезы умиления, он говорил, указывая на венценосца: «Посмотрите православные, каким Бог наградил нас царем — прекрасен и лицом и душою»» (Шильдер).

Во время победоносного вступления в Париж, 19 марта 1814 года, 37-летний Александр Павлович точно так же поразил и восхитил своим видом парижан. Александр Павлович ехал на светло-сером коне, по прозванию Эклипс, вместе с королем прусским и князем Шварценбергом, представлявшим отсутствовавшего императора австрийского, сопровождаемый свитой в числе

---

² По неудачному переводу на русский язык Шильдера — «сущий обольститель».

³ Александр Павлович ходил на мать, тогда как Константин Павлович — на отца.

Колодка с орденами Александра I

более тысячи генералов и офицеров различных наций. «Какими чувствами преисполнена была тогда душа Александра? Что думал государь, переживший тяжелое испытание Аустерлица, блеск Тильзитского свидания и пожар Москвы? Он с полным смирением готовился отплатить за испытанное зло неслыханным в истории великодушием. Среди Парижа явился победитель, не искавший другого торжества, как только участия побежденных. Народ толпился на улицах и даже кровли домов покрыты были любопытными зрителями. Женщины в окнах и с балконов махали белыми платками. Ласково отвечая на приветствия населения, государь говорил: “Я не являюсь врагом, я приношу вам мир”» (Шильдер).

Будучи в течение всей своей жизни центром всеобщего внимания, Александр Павлович привык «играть роль», но из всего вышесказанного следует, что играл он превосходно. Он мог предстать в непомерном величии Самодержца Всероссийского, но он мог также подойти к людям просто и тепло. Александр Павлович отлично знал то потрясающее впечатление, которое вид его производил на людей, и он умел использовать это качество. Он обладал чрезвычайным тактом и всегда знал, что следует делать и говорить в данный момент. Он был природным дипломатом — величайший русский дипломат и один из величайших дипломатов всех времен.

Светлейший князь МИХАИЛ ИЛЛАРИОНОВИЧ ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ-СМОЛЕНСКИЙ

Кадет 2-го Кадетского корпуса Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов, Российской империи князь, с титулом светлейшего и названием Смоленского, генерал-фельдмаршал, главнокомандующий российской, австрийской и прусской армиями, член Государственного Совета, родился в Санкт-Петербурге 5 сентября 1745 года.

Род Кутузовых принадлежит к старинным дворянским русским родам. Летописи повествуют, что в XIII веке к великому князю Александру Ярославичу «выехал муж честен и добр из прусской земли», принял святое крещение, наречен Гавриилом и был храбрым воеводой Невского героя. Правнук Гавриила — Федор Александрович первый назвался Кутузовым. Доблестно служили Кутузовы царям российским и были награждены чинами, жалованьем и поместьями. Племянник Федора Александровича, Василий Афанасьевич, для отличия от других, прибавил к родовому имени своему прозвание Голенищев. Его потомки были небогатыми помещиками Псковской губернии в Опочковском и Торопецком уездах. В первом из них, в селе Митюткине, находятся могилы деда нашего великого полководца — Матвея Ивановича и бабки его, урожденной Бедринской. А во втором — Теребинского прихода, в сельце Ступине, могила его отца — Иллариона Матвеевича, и матери, урожденной Беклемишевой.

Матвей Иванович служил отечеству на полях ратных во времена самозванцев, защищая дело законных государей. Илларион Матвеевич начал службу при Петре Великом и был одним из образованнейших людей того времени. Михаил Илларионович был его единственным сыном. Он потерял мать во время дальнего отсутствия своего отца и был взят на воспитание бабкой, в патриархальном и благочестивом семействе которой и протекли его первые детские годы. Любимец бабки, он был добр, остроумен, но горяч, вспыльчив и в то же время беспечен, ленив к учению; любил долго спать и нежиться. Он был необыкновенно любопытен и имел страсть слушать сказки и рассказы.

С приездом отца, переведенного на службу в Петербург, окончилось беспечное детство: он был определен в учрежденную Петром Великим Инженерную

школу, откуда в 1737 году еще отец его был выпущен кондуктором. Михаил Илларионович был в школе, когда в 1758 году она была соединена с Артиллерийской и поступила под «особенную дирекцию» генерал-фельдцейхмейстера, графа Петра Ивановича Шувалова, помощником коего был один из просвещеннейших людей того времени, генерал-инженер Михаил Иванович Мордвинов. Он первый обратил внимание графа Шувалова на выдающиеся способности кадета Кутузова.

В 1759 году «за прилежность в науках» Кутузов был последовательно произведен в унтер-офицеры и в каптенармусы артиллерии, а в конце того же года и в инженер-кондукторы 1-го класса, с оставлением при школе в помощь офицерам. Продолжая совершенствоваться в высших военных науках, Кутузов преподавал кадетам арифметику и геометрию. В 1761 году он был произведен в инженер-прапорщики, а в следующем году отчислен от школы для определения на действительную службу.

По счастливому случаю Кутузов был замечен молодой императрицей. Монархиня, желая открыть ему видное служебное поприще, просила императора Петра Федоровича определить его в адъютанты к ревельскому генерал-губернатору принцу Гольштейн-Бекскому. В августе того же года Кутузов был переименован в капитаны. Два года Кутузов оставался в этой должности и в 1764 году отпросился волонтером в войска, выступившие в Польшу.

Здесь он начал свое воинское поприще, на котором полвека суждено ему было провести в боях, достигнуть высших почестей воинских и должностей государственных.

Боевое крещение он получил под Варшавой 28 июня 1769 года. 1769 год — начало военной славы молодого офицера: он разбил мятежников при Орыне и в окопах при реке Овруче, затем одержал победу над поляками и турками и взял в плен 63 человека. Недолго спустя нанес, вместе с Паткулем, удар Конфедератам в областях Великой Польши, положив на место до тысячи человек и взяв с бою несколько пушек. В 1770 году он был переведен в армию Румянцева, действовавшую против турок, с назначением обер-квартирмейстером при генерале Боуере. Кутузов приобрел расположение своего начальника и был постоянно употребляем в доверительных поручениях при разведке, составлении диспозиций и движении войск. За отличия, проявленные Кутузовым при Ларге и Кагуле, Румянцев произвел его — через чин — прямо в обер-квартирмейстеры премьер-майорского ранга, а еще через год — в подполковники, с переводом в Московский легион, а затем — в Тульский пехот-

ный полк. Переведенный в Крымскую армию, Кутузов принимал участие в охране Крыма и в действиях под Очаковым и Кинбурном.

В 1774 году был подписан Кучук-Кайнарджийский мир, но, прежде чем известие о мире пришло в Константинополь, турецкий флот произвел высадку близ Алушты. Генерал-поручик граф Мусин-Пушкин атаковал турок, захватил окопы и прекратил военные действия, когда узнал о мире. В этом бою Кутузов со знаменем в руках ворвался в селение Шумлы и был тяжело ранен в левый висок, причем пуля вышла у правого глаза. К удивлению всех врачей, Кутузов выжил и был отправлен на излечение в Петербург. Императрица Екатерина пожаловала ему орден Святого Георгия 4-го класса и часто приглашала его к себе для бесед, всегда называя «мой Кутузов». В 1776 году, по возвращении из-за границы, Кутузов был отправлен на юг России, где и произошло его знакомство с Суворовым.

Кутузов, подобно Суворову, был одним из замечательных русских людей. При обширном образовании он обладал красноречием, проницательностью и способностью привязывать к себе сердца и господствовать над умами. Про своего любимца Кутузова Суворов говаривал: «Его даже и Рибас не обманет».

Всегда веселый, очаровательный в обращении, он отличался удивительным хладнокровием в самых трудных положениях. Строгий расчет и выдержка были отличительными чертами его действий. Он умел обращаться с солдатом и, подобно Суворову, зная, что парадная обстановка и внешний блеск не могут завоевать доверия нашего простолюдина, он, бывши уже главнокомандующим, являлся перед войсками на маленькой казачьей лошади, в старом сюртуке, без эполет, в фуражке и с нагайкою через плечо.

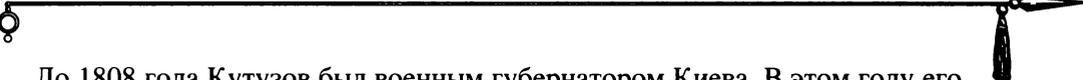
Судьба бросала Кутузова из штаба в строй и обратно. Он служил и в армии Румянцева, и под начальством Потемкина и Суворова. При штурме Измаила «он командовал левым крылом, но был моей правою рукою», — сказал про него Суворов.

За штурм Измаила он был награжден орденом Святого Георгия 3-го класса, за дело под Мачином (в том же году) орденом Святого Георгия 2-го класса. Неоднократно исполнял он дипломатические поручения, был директором Сухопутного Шляхетского корпуса, занимал высокие административные посты военных губернаторов и инспекторов войск при императоре Павле Петровиче и в 1805 году был назначен главнокомандующим Русской армии, посланной на помощь Австрии.

М.И. Голенищев-Кутузов. Художник Дж. Доу

Блестящее начало кампании победами под Дюренштейном и Шенграбеном выказали полководческое дарование Кутузова, но потеря сражения под Аустерлицем вызвала обвинение в том, что он недостаточно энергично возражал против плана Аустерлицкой операции, **НЕБЛАГОПРИЯТНЫЙ ИСХОД КОТОРОЙ ОН ПРЕДВИДЕЛ...** С этих пор личность Кутузова стала как бы постоянным укором и напоминанием императору Александру о совершившейся катастрофе, почему государь систематически избегал давать Кутузову ответственные поручения.

До 1808 года Кутузов был военным губернатором Киева. В этом году его посылали на помощь престарелому князю Прозоровскому в войне с турками, но скоро опять вернули на должность уже виленского военного губернатора. Между тем приближалась борьба с Наполеоном, а война с Турцией еще не окончилась.

Император Александр вверил Кутузову Дунайскую армию, и свершилось чудо... был очищен Рушук. Визирь уехал от армии, и начались переговоры о мире, закончившиеся ратифицированным Александром I Бухарестским миром. Вследствие вмешательства в переговоры Наполеона и Австрии, что сначала отчасти задержало заключение мира, император, думая ускорить дело, сменил Кутузова в командовании Дунайской армией адмиралом Чичаговым. Но последний нашел уже главные условия подписанными...

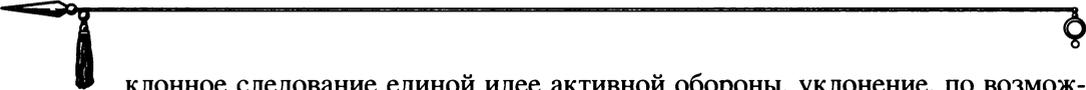
Графское достоинство было наградой за заключенный Кутузовым Бухарестский мир. Вернувшись в Россию, он поселился в своей деревне, но через две недели был вызван в Петербург для формирования Петербургского ополчения, начальником которого был избран единогласно.

Между тем война 1812 года началась, и, за отъездом государя от армии, выяснилась необходимость назначения общего главнокомандующего над всеми нашими войсками. Комиссия из высших государственных сановников, избранная для решения этого важного вопроса, единогласно высказалась за назначение графа М.И. Голенищева-Кутузова.

Император Александр, как уже известно, не доверял ни высоким военным способностям, ни личным свойствам Кутузова. Вверяя ему судьбу России, государь превозмог в себе предубеждение против него и сделал уступку общественному мнению. Глас народный на этот раз оказался гласом Божиим. Еще ранее избрания, а именно — 29 июля, Кутузов был возведен в княжеское достоинство с титулом светлости, что было встречено с восторгом во всей России. Узнав о назначении Кутузова, Наполеон сказал про него, что «это старая лисица Севера», на что Кутузов ответил: «Постараюсь доказать великому полководцу, что он прав».

17 августа, под Царевым Займищем, Кутузов принял начальство, а уже 26-го числа дал знаменитый Бородинский бой, за который пожалован званием фельдмаршала.

Рассматривая деятельность нового главнокомандующего армии, мы видим мастерское ведение им сражения под Бородином, твердое решение очистить Москву, принятое вопреки большинству на военном совете в Филях, и неу-

клонное следование единой идее активной обороны, уклонение, по возможности, от боя и уничтожение противника нападениями на тыл партизанами и партиями народного восстания, при использовании голода и времени. Подобное решение и подобный образ действий во всей цельности мог провести в жизнь только избранник народа, считающий только Великий Народ способным в эту минуту спасти Россию.

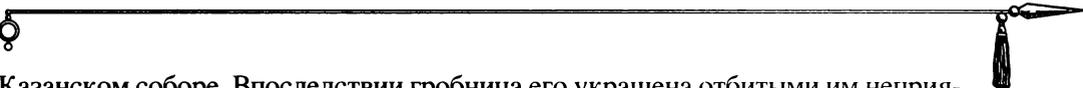
В настоящее время легко судить о совершившемся, но проникнуть в смысл великого исторического события, находясь в самом водовороте его, как это сделал ВЕЛИКИЙ СТАРИК ПОЛКОВОДЕЦ, и ни разу во всю свою деятельность не изменить своему решению — это удел истинно народного гения, опирающегося на всенародное чувство, которое Кутузов носил в себе во всей чистоте и силе его.

Лев Толстой в «Войне и мире» писал: «Только признание в нем этого чувства заставило народ, такими странными путями его, в немилости находящегося старика, выбрать против воли Царя, в представители народной войны».

Совершилось что-то неслыханное, небывалое: великий полководец Наполеон, с армией втрое сильнейшей, чем русская, превосходной во всех смыслах, предводительствуемой превосходными генералами, по отзывам ее полководца, выигравшей все сражения, в конце концов должен был бежать, бросая орудия, знамена, казну, обозы, а наконец, и свою армию на произвол судьбы... И все это подготовлено и разработано Кутузовым.

Россия следовала мысленно за своим избранником, сперва с надеждами, потом с благодарностью, наконец, с благословением и в декабре приветствовала его СПАСИТЕЛЕМ ОТЕЧЕСТВА. Император Александр I пожаловал ему титул КНЯЗЯ СМОЛЕНСКОГО и орден Святого Георгия 1-го класса, но не поехал к армии, зная несочувствие Кутузова войне за освобождение Европы от ига Наполеона.

В конце 1812 года Кутузов по повелению государя выступил за границу, дошел до Эльбы и скончался в городке Бунцлау 16 апреля 1813 года. Прусский король поставил ему в Бунцлау памятник с надписью: «До сих мест Князь Кутузов Смоленский довел победоносные Российские войска, здесь смерть положила предел славным дням его. Он спас Отечество свое и отверз путь к избавлению Европы. Да будет благословенна память Героя». Император Александр I повелел привезти его тело в Россию, что и было исполнено, при бесчисленном собрании всех русских людей, отпрягавших погребальные дроги и везших их на себе. Тело покойного было торжественно погребено в Санкт-Петербургском

Казанском соборе. Впоследствии гробница его украшена отбитыми им неприятельскими трофеями. Против собора сооружен ему памятник.

Генерал-фельдмаршал светлейший князь Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов-Смоленский за время своей службы в царствование императрицы Екатерины II, императора Павла и императора Александра Благословенного был награжден всеми высшими императорскими российскими орденами и многими иностранными, высших степеней: Святого Апостола Андрея Первозванного с бриллиантами, Святого Александра Невского, Святых Георгия, Владимира и Анны I степени, Святого Иоанна Иерусалимского Большого Креста, прусских Черного и Красного Орла первых степеней; портретом императора Александра I с бриллиантами и Золотой шпагой с алмазами и лавровым венком.

Светлейший князь был женат с 1778 года на дочери генерал-поручика Бибикова — Екатерине Ильиничне. Он имел от нее сына, умершего во младенчестве, и пять дочерей. Старшая вышла замуж за т. с. М.Ф. Толстого, вторая за генерал-майора Н.З. Хитрово, третья за генерал-майора князя Кудашева (вторым браком за генерал-майора Сарочинского), четвертая за гр. Тизенгаузена, а потом за генерал-майора Н.Ф. Хитрова и младшая за Ф.П. Опочинина. Род князей Смоленских прекратился со смертью Кутузова.

* * *

Известный военный историк А.И. Михайловский-Данилевский в кампанию 1812 года состоял адъютантом при Кутузове и был ранен при Тарутине. Данную им подробную биографию князя Смоленского он заканчивает следующими словами: «Кроме блистательной службы фельдмаршала при Екатерине Великой в Польше, Турции и Крыму, когда он со шпагою добыл себе чин генерал-поручика и Георгиевскую звезду, кроме посольств его в Царьграде и Берлине, кроме многих возложенных на него тремя монархами поручений, Кутузов совершил четыре огромных дела, так что вся ответственность их лежит на нем одном: 1. Отступление от войск Наполеона в 1805 году. 2. Окружение Турецкой армии в 1811 году. 3. Бухарестский мир и 4. Разгром Наполеона в России.

Расчеты его при отступлении от Брану в Моравию, сражение под Кремсом и переговоры при Голлебруне, где перехитрил он французов, отступление после Руцукской победы за Дунай и уничтожение армии верховного визиря, мир с турками, заключенный почти при самом вторжении Наполеона в Россию, битва Бородинская, уступление Москвы, движение на Рязанскую и Ка-

лужскую дороги, боковой марш к Малоярославцу, бой при сем городе, марш к Вязьме и Красному, четырехдневные Красненские битвы — все сии дела и соображения принадлежат к высшим задачам военного и дипломатического искусств, РАЗРЕШАЕМЫМ ТОЛЬКО ВЕЛИКИМ ПОЛКОВОДЦЕМ И ГОСУДАРСТВЕННЫМ МУЖЕМ...»

В.С. Ковалевский

«Два рескрипта императора Александра I»

РЕСКРИПТ I

Главкомандующему Армиями Генералу Князю Голенищеву-Кутузову Князь Михаил Ларионович. Знаменитый ваш подвиг в отражении главных сил неприятельских, дерзнувших приблизиться к древней Нашей Столице, обратил на сии новые заслуги ваши Мое и всего Отечества внимание. Совершите начатое столь благоуспешно вами дело, пользуясь приобретенным преимуществом и не давая неприятелю оправляться. Рука Господня да будет над Вами и над храбрым Нашим воинством, от которого Россия ожидает славы своей и вся Европа своего спокойствия. В вознаграждение достоинств и трудов ваших возлагаем Мы на вас сан Генерал-Фельдмаршала, жалуем вам единовременно сто тысяч рублей и повелеваем супруге вашей, Княгине, быть Двора Нашего Статс-Дамою. Всем бывшим в сем сражении нижним чинам жалуем по пяти рублей на человека. Мы ожидаем от вас особого донесения о сподвизавшихся с вами главных начальниках, а вслед за оным и обо всех прочих чинах, дабы по представлению вашему сделать им достойную награду.

Пребываем вам благосклонны.

На подлинном подписано собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою тако:

Августа 31-го дня.
1812 года.

Александр.

РЕСКРИПТ 2

Супруге покойного Генерала-Фельдмаршала Князя Голенищева-Кутузова-Смоленского.

Княгиня Катерина Ильинишна. Судьбы Вышнего, которым никто смертный воспротивиться не может, а потому и роптать не должен, определили

супругу вашему, светлейшему князю, посреди громких подвигов и блистательной славы своей переселиться от временной жизни к вечной. Болезненная и великая не для одних вас, но для всего Отечества потеря... Не вы одни проливаете о нем слезы: с вами плачу Я и плачет вся Россия. Бог, позвавший его к себе, да утешит вас тем, что имя и дела его остаются бессмертными. Благодарное Отечество не забудет никогда заслуг его. Европа и весь свет не престанут ему удивляться и внесут имя его в число знаменитейших полководцев. В честь ему воздвигнется памятник, при котором Россиянин, смотря на изваянный образ его, будет гордиться, чужестранец же уважит землю, порождающую столь великих мужей. Все получаемое им содержание повелел Я производить вам.

Пребываю вам благосклонный.

На подлинном подписано собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою тако:

Дрезден.

Александр.

Апреля 25-го дня.

1813 года.

Вожди армии⁴

Отдавая должное героизму и мужеству русского солдата, один из современников первых войн Александровской эпохи, будущий декабрист Фонвизин, не мог не отметить в своих воспоминаниях, что русская армия уступала французской «в той восторженной пламенной храбрости в нападении, какой французы побеждали все европейские армии». Причины этой «восторженной пламенной храбрости» заключались в той нивелировке революционных войск, которая объединяла в одно и вождей и армию. Этих причин, конечно, не могло быть в русской армии — армии старого порядка и крепостной мушкетерки. И если мы припомним внешние условия походов 1805 до 1807 гг.,

---

⁴ Впервые статья напечатана в издании «Отечественная война и русское общество». Автор предполагал дать характеристику всех наиболее видных полководцев 1812 г. Задача осталась, однако, невыполненной. Помещаемый очерк посвящен взаимным отношениям Барклая и Багратиона, иллюстрирующим характерные черты эпохи.

то еще с большим удивлением остановимся перед тем фактом, что даже на полях Аустерлица не померкла военная слава России.

Русская армия стояла перед лучшей европейской армией, перед гениальным стратегом и полководцем, перед всеобщим победителем... Ей предстояло огромное испытание в сфере военной подготовки и личной доблести. И если личная доблесть с честью вышла из этого испытания, то первая оставила желать многого. Прежде всего было забыто «мудрое» правило, как выразился современник, что «войну надо начинать с брюха». Престарелый фельдмаршал Каменский, не найдя «ни боевых, ни съестных припасов, ни госпиталей», в отчаянии даже покинул армию — таким безотрадным казалось ему положение вещей. Интендантские хищения, о которых рассказывает декабрист кн. С.Г. Волконский, сам участник многих боевых действий, приводили к тому, что в армии отсутствовало продовольствие, люди ходили босыми и т. д.⁵ «Солдаты Беннигсена всю зиму (1805—1806 гг.) питались сырым картофелем без соли; они шатались, как тени, без обуви, без приюта, слабели, заболели и умирали с голода», — вот картина, нарисованная современником (приписывается А.Ф. Воейкову, «Рус. арх.», 1868).

При таких условиях поддерживалась военная честь России... И всё-таки армия сохранила мужество, как единогласно свидетельствуют очевидцы. Тем более могла она выдержать искушение, когда уже приходилось сражаться не за чужие интересы, выдвинутые сложными мотивами международной политики, а более близкие, доступные пониманию каждого солдата, когда приходилось защищать родину от иноземного нашествия; когда развевалось идейное знамя, воодушевлявшее мужество каждого члена армии.

Личные страдания ступеньками вели к общей задаче. А страдания были велики. Мемуаристы 1812 г. останавливаются долго на описании ужасов, сопровождавших отступление голодной французской армии, когда даже трупы павших товарищей служили пищей; голодный француз с вороной послужил нескончаемой темой для изощрения остроумия патриотических карикатуристов и баснописцев. Но, к сожалению, здесь забывалось положение и русской армии, подчас пребывающей «без хлеба», на что так часто приходится жаловаться Кутузову (см., напр., письмо Шувалова Александру 31 июля 1812 г.). А иногда этот хлеб из «черного теста» и «рубленной соломы» был таков, что его не мог есть и голодный француз (воспоминания сержанта Бургоня).

---

⁵ См. также письма А.Б. Куракина к императрице Марии Феодоровне.

О «бедственном положении армии» уже в начале сентября 1812 г. говорил в своих письмах и гр. Ростопчин. Так, он пишет Аракчееву 15 сентября: «Войска в летних панталонах, без обуви и в разодранных шинелях. Провиантской части недостает, и Милорадовича корпус шесть дней не имел хлеба. Дух у солдат упал. Они и многие офицеры грабят за 50 верст от армии... Наказывать всех невозможно»⁶.

Не понятна ли причина того ужасающего мародерства в русской армии, в борьбе с которым уже под Смоленском (см., напр., воспоминания Жиркевича) был беспомощен Барклай⁷ и которое лишь усиливалось в дальнейшем при Кутузове?⁸

Об этих бесчинствах в армии в свою очередь сообщает Ростопчин 19 сентября в таких словах: «Если наши крестьяне начнут драться с нашим солдатом (а я этого жду), тогда мы накануне мятежа, который непременно распространится по соседним губерниям, где раненые, беглые и новобранные полки также производят неурядицу».

Сопоставим «пышность» в обиходе некоторых вождей русской армии — и тем разительнее получится картина. Какой, наконец, скорбью и полной беспомощностью веет от такого, напр., лаконического донесения полкового

---

⁶ Историк Отечественной войны А. Попов, сопоставляя донесения Ростопчина с сообщением английского генерала Вильсона императору Александру, также от 15 сентября, где говорится, что армия «изобилует хлебом, мясом, водкою» и что ее состояние прекрасно, приписывает характеристику, сделанную Ростопчиным, его личному раздражению. В это время Ростопчин, негодуя на Кутузова, всеми средствами старался очернить фельдмаршала, отмечая его нераспорядительность («он спит, ест, ничего не делает и столь равнодушно взирает на бедственное положение армии, что нимало не принимает мер для перемен оного»). Однако указание Попова лишь отчасти справедливо: оно показывает, что Ростопчин, попав в «оппозицию», не считал уже нужным прикрашивать действительность, как он это делал, когда был у власти. Показания Ростопчина совпадают с указаниями многих современников. Напр., 12 сентября Виллие указывает Аракчееву, что причина умножения больных в армии «недостаток хорошей пищи и теплой одежды» (злосчастные «летние панталоны»). То же говорит и переписка Александра I с Кутузовым по поводу дезертирства и т. д.

⁷ «Войска, кои делают грабеж, не могут быть храбры», — говорится, напр., в приказе Барклая 22 июня.

⁸ Приказ 22 августа предписывает без пощады наказывать мародеров; 3 сентября предписывается расстреливать на месте всякого мародера, оказывающего сопротивление.

лекаря Красоткина по поводу положения транспорта раненых, отправленных из Калуги в Белев: «На многих рубашки или вовсе изорвались, или чрезвычайно черны... не переменяя другой целый месяц рубашки, на которую гнойная материя, беспрестанно изливаясь, переменяла даже вид оной» (Булычев. «Архивные сведения Отечественной войны 1812 г. по Калужской губ.»). Отсюда развитие эпидемий, «ужасающая» убыль людей (напр., из ополчения по Тарусскому уезду из 1015 человек вернулось лишь 85) и т. д. и т. д.

Таковы неисчислимые жертвы, принесенные русским солдатом в знаменательную эпоху на алтарь отечества⁹.

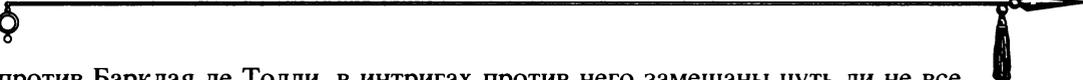
При самых невероятных условиях существования дух армии был силен сознанием, что она исполняет свой долг перед родиной. И вовсе не нужны были те искусственные меры возбуждения ложного патриотизма, которые практиковали деятели 1812 г., подобные гр. Ростопчину. Всякая ложь во всех случаях служит только ко вреду.

У этой армии были и даровитые вожди, которые, по словам генерала В.И. Левенштерна, одного из пострадавших от клеветы современников, «без сомнения, могли быть поставлены наравне с лучшими генералами наполеоновской армии». Среди них мы встретим людей беззаветной личной храбрости, каким был, напр., Багратион, павший при Бородине. Но среди них не было одного — не было единодушия, той необходимой солидарности, отсутствие которой не могут искупить ни личное геройство, ни личные боевые достоинства.

Русская армия с самого начала войны с Наполеоном была центром бесконечных интриг, соперничества, зависти и борьбы оскорбленного самолюбия. В этом, кажется, нет сомнений; это единодушное показание всех современников. Недаром гр. Шувалов в письме Александру (31 июля 1812 г.) указывает, что при таком положении в армии дело может быть потеряно «sans ressource». И в самом деле, еще в период похода 1805—1806 гг. обнаруживаются обостренные отношения между русскими военачальниками. Беннигсен интригует против Каменского, Буксгевден «из зависти» мешает Беннигсену, последний свои неудачи стремится свалить на другого, и по его представлению бар. Остен-Сакен предается военному суду. Начинается кампания 1812 г., и отношения обостряются еще более. Открывается поход

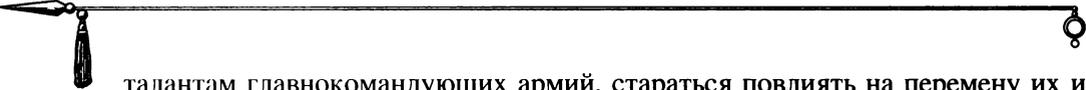
---

⁹ См. также мою статью «Русские под Данцигом» (из дневников кн. Д.М. Волконского). Напечатана в «Гол. Мин.» 1912, кн. 6.

против Барклая де Толли, в интригах против него замешаны чуть ли не все военачальники, начиная с Багратиона и Ермолова и кончая второстепенными флигель-адъютантами. Подкопы против Барклая достигают, в конце концов, своей цели: он вынужден передать главное командование Кутузову, а затем и совсем оставить армию. И тогда английский ген. Вильсон, находившийся в русской армии, выражает надежду, что вражда кончится и Беннигсен подчинится Кутузову. Но напрасны такие надежды. Беннигсен давно уже намечал себя в кандидаты на пост главноначальствующего. После взятия Смоленска, зная, какое отрицательное впечатление производят в обществе пререкания главнокомандующих (Барклая и Багратиона), как недовольно общество отступлением русской армии, Беннигсен спешит в Петербург, дабы предстать здесь «готовым кандидатом на пост главнокомандующего», но он опоздал и по дороге встречает Кутузова с повелением состоять при нем начальником штаба. С этого момента начинается длинная цепь интриг и жалоб на Кутузова со стороны Беннигсена в письмах к императору, Аракчееву и к частным лицам. Цель его — опорочить Кутузова, отметить его ошибки и все успехи приписать исключительно себе... «Борьба за начальство есть неискоренимая причина раздора», — должен пессимистически признать ген. Вильсон. И вскоре, 28 сентября, Вильсон пишет Александру: «Я должен просить, Ваше Величество, чтобы Вы благоволили прекратить, как можно поспешнее, примеры раздора». В конце концов, Беннигсен был удален из армии. Однако и тут интриги не кончились.

Уже сам Вильсон, ранее выдвигавший на пост главнокомандующего Беннигсена, порочит Кутузова, будучи недоволен тем, что фельдмаршал «не имеет иного желанья, как только того, чтобы неприятель оставил Россию, когда от него зависит избавление целого света». Армия «превратилась в интриги», как метко заметил Ростопчин, сам один из наиболее резких хулителей действий Кутузова после оставления Москвы. И понятно, что Кутузов получает от императора письмо с упреком в «бездействии». Допустим, что Кутузов делал тактические ошибки, мнимые или действительные. (Оценка деятельности Кутузова не входит в задачу этой статьи.) На эти ошибки указывал, между прочим, Барклай и старался исправить их настолько, насколько это зависело от него (при Бородине и при отступлении из Москвы). Понятно желание исправить замеченные ошибки; искренне можно было негодовать на хаотичность ведения дела при Кутузове, на что, как мы знаем, жалуются многие из современников; искренне можно было не доверять стратегическим

талантам главнокомандующих армий, стараться повлиять на перемену их и т. д.: оценка талантов всегда слишком субъективна, и, следовательно, критика и естественна, и законна. Но когда эта критика сводится к мелким подчас сплетням, как, напр., у Ростопчина, к явно нелепым доносам, к обвинению в измене, то это уже попросту интрига. Так было с Барклаем, так было отчасти и с Кутузовым, которого Вильсон в письме к лорду Каткарту упрекает в излишней любви к «французским комплиментам», в том, что Кутузов слишком «уважает сих хищников», т. е. французов¹⁰. (Почти то же повторяется и по отношению Беннигсена: последний «слишком склонен признавать французское правительство законным и прочным».)

С интригами на почве соперничества мы встречаемся слишком часто, чтобы можно было не говорить о их деморализующем влиянии даже на хороших генералов. Возьмем Коновницына, пользовавшегося славою «отменно храброго и твердого в опасности офицера» (отзыв ген. Ермолова в его записках), и, однако, этот офицер, проявив много «бесстрашия» под Витебском, игнорирует своими обязанностями, «негодую, что команду над войсками принял ген. Тучков». Витгенштейн из-за того же чувства «недоброжелательства» или из боязни поступить под команду Чичагова отказывается соединиться с армией главнокомандующего при Березине, начав «вымышленное им преследование войск короля баварского», затрудняет или даже совершенно лишает возможности Чичагова выполнить свою миссию. «Нет побуждающих причин, — замечает в своих записках ген. Ермолов, — говорить не в пользу гр. Витгенштейна, известного рыцарскими свойствами, предприимчивого на все полезное. Не соответствующие этому случайности могли принадлежать постороннему внушению». Но ведь тем более знаменательно, что интрига или «постороннее внушение» могли затронуть человека рыцарского характера...

И такие эпизоды вовсе были не единичны. И это тогда, когда армия стояла перед лицом врага, силу которого старик Кутузов в разговоре с Ермоловым оценивал в таких выражениях: «Если бы кто два или три года назад сказал мне, что меня изберет судьба низложить Наполеона, гиганта, страшившего всю Европу, я, право, плюнул бы тому в рожу». Почву для этих интриг в

---

¹⁰ Поводом послужили слова, сказанные будто бы Кутузовым Вильсону после сражения при Малоярославце: «Я несколько не полагаю, чтобы совершенное истребление Наполеона и его войск было таким благодеянием для вселенной. Наследство его достанется не России...»

значительной степени создавала та своеобразная и весьма сложная система руководства армией, которая принята была Александром после отъезда из армии под давлением известной записки, поданной Аракчеевым, Шишковым и Балашовым. Желая во что бы то ни стало сохранить руководство всем делом — ведь Александр мнил себя, как мы знаем, великим полководцем — и в то же время, по своему обыкновению, никому не доверяя, Александр окружил своих главнокомандующих особо доверенными лицами, которым было предоставлено право интимных донесений непосредственно императору. Получился, таким образом, своего рода шпионаж. При Барклае таким лицом был назначен Ермолов — к тому же враг Барклая; при Кутузове — Беннигсен; при Багратионе — Сен-При; при Чичагове — Чернышев и т. д. Если принять во внимание, что Александр весьма часто вмешивался непосредственно в командование, посылая распоряжения начальникам частей, минуя главное командование, то легко себе представить путаницу, которая получалась в армии. Сен-При, напр., наблюдал за Багратионом, а последний, считая своего «дядьку» почти что за наполеоновского шпиона, окружал его с своей стороны досмотрщиками. От взаимного контролирования, к которому стремился Александр, получалась лишь цепь бесконечных интриг. Откровенный Чичагов прямо написал Александру: «Если г. Чернышев останется здесь, то он должен воздержаться писать Вашему Величеству. Мне это ничего, но это вредит дисциплине — это дает орудие и надежды интриганам, которых везде вдоволь».

Многие из участников кампании 1812 г. пострадали незаслуженно от пышно расцветшей в русской армии интриги. Малейшая неудача сейчас же вызывала намеки на измену: так было, напр., с Чичаговым, которого ген. Ланжерон, участник березинского дела, не иначе именует, как «ангелом-хранителем Наполеона»¹¹.

Так было и с ген. Пфулем, которому, как писал Александр позже (в декабре 1813 г.), принадлежала инициатива в выработке плана кампании против Наполеона. После неудачи с Дрисским лагерем Пфуль оказался под подозрением у националистов. «Несчастливого Пфуля сразу проклинали изменником, так как московское общество очень расположено к подозрению и щедро на прозвища», — говорит Ростопчин, сам более всех других склонный к неосно-

---

¹¹ Чичагов вообще был большой поклонник революционной Франции (воспоминания Эделинг).

вательной подозрительности и повинный в интригах. Но, вероятно, более всех от этих интриг пострадал Барклай де Толли, один из наиболее выдающихся вождей русской армии в эпоху Отечественной войны.

БАРКЛАЙ ДЕ ТОЛЛИ и БАГРАТИОН

О вождь несчастливый! Суров был жребий твой:
Все в жертву ты принес земле, тебе чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
В молчанье шел один ты с мыслию великой.
И в имени твоём звук чуждый невзлюбя,
Своими криками преследуя тебя,
Народ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался над твоей священной сединою,
И тот, чей острый ум тебя и постигал,
В угоду им, тебя лукаво порицал...

Невольно вспоминаются эти пушкинские стихи. Сколько действительно драматизма в личности Барклая. Быть может, из всех вождей Отечественной войны он заслуживает наибольшей признательности со стороны потомства. Но не Барклай сделался народным героем 1812 г. Не ему, окруженному клеветой, достались победные лавры... А между тем он лучше всех понимал положение вещей; если не он предусмотрел спасительный план кампании¹², то он твердо и логично осуществлял его, пока был в силах, несмотря на злобные мнения вокруг. И его преемник должен был пойти по его пути. Не он виноват был в первых ошибках. Даже недоброжелательно настроенный к нему ген. Ермолов и тот должен снять ответственности за первые неудачные шаги с Барклая. «Не только не смею верить, — говорит Ермолов в своих “Записках”, — но готов даже возражать против неосновательного предположения, будто бы военный министр одобрял устройство укрепленного при Дриссе¹³ лагеря и, что еще менее вероятно, будто не казалось ему нелепым действие

---

¹² Возможность плана отступления была подсказана Александру I Бернадотом. Тот же план отстаивал ген. Пфуль.

¹³ По плану Пфуля.

М.Б. Барклай де Толли. Художник Дж. Доу

двух разобщенных армий на большом одна от другой расстоянии, и когда притом действующая во фланге армия не имела полных пятидесяти тысяч человек». Здесь уже приходилось умолкнуть перед решением высшей власти, т. е. перед вмешательством со стороны Александра, путавшего карты и подчас заставлявшего Барклая принимать те или иные военные операции, которые составлялись в тылу под наблюдением императора. И главнокомандующий должен был подчас в недоумении спрашивать, что будет делать армия в том или ином случае — так именно было в лагере под Дриссой.

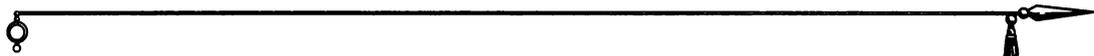

Во всяком случае, Барклай, судя по отзывам современников, был одним из лучших русских генералов, — человек знания и дела. Как ни бледна характеристика Барклая, сделанная Ермоловым в «Записках», но и она много говорит, если принять во внимание, что эта характеристика исходит от друга Багратиона, в свою очередь повинного в интригах и известного своею нелюбовью к «немцам». «Не принадлежа превосходством дарований к числу людей необыкновенных, он излишне скромно ценил свои способности», — пишет Ермолов. «Барклай — человек ума образованного, положительного, терпелив в трудах, заботлив о вверенном ему деле, равнодушен в опасности, недоступен страха. Свойств души добрых!». Отмечая другие свойства, Ермолов заключает: «Словом, Барклай де Толли имеет недостатки с большей частью людей неразлучные, достоинства же и способности, украшающие в настоящее время весьма немногих из знаменитейших наших генералов». Ермолов отмечает, что при всех хороших своих качествах Барклай страдал недостатком: «нетверд в намерениях, робок в ответственности... Боязлив перед государем, лишен дара объясняться. Боится потерять милость его»... Мы увидим дальше, что все факты опровергают эти последние черты, приписываемые Барклаю биографом. Независимость Барклая, которую как характерную черту его отмечает М.А. Фонвизин, много раз подтвердилась на деле и, быть может, в значительной степени и вызывала нелюбовь соратников и подчиненных.

Недаром очень злой в характеристике современников Логинов, секретарь Елисаветы Алексеевны, говорит, что «Барклай один стоял против всех бурь». «Барклай, выведенный из ничтожества Аракчеевым, который думал управлять им, как секретарем... показал, однако же, характер, коего Аракчеев не ожидал»... Он «ни на шаг не уступал ему, когда вступил в министерство»...

Если мы вспомним, как подобострастно относились почти все власть имущие к временщику, то поведёние «честного и тяжелого немца» еще резче выделится на общем фоне подобострастия. Барклай был человек дела, к тому же обладавший большой работоспособностью (ее отмечает и Ермолов).

Барклай «никогда не отдыхал, — рассказывает ген. Левенштерн, — работал даже ночью». Назначенный военным министром, он не подходил к общему тону придворной жизни, не разделял и вкусов тогдашней военщины. Человек образованный, еще будучи шефом егерского полка, он старался внушить подчиненным офицерам, что военное искусство далеко не заключается только в «изучении одного фронтового мастерства». Он боролся против господствовавшей тенденции «всю науку, дисциплину и воинский порядок

основывать на телесном и жестоком наказании» (знаменитый циркуляр военного министра 1810 г.). И этим он вызвал уже «злобу сильного своего предместника», т. е. Аракчеева, который «поставлял на вид малейшие из его (т. е. Барклая) погрешностей». Неожиданному возвышению Барклая завидовали, а он, «холодный в обращении», замкнутый в себе, «неловкий у двора», не думал снискивать к себе расположение «людей близких государю». Барклай не был царедворцем и по внешности. Вот как рисует его Фонвизин: «С своей холодной и скромной наружностью (Барклай), был невзрачный немец с перебитыми в сражениях рукою и ногою, что придавало его движениям какую-то неловкость и принужденность»...

Таким образом еще до войны вокруг Барклая скопилось много зависти, злобы и ненависти. Но император Александр ценил его, учитывая его заслуги во время шведской войны. «Вы развязаны во всех ваших действиях», — писал 30 июля 1812 г. с обычной своей неискренностью Александр, для которого скромный и сдержанный Барклай был предпочтительнее самомнительного и пылкого Багратиона.

И Барклай сознательно шел к поставленной цели, проявляя свою обычную работоспособность, показывая «большое присутствие духа» и «мудрую предусмотрительность» (Фонвизин).

Но вокруг него кипела зависть и борьба. «Всякий имел что-нибудь против Барклая, — вспоминает ген. Левенштерн, — сам не зная почему». Все действия главнокомандующего критиковались; без «всякого стеснения» обсуждались его «мнимые ошибки». Действительно, против Барклая в полном смысле слова составилась какой-то «заговор», и заговор очень внушительный по именам, в нем участвующим. Не говоря уже о таких природных интриганах, как Армфельт и свитских флигель-адъютантах, все боевые генералы громко осуждали Барклая — и во главе их Беннигсен, Багратион, Ермолов и многие другие. Такие авторитетные лица, как принц Ольденбургский, герцог Вюртембургский, великий князь Константин Павлович, командовавший гвардией, открыто враждовали с Барклаем. Было бы хорошо, если бы дело ограничивалось тайными письмами, в которых не щадили «ни нравственный его (Барклая) характер, ни военные действия его и соображения». Нет, порицали открыто, не стесняясь в выражениях, лицемерно чуть ли не обвиняя его в измене. В гвардии и в отряде Беннигсена сочинялись и распространялись насмешливые песни про Барклая. Могла ли при таких условиях армия, не понимавшая действий главнокомандующего, верить в его авторитет, сохранять к нему уважение и любовь? Игру вели

на фамилии, на «естественном предубеждении» к иностранцу во время войны с Наполеоном. Любопытную и характерную подробность сообщает в своих воспоминаниях Жиркевич: он лично слышал, как великий князь Константин Павлович, подъехав к его бригаде, в присутствии многих смолян утешал и поднимал дух войска такими словами: «Что делать, друзья! Мы невиноваты... Не русская кровь течет в том, кто нами командует... А мы и болеем, но должны слушать его. У меня не менее вашего сердце надрывается»... «Представить не можешь, — писал, напр., ген. Дохтуров своей жене, — какой это глупый и мерзкий человек Барклай».

Вследствие этого терялось, конечно, и уважение к Барклаю в обществе. «Не можешь вообразить, как все и везде презирают Барклая», — писала, например, своей подруге из Тамбова 27 августа известная Волкова.

Какой действительно трагизм! Полководец «с самым благородным, независимым характером, геройски храбрый, благодушный и в высшей степени честный и бескорыстный» (так характеризует Барклая декабрист Фонвизин), человек, беззаветно служивший родине и, быть может, спасший ее «искусным отступлением, в котором сберег армию», вождь, как никто, заботившийся о нуждах солдат, не только не был любим армией, но постоянно заподозривался в самых низких действиях. И кто же виноват в этой вопиющей неблагодарности? Дикость черни, на которую указывает Пушкин, или те, кто сознательно или бессознательно внушал ей нелюбовь к спасавшему народ вождю?

Надо было проявить много твердости, чтобы парализовать тот «дух происков» в армии, на который жаловался Барклай в своем «Изображении военных действий 1-й армии в 1812 г.». Он проявил достаточную независимость, выслав в Петербург нескольких царских флигель-адъютантов, находившихся в главной квартире. Он не остановился перед удалением из армии цесаревича Константина, признав присутствие его в армии «бесполезным»: Константин Павлович из Дорогобужа был отправлен с депешами к государю и был чрезвычайно оскорблен навязанной ему ролью фельдъегеря. Но Барклай буквально был окружен недоброжелателями. Он знал о ропоте солдат. Он знал, что победа примирила бы его с армией. Но, как должен признать Ермолов, «обстоятельства неблагоприятны были главнокомандующему и не только не допускали побед, ниже малых успехов». А поражение нанесло бы непоправимую уже брешь.

Но почему же Барклай, окруженный такой нелюбовью, сам не сложил с себя звания главнокомандующего? И не честолюбие, очевидно, играло здесь

роль — Барклай слишком страдал от окружавшей его неприязни, чтобы не принести в жертву свое честолюбие, как полководца. Здесь, может быть, в высшей степени проявилась его твердость — русские военачальники на первых порах слишком все пылали стремлением одерживать победы, слишком самоуверенно смотрели вперед, мало оценивая всю совокупность «неблагоприятных обстоятельств» и опасность положения. И может быть, было бы большим несчастьем для России, если бы командование перешло к пылкому и самонадеянному Багратиону, который и по чинам, и по положению в армии имел все шансы сосредоточить его в своих руках.

Барклай и Багратион были люди совершенно различного темперамента. Ужиться им было слишком трудно. Пылкость и горячность Багратиона мало подходила к уравновешенности Барклая. Багратион был «неподражаем в своих мгновенных вдохновениях», — говорит Фонвизин. Это «рожденный чисто для воинского дела человек», по отзыву декабриста Волконского. «Отец, генерал образу и подобию Суворова» (Ростопчин). Но при всех этих качествах Багратион был человек «не высоко образованный», как отмечают в один голос все его друзья. И в этом отношении он должен был уступить Барклаю. «Одаренный от природы счастливыми способностями, остался он без образования и определился в военную службу, — пишет Ермолов. — Все понятия о военном ремесле извлекал он из опытов, все суждения о нем — из происшествий, по мере сходства их между собою, не будучи руководим правилами и наукою и впадая в погрешности»...¹⁴ «Если бы Багратион, — добавляет Ермолов, — имел хоть ту же степень образованности, как Барклай де Толли, то едва ли бы сей последний имел место в сравнении с ним». Но именно этой «образованности» у Багратиона не было. Поэтому

---

¹⁴ Вот еще несколько черт для характеристики Багратиона, сообщаемых Ермоловым: «Неустрасим в сражении, равнодушен в опасности. Не всегда предприимчив, приступая к делу, решителен в продолжение его. Неутомим в трудах. Блюдет спокойствие подчиненных; в нужде требует полного употребления сил. Отличает достоинство, награждает соответственно. Нередко, однако же, преимущества на стороне тех, у кого сильные связи, могущественное у двора покровительство. Утонченной ловкости перед государем, увлекательно лестного обращения с приближенными к нему. Нравом кроток, несвоеобычлив, щедр до расточительности. Не скор на гнев, всегда готов на примирение. Не помнит зла, вечно помнит благодеяния»... Подчиненный, «почитая за счастье служить с ним, всегда боготворил его. Никто из начальников не давал менее чувствовать власть свою».

*Генерал от инфантерии князь Багратион.
С французской гравюры*

Барклай, имея более Багратиона «познаний в военных науках, — по словам Фонвизина, — мог искуснее его соображать высшие стратегические движения и начертать план военных действий». Одним словом, Багратион был, несомненно, хорошим боевым генералом, человеком большого энтузиазма и личного геройства. Быть может, все это хорошие качества для полководца, но не в тот момент и не при тех условиях, в каких находилась Россия в начале кампании 1812 г.

Отличаясь «умом тонким и гибким», по отзыву Ермолова, Багратион, к сожалению, не проявил этих качеств в отношении к Барклаю. Быть может, причину этого и было отсутствие образования. Слишком непосредственно отдаваясь своим чувствам и не вдумываясь в положение вещей, Багратион был один из самых горячих противников Барклая. Но для него есть одно

оправдание — по-видимому, он был искренен в своих суждениях, тем более что он не был осведомлен достаточно об общем плане.

Стоит прочесть несколько писем Багратиона с поля брани, чтобы понять психологию противника Барклая. У него много самонадеянности, пожалуй, даже хвастливости, как это часто бывает у людей, не получивших образования. Он откровенно признается Ермолову в письме от 6 июля: «Я не понимаю ваших мудрых маневров. Мой маневр — искать и бить!» «Военная система, — писал на другой день Багратион Александру, — по-моему, та: кто рано встал и палку в руки взял, тот и капрал». Исходя из тезиса, что «русский и природный царь должен наступательный быть и что русские не должны бежать» (в письме к Аракчееву), Багратион весьма презрительно относится к силам неприятеля. «Чего нам бояться? — пишет он Александру. — Неприятель, собранный на разных пунктах, есть сушая сволочь». «Божусь вам, — пишет он же Ростопчину, — неприятель дрянь, сами пленные и беглые божатся, что, если мы пойдем на них, они все разбегутся».

Мы приведем еще несколько последовательных выдержек из писем Багратиона императору, Аракчееву, Ростопчину и Ермолову, в которых так ярко выступает наивность Багратиона, его самоуверенность, а иногда и отчаяние, что его не слушают.

«За что вы срамите Россию и армию? — пишет он Ермолову в июле, в начале кампании. — Наступайте, ради бога! Ей-богу, неприятель места не найдет, куда ретироваться. Они бояться нас... Нет, мой милый, я служу моему природному государю, а не Бонапарте. Мы проданы, я вижу; нас ведут на гибель; я не могу равнодушно смотреть. Уже истинно еле дышу от досады, огорчения и смущения. Я, ежели выберусь отсюда, тогда ни за что не останусь командовать армиею и служить: стыдно носить мундир, ей-богу, и болеть. А ежели наступать будете с первой армиею, тогда я здоров. А то что за дурак? Министр сам бежит, а мне приказывает всю Россию защищать... Если бы он был здесь, ног бы своих не выдрал, а я выйду с честью и буду ходить в сюртуке, а служить под игом иноверцев-мошенников — никогда!.. Ох, жаль, больно жаль России! Я со слезами пишу прощай, я уже не слуга. Выведу войска на Могилев, и баста! Признаюсь, мне все омерзело так, что с ума схожу... Наступайте! Ей-богу, оживим войска и шапками их закидаем. Иначе будет революция в Польше и у нас»... «Ради бога, не срамитесь, наступайте, а то право куда стыдно мундир носить: право, скину, — пишет Багратион Ермолову вновь через несколько дней. — Мне одному их бить

невозможно»... «Никого не уверишь ни в армии, ни в России, — пишет Багратион в то же время Аракчееву, — чтобы мы не были проданы». «Я один защищать России не могу». «Я никак вместе с министром не могу, — пишет он тому же лицу 29 июля. — Ради бога, пошлите меня куда угодно»... «Я клянусь вам моей честью, — сообщает он 7 августа, — что Наполеон был в таком мешке, как никогда, и он мог бы потерять половину армии, но не взять Смоленска». Самоуверенность Багратиона в письме к Ростопчину 14 августа идет еще дальше: «Без хвастовства скажу вам, что я дрался лихо и славно. Господина Наполеона не токмо не пустил, но ужасно откатал»... «Если бы я один командовал... пусть меня расстреляют, если я его в пух не расчешу». Но как неверны были расчеты Багратиона, показывает его письмо от 8 августа, где он уверяет Ростопчина, что ныне «столица обеспечена»... Порицая образ действий Барклая, Багратион не стесняется в отзывах. «Ваш министр, — пишет он Аракчееву, — может хороший по министерству, но генерал не то, что плохой, но дрянной, и ему отдали судьбу всего отечества». Барклай «не имеет вожделенного рассудка или лисица», характеризует он своего соперника в письме Ростопчину. Указывая на себя в письме Александру, он замечает: «Иноверцы¹⁵ не могут так усердно служить»... Наконец, Барклай не только изменник, но и «иллюминатус».

Наивность и искренность, в которые Багратион облакал свои выступления против Барклая, служат оправданием для личности Багратиона, геройски павшего на поле брани. Но если личные его подвиги давали высокие примеры бесстрашия и мужества, то бестактные поступки против Барклая не могли не иметь деморализующего влияния. А между тем именно Багратион при своем влиянии в армии мог быть лучшей опорой Барклая. Барклай ценил достоинство Багратиона, щадил его самолюбие, когда последнему, несмотря на старшинство в чинах, связи при дворе и огромную популярность в армии, пришлось при соединении под Смоленском двух армий стать в подчинение к Барклаю. Такт Барклая проявился уже в том, что он лично поехал навстречу Багратиону.

---

¹⁵ «Националисты» 1812 г. усердно распространяли такое мнение в общественных кругах. Любопытно привести отзыв по этому поводу современника, небезызвестного Греча: «Отказаться от участия иностранцев было то же, что по внушению патриотизма не давать большому хины, потому что она растет не в России»... «Да и чем лифляндец Барклай менее русский, нежели грузин Багратион. Скажут: этот православный, но дело идет на войне не о происхождении Св. Духа».

Однако поведение Багратиона способно было вывести из терпения и всегда спокойного Барклая. Если верить рассказам очевидцев, в армии происходили бесподобные сцены: дело доходило до того, что главнокомандующие в присутствии подчиненных «ругали в буквальном смысле» один другого. «Ты немец, тебе все русские нипочем», — кричал Багратион. «А ты дурак и сам не знаешь, почему себя называешь коренным русским», — отвечал Барклай. Можно ли в таких условиях говорить о какой-либо солидарности в действиях, являвшейся одним из главных залогов успеха...

Обострение отношений между главнокомандующими, непосредственность их взаимоотношений (Багратион фактически должен был подчиниться Барклаю, а между тем армия его продолжала составлять отдельное целое с особым штабом и т. д.), сознание необходимости объединить армии всецело в одних руках привело к назначению Кутузова.

Как отнеслись к этому факту Барклай и Багратион? Любопытное замечание по этому поводу делает в своих записках Ростопчин, как мы знаем уже, благожелательно настроенный к Багратиону. «Барклай, — сообщает он, — образец субординации, молча перенес уничтожение, скрыл свою скорбь и продолжал служить с прежним усердием. Багратион, напротив того, вышел из всех мер приличия и, сообщая мне письмом о прибытии Кутузова, называл его мошенником, способным изменить за деньги». Правда, А.Н. Попов не без основания указывает¹⁶, что последний отзыв может быть заподозрен в правдивости, так как записки Ростопчина, писанные много лет позже событий 1812 г., далеко не всегда являются надежным источником, Ростопчин излагает в записках некоторые события уже не так, как они рисовались ему в момент действия. И вероятно, резкие слова, приписанные Багратиону и являющиеся отчасти отзвуком недоброжелательного отношения самого Ростопчина к Кутузову, должны быть сильно смягчены. Но можно думать, что в них есть и доля правды.

При своей излишней прямолинейности, Багратион мог сгоряча сказать что-нибудь весьма резкое, так как, надеясь получить место главнокомандующего, Багратион отрицательно относился к Кутузову. Человек, как мы видели, весьма самонадеянный, Багратион думал, что он один может спасти Россию, что он один достоин вести войска к победе над Наполеоном. Багратион, конечно, знал, что многие указывали на него как на заместителя Барклая.

---

¹⁶ Рус. арх., 1875. IX. 17.

«Впоследствии я узнал, — говорит Ростопчин в своих записках, — что Кутузову было поручено многими из наших генералов просить государя сместить Барклая и назначить Багратиона». Не показывает ли это, что честолюбие и соперничество являлось и у Багратиона стимулом выступлений против Барклая? Недаром Ермолов, в ответ на жалобы Багратиона, и тот должен был устыдить его: «Вам, как человеку, боготворимому подчиненными, тому, на кого возложена надежда многих и всей России, обязан я говорить истину: да будет стыдно вам принимать частные неудовольствия к сердцу, когда стремление всех должно быть к пользе общей; это одно может спасти погибающее отечество наше!.. Принесите ваше самолюбие в жертву погибающему отечеству нашему, уступите другому и ожидайте, пока не назначат человека, какого требуют обстоятельства»...

Барклай безропотно подчинился и «в полковых рядах сокрылся одиноко». Самолюбие Барклая должно было страдать ужасно. Его заместитель явился с обещанием «скорее пасть при стенах Москвы, нежели предать ее в руки врагов». И должен был последовать, в конце концов, плану Барклая. На военном совете после Бородина, когда Барклай первый высказал мысль о необходимости отступления, Кутузов, по словам Ермолова, «не мог скрыть восхищения своего, что не ему присвоена будет мысль об отступлении». И здесь постарались набросить тень на Барклая. Кутузов, желая сложить с себя ответственность, указывал в своем донесении, что «потеря Смоленска была преддверием падения Москвы», не скрывая намерения, говорит Ермолов, набросить невыгодный свет на действия главнокомандующего военного министра, в котором и не любящие его уважали большую опытность, заботливость и отличную деятельность. Ведь записки писались, когда острота событий прошла¹⁷.

---

¹⁷ Записки Ростопчина могут служить еще раз примером того, как впоследствии современники вольно или невольно изменили свои взгляды на людей и события. В «Записках» Ростопчин очень тепло отзывался о Барклае, признавал за ним все хорошие качества полководца и отдавал ему несомненное предпочтение перед Багратионом. «Барклай — пишет Ростопчин, — был человек честный, благоразумный, методический... У него не было других забот, как сохранить армию... Он отличался необыкновенной храбростью и часто удивлял своим хладнокровием... Багратион, обладая многими дарованиями для того, чтобы быть хорошим генералом, был слишком необразован для того, чтобы быть главнокомандующим. Он очень хвастался тем, что был ученик и любимец Суворова. Он хотел непременно драться... и если бы он начальствовал войсками... может быть, погубил их»... А между тем в начале кампании

На Бородинском поле Барклай проявил свою обычную предусмотрительность и энергию. Быть может, и не совсем скромно было со стороны Барклая писать своей жене: «Если при Бородине не вся армия уничтожена, я — спаситель», то все же это более чем понятно, когда заслуги Барклая в этот момент явно не желали признавать. Барклай, уже лишившись главного командования, продолжал чувствовать к себе недоверие. Терпеть создавшееся двойственное положение было для Барклая слишком тяжело. И он искал смерти на поле битвы.

Там, устарелый вождь, как ратник молодой,
Свинца весёлый свист слышавший впервой,
Бросался ты в огонь, ища желанной смерти, —
Вотще!...

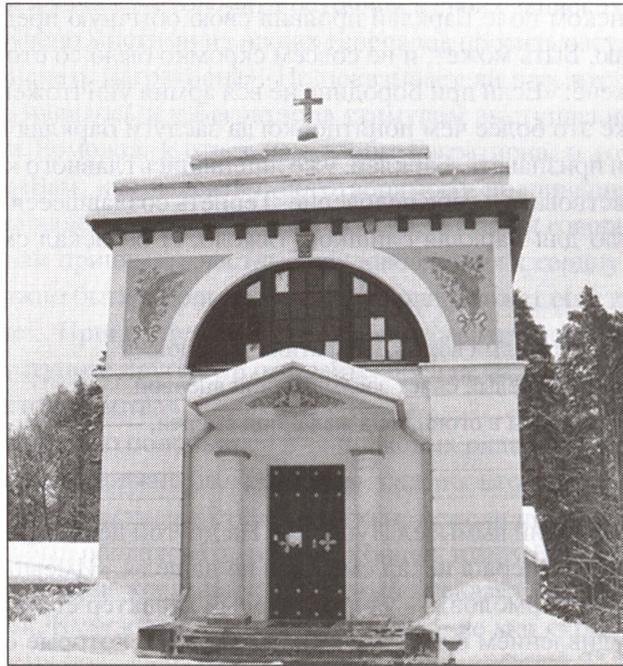
Это не поэтический вымысел Пушкина. На другой день Бородина Барклай сказал Ермолову: «Вчера я искал смерти и не нашел». «Имевший много случаев, — добавляет Ермолов, — узнать твердый характер его и чрезвычайное терпение, я с удивлением видел слезы на глазах его, которые он скрыть старался. Сильны должно быть огорчения».

Откровенные мнения Барклая о «беспорядках в делах, принявших необыкновенный ход», не нравились Кутузову. И в конце концов Барклай (22 сентября) совсем оставил армию. «Не стало терпения его, — замечает Ермолов. — Видел с досадою продолжающиеся беспорядки, негодовал за недоверчивое к нему расположение, невмешательство к его представлениям»... Выступая с критикой, Барклай поступил честнее всех других. Он откровенно высказал в письме Кутузову все те беспорядки, которые господствовали в армии. «Во время решительное, — писал он, — когда грозная опасность отечества вынуждает отстранить всякие личности, вы позволите мне, князь, говорить вам со всею откровенностью»...

Но еще с большей откровенностью высказался он в письме императору Александру 24 сентября, т. е. тогда, когда решение оставить армию было

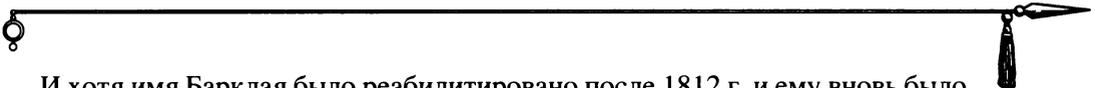

1812 г. Ростопчин совсем по-другому относился к деятельности Барклая; лучшим свидетельством является его письмо Александру 23 июля: «Москва и войска в отчаянии от бездействия и слабости военного министра, который совершенно подчинился Вольцогену. В главной квартире спят до десяти часов утра».

Часовня в память М.Б. Барклая де Толли

принято им уже окончательно. «Я умоляю, Ваше Величество, — писал Барклай, — сделать мне это благодеяние, как единственную милость, которую прошу для себя... Я не нахожу выражений, чтобы описать ту глубокую скорбь, которая тяготит мое сердце, когда я нахожусь вынужденным оставить армию, с которой я хотел и жить и умереть. Если бы не болезненное мое состояние, то усталость и нравственные тревоги должны меня принудить к этому. Настоящие обстоятельства и способы управления этой храброй армией ставят меня в невозможность с пользой действовать для службы»... И Барклай очень резко отзывается об армии, находящейся под управлением неопытных лиц, причисленных к «свите двух слабых стариков, которые не знают другого высшего блага, как только удовлетворение своего самолюбия, из которых один, довольный тем, что достиг крайней цели своих желаний, проводит время в совершенном бездействии и которым руководят все молодые люди, его окружающие; другой — разбойник, которого присутствие втайне тяготит первого»... Высказав все накопившееся чувство негодования, Барклай ушел...

И хотя имя Барклай было реабилитировано после 1812 г. и ему вновь было поручено командование армией; хотя и памятник ему поставлен рядом с Кутузовым, но все же не Барклай вошел в историю с именем народного героя Отечественной войны. А, быть может, он более всех заслужил эти лавры.

РОСТОПЧИН — МОСКОВСКИЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ¹⁸

По словам современника Евреинова, никогда в Москве так не веселились, как в 1811 году¹⁹. Московским обывателям не верилось, чтобы «французы подумали напасть на Россию», как сообщает из Москвы Поздеев А.К. Разумовскому. Несмотря на все старания литературных французоненавистников, веселящаяся Москва довольно равнодушна к их обличениям и колкой сатире. Одним словом, Москва еще очень далека от «патриотического возбуждения». Зато «бессмертные московские», как именует Ростопчин в письме Александру московских отставных вельмож, не прочь поиграть в оппозицию. Фрондерство — это специфическое явление Москвы, которое отметила еще в 1806 г. мисс Вильмот, компаньонка кн. Дашковой: «Все те, кто ныне не в милости, фрондируют». «Москва, — пишет Вильмот, — это государственные политические Елисейские Поля России».

Среди этих фрондирующих московских дворян, находящихся «не в милости», долгое время числится и гр. Ростопчин, популярный в Москве за свои «острые и забавные выходки». Через тверской салон вел. кн. Екатерины Павловны Ростопчин делает свою новую карьеру. Самолюбивому Александру самозваный Ростопчин был «глубоко антипатичен»²⁰. В этом нет никаких сомнений. И по словам А.Я. Булгакова, одного из московских друзей Ростоп-

---

¹⁸ Впервые напечатано в издании «Отечественная война и русское общество».

¹⁹ *Евреинов М.* Память 1812 г. («Рус. арх.», 1874. I).

²⁰ Segur «Vie de Rostopchine». Александр не любил непрошенных советчиков, в числе которых, как мы знаем, пытался выступить с 1806 г. вождь русских «националистов» Ростопчин. Очень чутко относящийся к малейшим намекам на свое воцарение, Александр не забывал и фразы Ростопчина, сказанной одной из родственниц: «Бог не может покровительствовать войскам плохого сына».

чина, Александр долгое время отклонял предложение Екатерины Павловны о назначении Ростопчина московским генерал-губернатором. В ответ на настойчивые предложения тверского кружка Александр будто бы приводил аргумент, что Ростопчин, «состоя в звании обер-камергера, в гражданской службе не может занять место, требующее военного мундира», на что Екатерина Павловна возражала: «Mais c'est une affaire du tailleur»²¹. Но так или иначе, уже в феврале 1812 г. Ростопчин получает новое назначение (официально указ последовал в Вильно 24 мая).

В сущности, на нового главнокомандующего возлагается определенная задача: возбудить в Москве перед войной патриотическое настроение и прежде всего возжечь «в сердцах» дворянства любовь к императору, «совсем почти погасшую», как выражался Ростопчин в письме Александру 17 декабря 1806 г. «Скажите Ростопчину, — писала Екатерина Павловна А.П. Оболенскому, — [что он] должен воспламенить дворянство...». Ему стоит только «указать на опасность, в каком находится отечество и на народное значение этой войны».

Перед Ростопчиным и другая задача, помимо примирения правительства с фрондирующим дворянством, — борьба с внутренней крамолой, борьба с опасной сектой «мартинистов» и русских «якобинцев». Уничтожить дворянскую «фронду» весьма легко. Еще в декабрьском письме 1806 г. Ростопчин указывает простое средство. Ведь «сие знаменитое сословие, одушевленное духом Пожарского и Минина, жертвует всем отечеству и гордится лишь титулом Россиян». Но «все сие усердие... обратится в мгновение ока в ничто, когда толк о мнимой вольности подымет народ на приобретение оной истреблением дворянства, что есть во всех бунтах и возмущениях единая цель черни». Вопрос о «мнимой вольности» сошел уже со сцены, либерализму перед 12-м годом была дана окончательная отставка. И следовательно, здесь задача Ростопчина упрощалась — оставалось только указать на «опасность», грозившую дворянству, на необходимость самообороны и пожертвований во имя сохранения status quo. Большей энергии требовала борьба с опасной политической партией — союзом «мартинистов», рисовавшимся в фантастических построениях гр. Ростопчина в виде какого-то таинственного заговора, сосредоточием которого являлась Москва. Ростопчину, по собственному признанию, «приходилось слышать страшные слова», и он убежден, что при

---

²¹ «Но это дело портного» (*франц.*).

малейшем волнении в народе «лицемеры-мартинисты явятся открытыми злодеями. Они притворяются смиренниками, чтобы возбуждать беспорядки». Сюда и должна быть направлена наибольшая энергия облеченного монаршим доверием нового «московского властелина».

Он явился в Москву гордый сознанием, что ему поручена великая миссия спасения Отечества. Крепостник и реакционер по убеждениям, фанатически враждебный к Франции как к носительнице революционных идей и к Наполеону как к порождению той же революции, человек неумный, чрезвычайно плоский в своих островах и шутках, не только на словах, но и на деле, Ростопчин должен был ознаменовать свою деятельность грубым самодурством и произволом²². Этот донкихот реакции создавал фантом революции, с которым боролся во имя саморекламы и самовосхваления. Человек в высокой степени неискренний, любивший позировать и оригинальничать, Ростопчин каждому своему действию, каждому своему выступлению придавал пышную внешнюю инсценировку. В каждом его поступке слышится нота фальши. Он с нее начал и в момент вступления на пост московского главнокомандующего. В Москве Ростопчин должен показать пример патриотического служения, «полезный в нынешних обстоятельствах». И он просил при назначении его в Москву «жалованье определить очень большое для того, что на первой почте я напишу письмо к министру полиции с просьбой, что на все время войны я служу без жалованья». И по приезде в Москву он прежде всего хочет «бросить пыль в глаза». С этой целью, по собственному признанию, в день вступления в должность «велел отслужить молебен перед всеми чудотворными иконами, которые весьма почитает народ». «Двух дней» оказалось достаточным Ростопчину, чтобы таким путем «бросить пыль в глаза». Таково его личное признание.

Удалось ли это ему в действительности? Если от назначения Ростопчина и были в восторге такие лица, как Багратион, видевший в Ростопчине олицетворение истинно русского начала и относившийся поэтому к нему с «обожани-

---

²² В своей шуточной автобиографии «Жизнь Ростопчина, списанная с природы в десять минут» довольно верно сам определил свое самодурство: «Я был упрям, как лошак, капризен, как кокетка, весел, как дитя, ленив, как сурок, деятелен, как Бонапарте; но все это — когда и как мне вздумается». И далее: «Голова моя была разрозненная библиотека, в которой никто не мог добиться толку и ключ к которой был только у меня». Здесь Ростопчин, пожалуй, ошибался — ключа от головы не было и у него самого.

*Граф Ф.В. Ростопчин.
Гравюра И.-С. Клаубера*

ем»; если это назначение приветствовали искренние и наивные «патриоты», вроде С.Н. Глинки, готового противопоставлять Ростопчина Наполеону²³ и тем доставлявшего, конечно, огромное удовлетворение самолюбивому графу, то общее впечатление от назначения скорее было не в пользу Ростопчина. В Москве были удивлены, увидев балагура-вельможу в роли «московского властелина». Современник Бестужев-Рюмин это впечатление передает в таких характерных словах: «Признаюсь откровенно, что лишь только я узнал о сей перемене начальства (т. е. о назначении вместо Гудовича Ростопчина), сердце у меня облилось кровью; как будто я ожидал чего-то очень неприятного». И конечно, он был совершенно прав, так как Ростопчин был уже известен как представитель того боевого национализма, который в конце концов неизбежно приводил к пробуждению самых низменных шовинистических чувств, самых дурных инстинктов в некультурных массах.

---

²³ В эпоху французолюбия Ростопчина (в 1800 г. Р. был сторонником союза с Францией против Англии) придворные льстецы, как свидетельствует Чарторижский, также любили Ростопчина сравнивать с Наполеоном — это два человека современности.

Дух патриотизма Ростопчина, как нельзя лучше, охарактеризовал К.Н. Батюшков, сказавший еще по поводу «Мыслей на Красном Крыльце» и литературной деятельности Глинки: «Любить отечество должно... но можно ли любить невежество?» Московский барин, державший француза-повара, изъяснявшийся и переписывавшийся только на французском диалекте, понимал проявление патриотизма в виде самых грубых выходок. Ростопчинские друзья, съютившиеся в его московской гостиной, приходили в восторг от «заванных» выходок своего покровителя. Правда, проявления этого острого ума были довольно трафаретны. Булгаков не без удовольствия рассказывает, как однажды он принес лубочный портрет Наполеона и Ростопчин тут же написал на нем площадное двустишие. Он же передает о горячих спорах Ростопчина с женой из-за того, что московский главнокомандующий поместил дорогой бронзовый бюст Наполеона в совершенно неподходящем месте. Жена Ростопчина — католичка — протестовала, так как Наполеон был коронованной особой, помазание над которым совершал сам римский первосвященник. Но Ростопчин ни за что не хотел уступить жене...

Таково было убогое остроумие знаменитого московского патриота. Неужели в этом проявлялся действительный ум?²⁴ Нет ничего удивительного, что многие из друзей Ростопчина восторгались этими буффонадами — ко многим из таких друзей вполне может быть применено замечание Батюшкова: «Самый Лондон беднее Москвы по части нравственных карикатур...»

Небезынтересно для личной характеристики Ростопчина отметить тот факт, что назначение его встретило несомненное сочувствие в среде московских иезуитов. «Перемена губернатора, — писал аббат Сюрюг, — будет для нас выгодна. Я имел случай представиться ему и был им принят хорошо. Обещание графа оказывать нам особенное покровительство дает самые счастливые надежды». Можно было бы подумать, что здесь косвенно оказывала влияние на московского патриота его жена — католичка. В действительности дело обстояло проще. У гр. Ростопчина, как мы могли уже убедиться, отнюдь не было какой-либо органической ненависти к иностранцам. Его узкий национализм был наносного происхождения, в значительной мере позой. Он ненавидел только свободомыслие, проявление которого заподозривал и там, где его не могло быть. И здесь, в отцах иезуитах, он находил и несомненных

---

²⁴ «Мелкое ничтожество» — таков отзыв о Ростопчине кн. А.Б. Лобанова-Ростовского.

помощников по политическому сыску, и врагов ужасных — «мартинистов». Отсюда вытекала и возможность «особенного покровительства» иезуитам со стороны Ростопчина.

Таков был Ростопчин в интимной обстановке, таковы же были и внешние проявления его власти как начальника Москвы. Деятели, подобные Ростопчину, не понимали, а может быть, и не могли понять, что здоровый патриотизм не нуждается в искусственных прививках, что он сам естественно заложен в народных чувствах. Они ставили своей целью взвинтить народное настроение, действуя на суеверные чувства, возбудить бессознательную ненависть к французам и тем подвинуть народ на «патриотические» подвиги. В 1812 г. это было в моде. Нашелся даже ученый, дерптский профессор Гецель, который, истолковывая два места из Апокалипсиса, в числе зверином открыл имя антихриста — Наполеона. Свое изыскание он предложил Барклаю распечатать «для усугубления бодрости духа русского воинства». Синод следовал по тому же пути, и в том же духе действовал гр. Ростопчин, старавшийся разбудить человеконенавистнические чувства в своих подчиненных. Но надежда на разнузданность толпы — надежда, чреватая последствиями. И в конце концов деятельность гр. Ростопчина привела к самым печальным результатам.

Эта деятельность, как мы знаем, направленная в три стороны (привлечение дворянских сердец, борьба с революцией и подъем народного патриотизма), естественно, была тесно связана с ходом событий на театре военных действий, от которого зависела агрессивность ростопчинской политики.

Когда враг был еще далеко, Москва отнюдь не проявляла того «патриотического» возбуждения, которое хотелось видеть Ростопчину, принявшему на себя миссию спасителя Отечества. Московское общество скорее негодовало, что правительство легкомысленно втянулось в войну.

Императора, по словам Ростопчина, прямо обвиняли в том, что он причина близкой гибели России, потому что не хотел предупредить или избежать третьей войны с противником, который уже дважды победил его.

Московское простонародье на первых порах также не проявляло большого воинственного пыла. Достаточно припомнить знаменитую сцену, разыгравшуюся 12 июля в Кремле. По случаю молебствия Кремль набит народом. Вдруг по толпе пронесся слух, что запирают ворота и будут брать каждого силою в солдаты. В несколько минут, рассказывает очевидец, ростовский городской голова Маракуев, Кремль опустел. Это, конечно, был вздорный слух,

но москвичи прекрасно знали, что гр. Ростопчин, которому было поручено образование военной силы в Московском округе, не остановится перед самыми вопиющими мерами насилия. Они знали, что мещане и господские люди, взятые в смиренный и рабочий дом за пьянство и распутство, забираются в рекруты, что еще 28 июня, по просьбе Ростопчина, ему разрешено зачислять в армию нижними чинами за «проступки» всех «не имеющих ремесла, офицеров и нижних классов чиновников празднующихся» («Письмо Балашова к Ростопчину»). Отсюда так легко могла возникнуть паника. Припомним еще один характерный эпизод, происшедший в имении старика Свербеева. Воспылав воинственным пылом, семидесятилетний Свербеев собрал своих «Богом и государем данных подданных» и предложил им «идти против врага, замыслившего в сатанинской своей гордости разорить нашу веру и покорить себе нашу милую родину». Однако его ждало большое разочарование — нашелся всего один охотник. Здесь сказался простой «здравый смысл», как замечает в своих воспоминаниях Д.Н. Свербеев. Крестьяне, «еще до объявления им моим отцом, предугадали, что будет большой набор, и тут же заговорили: «Из чего же нам идти в охотники? Кто похочет, тот и пойдет, когда будут набирать, а то, пожалуй, охочие найдутся, а положенных возьмут без замину...» Ростопчин, конечно, подобные инциденты объяснял исключительно поисками зловредных «мартинистов», которых со всем усердием стал разыскивать по Москве. «Если к несчастью вашему, — назойливо пристаёт Ростопчин к Александру, — жестокому врагу удастся поколебать верность ваших подданных, вы увидите, государь, что мартинисты тогда обнаружат свои замыслы... и если у вас не останется решимости, то русский престол будет отнят у вас и вашего рода». Для Ростопчина здесь только средство устрашения Александра, к которому он прибегал постоянно и не в меру. В действительности же по отношению к «мартинистам» это была ловля призраков, созданных воображением гр. Ростопчина и донесениями окружающих его шпионов.

В число «мартинистов» и «якобинцев» Ростопчин зачислял всех, кто только позволял себе высказывать какое-либо неодобрительное суждение по поводу мероприятий главнокомандующего. В частности, Ростопчин «мартинистами» именовал небольшой достаточно реакционный кружок московских масонов во главе с Лопухиным, Ключаревым, Кутузовым и Поздеевым... Не давал ему покоя и мирно доживающий старость в своем с. Авдотьино Новиков, над которым Ростопчин учредил через бронницкого капитана-исправника полицейскую опеку. Верил ли сам Ростопчин в те страхи, которые он старательно

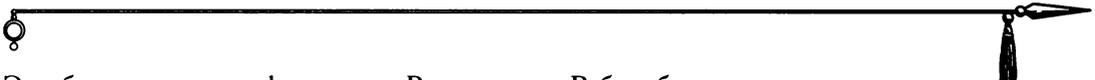

внушал правительству? Верил ли он в возможность пропаганды со стороны масона Поздеева (которому в конце концов запретил въезд в Москву) — этого ярого крепостника, вполне солидарного с Ростопчиным в вопросе об опасности возмущения крестьян против дворянства; верил ли он в «якобинизм» сенатора Кутузова — реакционера, заподозривавшего даже Карамзина, ростопчинского приятеля, не более и не менее как в том же «якобинстве»; верил ли он, наконец, в действительную опасность со стороны барственного мистицизма кружка Лопухина, столь враждебного и Франции и французской революции? Если допустить, что под чужим влиянием Ростопчин действительно поверил, то это показывает лишь его поразительную недалекость²⁵. Против масонов Ростопчина настраивали его друзья — иезуиты, относившиеся к масонам и мистикам без различия направления с той же ненавистью, с какой относились к ним в конце царствования Александра и отечественные представители ортодоксального православия. Стоит прочесть переписку аббатов Сюрюга и Бюлли, чтобы увидеть, что поход на «мартинистов» открыт был под их непосредственным влиянием.

А Ростопчину не все ли равно было, кого заподозривать в измене? Ему надо было лишь запугать Александра угрозой революции, внушить к себе доверие и показать, что он один может справиться на таком важном посту в Москве, где чуть ли не половина населения состоит из «наполеонистов». Ростопчин выбирал неугодных себе лиц, с которыми и сводил таким путем личные счеты. Наиболее ярким примером в данном случае является гонение на почт-директора Ключарева, позволившего себе высказать «нелестное мнение» о Ростопчине. С другой стороны, по словам Рунича, у Ростопчина явилось подозрение, что Ключарев обнаружил его тайную переписку с Тверью. Надо Ключарева удалить под видом опасного «мартиниста». Ростопчин, впрочем, еще недостаточно уверен в своей власти, не уверен, что его авторитет твердо стоит в мнении Александра. И поэтому он просит фельдмаршала Салтыкова воздействовать на удаление Ключарева, но получает в ответ, что император полагает, что «теперь не время делать подобные перемещения».

---

²⁵ Для нас нет никакого сомнения в том, что Ростопчин не верил в ту фантастику, которую он создавал вокруг остававшегося в Москве кружка масонов. Надо лишь сопоставить различные этапы отношения Ростопчина к Новикову, Лабзину, Лопухину и др., чтобы отчетливо увидеть всю лживость ростопчинской натуры (см. в «Мелочах о Ростопчине»).

Это был, конечно, афронт для Ростопчина. В борьбе с «мартинистами» он должен был таким образом учитывать то обстоятельство, что заподозренные им лица находились в больших чинах и занимали видные административные положения.

Александр не хотел «лишнего шума», как показывает распоряжение императора по поводу ареста доктора Сальватора, лица, близкого ростопчинскому предшественнику на московском посту гр. Гудовичу. Сальватор как раз явился жертвой иезуитской интриги. Сюрюг неоднократно жаловался на притеснения со стороны Гудовича под влиянием Сальватора, явного «революционера» и «якобинца». Дело Сальватора заставило Ростопчина шуметь еще больше о революции и таким образом найти более конкретные признаки для обвинения неприятных ему лиц. Ростопчина понемногу опьяняла власть, и он действительно хотел быть настоящим «московским властелином». Приставивши для тайного наблюдения за Ключаревым своего доверенного полицмейстера Брокера, прежде служившего в почтовом ведомстве и личного врага Ключарева, Ростопчин искал только случая, чтобы расправиться с Ключаревым. Благодаря энергии Брокера такой случай скоро представился, — это и было знаменитое в летописи московской жизни дело Верещагина.

Молодой человек из купеческой семьи, получивший для своего времени хорошее воспитание, перевел на русский язык два газетных сообщения о Наполеоне, а именно: «Письмо Наполеона к прусскому королю» и «Речь Наполеона к князьям Рейнского союза в Дрездене». Для чего было это сделано? Может быть, из простого личного любопытства, может быть, для того, чтобы познакомиться «друзей» с упомянутыми газетными сообщениями. Понятно, что общество интересовалось действиями Наполеона, а между тем цензура свирепствовала и решительно не пропускала никаких сообщений из заграничной печати.

Ростопчин раздул дело Верещагина до огромных размеров, представив виновника перевода в образе злейшего злодея, составителя прокламаций. «Вы увидите, государь, — писал он Александру 30 июня, — из моего донесения к министру полиции, какого откопал я здесь злодея... Сочинитель прокламации от имени врага своего отечества и в начале войны есть изменник и государственный преступник. Не дай бог, чтобы здесь произошло волнение в народе, но если бы произошло, то я наперед уверен, что эти лицемеры — мартинисты явятся открытыми злодеями»...

3 июля в «Московских ведомостях» появилось специальное объявление о Верещагине и о вновь открытом заговоре. Таким путем создалось громкое

дело²⁶, давно желанное Ростопчину; дело, при помощи которого он мог подкапаться под Ключарева. Верещагин был предан суду, и, как сообщает Рунич, ему «велено» было говорить, что он получил прокламации для списывания от одного из сыновей Ключарева²⁷. В Москве раскрытие Ростопчиным злодейского покушения на целостность государства вызвало с самого начала различное впечатление.

Если Глинка, преклонявшийся перед Ростопчиным и готовый верить всякой сплетне об измене, приветствовал Ростопчина даже стихами:

Ты всюду простираешь очи,
Открыл плоды ты развращенья,
Сплетенья вымыслов пустых,
Плоды нерусского ученья,
Плоды бесед и обществ злых,

то другим, более наблюдательным современникам уже первоначальное объявление главнокомандующего показалось ложью. Таково было впечатление Бестужева-Рюмина, таково, по его словам, было впечатление всеобщее.

---

²⁶ Верещагинское дело наиболее полно изложено в «Бумагах, относящихся до Отечественной войны 1812 г.», изданных П.И Щукиным (ч. VI и VIII).

²⁷ Возможно, впрочем, что это было действительно так, т. е. что он мог получить запрещенную газету через сына Ключарева. Так, по крайней мере, по словам свидетелей, сказал Верещагин отцу. Верещагин на допросе отвергал это, указывая, что он с сыном Ключарева даже не был знаком и что «сказал так единственно потому, чтобы тем сделать уверение в справедливости, опасаясь, что если скажет о сочинении оной им, то не только что ее не примут за справедливость, но получит еще наказание от отца». Верещагин показывал обер-полицмейстеру Ивашкину, что нашел газету, «шедши с Лубянки на Кузнецкий мост... против французских лавок».

Верещагин поступал благородно, принимая на себя всю ответственность и не желая замешивать никого в процесс. Этим благородством Ростопчин, руководивший следствием, воспользовался для усиления вины Верещагина. Запутанный на следствии, Верещагин 26 июня дает письменное показание, в котором он отрекается от прежнего показания; он показывает, что «не только не находил газетного листа, но даже нигде и ни от кого не получал такового, не видал и не переводил, а чувствуя поступок свой, противный закону, думал, не оправдает ли его такое несправедливое показание о найденнии им будто бы газетного листа и о переводе с него». Следовательно, Верещагин — сочинитель. Этим признанием и воспользовался Ростопчин.

«Впрочем, — добавляет автор воспоминаний, — бумаги сии (т. е. «прокламации» Верещагина) и сами по себе не сделали особенного впечатления в народе». Конечно, они не могли произвести «впечатления» уже потому, что и не предназначались для распространения в массе. Назвать их «прокламациями» мог лишь гр. Ростопчин в своем стремлении создать себе популярность открытием несуществующего заговора. Достаточно привести инкриминировавшиеся Верещагину места из переведенных статей, чтобы видеть ясно, как все это далеко было даже от возможного намека на какие-то «прокламации». В первой статье попадалась такая фраза, обращенная Наполеоном к прусскому королю: «Очень радуюсь, что вы... заглаживаете недостойный вас союз с потомками Чингизхана». А в другой говорилось: «Я держал свое слово и теперь говорю: прежде шести месяцев две северные столицы Европы будут видеть в стенах своих победителей Европы»... Ростопчин придал злостный умысел этому переводу, признав безапелляционно, что Верещагин как бы согласен с мнением, высказанным Наполеоном.

17 июля послушный Ростопчину магистрат вынес решение, коим Верещагин ссылался вечно в каторжные работы в Нерчинск, а Мешков, по лишении чинов и личного дворянского достоинства, отдавался в военную службу. По мнению магистрата, государственного изменника следовало бы «казнить смертью», но «за отменением оной» пришлось ограничиться каторжными работами.

Вторая инстанция — первый департамент палаты уголовного суда — с такой же быстротой утвердил приговор. Ростопчин немедленно же отправил приговор в Сенат, который 19 августа вынес уже окончательное постановление. Сенат признал, что Верещагин «изобличен и сам сознался в составлении пасквильного сочинения и что по силе узаконений уложения 2 гл. 2 пункта, военных артикулов 131 и указа 1762 г. июня 19-го, подлежит смертной казни, но как таковая казнь указом 1754 г., сентября 30-го дня, отменена, да и от означенного пасквиля ни малейшего вреда не последовало, и потому что он, Верещагин, по делу не изобличается в том, что намерен был причинить означенным пасквилям какой-либо вред, а написал оный, как сам показывает, единственно из ветренности мыслей, желая похвастаться новостью, каковое показание его обстоятельством дела не опровергается, то, согласно мнения главнокомандующего Москвы, наказать его, Верещагина, кнутом, двадцатью пятью ударами²⁸, потом, заклепав в кандалы, сослать в каторжные работы».

---

²⁸ Это прибавлено по предложению Ростопчина.

В сущности, мотивы сенатского приговора поразительны даже для начала XIX века. По этим мотивам жестокий приговор был совершенно бессмыслен. Мы должны помнить эти мотивы. Тогда позднее поведение Ростопчина в верещагинском деле выступит особенно ярко. Выяснятся не только беззаконие, не только жестокость расправы Ростопчина, но и допущенная им ложь в официальных донесениях во имя своего личного оправдания, ложь и в позднейших воспоминаниях.

Ростопчин первоначально хотел покончить дело Верещагина без всякого судебного расследования. Любитель театральных эффектов (а может быть, не доверяя Сенату, — ведь дело юридически было аргументировано весьма слабо), он просил Александра (30 июля) прислать указ, «чтобы Верещагина повесить, потом, заклеив его под виселицей, сослать в Сибирь на каторжную работу». «Я постараюсь придать, — пишет он императору, — торжественный вид этому зрелищу, и до последней минуты никто не будет знать, что преступник будет помилован». Желательность подобного решения Ростопчин мотивировал таким соображением: «Суд над ним (Верещагиным) в низших инстанциях не может быть продолжителен, но дело поступит в Сенат и затянется. Между тем необходимо, чтобы приговор исполнен был как можно скорее в виду важности преступления, волнений в народе и сомнений в обществе». Если император пришлет указ, он может согласовать «правосудие» (?) с своим «милосердием», это послужит «ужасающим примером для народа и особенно для некоторых тайных злодеев».

Но еще 6 июля Ростопчин получил предписание от Салтыкова: «не приводя окончательного решения в исполнение», представить дело министру юстиции для доклада государю, и, казалось, жизнь Верещагина была спасена. Но пока невинный Верещагин ждал в тюрьме решения своей участи, нить событий развертывалась своим чередом, и московский властелин все менее и менее начал считаться с общественным мнением и предписаниями из Петербурга.

Уже одно дело Верещагина (не говоря о других, возникших одновременно с Верещагиным) должно было достаточно терроризировать московских обывателей.

Москва ждала царя, и гр. Ростопчин желал во всем блеске показать результаты своего недолгого управления, показать прежде всего, как сумел он «возжечь сердца» московских дворян.

Восьмидневное пребывание Александра в Москве в обычном изображении полно сцен высокого патриотического возбуждения, — все сословия в бла-

городном порыве готовы принести на алтарь Отечества имущество и жизнь. Толпы народа с ликованием встречают Александра и самоотверженно готовы идти на смерть в борьбе с ненавистным врагом. Такова была внешность, отчасти подготовленная самим Ростопчиным во имя всегдашнего его принципа «бросать пыль в глаза». Несомненно, известный подъем был. Этот подъем обуславливался начавшейся войной.

Неизбежно росло тревожное настроение; в каждом начинало говорить чувство самосохранения. Но опасность была еще далека. Если у некоторых пессимистов являлось опасение о возможности появления Наполеона в Москве, то, конечно, у огромного большинства и не зарождались еще подобные подозрения. А при таких условиях патриотический подъем не мог дойти до такого воодушевления, которое влечет за собой решение жертвовать всем имуществом. Об этом, конечно, никто еще не помышлял. При полной готовности оказать общественную помощь правительству и помину не было в действительности тех сцен, которые описывают часто историки.

Д.Н. Свербеев в своих записках очень метко сказал, что «восторженность дворянства была заранее подготовлена гр. Ростопчиным». То же можно сказать и о купечестве. Свербеев рассказывает, как ближайший помощник Ростопчина, губернатор Обрезков, «обделывал» купцов, «сидя над ухом каждого, подсказывая подписчику те сотни, десятки и единицы тысяч, какие, по его умо-заклучению, жертвователю мог подписать». Мы видим, что картина довольно прозаическая. И нетрудно понять, почему отец Свербеева, семидесятилетний старик, вернувшись из Москвы, значительно растерял свой воинственный пыл. Ростопчин сам довольно образно рассказывает, как он подготовил единодушие дворянства на собрании 15 июля в Слободском дворце. По его словам, он еще 12 июля узнал, что некоторые «мартинисты» хотят спросить государя: какие имеются средства обороны, т. е., очевидно, были желающие в связи с вопросом о пожертвованиях поставить и вопрос об общественном контроле. Ростопчин предупредил фрондеров, что такой господин «во всю прыть полетит в дальний путь». И чтобы придать значение своим словам, велел неподалеку от Слободского дворца поставить две тележки, запряженные лошадьми, и двух полицейских офицеров, одетых по-дорожному. Слух, пущенный Ростопчиным, дошел по назначению, и главнокомандующий был удовлетворен. Все прошло гладко. «Хвастуны, — как выразился он, — вели себя умно».

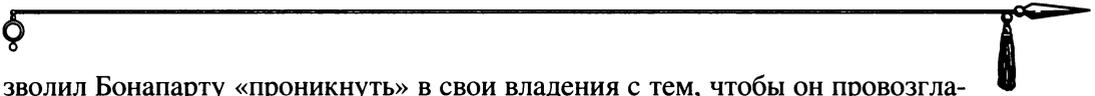
Но, конечно, само по себе дворянское фрондерство в это время рассеялось, как пух. Оно было неуместно уже с точки зрения чисто сословных

имущественных интересов, которые слишком непосредственно захватывала война. Так или иначе, но с именем Наполеона связывалось неизбежное как бы освобождение крестьян от крепостной зависимости. Бесчисленное количество фактов указывает на полное недоверие дворянства к народу, боязнь возмущения против привилегированных. В этом отношении чрезвычайно характерен факт, передаваемый в воспоминаниях Хомутовой, — факт, относящийся к моменту ожидания царя в Москве 11 июля. В кремлевских залах собрались представители дворянства. Уже поздний вечер, а Александра все еще нет. «Стали тревожиться, громкий разговор превратился в шепот — в молчание. Едва слышным голосом стали говорить: “Государь погиб”. В толпе пробежал трепет, — всему готовы были верить или всего бояться. На Спасской башне пробило десять часов; народ на площади заволновался. Демидов притронулся к локтю похолоделою рукою и сказал: “Бунт”... И это слово, переходя из уст в уста, слилось в глухой гул... Вскоре стала известна причина этого волнения (в народе); прибыл курьер от государя с известием, что сам он приедет лишь завтра». Как ярко действительно говорит описанная картина о настроениях московских дворянских кругов.

Этой революции, революции снизу, и боялся более всего «русский барин» (как именуется себя Ростопчин), взявший на себя неудачную миссию демагога.

Хотя позднее, в письме издателю «Русского вестника» (май, 1813 г.), Ростопчин уверенно говорил, что напрасно Наполеон прельщал русский народ вольностью: «Вольности у нас никто не хочет, ибо лучшего никто не хочет»; хотя 1 августа 1812 г. в письме он и уверял Балашова: «Наполеон считал на слово свободу, но она не подействует»; хотя 12 августа писал он Багратиону: «Главная его (Наполеона) пружина — вольность не действует и о ней лишь изредка толкуют пьяницы»; однако уже одно то, что Ростопчин так часто возвращается к этой мысли, показывает всю силу его опасений. Крепостник, уверенный, что народ «от жиру» бесится, делается как бы крестьянским ходатаем. Еще 11 июля он пишет императору, что посещением Иверской и защитой крестьян он снискивает расположение «добрых и верных подданных». Эти «добрые и верные подданные» проявляют явное недовольство помещиками, которое Ростопчин в письме Балашову (23 июля) объясняет увольнением казенных крестьян от ополчения, что вызывает зависть у помещичьих крестьян. Одновременно Ростопчин считает необходимым сообщать в письмах Александру всякий вздорный слух, имеющий отношение к вопросу о крепостном праве. Так, 8 сентября он сообщает о молве, гласящей, что Александр до-

зволил Бонапарту «проникнуть» в свои владения с тем, чтобы он провозгласил свободу от имени русского царя. Он не преминет в то же время сделать выпад против «мартинистов». «Все злые слухи, — пишет он Александру 13 августа, — распускаемые с целью обвинить вас, все это идет от мартинистов, и всех неистовее университет, состоящий из якобинцев — профессоров и воспитанников».

Играя таким путем на чувствах страха, Ростопчин обеспечивал себе возможность действовать в революционной якобы Москве самовластно. Чувство полной безнаказанности так определенно уже звучит в только что цитированном письме Александру: если «полиция затруднится сдерживать негодяев, проповедующих бунт (в письме упоминаются Кутузов, Чеботарев и Дружинин), то я велю некоторых повесить».

Но уже и до этой угрозы Ростопчин со своими недоброжелателями расправляется без стеснений. Не дождавшись ответа Сената по поводу своего представления о «неблаговидных» и «подозрительных» поступках Ключарева, Ростопчин при посредстве открытий «патриота» Брокера (как иронически именует в своих записках помощника московского главнокомандующего Рунич), нашел новый криминальный поступок в ведомстве Ключарева. 7 августа схвачен, по доносу Брокера, один почтамтский чиновник по подозрению в том, что «посредством писем распространял страх и безнадежность внутри империи». За несколько дней перед тем арестован надворный советник Дружинин, тот самый начальник экспедиции иностранных газет, который по делу Верещагина оказал противодействие агентам Ростопчина. Наконец, 10 августа арестовывается и высылается в Воронеж сам Ключарев. С «болтунами», не занимающими никакого общественного положения, Ростопчин поступает еще проще. По собственному признанию, этих «болтунов», проявлявших себя от времени до времени, он сажал в сумасшедшие дома и отрезвлял при помощи холодных душ и микстур, напр. студента Урусова, о чем сам же сообщает в письме Балашову 23 июля. Некоторые из ростопчинских апологетов и в подобных издевательствах находили проявление остроумия и юмора «московского властелина». В числе «зломыслящих» людей мы видим актера Сандунова, отправленного в Вятку, и многих других. Свое представление о «настроении умов» в столице Ростопчин составлял на основании донесений своих агентов. История запечатлела фигуру одного из этих агентов, вечно пьяного сыщика Яковлева, — фигуру достаточно типичную, чтобы видеть, насколько компетентны были сведе-

ния московского главнокомандующего о политических симпатиях того или иного московского обывателя.

Во второй половине августа Ростопчин так уверен в своих силах, так уверен, что он своей энергичной деятельностью извел всякую крамолу в столице, что предлагает гр. Толстому переправить Сперанского из Нижнего в Москву «для прекращения деятельности мартинистов». Сперанский и в ссылке не дает ему покоя²⁹. В июне он всеми мерами старается воздействовать на императора в целях еще большего очернения своего врага, показать, что Сперанский чрезвычайно опасен. «Народ (?) снова возмутился против Сперанского», — пишет он Александру 30 июня. «Презренный Сперанский, — сообщает он 23 июля, — опасен в Нижнем, где он находит сочувствующих мартинистов даже в лице представителей высшего духовенства нижегородского, епископа Моисея». Ростопчину очень хотелось заполучить Сперанского в Москву; если этого не произошло, то под его влиянием Сперанский отправляется в Пермь.

Борясь с «проповедниками иллюминатства», Ростопчин большое внимание уделяет и иностранцам, проживающим в Москве. Заподозривая их в сочувствии к Наполеону и в шпионстве, он и их подвергает целому ряду кар, смешивая в одну кучу представителей всех наций. Эти иностранцы принадлежали преимущественно к мирному торгово-промышленному классу, экономические интересы которого были связаны с Россией. Несомненно, среди них были сочувствующие Наполеону. Иначе и не могло быть. Но столь же несомненно, что никаких агрессивных действий они предпринимать не могли. Об их лояльности свидетельствует уже сам по себе факт миролюбивого отношения к ним русских. В то время, когда под влиянием положения дел на театре военных действий в Москве определенно уже начинает сказываться беспокойство, когда, по словам Ростопчина, по городу начинают передаваться различные сказки о видениях, о голосах, слышанных на кладбище, и т. п.; одним словом, тогда, когда понемногу (особенно после оставления Смоленска) начинает расти столь понятное тревожное настроение, иностранцы живут в Москве совершенно спокойно. Достаточно привести свидетельство московского патриота С.Н. Глинки (в записке о 1812 г.), чтобы в этом убедиться. «Я близок был к народу, — пишет автор, — я жил с народом на улицах, на площадях, на рынках, всегда в Москве и в окрестностях Москвы, и живым

---

²⁹ Впоследствии в том же Ростопчин заподозрил и черниговского архиепископа Михаила (см. письмо от 8 ноября).

Богом свидетельствую, что никакая неистовая ненависть не волновала сынов России». Московскому властелину подобное отношение к иностранцам со стороны населения не могло нравиться. Ведь это отсутствие патриотизма, а главное, при таких условиях добрые подданные могут прельститься наполеоновскими прокламациями. И гр. Ростопчин как бы ставит своей задачей разжечь ненависть к иностранцам, по своему обыкновению не стесняясь никакими мерами.

Ростопчин не желает выпускать иностранцев из России с момента начала войны и решительно предлагает императору для большей безопасности не выдавать иностранцам паспортов (7 июня). Иностранцы, знающие Россию, могут дать полезные сведения Наполеону. Вероятно, и здесь крепостное право играет первую роль. Ростопчину в каждом иностранце мерещится доктор Меливье, который сопровождает Наполеона и уверяет его, что, как только Наполеон появится под Москвой, хотя бы с 50 000 войска, крестьяне восстанут против своих господ и вся Россия будет покорена. Вредных иностранцев надо выселить из Москвы и, конечно, прежде всего тех, кто заподозрен в «якобинстве», как, например, книгопродавец Алларт, выселить в сибирские города, где они будут безопасны. (Уже Гудович в мае выслал туда несколько иностранцев.) И вот целый ряд московских обывателей из числа иностранцев отправляется в ссылку. 12 июля высылаются, например, Овернер (в Пермь) и Реут (в Оренбург). Последний «за дерзкие слова против правительства и карточную игру»; 27 июля наказан плетью Турнэ и выслан в Тобольск «за внушение разного рода клонящихся к преклонению умов к французам». 19 августа наказан немец портной Шнейдер и француз Токе плетью, первый 30, а другой 20 ударами и отосланы в Нерчинск за лживые пророчества, что Наполеон будет обедать в Москве 15 августа и т. д. Обвинения во всех случаях чрезвычайно однородны³⁰.

Скрывались ли под этими обвинениями какие-нибудь реальные факты? Трудно, конечно, ответить определенно, но невольно бросается в глаза натянутость многих обвинений, основанных почти исключительно на непроверенных донесениях ростопчинских шпионов. Например, иностранец Годфроя выслан в Оренбургскую губернию за то, что во время «высочайшего пребывания... в Москве при большом стечении народа произносил разные дерзкие речи». Припомним внешнюю обстановку этого времени. Неужели мог быть в

---

³⁰ Из бумаг Московского губернского архива старых дел.

действительности такой факт? Когда обвинения базируются на как бы более конкретных данных, например, по отношению к швейцарским подданным Веберу и Гейдеру, о которых Тормасов сообщал еще Гудовичу, что эти лица — тайные агенты Наполеона, и тогда сам Ростопчин должен засвидетельствовать, что *de facto* «в поведении их не открылось ничего подозрительного». Позднее, в 1813 г., когда высланные иностранцы (среди которых были и русские подданные) стали возбуждать ходатайства о своем возвращении, причем в своих ходатайствах указывали, что пострадали без вины, Ростопчин в официальной переписке с Вязьмитиновым определенно говорил, что высылка производилась по велению государя. «По представлению моему государю императору, — писал он 27 ноября, — что не дозволено ли будет означенных иностранцев выслать за границу, его величество отозваться соизволил, что мера сия при настоящих обстоятельствах не может быть принята».

Ростопчин, занявший в это время уже иное положение и в общественном мнении и во мнении правительственной власти, любил скрыться за чужой авторитет; он также легко забывал в своих позднейших письмах и воспоминаниях истинное положение вещей в 1812 г. Забыл он, вероятно, и здесь, что он был инициатором запрещения выпуска из России иностранцев. Эти иностранцы в июле и августе 1812 г. были для него мишенью, при посредстве которой, как мы видели, он возбуждал народный пыл и патриотическое рвение. Высылка отдельных иностранцев не достигала, однако, цели. Вот почему для большего эффекта, чтобы произвести большее впечатление, Ростопчин произвел, так сказать, массовую высылку московских обывателей, иностранцев по происхождению. Это, по его словам, он сделал по соображениям высокой степени гуманным, чтобы спасти несчастных иностранцев от народной ярости. Предоставим, впрочем, говорить самому Ростопчину. «В одно утро, — повествует граф, — гражданский губернатор Обрезков объявил мне, что он сделал весьма важное открытие и привел ко мне портного, русского человека, отличного поведения, достаточно немолодого». Этот человек сообщил, что он «лишился сна и пищи, что многие из его учеников точно так же больны, как и он, и что единственное средство против этой болезни — кровь французов»... «Оказалось, — сообщает далее Ростопчин, — что он уже подговорил человек 300 портных и еще надеется к завтрашнему дню подговорить несколько сотен, чтобы ночью идти на Кузнецкий Мост и перебить всех живущих там французов». Далее Ростопчин с большой откровенностью сообщает, как он велел «пустить кровь» инициатору погрома и как он успокоился. Подгово-

ренные же «этим хозяином портные, видя, что он задержан, перестали думать о ночной экспедиции, которая бы окончилась страшным кровопролитием и возмущением».

«Очевидно, этот хозяин-портной был сумасшедший... и что его рассказы о сотнях сотоварищей были простым бредом больного воображения», — замечает в истории двенадцатого года А.Н. Попов³¹.

Быть может, весь этот инцидент измышлен гр. Ростопчиным, весьма нередко прибегавшим к измышлениям, особенно впоследствии, для оправдания в своих действиях. Если этот сумасшедший и реальное лицо, то гр. Ростопчин ему, конечно, не поверил. Во всяком случае, по его словам, это и побудило к осуществлению экстраординарной меры в виде массовой высылки подозрительных иностранцев. «Уверившись в народном раздражении, — сообщает Ростопчин, — чтобы его успокоить и смягчить бешенство, я приказал полиции их взять и днем, в виду всех, посадить на барку, которая и отвезла их в Нижний Новгород, где они были отданы под надзор. Я объявил Москве, что эти иностранцы — люди подозрительные, которых удаляют по просьбе их же соотечественников, честных людей. Эта мера, — заключает гуманный московский главнокомандующий, — спасла жизнь этим 40 плователям, потому что, вероятно, они последовали бы за французскою армиею и все погибли бы во время ее отступления». Итак, Ростопчин спас их не только от народной ярости, но и от другой, грозившей им опасности³². Кого же предназначила московская полиция к высылке для «удовольствия» народа, как сообщал Ростопчин Балашову. Это «выборная каналья из каналов», по характеристике Ростопчина в письме Балашову. Чрезвычайно любопытно, хоть вкратце, познакомиться с составом высылаемых и приписываемыми им проступками. Это прежде всего «типографщик Семен» и книгопродавец Алларт, еще в июне причисленные Ростопчиным к числу «иллюминатов» (о них он писал Александру в своем письме от 7 июля), 14 всякого рода учителей, от фехтования до латинского языка включительно, фабриканты, торговцы модными товарами, немец — бас в оркестре русского театра, режиссер французского театра Домерг и его помощник Роз, доктор Ямниц, повар Вилоэн и т. д. За что же эти злосчастные иностранцы попали на подозрение к полиции? Двое, как

---

³¹ Москва 1812 г. // Рус. арх., 1875.

³² Любопытно, что в Нижнем, по предписанию Ростопчина, высланные содержатся в остроге.

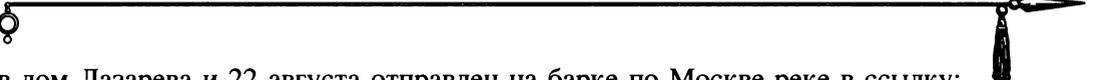

мы знаем, числились в «иллюминатах», двое (швейцарские подданные Гейдер и Вебер) были заподозрены в шпионстве тоже значительно ранее. Было ли это действительно так?

Мы знаем одно только, что московский обер-полицмейстер Ивашкин в донесении от 11 января 1813 г. сообщал, что полиции ввиду указанных обстоятельств было поручено «иметь за ними неослабный под рукою надзор и замечать связи, их сношения, но токмо до времени их высылки подозрительного в поведении ничего не открылось». По отношению к остальным данные имелись еще менее определенные. Учитель фехтования Массон подвергся каре по «худому расположению и некоторым связям подозрительным»; торговец модными товарами Гут за «дерзкое обращение с московской публикой», учитель женевец Файо «по многим замечаниям полиции навлек на себя сильное подозрение». Любопытно, что винный торговец Паоли, зачисленный в число тех, которые, по выражению Ростопчина, «телом остались в России, а душой преданы французам», жил уже 18 лет в России и с 1807 г. принял русское подданство...

Может быть, сделанных характеристик достаточно для определения мотивов, которыми руководилась полиция при выборе иностранцев, удаленных из Москвы «для удовольствия народа».

Среди отправленных был Арманд Домерг, оставивший весьма любопытные записки. Характеризуя время «террора», наступившего после посещения императором Москвы, Домерг, между прочим, сообщает, что как-то за обедом у гр. Апраксина Ростопчин, устремив на Домерга «свои сверкающие глаза», воскликнул: «Я не буду доволен до тех пор, пока не выкупаюсь в крови французов». Очевидно, Домерг уже попал на глаза грозного усмирителя московской революции, который, по словам автора воспоминаний, «при всяком случае проявлял свой буйный, вспыльчивый и мстительный характер, делавший его страшным даже для самых мирных жителей города». Во всяком случае, имя Домерга в проскрипционных списках стояло «первым в первой категории». Любопытно, что Домерг жил в доме шведского консула. И это, по мнению его родных, должно было ему обеспечить безопасность: «Если я явился в Россию под покровительством власти, то нельзя нарушить международного права без явной несправедливости». «Но, — добавляет автор воспоминаний, — я слишком хорошо знал подозрительную русскую полицию, чтобы иметь на это надежду: каждый день мы видели, как проезжали французы, ссылаемые из Петербурга в Сибирь». Арестованный в числе других, Домерг был заключен

в дом Лазарева и 22 августа отправлен на барке по Москве-реке в ссылку; на барке невольным путешественникам было прочитано от имени Ростопчина небезынтересное обращение, содержание которого передает Домерг с добавлением: «Ручаюсь за его подлинность»: «Французы!³³ Россия дала вам убежище, а вы не перестаете замышлять против нее. Дабы избежать кровопролития, не запятнать страницы нашей истории, не подражать сатанинским бешенствам ваших революционеров, правительство вынуждено вас удалить отсюда. Вы будете жить на берегу Волги, посреди народа мирного и верного своей присяге, который слишком презирает вас, чтобы делать вам вред. Вы на некоторое время оставите Европу и отправитесь в Азию. Перестаньте быть негодьями и сделайте хорошими людьми, превратитесь в добрых русских граждан из французских, какими вы до сих пор были; будьте спокойны и покорны или бойтесь еще большего наказания. Войдите в барку, успокойтесь и не превратите ее в барку Харона. Прощайте, добрый путь!»...³⁴

«Это грозное объявление привело нас в ужас», — добавляет Домерг. И действительно, упоминание о Хароне должно было звучать довольно зловеще. «Русский барин» и здесь не позабыл сказать острое словечко. Но французский каламбур «Entrez dans la barque et rentrez dans vous memes»³⁵ был вовсе «не шуткою», как заметил Глинка, для ссылаемых. Несомненно, вся эта сцена была сплошным издевательством. Глинка, не одобрявший в данном случае действия московского градоправителя, нашел для него оправдание в том, что Ростопчин увлекся «мечтою» — спасением иностранцев от ярости черни. Ясно, что этой «мечты» у Ростопчина не было.

Мы уже приводили свидетельство Глинки об отсутствии у московского населения ненависти к иностранцам — слова Глинки относятся как раз к инциденту с так называемой «хароновской баркой». Домерг в своих воспо-

---

³³ Обращение не соответствовало действительности, ибо «из сорока арестованных четвертая часть были немцы из разных германских земель... которые все, разделяя национальную вражду того времени, обнаруживали антипатию к нам», — замечает Домерг. В этом и заключалась «нелепость» ростопчинской меры. Глинка в своих воспоминаниях ошибочно говорит о высылке из Москвы «некоторых уроженцев Франции на барке в струи волжские».

³⁴ Харон по поздней греческой мифологии перевозил в своей барке души умерших через реку Ахерон в царство мертвых.

³⁵ «Взойдите на барку и войдите в самих себя» (*франц.*).

минаниях при описании тревожных дней 20—22 августа не раз упоминает о тех опасностях, которые грозили высылаемым иностранцам со стороны «народной ярости, которую возбуждали против нас многочисленные шпионы», говорит о «враждебных намерениях» и «угрожающих криках» толпы. В толпе «любопытных», собравшихся посмотреть на необычайное зрелище, вероятно, были элементы, достаточно возбужденные против иностранцев афишами Ростопчина и агитацией шпионов, но любопытно, что из описания самого Домерга более чем очевидно, что «ярость» толпы была весьма умеренна. Когда иностранцы сидели в доме Лазарева, их охраняли от «мстительности» народной один полицейский офицер и часовой. «Наконец, уступая нашим требованиям, — говорит Домерг, — начальство согласилось дать нам сменную стражу, состоявшую из шестерых инвалидов». Когда арестантов вели по улице на барку, им, конечно, перепуганным до полусмерти, казалось, что они погибли бы от «народной ярости», если бы их не спас полицмейстер Волков, проявлявший большую предупредительность по отношению к иностранцам и тем как бы смягчавший «неприятное поручение», возложенное на него его шефом. И мы узнаем, что рукопожатие между Волковым, Домергом и Аллартом «мгновенно прекратило шум»: все сорок человек спокойно прошли под прикрытием «шестерых ветеранов». Пока барка медленно плывет «по извилинам обмелевшей Москвы-реки» (на третий день барка отошла только на 40 верст), жены, дети, родственницы по «нескольку раз» навещают невольных путешественников. «Выезжая на рассвете (на извозчиках), эти женщины иногда блуждали по целому дню, пока не находили нашу барку, приезжали к нам вечером и ночью и ночью должны были возвращаться в Москву». Таково было то народное ожесточение, на которое ссылался Ростопчин. И все дальнейшее описание Домергом путешествия на хароновской барке, продолжавшееся вплоть до 17 октября, идет в том же духе. Путешественники встречают в общем самое добродушное отношение со стороны населения, ходят по деревням под прикрытием двух ветеранов, вступают в разговоры и т. д. «С каждым днем население становилось менее враждебно к нам», — замечает Домерг, — и «эта перемена становилась тем резче, чем больше мы удалялись от Москвы... народ тут становился свободнее от непосредственного влияния нелепых прокламаций, которые представляли французов людоедами». Домерг отметил только в трех случаях враждебное настроение: впервые пришлось с ним встретиться еще в ростопчинских владениях, в Коломне, куда путешественники попали 1 сентября. Полдня, не возбуждая «подозрения», они

бродили по Коломне, но потом на них обратили внимание «некоторые выходцы» из Москвы, весьма возможно, какие-нибудь московские шпионы, и тогда «чернь» стала бросать в них камни. Другой раз у путешественников была неприятная встреча с казаками под Рязанью и, наконец, уже после Нижнего (2 ноября) — с ополченцами. И это было уже тогда, когда Москва находилась во власти французов и сгорела, когда началась эпоха так называемой народной войны и действий партизанских отрядов. Очевидно, что при отправлении из Москвы далеко еще не было той ненависти к иностранцам, которую желал видеть Ростопчин в московском населении.

Возбуждал Ростопчин «патриотизм», понимавшийся им в смысле грубой ненависти к иностранцам, и другими мерами. Среди них, конечно, первое место занимает его пресловутая литературная деятельность, те знаменитые в литературе афиши, о которых скромный, но наблюдательный современник Бестужев-Рюмин сказал: «Некоторые находили их соответствующими времени и обстоятельствам, но большая часть пошлыми и площадными» и которые сам Ростопчин, в конце концов, признавал «шарлатанскими». Той же цели служили всевозможные юмористические лубки, вывешиваемые на Никольской у Казанского собора.

При помощи своих агентов Ростопчин пускал в народ всякого рода слухи, долженствовавшие поддерживать воодушевление и ослаблять впечатление от пессимистических известий, идущих с театра военных действий. Таковы, например, распускаемые им слухи о том, что «теперь (т. е. после заключения мира) турки будут заодно с нами (сообщается в письме Александру 11 июня). В целях «патриотической» агитации, помимо услуг незначительных агентов полиции, Ростопчин воспользовался услугами С.Н. Глинки. Этот наивный патриот был слепым орудием Ростопчина. И как нельзя более характерно для личности Ростопчина, что в своих воспоминаниях «спаситель Отечества» даже не упомянул о роли Глинки, а между тем последний был самым верным, самым бескорыстным, самым искренним исполнителем велений московского главнокомандующего. Может быть, только непосредственное вмешательство Глинки, действительно пытавшегося приблизиться к народу, придавало некоторый хотя бы авторитет в глазах московских обывателей тому «русскому барину», который вдруг заговорил с населением не барственным языком.

Но Ростопчин, взявший на себя роль народного трибуна, сам чрезвычайно не доверял народу, как мы уже могли убедиться и как убедимся в дальней-

---

шем. Он мог писать Александру 11 июля, что «бороды будут всегда оплотом России», но в действительности всегда боялся этих бород.

Поэтому и близость, в сущности, Сергея Глинки к народу способна была вызвать в нем подозрения. Глинка с неподражаемой наивностью заметил: «Не знаю, почему приказано было за мной присматривать». Это было в момент приезда государя в Москву. Восторженный Глинка с толпою «любопытных», по характеристике Ростопчина, пошел за город встречать царя. Царь не приехал. Глинка видел, что народ разошелся с «сокрушенным сердцем». Его патриотизм был грубо задет, и он предложил напечатать что-нибудь «одобрительное» народу. За это он и попал на подозрение Ростопчина. Сущность демагогии Ростопчина здесь выступает особенно ярко.

Интересно, достигала ли эта демагогия какой-нибудь цели? Ростопчин был уверен или внушал эту уверенность если не себе, то другим, что московский люд его чрезвычайно любит. «Наш граф» — таково, по мнению Ростопчина, было мнение народа о нем. «Могу вас уверить, — писал позднее (28 апреля 1813 г.) Ростопчин Воронцову, — что Магомет был менее любим и уважаем, нежели я в течение августа месяца, и все достигалось словом, отчасти шарлатанством». Глинка тоже свидетельствует о влиянии Ростопчина, поставившего «себя на чреду старшины мирской сходки»; «в дружеских своих посланиях он беседовал с обывателями, как заботливый и приветливый друг». Конечно, то же утверждал alter ego Ростопчина пресловутый А.Я. Булгаков: «Граф сделался предметом всеобщего обожания».

Но мы встретили и другие мнения современников. Может быть, наиболее характерным являются мнения Маракуева, городского головы города Ростова (Ярославского). Он резко осуждает демагогию Ростопчина. «Глупые афиши Ростопчина, писанные наречием деревенских баб, совершенно убивали надежду публики», — свидетельствует Маракуев. Мало того, по словам современника-наблюдателя, «неудачные эти выдумки его вызывали презрение, а чернь неизвестно за что питала к нему величайшую ненависть».

Следует обратить внимание на это указание. Сопоставим его с показанием другого современника, кн. П.А. Вяземского, утверждавшего, что Ростопчина «влекло к черни», что он «чуял, что мог бы над нею господствовать». По мнению Вяземского, из Ростопчина мог бы родиться «народный трибун». Показанию кого из этих современников отдать предпочтение? Мы думаем — Маракуеву. И не показывает ли это в таком случае, что подчас народная масса отличается большим психологическим чутьем, — она, может быть, ин-

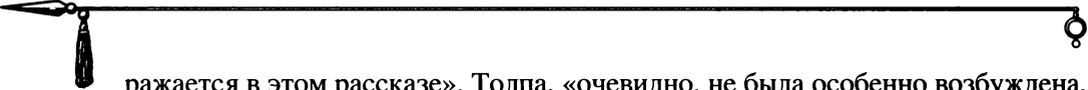

стинктивно угадывала всю фальшь ростопчинской демагогии. В самом деле, до занятия Москвы французами, до непосредственного, так сказать, столкновения московского населения с врагом, конкретные результаты демагогической деятельности Ростопчина могли проявляться в актах насилия и ненависти по отношению к мирным и безоружным иностранцам. Но мы уже цитировали свидетельство Глинки, приводили и характерные обстоятельства, сопровождавшие отправление «хароновской барки». Правда, в переписке современников мы встретимся и с другими указаниями. В этом отношении интересна переписка Волковой с Ланской, отмечающая проявление вражды населения к иностранцам. «Я много ожидаю, — пишет Волкова 22 июля, — от враждебного настроения умов. Третьего дня чернь чуть не побила камнями одного немца, приняв его за француза». «Народ так раздражен, — сообщает она 15 августа, — что мы не осмеливаемся говорить по-французски на улице. Двух офицеров арестовали: они на улице вздумали говорить по-французски; народ принял их за переодетых шпионов и хотел поколотить, так как не раз уже ловили французов, одетых крестьянами или в женскую одежду, снимавших планы, занимавшихся поджогами и предрекавших прибытие Наполеона, — словом, смущавших народ». Более чем очевидно, что Волкова пишет по слухам, пишет со слов Ростопчина (с которым Волкова знакома домами).

В возможности подобных фактов, конечно, можно не сомневаться, в особенности по отношению к шпионам. И число таких фактов должно было расти по мере приближения военных действий к Москве, по мере распропагандирования темной массы ростопчинской агитацией. Но такие факты, — факты действительные были немногочисленны. Ростопчин, вероятно, не преминул бы о них рассказать. На деле, кроме появления сумасшедшего купца и избивения толпою двух ремесленников-немцев, поспоривших с менялой, он ничего не может сказать. И тот факт, на котором он с самодовольством останавливается, чтобы показать свое влияние на московскую толпу, имеет место накануне Бородинской битвы, т. е. тогда, когда тревожное настроение Москвы достигает уже значительных размеров³⁶. Явившийся к месту происшествия Ростопчин спас «неосторожных немцев» от разъяренной толпы, дав «сильнейшую пощечину» мелкому купчику, с решимостью заявившему графу: «Пора народу действовать самому, когда вы отдаете его в жертву иностранцам». «Страсть к сценическому искусству, — замечает Попов, — ярко вы-

---

³⁶ Бестужев-Рюмин этот случай относит к 30 августа.

ражается в этом рассказе». Толпа, «очевидно, не была особенно возбуждена, когда квартальному надзирателю удавалось в продолжение нескольких часов оградить от ее нападений неосторожных немцев». И тут же мы найдем другой рассказ (Рунича), говорящий о том, как после Бородинской битвы «жители Москвы толпами выходили навстречу раненым, приносили им белый хлеб и деньги, не делая различия между русскими и пленными»... И по-видимому, из этого можно заключить, что в это время московская толпа стояла гораздо выше своего официального руководителя, в ней было гораздо больше здорового патриотизма, чем у просвещенного графа Ростопчина.

Последний все свои меры до Бородинской битвы объясняет необходимостью «поддержания спокойствия в городе». Он хотел «рассеять и занять внимание в народе». Отвлечь внимание народа он хочет, в сущности, только от одного — скажем в данном случае словами Волковой (в позднейшем письме 11 ноября): «Москва действовала на всю страну, и будь уверена, что при малейшем беспорядке между жителями ее все бы всполошилось. Нам всем известно, с какими вероломными намерениями явился Наполеон. Надо было их уничтожить, восстановить умы против негодея и тем охранить чернь, которая везде легкомысленна».

Устранив возможность социальной революции и подняв патриотическое настроение, Ростопчин чувствовал себя в Москве довольно спокойно. До последних дней он, конечно, не разделял мнения, высказанного Глинкой еще на дворянском собрании 15 июля, что «сдача Москвы будет спасением России и Европы»³⁷. А между тем тревожное настроение в Москве понятно росло. «Спокойствие покинуло наш милый город. Мы живем со дня на день, не зная, что ждет нас впереди. Нынче мы здесь, а завтра — бог знает где», — пишет Волкова 22 июля. «Мы же, москвичи, остаемся по-прежнему в неведении касательно нашей участи, — сообщает она через неделю. — Лишь чуть оживит нас приятное известие, как снова слышим что-либо устрашающее».

«Узнав, что наше войско идет вперед, а французы отступают, москвичи поуспокоились. Теперь реже приходится слышать об отъездах», — сообщает она 5 августа. Но вести о занятии Смоленска «огромнили Москву», как выразился Глинка «Здесь большая суматоха. Люди мужского и женского пола убралась, голову потеряли; все едут отсюда», — сообщает Булгаков своему

---

³⁷ Еще в июле он гордо говорил Хомутовой: «Поверьте мне, пока я главнокомандующий в Москве, не отдам ключей Наполеону...»

брату 13 августа. Самоуверенный и беспечный Ростопчин боролся с этой паникой, забавляя народ своими выдумками и смеясь над теми, кто проявлял, по его мнению, преждевременную трусость.

«Некоторые оставляют Москву, — пишет он Багратиону по получении известия о сдаче Смоленска, — чему я чрезвычайно рад; ибо пребывание трусов заражает страхом, а мы болезни сей здесь не знаем. Здесь, — добавляет Ростопчин, — очень дивились бездействию наших войск». В это время Ростопчин был вполне солидарен с Багратионом: неуспех войны объясняется бездарностью главнокомандующего. «Кутузов, — сообщает своему брату доверенный Ростопчина Булгаков (13 августа), — все поправит и спасет Москву. Барклай — туфля, им все недовольны, с самой Вильны он все пакует только». «Все состояния обрадованы поручением кн. Кутузову главного начальства», — пишет Ростопчин Балашову 13 августа. «Я поклянусь, что Бонапарту не видать Москвы» Эта уверенность не оставляет друзей Ростопчина и позже. Она с очевидностью свидетельствует, что той же точки зрения держался и сам Ростопчин, который впоследствии все свое поведение, приведшее к весьма печальным результатам, объяснял желанием предотвратить беспорядки в Москве.

«Мы здесь покойны. Барклай, наконец, свалился», — сообщает брату Булгаков 21 августа. Свербеев в своих воспоминаниях отмечает ту же твердую уверенность у губернатора Обрезкова, который по родственным отношениям не раз, вплоть до 1 сентября, писал отцу Свербеева, чтобы «он был спокоен и ничего не предпринимал для спасения имущества в нашем московском доме». Несмотря на все подобные уверения, московская публика не могла пребывать в спокойствии, тем более что до нее доходили известия о панике в Петербурге, где «по секрету» из Эрмитажа и дворцов укладывались вещи для отправки в Ярославль. Ростопчину, в свою очередь, по высшему предписанию приходилось озабочиваться спасением казенного имущества. Московская публика узнает, конечно, о том, как энергично заботится императрица Мария Феодоровна еще с начала августа о вывозе из Москвы воспитанниц институтов и воспитательного дома (Рескрипт Ростопчину 22 августа)³⁸. С 15 августа

---

³⁸ Упоминание о вывозе воспитанниц из Москвы ввиду приближения неприятеля дает повод вспоминать примечательные для характеристики эпохи письма по этому поводу императрицы Марии Феодоровны к лицам, стоящим во главе учебного ведомства, покровительствуемого императрицей, — к Баранову и Нелединскому («Рус.

начинается и вывоз казенного имущества Ростопчиним. Вместе с тем усиливается и бегство населения, которое идет crescendo по мере роста опасности занятия французами Москвы. Однако Ростопчин все настойчиво продолжает твердить, что только «женщины, купцы и ученая тварь (характерное выражение для просвещенного «русского барина») едут из Москвы». Так он сообщает Балашову 18 августа. Ростопчин забывает сказать о дворянстве, которое в первую очередь устремилось из столицы. И тут же Ростопчин делает свое знаменитое объявление (18 августа). «Здесь есть слух... что я запретил выезд из города. Тогда на заставах были бы караулы... А я рад, что барыни и купеческие жены едут из Москвы... Я жизнью отвечаю, что злодей в Москве не будет». Затем идет обещание вывести «сто тысяч молодцов» и при помощи Иверской Божьей Матери кончить «дело». И хотя Ростопчин уверенно говорит, что препятствий для выезда из Москвы он не чинит, однако в тот же день отдает, по словам Бестужева-Рюмина, письменное приказание московскому магистрату, чтобы он «людям купеческого и мещанского сословия не давал уже паспортов о выезде их из Москвы, кроме жен их и малолетних детей».

Но Ростопчин здесь уже не мог обмануть публику, и кто только имел возможность, покидал Москву.

Впоследствии это оставление столицы многим рисовалось даже как своего рода сознательный патриотический подвиг. Оно приписано было мудрым мерам Ростопчина, который «удалил всю московскую знать ввиду ее при-

---

арх.», 1870. № 8—9). Воспитанниц Екатерининского и Александровского институтов пришлось увозить на телегах за неимением других экипажей, цена на которые к этому времени (20-е числа августа) возросла до колоссальных размеров, ввиду огромного числа беглецов. Этот факт привел в негодование вдовствующую императрицу: «О чем я не могу вспомнить без огорчения и почти без слез, — пишет она Баранову, — это отправление девиц, особливо дочерей, российского дворянства на телегах и то откуда? из столицы Российской! Пусть так, что необходимость принудила прибегнуть к сему экипажу для Александровского училища, “дочерей” нижних офицерских чинов и подобного сему званию...» («Я признаюсь, — добавляет М.Ф., — что я не понимаю, как могли решиться возить сих девиц на телегах, и я не только со стыдом представляю себе, какое действие произвело сие позорище»). «Но как могло случиться с вашими нежными чувствами, мой добрый Нелединский, как могли вы подписать такое жестокое решение, чтобы отправить на телегах девиц Екатерининского института, дочерей дворян? ...Я уверяю вас... что я плакала горячими слезами. Боже мой! Какое зрелище для столицы империи: цвет дворянства вывозится на телегах!»

верженности к французам, благодаря воспитанию» (Рунич). Так рисовалось много лет спустя некоторым из современников, но не такими побуждениями руководились московские жители в середине августа. Здесь действовал просто инстинктивный страх, бежали, «куда Бог поведет», по словам Глинки, не руководясь никакими обдуманными целями и не думая о последствиях. Бежал, кто мог, кто был посостоятельнее, забирая с собой что было можно из имущества. Оставление Москвы и вывоз имущества было затруднено отсутствием достаточных средств передвижения. «В городе почти не осталось лошадей», — сообщает Волкова уже 15 августа. Если мы примем во внимание, что, помимо поставки лошадей в армию, девять уездов Московской губернии с 15—30 августа должны были выставить 52 000 подвод для казенной надобности, то будет очевидно, что для удовлетворения нужд обывателей оставалось слишком мало. Естественно, что цены на подводы возросли до колоссальных размеров. Уже 15 августа лошадь на расстояние 30 верст стоит 50 руб., в последние дни цена на подводу увеличивается в 20 раз и более (вместо 30—40 руб. — 800 руб.). Как всегда бывает при панике, отъезд происходит бестолково, берут из имущества, что попадает под руку. И понятно, что в описании всех современников картина бегства из Москвы получается чисто «карикатурная» (Вигель). «Окрестности Москвы, — пишет Волкова 15 августа, — могли бы послужить живописцу образом для изображения бегства Египетского. Ежедневно тысячи карет выезжают во все заставы». Конечно, эта суматоха с каждым днем увеличивается, и после Бородина, по официальным сведениям, собранным самим Ростопчиным, число берлин, карет, бричек, колясок, ежедневно выезжающих из Москвы, доходит до 1320. Два-три штриха из записок современников дадут яркую картину этого «бегства Египетского». Мы приведем выдержку из описаний Вигеля, относящихся к последнему дню, т. е. ко 2 сентября: «Приближаясь к заставе, для всех уже открытой, толпы людей становились все гуще и гуще; против же ее с трудом мог он (брат Вигеля) подвигаться вперед посреди плотной массы удаляющихся. Беспорядок являл картину единственную в своем роде, ужасную и вместе с тем несколько карикатурную. Там виден был поп, надевший одну на другую все ризы и державший в руках узел с церковного утварью, сосудами и прочим; там четверместную тяжелую карету тащили две лошади, тогда как в иные дрожки впряжено было пять или шесть; там в тележке сидела достаточная мещанка или купчиха в парчовом наряде и в жемчугах, во всем, что не успела уложить; конные, пешие

валили кругом; гнали коров, овец; собаки в великом множестве следовали за всеобщим побегом».

Аналогичное описание мы найдем у Свербеева. В последние дни заставы открыты для всех. Первоначально оставление Москвы — это своего рода привилегия дворянства и отчасти других, наиболее имущественно обеспеченных слоев московского населения. Естественно, что при таких условиях «выезд из Москвы крайне сердил и раздражал народ» (Глинка). Мы встречаемся с многочисленными указаниями на то, что «народ, обороняться готовящийся с дерзостью, роптал на дворян, Москву оставляющих» (Мертваго). Свербеев рассказывает, как их «поезд» ратники каширского ополчения сопровождали угрозами и бранью «изменниками и предателями». Бестужев-Рюмин в своем повествовании (18 августа) говорит, что эти люди, которые не имели нужды просить особенных паспортов, удаляясь из Москвы, находили в пути своем большие неприятности или, лучше сказать, были в величайшей опасности от подмосковных крестьян. Они называли удалявшихся трусами, изменниками и бесстрашно кричали вслед: «Куда, бояре, бежите вы с холопами своими? Али невзгодье и на вас пришло? И Москва в опасности вам немила уже?» «Удалявшиеся вынуждаемы были хозяевами дворов, у которых останавливались, платить себе за овес и сено втридорога и, сверх того, просто за постой не по пять копеек с человека, как то обыкновенно платили, но по рублю и более, и беспрекословно должны были повиноваться сему закону, если не хотели сделаться жертвою негодования против своего побега осwirепевшего народа. Многие из удалявшихся из Москвы на своих собственных лошадях возвращались опять в Москву пешком, лишившись дорогою и лошадей своих с экипажем и имущества». Точно такой же рассказ найдем мы и у Толычевой и т. д.

Бестужев-Рюмин эту ненависть к отъезжающему дворянству ставит в непосредственную связь с запрещением Ростопчина выпускать московских жителей, принадлежащих к непривилегированным сословиям. Несомненно, этому должна была содействовать и вся ростопчинская демагогия. Любопытная черта для дворянского публициста, слишком увлекшегося взятой на себя ролью спасителя Отечества... И недаром Карамзин читал ростопчинские афишы «с некоторым смущением»; недаром их «решительно не одобрял» в то время либеральный кн. П.А. Вяземский «именно потому, что в них бессознательно проскакивала выходка далеко не консервативная». Правительственным лицам, по мнению Вяземского, «вообще не следует обращаться к толпе с возбудительною речью: опасно подливать масла на горячие вещества». Читал Вя-

земский в афише: «Хватайте в виски и в тиски и приводите ко мне, хоть будь кто семи пядей во лбу»... Кого же подразумевать под последним? «Ничего иного, — замечает Вяземский, — означать не могут, как дворян, людей высшего разряда». И Вяземский готов приветствовать гибель Москвы — только русский Бог да пожар спас ее от «междоусобицы и уличной резни».

Совершенно понятно, что «народ, обороняться готовящийся, с дерзостью роптал на дворян, Москву оставляющих», так как авторитетные разъяснения московского главнокомандующего могли массе внушить определенное убеждение, что столице не грозит никакой опасности: 18 августа Ростопчин так уверенно говорил, что в нашей армии 130 000 войска славного и 1800 пушек, а у неприятелей «сволочи» 150 000. Кроме того, у самого Ростопчина «дружины московской» «сто тысяч молодцов» да «150 пушек». Ведь этими разговорами Ростопчин обманул не только московское население, но и самого Кутузова.

Впоследствии Ростопчин всю свою деятельность в этом направлении объяснял желанием предупредить беспорядки. Но, вне сомнения, в то время московский властелин не допускал мысли о возможности оставления Москвы и, пожалуй, самым серьезным образом думал в крайности защитить ее своими средствами. Это было самообольщение, вызванное обычным для Ростопчина бахвальством и самоуверенностью. Много раз в письмах официальных и частных Ростопчин говорит о невозможности сдачи Москвы. «Народ московский умрет у стен московских, а если Бог не поможет — обратит город в пепел», — пишет он Багратиону еще 12 августа. Ростопчин согласен скорее потерять армию, чем «потерять Москву», ибо он согласен с Кутузовым, что «с потерей Москвы соединена потеря России» (письмо Кутузову 17 августа). «Каждый из русских, — сообщает он тому же лицу, — полагает всю силу в столице и справедливо почитает ее оплотом царства». Тут Ростопчин уже забывает то, что он за месяц перед тем писал Александру: «Ваша империя имеет двух могущественных защитников в ее обширности и климате... Император России всегда будет грозен в Москве, страшен в Казани и непобедим в Тобольске». Ростопчин предупреждает тут же Кутузова, что в случае несогласия он будет действовать один в Москве. С чьей же помощью? С тем ли отрядом «амазонок», который предлагает в последний момент образовать одна дама, меру, которую и Ростопчин, любитель буффонад, назвал «смешным порывом любви к отечеству», или с теми «решительными» молодцами, которыми хвалился Ростопчин? Может быть! Но чрезвычайно характерно, что

Ростопчин, взявший на себя роль народного трибуна, до последнего момента не верит и боится того народа, с которым он надеется отразить французов.

Накануне Бородина Ростопчин объявляет: «Вы, братцы, не смотрите на то, что правительственные места закрыли дела: прибрать надобно, а мы своим судом с злодеем разберемся... Я клич кликну дня за два, а теперь не надо, я и молчу». Но более чем понятна тревога остающегося в Москве населения. Оно искренне готово защитить Москву. Для этого надо вооружиться. Правда, если поверить главнокомандующему, достаточно топора, рогаток, а «всего лучше вилы-тройчатки: француз не тяжелее снопа ржаного». Вряд ли, однако, даже самый наивный обыватель из самой темной среды верил ростопчинским прибауткам в то время, когда Москва была переполнена ранеными, прибывавшими, по словам Ростопчина, «ежедневно тысячами». Народонаселение думало о более серьезном вооружении. И гр. Ростопчин шел к нему навстречу: в «Московских ведомостях» появляется объявление: «Дабы остановить преступное лихоимство купцов московских³⁹, которые берут непомерную цену за оружие, необходимое для вступивших в ополчение против врага, он, главнокомандующий, открыл государственный цейхгауз, в котором будет продаваться всякое оружие, дешевою ценою». Любопытнейшее пояснение делает к этому объявлению Бестужев-Рюмин: «Действительно, цена продаваемому оружию из арсенала была очень дешева, ибо ружье или карабин стоил 2 и 3 рубля; сабля 1 рубль, но, к сожалению, все это оружие к употреблению не годилось, ибо ружья были или без замков, или без прикладов, или стволы у них согнутые, сабли без эфесов, у других клинки сломаны, зазубрены».

Затем Ростопчин пошел и дальше. В день Бородинской битвы народу открывается арсенал для бесплатной раздачи оружия, боевое качество которого довольно образно представил только что процитированный современник москвич. Раздача оружия была обставлена самым торжественным образом. Один из очевидцев дал картинное описание театральной сцены, разыгравшейся в Кремле 26 августа на Сенатской площади (Моск. вед., 1872. № 52). Ро-

---

³⁹ «Купцы, — рассказывает Бестужев-Рюмин, — видели, что с голыми руками отразить неприятеля нельзя, и бессовестно воспользовались этим случаем для своей наживы. До воззвания к первопрестольной столице Москве государем императором в лавках купеческих сабля и шпага продавались по 6 руб. и дешевле; пара pistols тульского мастерства 8 и 7 руб., но когда было прочтено воззвание, то та же самая сабля стоила уже 30 и 40 руб.; пара pistols 35 и даже 50 руб.»

стопчин постарался придать ей самый помпезный характер, вызвав для этой цели из Троице-Сергиевской лавры самого престарелого митрополита Платона. «За колокольной Ивана Великого, — рассказывает этот очевидец, — был воздвигнут амвон»; сюда были вынесены иконы из соборов и отслужен молебен в присутствии генерал-губернатора. По окончании молебна один из дьяконов стал рядом с ним (Платоном), чтобы говорить от его имени, потому что он сам уже был не в силах возвысить свой слабый голос. Пастырь умолял народ не волноваться, покориться воле Божией, доверяться своим начальникам. Митрополит плакал. Его почтенный вид, его слезы, его речь, переданная устами другого, сильно подействовали на толпу. Рыдания слышались со всех сторон. «Владыка желает знать, — продолжал дьякон, — насколько он успел вас убедить. Пускай все те, которые обещают повиноваться, становятся на колени. Все стали на колени... Граф Ростопчин выступил вперед и обратился, в свою очередь, к народу: “Как скоро вы покоряетесь воле императора, я объявлю вам милость государя. В доказательство того, что вас не выдадут безоружными неприятелю, он вам позволяет разбирать арсенал: защита будет в ваших руках”». В этом рассказе гр. Ростопчин стоит как живой.

С какую же целью была инсценирована эта обстановка? Тот же современник говорит: «Граф Ростопчин боялся мятежа. Кроме того, он не успел еще принять надлежащих мер и вывезти из города арсенал, которого не хотел оставить в руках неприятеля». Мы уже знаем, какая рухлядь раздавалась ранее из арсенала. Историки подчеркивают, что другого оружия и не было. И тем как будто отчетливее вырисовывается вся буффонада, придуманная Ростопчиным, — буффонада с защитой Москвы негодным для употребления оружием. Но последнее еще требует проверки. Мы имеем и противоположное свидетельство. «Весь арсенал, — писал И.М. Канцевич Аракчееву 6 сентября, — и прекрасные новые ружья достались неприятелю». (То же самое свидетельствовал и Наполеон в письме Александру I, перечисляя имущество, оставленное в Москве.) И если это так, то демагогия Ростопчина получает уже другое освещение⁴⁰.

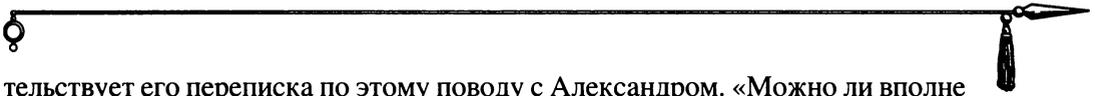
---

⁴⁰ И позже, по оставлении Москвы, когда Глинка предложил Ростопчину вооружить охотничьи дружины, последний, как рассказывает в своих записках Глинка, ответил: «Мы еще не знаем, как повернется русский народ. Мое дело выпроводить теперь дворян из уездов московских». А ведь «расположение народа» заставляло Ростопчина все время «плакать от радости».

Таким образом, собираясь со своими «молодцами» защищать Москву, Ростопчин им не верил. Зато, по-видимому, большие надежды возлагал он на другое средство — воздушный шар, старательно делавшийся под Москвой иностранцем Леппихом. Шар этот послужил впоследствии поводом бесконечных рассуждений в связи с вопросом о пожаре Москвы⁴¹. Вне всякого сомнения, что правительство возлагало серьезные надежды на изобретение, предложенное Леппихом. Сам же Леппих, вероятно, принадлежал к числу прожектёров-аферистов.

Разъезжая по Европе с изобретенным им музыкальным инструментом «панмелодином», Леппих в Париже предложил Наполеону проект о воздушном шаре, который «мог бы поднимать такое количество разрывных снарядов, что посредством их можно было бы истребить целые армии». Наполеон удалил прожектёра из Франции. Весной 1812 г. Леппих предложил свои услуги русскому правительству через Аллопеуса, посланника при Штутгартском дворе. Румянцев сообщил Аллопеусу, что император желает «как можно скорее воспользоваться важным изобретением, которое обещает важные последствия». С самого начала предположения Леппиха были облечены глубокой таинственностью. Д.Н. Свербеев в бумагах губернатора московского Обрезкова нашел два секретных письма, написанные лично Обрезкову. «Вручитель этого, — писал Александр в начале июля, — иностранец Шмидт, объявит вам причину, по которой посылается мною в Москву. Храните ее под завесой непроницаемой тайны не только от московских жителей, но и от главнокомандующего фельдмаршала графа Гудовича. Поместите Шмидта где-нибудь около Москвы и давайте все средства к исполнению его предприятия. Пребыванию его у вас дайте предлогом фабрикации земледельческих орудий или чего другого. Все сношения со мной лично по этому предмету ведите через обер-гофмаршала гр. Николая Александровича Толстого, адресуя ваши ко мне донесения на его имя». Письмо это не оставляет никаких сомнений в серьезности правительственных надежд, и Леппиха, под именем Шмидта, поместили в Тюфелевой роще за Симоновым монастырем, снабдив всеми материалами и необходимым контингентом рабочих. С появлением в Москве Ростопчина Обрезкову было разрешено сообщить новому главнокомандующему «весь ход дела» (второе именное письмо императора Обрезкову). Ростопчин отнесся к проекту Леппиха с подобающей серьезностью, как свиде-

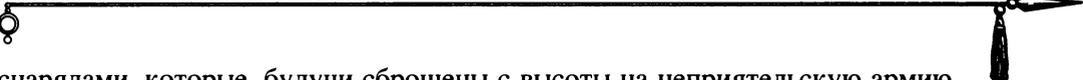
тельствует его переписка по этому поводу с Александром. «Можно ли вполне положиться на него (Леппиха), чтобы не подозревать измены с его стороны, что он не обратит этого открытия в пользу ваших врагов?» — спрашивал Ростопчин императора в письмах от 11 июня, восхваляя за несколько дней перед тем Леппиха как «хорошего и способного механика».

Впоследствии Ростопчин, по своему обыкновению, от всего этого откался. В своей «Правде о московском пожаре» Ростопчин именует Леппиха «шарлатаном», который требовал, чтобы «его работа сохранялась в тайне». «История, — писал Ростопчин, — уже слишком много придала значения этому шару, для того только, чтобы выставить русских в смешном виде... Конечно, никто бы из жителей Москвы не поверил, что Шмидт с такого шара... уничтожит французскую армию». Таково было позднейшее объяснение Ростопчина, когда он старался всеми мерами показать, что не имел решительно никакого отношения к московскому пожару. История с воздушным шаром действительно приобрела несколько «смешной вид». Ростопчин верил в шар до последнего момента. В письмах Александру он систематически сообщает о «воздушном предмете», вверенном его попечению, т. е. «о машине Леппиха». Ростопчин присутствует при всех опытах и сообщает императору, что он совершенно уверен в успехе (30 июня). Ростопчин в начале августа по предписанию императора озабочивается набором военной команды для той же машины, которая будет окончена 15 августа. С Леппихом в мастерской работают 100 человек «17 часов в день». «В этом изобретении, — сообщает Ростопчин императору, — ваша слава и спасение Европы». «Я днем и ночью буду содержать сильную стражу, чтобы никого не пропускали». Ясно, что Ростопчин возлагал большие надежды на изобретение Леппиха. Отсюда и таинственность на первых порах.

Процитированные ранее письма и распоряжения Александра не оставляют сомнения, что те же надежды питал и Александр. Император 8 августа самым детальным образом указывает Ростопчину, какие меры надо предпринять при первом полете, чтобы «не попасть в руки неприятеля», чтобы избежать «неприятельских шпионов» и чтобы шар соображал свои действия с действиями главнокомандующего, который уже предупрежден императором...

Если верить Аракчееву, то и он знал о Леппихе, но относился весьма отрицательно к этой затее, как и к другим прожектерам, в большом количестве появившимся ко времени войны. В «Воспоминаниях о селе Грузине» А. Языков со слов Аракчеева передает интересные диалоги по этому поводу между

Аракчеевым и Александром: «В 1812 г., когда Наполеон приближался к Москве и страх был всеобщий, император Александр мне сказал: “Ко мне явился некто, предлагающий вылить пули, наверно попадающие; дай ему средства делом заняться”. Я осмотрев пулю, позволил себе сказать: “Вы, верно, хотите похристосоваться с вашей армией и подарить каждому солдату по чугунному яйцу? Поверьте, государь, этот изобретатель обманщик: пуля по своей форме далеко и метко лететь не может”. На это император мне сказал: “Ты глуп”. Я замолчал, дал прожектеру что-то делать и забыл о том. Вскоре затем император вновь меня призвал и сказал: “Явился человек, который хочет строить воздушный шар, откуда можно будет видеть всю армию Наполеона, отведи ему близ Москвы удобное место и дай средства к работе”. Я вновь позволил себе сделать возражение о нелепости дела и вновь получил ответ: “Ты глуп”. Прошло немного времени, как мне донесли, что изобретатель шара бежал. С довольным лицом предстал я пред императором и донес о случившемся, но каково было мое удивление, когда император с улыбкой сказал мне: “Ты глуп”. Для народа такие меры в известных случаях нужны, такие выдумки останавливают легковерную толпу хотя на малое время, когда нет средства отвратить беду. Народ тогда толпами ходил из Москвы на расстояние 7 верст к тому месту, где готовился шар... Народ, возвращаясь домой, рассказывал, что видел своими глазами, как готовится шар на верную гибель врага и тем довольствовался». Можно ли поверить, что действительно Александр держался такой точки зрения на леппиховское изобретение? Нет, если беседа Аракчеева с Александром не вымышлена, то она показывает, что Александр старался и от Аркчеева скрыть истину. Самолюбивому Александру, вероятно, было неприятно, что он так легко поверил «шарлатану». Ведь в это время обнаружилась уже полная несостоятельность опытов с воздушным шаром, о предварительных успехах которых неоднократно доносил Ростопчин императору. И Александр желал дать другое объяснение, показать, что он никогда не верил затее Леппиха, т. е. в данном случае Александр поступал совершенно так же, как впоследствии поступал Ростопчин. Несомненный факт, что приготовление шара тщательно скрывали. И о нем в московском обществе узнавали только случайно — через посредство тех лиц, которые помогали Леппиху. Так, напр., узнал об изготовлении шара студент Шнедер, который благодаря своему знакомству даже попал на дачу Леппиха и которому объяснили, что делается «воздушный шар, который движением посредством крыльев можно направлять по произволу. Он поднимет ящики с разрывными

снарядами, которые, будучи сброшены с высоты на неприятельскую армию, произведут в ней страшное опустошение».

Только тогда, когда шар был почти готов, Ростопчин решил поведать о нем московскому населению. «Леппих окончил маленький шар, который поднимает пять человек. Завтра будет опыт, о чем я известил город», — сообщает Ростопчин Александру 23 августа. Объявление московского главнокомандующего, конечно, не могло не заинтересовать московское население. Если некоторые отнеслись несерьезно к объявлению Ростопчина (напр., Глинка, который говорит, что шар строили «к заглушению мысли о предстоящей опасности»), то другие представители образованного общества «верили от души», как замечает Бестужев-Рюмин: «Я говорил о воздушном шаре с одним вельможею, сенатором, которого имени не хочу назвать; он был точно уверен, что воздушный шар истребит неприятельскую армию, и доказывал, уверяя честью своей, что уже сделана проба и собрано было стадо овец, над которым поднялся шар с тремя человеками, и стадо истреблено». К сожалению, сенатор слишком верил «разгульной молве». Из опыта с маленьким шаром ничего не вышло, как «с прискорбием» извещал Ростопчин императора 29 августа: «Шар не поднимал и двух человек». «Леппих, — заключил Ростопчин, — сумасшедший шарлатан». К такому выводу Ростопчин пришел только в самый последний момент, когда ввиду вступления французов в Москву пришлось и Леппиха, и его шар отправлять из города.

С неудачей Леппиха рушилась и надежда Ростопчина. Трудно, конечно, сказать, насколько верил Ростопчин в возможность нового сражения под Москвой, когда писал Александру 29 августа: «Я сделаю все возможное, как и всегда делаю, чтобы доставить князю Кутузову средства одержать победу над чудовищем, который явился для разрушения престолов и уничтожения народов. Москва будет стоить ему много крови, прежде нежели он в нее войдет». Здесь скорее сказывалось обычное хвастовство Ростопчина. Слишком развязно давая обещания и действительно мороча ими всех своих корреспондентов, Ростопчин должен был до конца вести политику самообмана и тем самым сложить ответственность на других. «И когда меня не будет, — писал Ростопчин в том же письме, — живой или умирающий, я постоянно сохранию одно желание, чтобы вы разубедились в людях, удостоенных вашей доверенности и своею глупостью, неспособностью или вероломством приведших вас на край пропасти».

В последние дни в Москве, естественно, царит паника. Уезжают все, кто только может. Ростопчин должен принимать экстренные меры к вывозу ка-

зенного имущества, к отправке раненых, которые в огромном количестве скапливаются в Москве после Бородина и т. д. Но и здесь энергия Ростопчина проявляется совсем в другом направлении. Ростопчин, упрекавший московское общество в шпиономании, готов каждого заподозрить в измене. Ему кажется, что «якобинцы» подговаривают дворян остаться в Москве. Он готов заподозрить в измене чуть ли не весь состав Правительствующего Сената.

Сенат, не получавший никаких предписаний из Петербурга, в ночь на 30 августа послал нарочного в Петербург и ожидал распоряжений министра юстиции. Но гр. Ростопчин признавал только одну свою власть — и без всяких разговоров 30 августа адъютант Ростопчина явился в Сенат и приказал от имени Ростопчина закрыть заседания и «немедленно выехать из Москвы». «Я весьма заботился, — объяснял Ростопчин в «Записках» свой поступок, который, по его собственному признанию, «впоследствии считали деспотическим», — чтобы ни одного сенатора не оставалось в Москве и чтобы тем лишить Наполеона средства действовать на губернии посредством предписаний или воззваний, выходивших от Сената... Таким образом я вырвал у Наполеона страшное оружие, которое в его руках могло бы произвести смуты в провинциях, поставив их в такое положение, что не знали бы, кому повиноваться».

Однако если ограничиться исключительно лишь объяснениями одного Ростопчина, то будет ясно, что истинная причина негодования Ростопчина на Сенат крылась совсем в другом. Ростопчин, по его словам, узнал, что трое сенаторов, принадлежащих к «партии мартинистов» (Лопухин, Рунич, Кутузов), «предложили послать депутацию в главную квартиру, чтобы узнать от главнокомандующего — не в опасности ли находится Москва, и пригласить меня в Сенат, чтобы я сообщил сведения о способах защиты и о мерах, какие я намереваюсь предпринять в настоящих обстоятельствах. Вся эта проделка была делом самолюбия, и Сенат хотел присвоить себе право верховной власти». Давать отчет кому-либо Ростопчин вовсе не намеревался, тем более что его хвастливые обещания не могли найти решительно никакой конкретной поддержки в фактическом положении вещей. И пока «честные люди и мартинисты рассуждали, как отнестись с своими требованиями» к Ростопчину и «отправить депутацию на главную квартиру», Ростопчин своей административной властью разрешил все недоумения, предупредив, что «в случае неповиновения» он немедленно под хорошею стражею увезет «всякого сенатора, который будет упорствовать остаться в Москве». Таким образом и здесь Ростопчин нашел повод выставить себя мудрым спасителем Отечества, су-

мевшим вовремя прервать интригу «мартинистов», хотевших «убедить своих товарищей не оставлять города, представляя этот поступок как долг самопожертвования»... в действительности имея «намерение», оставаясь в Москве, «играть роль при Наполеоне».

Надо ли выяснять, что все это явилось плодом вымысла ростопчинской фантазии в более позднее время, когда его «деспотизм» далеко уже не встречал одобрения в правительственных кругах, когда и его героизм у современников отчасти был поставлен под подозрение.

30 августа, когда происходила сцена с удалением из Москвы сенаторов, Ростопчин, вероятно, уже не думал о защите Москвы. Ночью он получил уведомление от Кутузова, что «Наполеон отделил от своих войск целый корпус, который двинулся по направлению к Звенигороду». «Неужели не найдет он свой гроб от дружины московской, — спрашивал Кутузов, — когда бы осмелился он посягнуть на столицу московскую... Ожидаю нетерпеливо отзыва вашего сиятельства». Казалось бы, вот где Ростопчин мог бы показать реальные результаты своей продуктивной деятельности, своей воинственной пылкости. «Я ему ничего не ответил», — говорит Ростопчин в своих записках. Предложение Кутузова показалось московскому властелину «весьма дурной шуткою», потому что Кутузову «хорошо было известно, что Москва опустела и в ней оставалось не более 50 тыс. жителей». Так рассказывал Ростопчин впоследствии. Но А.Н. Попов не без основания предполагает, что со стороны Кутузова в данном случае не было «злой насмешки». Кутузов мог вполне искренне поверить, что Ростопчин исполнил свое обещание сформировать добровольную дружину (помимо ополчения) из московских обывателей. Ведь он так много говорил, хвастливый московский градоправитель.

Принц Евгений Вюртембергский, бывший в курсе военных дел, в своих воспоминаниях определенно свидетельствует, что Кутузов «рассчитывал, что все, способное носить оружие, население будет его подкреплять, если будет сражение под Москвой».

Ростопчин, конечно, мог бы претендовать на Кутузова, так как и обещания последнего «скорее пасть при стенах Москвы, нежели передать ее в руки врагов», по меньшей мере были «нескромны», по замечанию ген. Ермолова; Ростопчин мог бы говорить, что эти многообещающие слова внушили ему ложное представление о планах главнокомандующего, если бы приступил действительно к организации той дружины, которая должна была явиться вооруженная по первому его кличу, чтобы отразить французов. Мы знаем уже, как боялся дей-

---

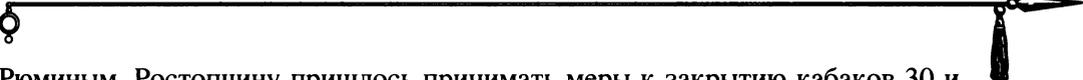

ствительности «русский барин», принявший на себя роль народного трибуна, своих даже невооруженных молодцов. Но при всем том отказаться от приема своей рекламной и фальшивой демагогии Ростопчин не мог.

30-го утром Ростопчин вручает Глинке для немедленного напечатания написанные «летучим пером», как выражается Глинка, «Воззвания на Три горы». На основании разговора по поводу воззвания между Глинкой и Ростопчиным можно видеть, что здесь Ростопчин сознательно выступал с обманом: «У нас, на Трех горах, ничего не будет, — заявил Ростопчин, — но это вразумит наших крестьян, что им делать, когда неприятель займет Москву». «Братцы, наши силы многочисленны... Не впустим злодея в Москву... Вооружитесь кто чем может, и конные и пешие; возьмите только на три дня хлеба. Идите... с крестом, возьмите хоругвей из церквей и с сим знаменем собирайтесь тотчас на Трех горах. Я буду с вами и вместе истребим злодея». Для чего допускал эту фальшь Ростопчин? Для того чтобы поддержать спокойствие и порядок в столице, отвечает он. В действительности мера его привела к совершенно противоположным результатам. Уже объявление 30 августа, в котором Ростопчин заявлял, что он клич кликнет «дня за два», произвело, по словам Бестужева-Рюмина, «ужасное волнение в народе», волнение самое убийственное: стали разбивать кабаки, питейная контора на улице Поварской разграблена, на улицах крик, драка... Словом, Москва в этот день как будто вовсе была без начальства».

Таков был неизбежный результат демагогии Ростопчина, которой пренебрежительно, как мы знаем, боялся кн. Вяземский. Ростопчин в своих записках, в свою очередь, констатирует подобные факты, забывая только сказать или не понимая, что они явились прямым продуктом его литературного творчества. Ростопчин рассказывает о заговоре 12 «негодяев» «поджечь город, ударить в набат и во время общей тревоги и смущения броситься грабить богатые лавки». «За три дня до вступления неприятеля в Москву, — передает Ростопчин, — мне дали знать, что некто Наумов, маленький дворянин, пользовавшийся худою славою, подговаривал лакеев и назначил им место, где надо собраться, чтобы пуститься на грабеж, когда придет время. Он набрал и записал их уже более 600, когда я узнал об этом умысле. Между прочим, меня известили, что он похваляется, что убьет меня самого»...

Как ни мало достоверны все рассказы Ростопчина, можно не сомневаться в существовании подобных фактов — погромные элементы были вызваны к жизни самим Ростопчиным. Ввиду волнения, отмеченного Бестужевым-

Рюминым, Ростопчину пришлось принимать меры к закрытию кабаков 30 и 31 августа. «Я прибегаю к этой мере, потому что множество мародеров, дезертиров и мнимых раненых стекалось отовсюду в Москву; а напиток даром допьяна могло привлечь и часть войск и так находившихся в беспорядке. Пьяные же могли начать грабеж и, может быть, поджечь город, прежде нежели пройдет через него наша армия»...

Но меры Ростопчина уже не достигли цели, как определенно свидетельствует очевидец событий и настроения в Москве в последние дни перед сдачей... Легковерная толпа пошла за патриотическим призывом Ростопчина. 31 августа на Трех горах собралось оставшееся население, чтобы «спасти от наступающего врага Москву». «Народ в числе нескольких десятков тысяч, — рассказывает Бестужев-Рюмин, — так что трудно было, как говорится, яблоку упасть, на пространстве 4 или 5 верст квадратных, как с восхождением солнца до захождения не расходились в ожидании графа Ростопчина, как он сам обещал предводительствовать ими; но полководец не явился, и все с горестным унынием разошлись по домам». Автору воспоминаний казалось, что «малейшая поддержка этого патриотического взрыва, и Бог знает, взошел ли бы неприятель в Москву?». Как ни наивно это предположение чиновника вотчинного департамента, оно ярко характеризует личность Ростопчина, храброго на словах, но не на деле. Ростопчин не явился... Он сознательно морочил оставшееся московское население и боялся обнаружения своей фальши. Он был близок к народу, но до крайности боялся этого вооруженного народа, вооруженного хотя бы и рогатками, вилами и топорами. Демагог не способен был лично поддержать в критический момент патриотического взрыва именно из-за страха.

Очевидно, уже в это время московская толпа чувствует большое озлобление против Ростопчина, он вынужден пообещать на другой день начать действовать: «Я завтра еду к светлейшему князю, чтобы с ним переговорить... я приеду назад к обеду и примемся за дело: обделаем, доделаем и злодеев отделаем». Верил ли кто-нибудь еще в подобные обещания? Вряд ли: в Москве началась уже полная анархия. «Проходя пешком через Москву, — сообщает современник Евреинов, — я ничего более не встречал, кроме беспорядков и безобразий. Кабаки уже начали разбивать». «За сутки пред вступлением в Москву неприятеля... — рассказывает (быть может, не совсем точно) “Очевидец о пребывании французов в Москве”, — нигде не было видно ни одной души, исключая подозрительных лиц, с полубритыми головами, выпущенных

в тот же день из острога: эти колодники, обрадовавшись свободе, на просторе разбивали кабаки... и другие подобные заведения... Вечером острожные любители Бахуса, от скопившихся в их головах винных паров придя в пьяное безумие, вооружась ножами, топорами... и с зверским буйством бегая по улицам, во все горло кричали: “Руби проклятых французов”».

На утро вступления французов в Москву беспорядки, конечно, еще усиливаются. В то время, когда русский арьергард под начальством Милорадовича проходил через Москву, а французский авангард под начальством Себастиани вступал в Москву, на улицах начинался уже разгром домов и лавок опьяневшей толпой.

Мы имеем очень яркие показания русских очевидцев о той картине, которую можно было наблюдать в Москве 2 сентября с утра. На улицах бушует толпа. Она состоит из подонков общества, из «колодников», выпущенных или вырвавшихся из тюрем, — одним словом, из таких элементов, которые совершенно терроризировали мирное население. Ростопчин в 1813 г. определял оставшееся в Москве население в 10 тысяч человек: «Когда Бонапарт взошел в Москву, в ней было всего 10 тысяч жителей» («Из них, по крайней мере, половина всякой сволочи, дожидавшейся, как бы пограбить город», — сообщал Ростопчин в письме Воронцову). В письме Вязьмитинову (30 октября 1812 г.) Ростопчин уверяет, что из 10 000 «наверно» 9000 было таких, «кто с намерением грабить не выехал». Среди этой толпы видную роль играют «колодники», которые, по уверению Ростопчина, все (в числе 120 человек) были отправлены в Нижний. Правда, такое предписание было сделано, но в действительности оно осталось только на бумаге. Помимо французских свидетельств (см., напр., яркую картину у Coignet, Roos и др.) достаточно и русских: вот, напр., как описует Москву в 5 часов дня ближайший друг и помощник Ростопчина А.Я. Булгаков: «У заставы нет никого. Кабак разбит. У острога колодники бегут; их выпустили, или они поломали замки свои... Против Пушкина убивают солдаты наши лавочника. Еду по Басманной — ужасная картина, не у кого спросить, где граф. Грабеж везде ранеными и мародерами». Другая картина, начертанная очевидцем, дворовым человеком: «Перед самым тем временем, как вступил француз в Москву, приказано было разбивать в кабаках бочки с вином. Народ-то на них и навалился; перепились пьянехоньки. Вино течет по улицам, а иные припадут к мостовой и камни лижут. Драки, крик!»⁴² Еще

---

⁴² Т.Т. Тольчева. Рассказы очевидцев о двенадцатом годе.

совершенно аналогичное свидетельство в письме Петра Лунина к Арбенеvu (18 сентября): «В день входа неприятеля главнокомандующим и губернатором распушены были и отворены остроги находящимся в оных преступниках, они, а не французы грабят и жгут наши дома, что и по сие время продолжается». Можно найти и другие указания (см. Шук. сборн.). Но особенно любопытен рассказ оставшегося в Москве начальника воспитательного дома И.В. Тутолмина, который попал в трагическое положение, так как все его рабочие и караульщики перепились, таская из разбитых «войсками» кабаков вино «ведрами, горшками и кувшинами»... (письмо Баранову).

Такую картину представляла Москва 2 сентября. И не только в то время, когда «ни коменданта, ни главнокомандующего, ни обер-полицмейстера, ни квартальных» уже в Москве не находилось. Так было с утра, когда Ростопчин делал свои последние распоряжения.

Перенесемся теперь на двор ростопчинского двора на Б. Лубянке, где суждено было разыгаться кровавой трагедии гибели невинного Верещагина. Этот ужасный эпилог деятельности Ростопчина служит ему лучшим историческим памятником и лучшей личной характеристикой. 10 часов утра. Все готово для отъезда Ростопчина. «Я спустился на двор, чтобы сесть на лошадь, и нашел там с десяток людей, уезжавших со мной, — рассказывает Ростопчин. — Улица перед моим домом была полна людьми простого звания, желавших присутствовать при моем отъезде. Все они при моем появлении обнажили голову. Я приказал вывести из тюрьмы и привести ко мне купеческого сына Верещагина, автора наполеоновских прокламаций, и еще одного французского фехтовального учителя по фамилии Мутона⁴³, который за свои революционные речи был предан суду и уже более трех недель тому назад приговорен уголовною палатою к телесному наказанию и к ссылке в Сибирь, но я отсрочил исполнение этого приговора. Оба они содержались в тюрьме... и их забыли отправить с 730-ю преступниками... Преступники эти... ушли три тому назад... Приказав привести ко мне Верещагина и Мутона и обратившись к первому из них, я стал укорять его за преступление, тем более гнусное, что он один из всего московского населения захотел предать свое отечество; я объявил ему, что он приговорен Сенатом к смертной казни и должен понести ее, и приказал двум унтер-офицерам моего конвоя рубить его саблями. Он упал, не произнеся ни одного слова... Тогда обратившись к Мутону, кото-

---

⁴³ Говорят, что за донос на него Ростопчин уплатил будто бы 1000 руб.

рый, ожидая той же участи, читал мотивы, я сказал ему: “Дарю вам жизнь; ступайте к своим и скажите им, что негодяй, которого я только что наказал, был единственным русским, изменившим своему отечеству”. Я провел его к воротам и подал знак народу, чтобы пропустить его. Толпа раздвинулась, и Мутон пустился опрометью бежать, не обращая на себя ничего внимания, хотя заметить его было бы можно: он бежал в поношенном своем сюртучишке, испачканном белою краскою, простоволосый и с молитвенником в руках. Я сел на лошадь и выехал со двора и с улицы, на которой стоял мой дом. Я не оглядывался, чтобы не смущаться тем, что произошло».

Мы взяли *in extenso* описание «казни» Верещагина, сделанное самим Ростопчиным. Описание, в котором каждое слово звучит фальшью, совершенно не соответствует действительной картине, нарисованной другими современниками. Не говоря уже о характеристике настроения толпы, собравшейся перед домом Ростопчина, — настроения, весьма мало подходящего к тем фактам, которые мы только что могли наблюдать на улицах Москвы по единоголосному показанию современников, Ростопчин, излагая в своих воспоминаниях (1823 г.), не потрудился даже справиться со своими собственными предписаниями и письмами того времени, когда происходило описываемое событие. Он забыл, что предписание о высылке колодников было дано им лишь 1 сентября; он забыл вместе с тем, что 8 сентября он несколько иначе описал казнь Верещагина в письме императору: «Велел нанести ему три сабельных удара. Он прикинулся мертвым, но, увидав, что я уехал, вздумал бежать и попал в руки народной толпы».

Воспроизвести с фотографической точностью трагическую смерть Верещагина, легшую кровавым пятном на совесть Ростопчина, вряд ли возможно. Но и то, что мы знаем, разрушает рассказ Ростопчина. Несомненно, Ростопчин отдал толпе Верещагина. Это засвидетельствовано даже столь близким лицом к Ростопчину, как В.А. Обрезков, рассказ которого о трагической смерти Верещагина передает Д.Н. Свербеев. По словам Обрезкова, когда Ростопчин отдал драгунам приказание рубить «изменника» палашами, «драгуны замялись, приказание повторилось. Удары тупыми, неотточенными палашами последовали, но не могли в скором времени достигнуть цели. Ростопчин велел толпе докончить заранее обдуманную им казнь за измену». В устах другого современника мы услышим сейчас и другое освещение. Столь часто цитировавшийся нами Бестужев-Рюмин передает в своих воспоминаниях рассказ чиновника вотчинного департамента, кото-

рому случайно пришлось сделаться очевидцем «казни» Верещагина. Этот случайный очевидец, явившись в департамент, рассказывал под непосредственным впечатлением: «Ах, Алексей Дмитриевич, какой ужас я видел, проходя мимо дома графа Ростопчина, которого двор был полон людьми, большею частью пьяными, кричавшими, чтобы шел он на Три горы, предводительствовать ими к отражению неприятеля от Москвы. Вскоре на такой зов вышел и сам граф на крыльцо и громогласно сказал: “Подождите, братцы! Мне надобно еще управиться с изменником!” И тут представлен ему несчастный купеческий сын... Верещагин... и Ростопчин, взяв его за руку, вскричал народу: “Вот изменник! От него погибает Москва!” Несчастный Верещагин, бледный, только успел громко сказать: “Грех вашему сиятельству будет!” Ростопчин махнул рукою, и стоявший близ Верещагина ординарец графа, по имени Бурдаев... ударил его саблею в лицо; несчастный пал, испуская стоны, народ стал терзать его и таскать по улицам. Сам же граф Ростопчин, воспользовавшись этим смятением, сошел с крыльца и в задние ворота дома своего выехал из Москвы на дрожках».

В сущности, в соответствии с этим рассказом передают факт почти все современники. Возьмем воспоминания Каролины Павловой, где смерть Верещагина рассказывается на основании «очевидца тогдашних происшествий».

«Когда народ московский, — говорит Павлова, — успокоенный прокламациями графа Ростопчина, которые постоянно твердили о бессилии и скором уничтожении армии Наполеона, вдруг узнал, что эта армия стоит на Поклонной горе, готовая вступить беспрепятственно в Москву, вопль отчаяния пронесся по городу. Озлобленная чернь бросилась к генерал-губернаторскому дому, крича, что ее обманули, что Москву предают неприятелю. Толпа возрастала, разорялась все более и стала звать к ответу генерал-губернатора. Поднялся громкий крик: “Пусть выйдет к нам. Не то доберемся до него!” В этом затруднительном положении граф Ростопчин не потерял присутствия духа... он вышел к народу, который встретил его сердитыми восклицаниями: “Нам солгали. Говорили, бояться нечего, французы разбиты, а французы вступают в Москву”. — “Да, вступают, — ответил громким голосом граф, — вступают, потому что между нами есть изменники”. — “Где они? Кто изменник?” — закричала неистовая толпа. “Вот изменник”, — сказал граф, указывая на стоящего вблизи молодого Верещагина. Этот последний, пораженный бессовестным обвинением, побледнел и проговорил: “Грех вам, ваше сиятельство!” В ту же минуту вся чернь в остервенении кинулась на него,

и между тем как она терзала и убивала несчастного, граф Ростопчин вошел опять в дом, из которого поспешно выбрался на задний двор, сел на готовые дрожки и переулками выехал из Москвы».

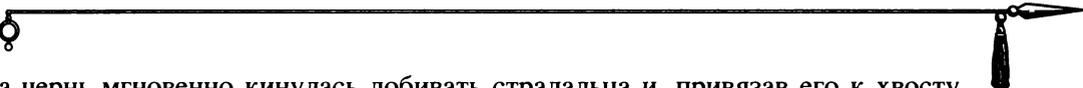
В воспоминаниях Д.П. Рунича при некоторой хронологической неточности передается почти такой же рассказ об этом «чудовищном убийстве». «На рассвете, — говорит Рунич, — решетка, обширный двор его (т. е. Ростопчина) дома от улицы ломились под натиском огромной толпы, состоявшей из низменных, отчаянных подонков столицы⁴⁴.

Ростопчин обратился к толпе с речью и, указывая на Верещагина, сказал, “что изменник своей родине, приготовивший путь врагам, достоин смерти!” — и тотчас приказал жандармам изрубить его саблями, сам нанес ему первый удар и велел бросить тело умирающего невинного страдальца через решетку на улицу. Разгоряченная чернь набросилась на него и волочила его по улицам; Ростопчин сел в ожидавший его легкий экипаж и отправился к армии, только что выступившей из Москвы»... «Вот истинный рассказ об этом чудовищном убийстве», — заключает Рунич.

Выписки можно было бы продолжить. И опять в воспоминаниях декабриста Штейнгеля мы встретимся с таким же освещением: Ростопчин отдал на растерзание Верещагина, чтобы, «пользуясь этим временным занятием черни, можно было с заднего крыльца сесть на лошадь и ускакать из Москвы в момент почти вступления в нее неприятеля». Наконец, другой современник, не только очевидец, но и непосредственный участник «казни» Верещагина, драгунский офицер Гаврилов повторяет буквально то же самое: «С утра густая толпа народа стеклась на дворе и запрудила улицу, шумела, галдела и волновалась... Прокричав на крыльце народу, что Верещагин изменник, злодей, губитель Москвы, что его надо казнить, Ростопчин закричал Бурдаеву (вахмистру Гаврилова), стоявшему подле Верещагина: “Руби!” Не ждавши такой сентенции, он оторопел, замялся и не подымал рук. Ростопчин гневно закричал на меня: “Вы мне отвечаете своей собственной головою! Рубить!” Что тут делать, не до рассуждений! По моей команде: “Сабля вон”, — мы с Бурдаевым выхватили сабли и занесли вверх. Я машинально нанес первый удар, а за мной и Бурдаев. Несчастный Верещагин упал, мы все тут же ушли,

---

⁴⁴ Рунич говорит, что эта толпа явилась, чтобы под начальством ростопчинским отправиться на неприятельское войско. Другой современник (В.И. Сафонович) ставит появление ее в связь с шаром Леппиха. В конце концов, подоплека одна и та же.

а чернь мгновенно кинулась добывать страдальца и, привязав его к хвосту какой-то лошади, потащила со двора на улицу, Ростопчин в задние ворота ускакал на дрожжах»...

Мы видим, как, в сущности, совпадают решительно все показания как очевидцев, так и других современников, рассказывавших о смерти Верещагина или со слов очевидцев, или по слухам. Расхождения только в деталях. И подобная картина не только психологически правдоподобна, но она стоит в полном соответствии с уличной обстановкой в Москве 2 сентября. Перед нами пьяная толпа — толпа, состоящая из общественных низов, наэлектризованная ожиданием вступления французских войск, бегством начальствующих лиц из Москвы, отступлением русских войск, последними распоряжениями Ростопчина об увозе пожарных труб, затоплением в реке пороховых бочек и хлебных барж и т. д. Пред нами толпа, начавшая с утра уже «грабить дома», по собственному признанию Ростопчина... И эта толпа мирно стоит в ожидании того, как граф уедет из Москвы? Как он выйдет для последнего прощания с оставленным в руках французов населением? Толпа, которую систематически натравляли на «злодеев», которой внушали всякие ужасы, которую манили обещанием расправиться в любой момент с «злодеем», если только он появится под стенами священного города, — и эта толпа будет миролюбиво провожать того, кто столько раз фразисто говорил, что он поведет ее на патриотический подвиг защиты столицы? Нет, это слишком невероятно. Пред ростопчинским дворцом собралась буйная толпа, требующая если не ответа, то выполнения обещаний. И московскому барственному демагогу не оставалось ничего более, как трусливо бежать пред личной опасностью и тем ликвидировать свои отношения с московским населением. В жертву народной ненависти было принесено невинное лицо. В тот момент Ростопчину до этого не было никакого дела. Нужен был лишь предлог, чтобы отвлечь на некоторое время внимание⁴⁵.

---

⁴⁵ Непосредственным очевидцем убийства Верещагина пришлось быть, между прочим, известному художнику Тончи, женатому на кн. Гагариной и бывшему «другом» Ростопчина. Тончи в последние дни жил в доме Ростопчина. «Страшное убийство Верещагина», по словам Рунича, произвело на него такое впечатление, что он «сошел с ума». Отправленный во Владимир, он дорогой убежал в лес, затем покушался на самоубийство. Во Владимире, находясь на попечении у брата Рунича, бывшего директором канцелярии Ростопчина, Тончи воображал, что «Ростопчин держит его под надзором, чтобы сделать вторым Верещагиным». А. Булгаков объяснил по-

Такова истинная картина действительных мотивов поступка Ростопчина⁴⁶. Смерть Верещагина произвела сильное впечатление на современников⁴⁷. Против Ростопчина негодовало общественное мнение. «Вот убийство, которое невозможно объяснить, не очерняя памяти Ростопчина», — сказал в своих «Записках» Рунич, при всем своем личном недоброжелательстве к Ростопчину вполне одобрявший его деятельность в московский период. И откликом этого негодования явилось известное письмо Александра, в котором император действительно очень «мягко» делал Ростопчину упрек: «Я бы совершенно был доволен вашим образом действий при таких трудных обстоятельствах, если бы не дело Верещагина или лучше — его окончание. Я слишком правдив, чтобы говорить с вами иным языком, кроме языка полной откровенности. Его казнь была бесполезна, и притом она ни в каком случае не должна была совершиться таким способом. Повесить, расстрелять было бы гораздо лучше». Ростопчин в ответ выставял себя только исполнителем приговора

другому сумасшествие Тончи. Его потрясло «вторжение французов». Его преследовала несчастная мысль, что, подозреваемый в шпионстве, предательстве и неблагоприятии к французам, он сделается первой жертвой Наполеона». Ростопчин дал еще иное объяснение в своей беседе с князем А.А. Шаховским: «Ужас быть убитым крестьянами, а может быть, и слугами своими, распалил пламенное воображение и загнал его в лес. То, что рассказывал более осведомленный брат Д.П. Рунича, и само по себе более правдоподобно».

⁴⁶ Не анализируя этого мнения и не опровергая фактической стороны, автор считает необходимым лишь отметить два обстоятельства: 1) Ростопчин сначала смотрел на толпу с балкона и потом вышел говорить с ней на крыльцо, что указывает на то, что он толпы не боялся, и 2) настроение толпы вовсе и не было страшно. Мутона она не тронула, а Верещагина начала терзать по призыву Ростопчина.

В эти категорические суждения следовало бы ввести ряд фактических поправок — и прежде всего в изложение обстоятельств появления Ростопчина перед толпой в том именно духе, как изложено оно в настоящей статье. Затем все почти современники (и те, кто был очевидцем) свидетельствуют, что настроение толпы, явившейся на генерал-губернаторский двор с требованием, чтобы Ростопчин, согласно своему обещанию, вел народ на Три горы, было очень враждебно по отношению к Ростопчину. На эти показания современников, находящиеся в полном соответствии со всей реальной обстановкой момента, А.А. Кизеветтер и не обратил внимания.

⁴⁷ Близкие Ростопчину люди передавали Свербееву, что в Париже Ростопчин «мучился угрызениями совести, что юный Верещагин по ночам являлся ему в сонных видениях».

Сената, который «единогласно» присудил к смертной казни Верещагина, «злодея по склонности и по образу мыслей». Если бы это было так, то неужели Ростопчин не мог выбрать другого времени для убийства! Ложь здесь слишком очевидна...⁴⁸

Впоследствии были попытки если не оправдать Ростопчина, то смягчить ужасные обстоятельства «казни» Верещагина и найти объяснение поступку Ростопчина. Это пытался сделать кн. П.А. Вяземский, кн. А.А. Шаховской, отчасти и Д.Н. Свербеев. «Потомство, — писал Свербеев в 1870 г.⁴⁹, — не имеет права обвинять Ростопчина в убийстве по расчету, в убийстве для спасения своей жизни. В таком обвинении я умываю руки. Ростопчин мог быть и, по моему убеждению, был преступным убийцею Верещагина, но он не мог быть и не был убийцей из трусости. В этом ручается нам вся его жизнь и каждая его строка, до нас дошедшая». Все изложенное, думается, уже достаточно опровергает мнение Свербеева...

Отдав толпе Верещагина, Ростопчин скрылся. А толпа, возбужденная еще более произведенным неистовством, устремляется в Кремль к арсеналу, чтобы здесь с оружием в руках встретить неприятеля.

На этом можно и закончить повествование о деятельности Ростопчина — спасителя Отечества в 1812 году. «Я спас империю, — гордо и самоуверенно заявлял Ростопчин в оправдательном письме Александру по поводу верещагинского дела. — Я не ставлю себе в заслугу энергии, ревности и деятельности, с которыми я отправлял службу вам, потому что я исполнял только долг верного подданного моему государю и моему отечеству. Но я не скрою от вас, государь, что несчастье, как будто соединенное с вашей судьбою, пробудило в моем сердце чувство дружбы, которою оно всегда было преисполнено к вам. Вот что придало мне сверхъестественные силы преодолевать бесчисленные препятствия, которые тогдашние события порождали ежедневно».

---

⁴⁸ Заметка Свербеева была написана для «Русского архива» по поводу «Мелочей из запаса моей памяти» М.А. Дмитриева.

⁴⁹ И напрасно сын Ростопчина, благодаря кн. Вяземского за защиту отца в письме к издателю «Рус. арх.» (1869, 935), пытался исправить «ошибку, допущенную реабилитатором. «Верещагин, — утверждал он, — был приговорен к смертной казни, и, без всякого сомнения, приговор этот получил бы надлежащее исполнение, если бы не был предупрежден народною расправою»... Призрак Верещагина будет вечно стоять над памятью Ростопчина.

Так казалось Ростопчину в ноябре 1812 г.⁵⁰

Но в момент оставления Москвы Ростопчин, по-видимому, не чувствовал себя так самоуверенно. Отсутствием этой самоуверенности и объясняется отчасти ненависть, которую питает Ростопчин к Кутузову. «Сегодня утром я был у “проклятого Кутузова”, — пишет Ростопчин жене 1 сентября. — Эта беседа дала видеть низость, неустойчивость и трусость вождя наших военных сил»... «Бросают 22 000 раненых, а еще питают надежду после этого сражаться и царствовать». Одно было достоинство у Ростопчина — это грубая прямота. Он, пожалуй, мог про себя сказать то, что писал в своей жизни, описанной с натуры: «Жизнь моя была плохая мелодрама... Я играл в ней героев, тиранов, любовников, благородных отцов, резонеров, но никогда не брался за роль лакеев». Правда, эта прямота отнюдь не вытекала из каких-либо высоких моральных качеств. Ростопчин, несмотря на всю свою барственность и французский лоск, был типичным бурбоном.

Сделавшись врагом Кутузова, он ему с откровенностью писал 17 сентября: «Должность моя кончилась, и я, не желая быть без дела и слышать целый день, что вы занимаетесь сном, уезжаю»... Ведь деятельным был только один Ростопчин — он в этом же упрекал прежде Барклая.

Мы еще встретимся с Ростопчиным в обновленной Москве⁵¹. Но каковы же были реальные результаты его деятельности в Москве до прихода французов? Хорошо подвел эти итоги Л.Н. Толстой в «Войне и мире». Читатель, конечно, помнит меткую характеристику Ростопчина в конце главы V части II, где Толстой говорит об оставлении Москвы населением. «Они уезжали каждый для себя, а вместе с тем только вследствие того, что они уехали, и совершилось то величественное событие, которое навсегда останется

---

⁵⁰ Так казалось впоследствии и некоторым современникам, близким к Ростопчину по своим политическим настроениям. Не любивший Ростопчина Рунич в таких словах охарактеризовывает его значение: «Ростопчин, действуя страхом, выгнал (!) из Москвы дворянство, купцов и разночинцев для того, чтобы они не поддались соблазнам и внушениям наполеоновской тактики. Он разжег народную ненависть теми ужасами, которые он приписывал иностранцам, которых он в то же время осмеивал. Он спас Россию от ига Наполеона». В таком же духе оценивает Ростопчина — «Юпитера-громовержца» — и Вигель: «Если вспомнить, что Москва имела тогда сильное влияние на внутренние провинции и что пример ее действовал на все государство, то надобно признаться, что заслуги его в сем году суть бессмертные».

⁵¹ См. ниже «Патриотические настроения в 1812 г.».

лучшей славой русского народа... Граф же Ростопчин, который то стыдил тех, которые уезжали, то вывозил присутственные места, то выдавал никуда негодное оружие пьяному сброду, то поднимал образа, то запрещал Августину вывозить мощи и иконы, то захватывал все частные подводы, бывшие в Москве, то на 136 подводах увозил делаемый Леппихом воздушный шар, то намекал на то, что сожжет Москву, то принимал славу сожжения Москвы, то отрекался от нее; то приказывал народу ловить всех шпионов и приводить к нему, то упрекал за это народ; то высылал всех французов из Москвы, то оставлял г-жу Обер-Шальне, составлявшую центр всего французского московского населения... то собирал народ на Три горы, чтобы драться с французами, то, чтобы отделаться от этого народа, отдавал ему на убийство человека и сам уезжал в задние ворота; то говорил, что он не перенесет несчастья Москвы, то писал в альбом по-французски стихи о своем участии в этом деле, — этот человек не понимал значения совершающегося события, а хотел только что-то сделать сам, удивить кого-то, что-то совершить патриотически-геройское и, как мальчик, резвился над величавым и неизбежным событием оставления и сожжения Москвы и старался своей маленькой рукой то поощрять, то задерживать течение громадного, уносившего его власть с собой, народного потока».

Не показывает ли все рассказанное выше правильность нередко оспаривавшихся выводов Л.Н. Толстого. Ростопчин действительно не понимал положение вещей. Он фантазировал и всех морочил, желая разыгрывать роль спасителя Отечества, к которой еще менее был пригоден, чем «мальчик».

Если согласиться с Толстым, что оставление Москвы было «величественным событием, которое останется лучшей славой русского народа», то в этом событии, как мы видим, Ростопчин не играл решительно никакой роли. Впоследствии Ростопчин приписал себе и эту славу. Он объяснил даже все свои действия именно этой целью: соблюсти спокойствие в Москве и выпроводить из нее жителей; на деле Ростопчин только препятствовал осуществлению того «величественного события», которое инстинктивно, из страха подготовили московские обыватели... Москва должна была остаться пустой к прибытию Наполеона. Из нее спешно вывозили имущество, деньги, бумаги и т. д. Конечно, в две недели вывезти все было невозможно, а при господствовавшей панике подчас самое главное оставалось. Недаром Волкова 15 октября писала: «Говорят, что в какой-то газете пишут, что Москву сдали опустелую, увезя из нее все до последней нитки. Видно, что,

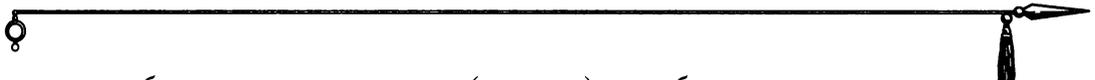
кто в газете пишет, у того в Москве волоса нет». Сколько ни увозили из Москвы, сколько ни зарывали в землю, в столице оставалось достаточно и жизненных припасов, и всякого рода имущества. Недаром на Стендаля Москва произвела на первых порах впечатление одного «из прекраснейших храмов неги». Французы нашли немало барских домов с достаточным штатом дворовых людей, оставленных охранять барское имущество (см., напр., письмо Волковой от 17 сентября, приказчика Сокова к Баташову, в доме которого на Швивой Горке поместился Мюрат).

Можно было бы привести множество рассказов по этому поводу из французских мемуаров. Наполеон был совершенно прав, когда говорил О'Меару 3 ноября 1816 г.: «*Sans cet incendie fatal, j'avais tout ce qui etait necessaire a mon armee*»⁵². Конье утверждает, что провизии хватило бы «на всю зиму». Но вряд ли стоит это делать, потому что этот факт несомненен сам по себе и засвидетельствован, наконец, многими реестрами, которые поданы были правительству после выхода французов из Москвы лицами, потерпевшими от пожара. Беглый обзор того, что осталось в Москве, снимает весь патриотический налет с «великого события», долженствовавшего сделаться неувядаемой славой России. Мы знаем: увозили драгоценные вещи, жемчуги с икон и оставляли народные святыни — мощи⁵³, оставили «за неимением подвод» 332 знамени и т. д. Оставлены были на произвол судьбы, на попечение «злодеев» тысячи русских раненых, проливших свою кровь в защиту Отечества. Указать точную цифру оставленных раненых вряд ли возможно. Мы знаем, что в письме жене 1 сентября Ростопчин исчисляет количество оставляемых раненых в 22 000. Сколько было увезено в последние два дня, когда русские войска проходили оставляемую Москву, — сведения разноречивы. И различные источники насчитывают оставленных раненых от 2000 до 15 000, из которых, по свидетельству Ростопчина, осталось в живых ко времени его возвращения в Москву не более 300. Внук Ростопчина, сын его дочери, гр. Сегюр, написавший жизнеописание своего деда, добавляет к этой печальной

---

⁵² «Без этого рокового пожара у меня было бы все необходимое для моей армии» (франц.).

⁵³ Вывезены были лишь ночью 1 сентября по предписанию Ростопчина викарию московскому Августину иконы: Владимирской, Иверской и Смоленской Богоматери под предлогом, что войска хотят молиться. Это было сделано для того, чтобы «народ ночью сего не приметил».

повести: и большинство несчастных (раненых) «погибло в огне, зажженном соотечественниками» (*Vie de Rostopchine*⁵⁴. Paris, 1873).

Таковы были реальные результаты энергичной деятельности московского главнокомандующего. При всем желании найти что-либо положительное в деятельности Ростопчина, в конце концов, находим лишь отрицательное.

Припомним слова С.Н. Глинки, свидетельствующие о том, что Ростопчин, издавая призыв к населению идти на Три горы, думал якобы этим указать московским крестьянам, что они должны делать, когда французы займут Москву. Можно подумать, что Ростопчину принадлежит инициатива возбуждения народной войны, того образа действий, который спас Россию. Ростопчин целых три месяца подготавливал народное настроение, возбуждая в населении «патриотическую ненависть» к французам. «Мне удалось, — писал он позднее своему постоянному лондонскому корреспонденту гр. Воронцову (28 апреля 1813 г.), — внушить крестьянам презрение к французскому солдату... Я оставался до 26 сентября при главной квартире, разъезжая туда и сюда, чтобы ободрить крестьян и своим присутствием, и своими воззваниями». Но и здесь Ростопчин ошибался. Он был бессилен поднять «патриотизм», который он видел только в человеконенавистничестве⁵⁵.

С.П. Мельгунов

Авангардный генерал

Герой Отечественной войны Яков Петрович Кульнев родился в Люцине в 1763 году.

Окончив Шляхетский кадетский корпус, с награждением серебряной медалью, Кульнев был выпущен поручиком в Черниговский пехотный полк.

Но Кульневу, видимо, на роду было написано стать славным кавалеристом. Переведенный вскоре в Санкт-Петербургский драгунский полк, он отправился с полком в турецкий поход.

Отвага молодого поручика в сражении при Бендерах отмечена светлейшим князем Потемкиным. Во время польской кампании, когда в бою под Брест-Литовском смелая кавалерийская атака решила участь сражения, на

---

⁵⁴ Жизнь Ростопчина (*франц.*).

⁵⁵ См. ниже «На войне 1812 г.».

Кульнева обращает внимание старик Суворов. При кровавом штурме Праги первым, вскочившим с своими конными егерями в город, был Кульнев.

Затем наступает период вынужденного бездействия.

Кульнев не участвует в Итальянском походе. В письме брату звучат грустные ноты:

— Мне скучно стало не видеть перемены в моей службе!.. Впрочем, у войны свои прихоти... *La guerre a ses faveurs, ainsi que ses disgraces!*⁵⁶ Надобно во всем полагаться на волю Божию!..

Судьба готовила Кульневу награду, увековечив вскоре именем храбрейшего генерала.

Переведенный в Гродненский гусарский полк, переименованный впоследствии за отличие в Клястицкий, полковник Кульнев выступил в поход 1807 года и тотчас заставил о себе говорить. Сражения при Гутштадте, Гейльсберге, Фридланде неразрывно связаны с именем Кульнева. Начало войны со шведами и новое назначение в действующую армию дают повод ему воскликнуть:

— Люблю матушку Россию за то, что у нас всегда где-нибудь да дерутся!..

Неукротимый вояка вписывает в этой войне одну из наиболее блестящих страниц в историю русской конницы.

В качестве начальника авангарда Кульнев трижды проходит насквозь Финляндию, в непрерывных боях, день и ночь не сходя с коня, ночуя на биваках среди снегов, всегда с свежими лаврами, нередко без куска хлеба. Ибо никакие обозы не могли поспевать за его конницей.

Наконец, с летучим кавалерийским отрядом Кульнев переходит по льду Ботнического залива и неожиданно появляется под стенами Стокгольма. Фридрихсгамский мир передает России Финляндию и Аландские острова. Кульнев получает от императора шейный Георгиевский крест и пять тысяч рублей золотом.

Он не оставляет себе ни копейки и все деньги отдает матери...

А потом следует борьба на Дунае. Кульнев и здесь, как всегда, состоит начальником авангарда. Быстро, одна за другой, следуют сдача Силистрии, битва при Янтре и Батинская баталия, за которую пылкий кавалерист получает золотую саблю с алмазами.

Наступает двенадцатый год...

---

⁵⁶ У войны свои преимущества и свои несчастья!.. (франц.).

Некоторые главные фигуры европейской политики начала XIX века.
В центре – Наполеон Бонапарт и Александр I. Гравюра 1808 г.

Наполеон в битве под Аустерлицем. Художник Ф. Жерар. 1810 г.

Подвиг конного полка в сражении при Аустерлице. Взятие конногвардейцами знака боевого отличия одного из французских полков. Художник Б.К. Виллевальде. 1884 г

Французская медаль в память сражения при Аустерлице 2 декабря 1805 г.

Австрийский император Франц II. Портрет 1800 г.

Император Александр I. Художник С.С. Щукин. Начало XIX в.

Атака французских гусар в битве при Фриланде. Художник Э. Детей. 1891 г.

Аллегорическое изображение победы
Наполеона в битве под Фриландом.
Севрский фарфор. 1808–1810 гг.

Л.Л. Беннигсен. Художник Дж. Доу.
1820-е гг.

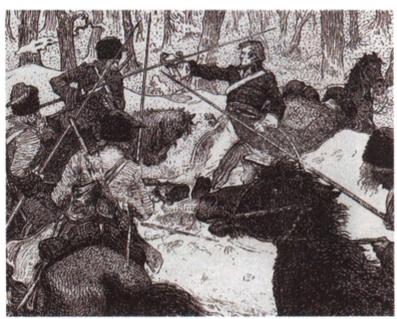
Тильзитский мир. Встреча Александра I и Наполеона в павильоне на середине Немана. 1807 г.
Гравюра Ж.Б. Дебре. 1807 г.

Я.П. Кульнев. Гравюра С. Карделли. 1810-е гг.

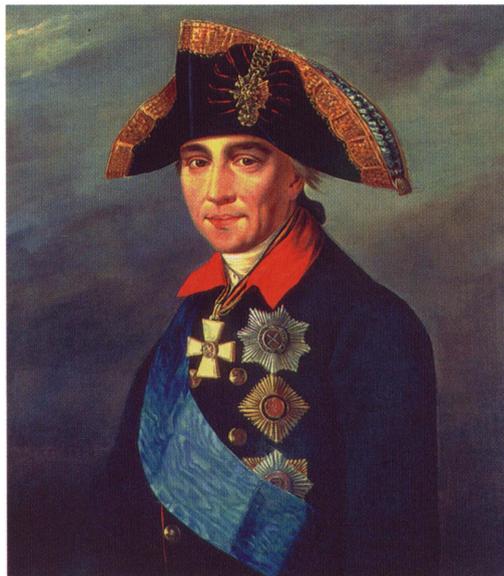
Медаль Наполеона в память о Тильзитском мире

Эпизод Русско-шведской войны 1808–1809 гг. Столкновение шведов с казаками. Рисунки конца XIX в.

Генерал от инфантерии граф Ф.Ф. Буксгевден.
Художник В.Л. Боровиковский

Генерал-фельдмаршал граф М.Ф. Каменский.
Портрет второй пол. XVIII в.

Генерал от инфантерии П.И. Багратион.
Портрет конца XVIII в.

Генерал-фельдмаршал князь М.Б. Барклай-де-Толли. Неизвестный художник с оригинала
К.А. Зенфа 1814 г. 1816–1820-е гг.

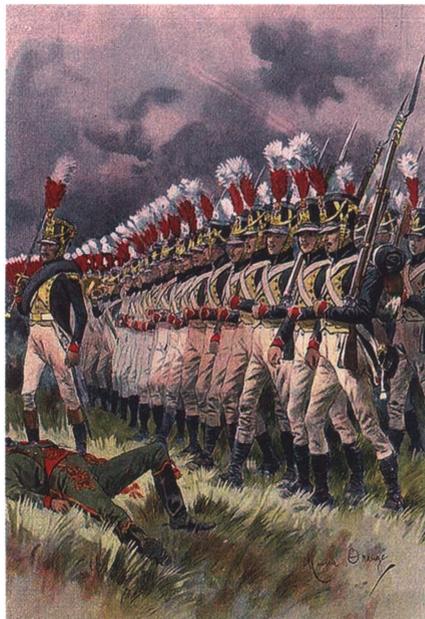
Переправа наполеоновской армии через Неман 24 июня 1812 г. Гравюра 1810-х гг.

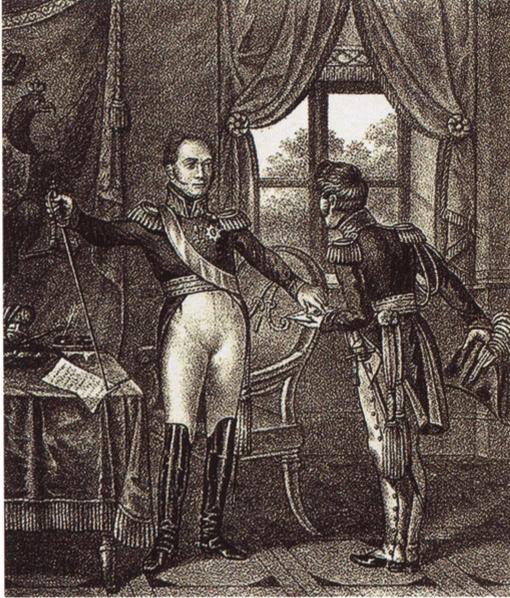
Переправа итальянского корпуса Богарне через Неман 30 июня 1812 г.
Гравюра с картины Альбрехта

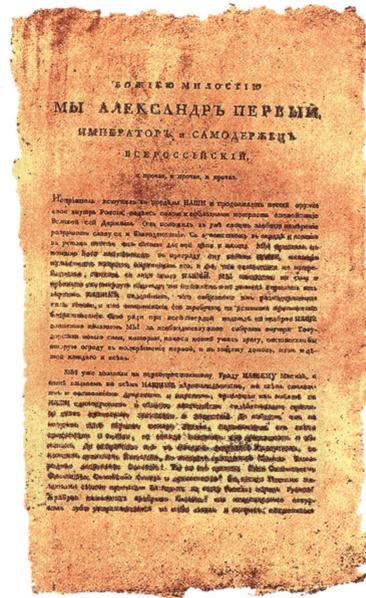
Наполеон и его штаб. Художник
Ж.Л.Э. Мейссонье. 1868 г.

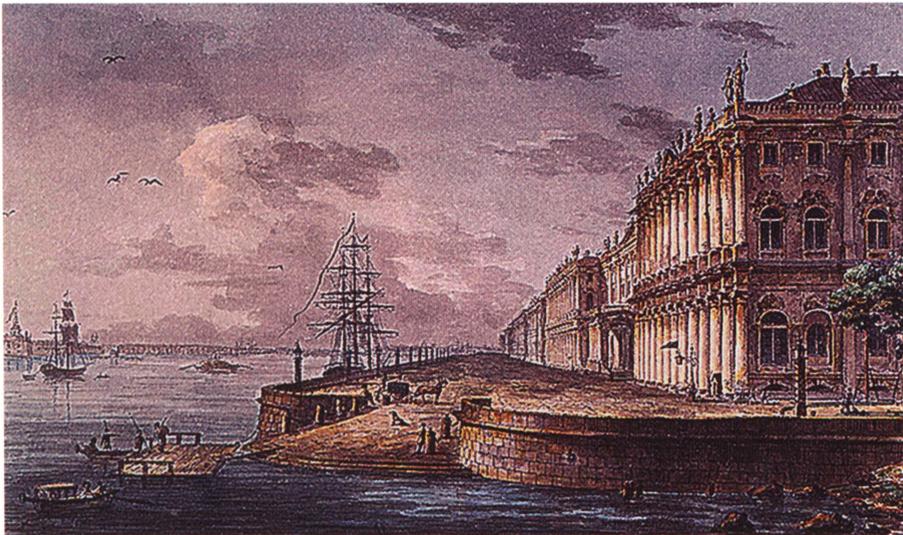
Французы атакуют. Русская кампания
1812 года. Рисунок 1896 г.

Александр I получает известие о вступлении наполеоновской армии на территорию России. Гравюра XIX в.

Манифест Александра I 6 июля 1812 г., объявлявший войну Отечественной

Зимний дворец в Санкт-Петербурге при императоре Александре I. Гравюра 1817 г.

Сражение под Смоленском. Художник А. Адам. 1815–1825 гг.

Юзеф Понятовский. Художник И.О. Грасси.
1810-е гг.

Французские колонны штурмуют
Смоленск. Рисунок XIX в.

Вюртембергцы под стенами
Смоленска обстреливают
Петербургское предместье 18 августа
1812 г. Рисунок Х.В. Фабер-дю-Фора

Великий князь Александр Павлович в детстве. Художник Д.Г. Левицкий. 1787 г.

Великий князь Александр Павлович. Художник Ж.Л. Вуаль. 1792 г.

Император Александр I. Художник С.С. Щукин. 1909 г.

Император Александр I. Первая четверть XIX в.

Император Александр I. Деталь портрета работы Дж. Доу. 1825 г.

Стрелки наполеоновской армии.
Литография 1843 г.

Офицер – конный стрелок
наполеоновской армии. 1810 г.
Литография 1843 г.

Гренадер наполеоновской армии.
1810 г. Литография 1843 г.

Гусар наполеоновской армии. 1809 г.
Литография 1843 г.

Ф.В. Ростопчин. Художник
Н.И. Аргунов. 1815 г.

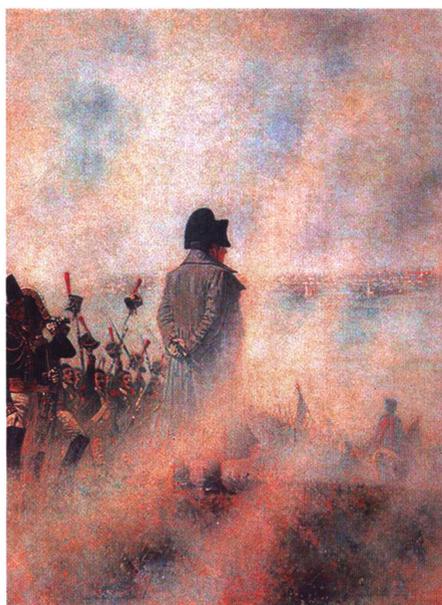
Карикатура, обличающая inferнальную природу
Наполеона. 1812 г.

Граф Ростопчин и купеческий сын Верещагин на дворе губернаторского дома в Москве.
Художник А.Д. Кившенко. 1893 г.

Бегство жителей из Москвы. Художник К.В. Лебедев. Начало XX в.

Наполеон перед Москвой в ожидании
депутации бояр. Художник В.В. Верещагин.
1891–1892 гг.

Поджигатели. Художник И.М. Львов.
Начало XX в.

Пожар Москвы в 1812 г. Художник
И.К. Айвазовский. 1851 г.

Благословение ополченца 1812 года.
Художник И.В. Лучанинов. 1812 г.

Хоругвь Московского
ополчения

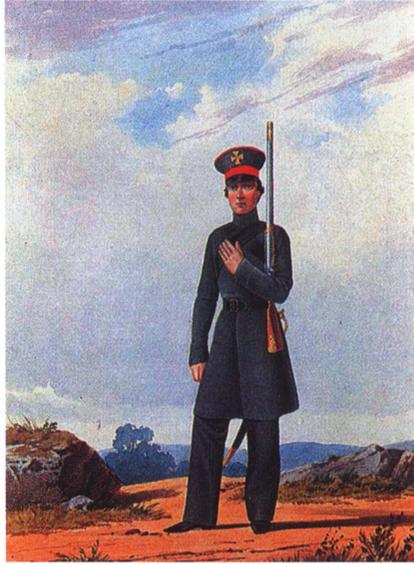
Хоругвь Калужского
ополчения

Русский Сцевола. Карикатура А.И. Тербенева. 1812 г.

Воин и обер-офицер купеческих мешанских сотен Московского ополчения. Литография сер. XIX в.

Урядник пеших дружин Петербургского ополчения. Литография сер. XIX в.

Пешие и конный казаки Рязанского ополчения. Литография сер. XIX в.

Егерь, пеший и конный казаки Тверского ополчения. Литография сер. XIX в.

Наполеон на Бородинских высотах. Художник В.В. Верещагин. 1897 г.

Атака маршала Нея при Бородине. Гравюра по картине Ланглуа. XIX в.

Бородинское сражение. Рисунок 1812 г.

Ранение П.И. Багратиона в Бородинском бою. Художник И.М. Жерен. 1816 г.

Герб рода Кульневых. Фото В.А. Видякиной

* * *

Отечественная война застаёт Кульнева шефом, или, говоря проще, командиром, Гродненского гусарского полка. Полк входил в состав корпуса Витгенштейна, прикрывавшего путь на столицу.

При вторжении Наполеона корпус занимал Россиены. Наступление маршала Удино ставит корпус в опасное положение, отрезывая от главных сил. Кульнев на этот раз командует арьергардом и всю тяжесть удара принимает на свой отряд.

Судьба приводит его действовать на полях, где беззаботно протекло его детство. Он будто предчувствует свой рок. Смелый и бодрый, он становится задумчив больше обыкновенного. Получив перед началом войны аренду в тысячу золотых рублей, он отдаёт её в приданое своей юной племяннице. При отступлении к берегам Двины пишет брату: «Если паду от меча неприятельского, то паду славно, почитая счастьем последнюю каплю крови жертвовать защите отечества... Молись за меня Богу!...»

Невзирая на натиск маршала Удино, корпус в порядке отходит к Дрисскому лагерю. Кульнев переправляется через Двину, отличается на разведке и, захватив в плен двести «гишпанцев» и французский отряд с генералом Сен-Жени во главе, первый дает донесение о движении армии Наполеона.

Кульнев занимал штаб-квартиру в монастыре бернардинов. Святые отцы не слишком изнуряли свою плоть постом, и погреба их не уступали погребам ясновельможных польских панов. Кульнев опоил пленных французов польским медом и за чаркой вина выведal всю подноготную. Рыцарь душой, он избегал прибегать к крутым мерам. Донесение Кульнева сыграло крупную роль.

Весть об удаче Кульнева, первом значительном деле в Отечественную войну, взятие в плен первого французского генерала делают имя Кульнева широко известным и популярным. Репутация его упрочена окончательно. Имя «авангардного генерала» гремит по всей армии. На Сен-Жени, привезенного в Москву, народ сбегался смотреть, как на диво...

19 июля произошел Клястицкий бой.

После деятельного участия в этой памятной битве Кульнев преследует отступающих французов. Преследование ведется горячо и успешно. Кульнев захватывает весь французский обоз и 900 пленных.

Решительная победа под Клястицами подымает дух русской армии. Французы перестали считаться непобедимыми. Солдаты сложили даже веселую песенку:

Не боимся Удино,
Он для нас одно дерьмо!..

Кульнев гнал противника без передышки и, в ожидании «сикурса», оторвался от главных сил. Увлеченный преследованием и «ретирадой» французов, на другой день, в дождливое туманное утро, неожиданно бросается на бригаду генерала Корбино, опрокидывает ее и натывается на главные силы противника.

Силы его многочисленны. Кульнев тщетно пытается остановить натиск французов. Лично предводительствуя Гродненским гусарским полком, бросается несколько раз в атаку. Все усилия бесполезны.

Кульнев переводит отряд на правый берег Дриссы. Удрученный боевой неудачей, слезает с коня и, став у орудия, сам наводит пушку на не-

Я.П. Кульнев. Художник Дж. Доу

приятельскую колонну. Французское ядро отрываете ему обе ноги выше колена...

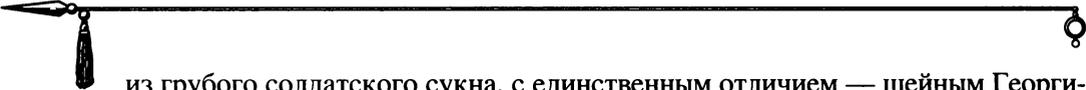
Тело Кульнева было предано земле близ деревни Сивошина. Несколько елей оттеняли камень, на котором было начертано:

«На сем месте пал, увенчан победою, храбрый Кульнев, как верный сын, за любезное отечество сражаясь. Славный конец его подобен славной жизни. Оттоман, Галл, Германец, Швед зрели его мужество и неустрашимость на поле чести. Стой, прохожий, кто бы ты ни был, гражданин или воин, и почти память его слезою!»

* * *

Кульнев пал сорока девяти лет, отдав тридцать из них войне и походам. Он был видного роста и сухощав. Темно-русые волосы рано пробил седина. Смуглое лицо, крупный нос, черные глаза под нависшими бровями, усы и огромные бакенбарды, придавали ему суровый вид. В обществе был молчалив и задумчив. Горе и нужда рано познакомились с ним.

Недостаток средств заставил его с молодых лет быть неприхотливым. Привыкший к умеренности, он ел простую солдатскую пищу, носил доломан

из грубого солдатского сукна, с единственным отличием — шейным Георгиевским крестом. Не любил разгула и шумных гусарских пирушек.

Но под суровую оболочку скрывались горячее сердце, ум, образованность. Ласковый с подчиненными и боготворимый солдатами, Кульнев был неумолим и строг по службе. В характере героя было немало суворовских черт.

— Живу по донкишотски! — говаривал он приятелям. — Странствующим Рыцарем печального образа, без кола и двора, но милости прошу пожаловать!.. Голь на выдумки хитра!.. Попотчую собственным стряпаньем и чем Бог послал!..

В письмах брату попадают следующие фразы: «Подражаю полководцу Суворову и, кажется, достоин того, что меня называют учеником сего великого человека... А в общем, прозябаю в величии нищеты римской... Ты скажешь — это химера?.. Отнюдь нет... Чтение Квинта Курция есть беспрестанное мое упражнение»...

Таков был Кульнев в обстановке мирного времени.

В бою он перерождался. Был весел, шутлив, разговорчив и тем веселее, чем больше было опасности. Свист пуль и грохот орудий приводили его в восторг. Он забывал себя и ежеминутно рисковал жизнью.

Когда бой утихал, к Кульневу возвращалось обычное хладнокровие. Начальствуя авангардом при наступлении, арьергардом при отступлении, не сходил с коня днем, не снимал сабли ночью, при первом выстреле появлялся в передовой линии:

— Не сплю для того, чтобы другие спокойно спали!

Подобной же бдительности и исполнения долга требовал от каждого офицера, и горе тому, кто выказывал лень или небрежность. В бою требовал не пригибаться и не кланяться ядрам, а заметив «поклонников», накидывался с саблей, угрожая «изрубить на куски».

Но в настоящее бешенство приводили его малодушие или обида, нанесенная мирным жителям. Ненасытный и неукротимый в бою, Кульнев не мог без волнения наблюдать страдания человека и даже животного...

Блестящими подвигами и чертами характера Кульнев приобрел славу истинного героя, которую упрочила его кончина — первого русского генерала, павшего в Отечественную войну.

Вся Москва облеклась в траур.

Когда знаменитая певица Сандунова запела в театре: «Слава, слава, генералу Кульневу, положившему живот за отечество!», зрители залились сле-

зами и крики «ура!» смешались с рыданием. Смерть Кульнева Жуковский облек в пленительные стихи:

Где Кульнев наш, ругатель сил,
Свирепый пламень брани?
Он пал, главу на щит склонил
И стиснул меч во длани.

Где жизнь судьба ему дала —
Там брань его сразила,
Где колыбель его была —
Там днесь его могила!..

В 1831 году прах героя перевезен в Ильзенберг, Режицкого уезда, и над ним воздвигнут был храм. Гробница, с прикованным к ней французским ядром, поддерживается до сей поры. В 1911 году ближайшая станция Межвиды, по высочайшему повелению была переименована в Кульнево. Герой числился шефом 6-го Клястицкого и лейб-гвардии Гродненского гусарских полков.

Гробница Я.П. Кульнева. Фото В.А. Видякиной

В Люцине долго существовал, показывавшийся, как достопримечательность города, дом, в котором Кульнев провел свое детство...

* * *

Заканчивая портрет Кульнева, следует сказать несколько слов о потомках.

Один из внуков, генерал-майора Ильи Яковлевич Кульнев, был вскоре после убийства в 1905 году генерала Мина назначен командиром лейб-гвардии Семеновского полка. Назначение это объяснялось не столько личными заслугами, сколько уважением к имени славного деда.

Два старших сына Ильи Яковлевича были друзьями моей юности.

Один из них — мичман Николай Кульнев, погиб в Цусимском бою, на флагманском броненосце «Князь Суворов».

Другой — лейтенант Ильи Кульнев, погиб в последнюю войну, во время разведки на гидроплане в Балтийском море...

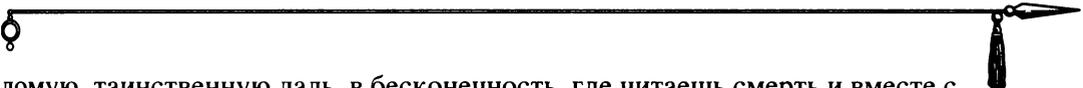
Ю.И. Галич

Генерал-майор ЯКОВ ПЕТРОВИЧ КУЛЬНЕВ и его гусары

Кто же пьет под звук гитары?
Это Кульнева гусары.

У Русского Царя в чертогах есть палата
.....
Толпою тесною художник поместил
Сюда начальников народных, наших сил,
Покрытых славою чудесного похода,
И вечной памятью двенадцатого года.
Но в сей толпе суровой
Один меня влечет все больше...

Суровые воинственные черты лица, богатая кудрявая растительность, особенно густые бакенбарды, придающие «волчий вид» одухотворенному лицу, а главное — задумчивый грустный взгляд, уходящий куда-то в неве-

домую, таинственную даль, в бесконечность, где читаешь смерть и вместе с ней бессмертие. Я остановился и прочитал: «Генерал-майор Яков Петрович Кульнев».

Кавалер орденов: Св. Анны 1-й степени, Св. Георгия 3-й степени и Прусского «Пур лэ мерит», имеющий золотую саблю с алмазами и надписью «За храбрость», родился в 1763 г. в г. Люцине, уездном городе Витебской губернии.

Происходя из небогатого дворянского рода, 8 лет поступил в Сухопутный кадетский корпус, в эпоху расцвета этого военного заведения при знаменитом директоре Бецком, который окончил с большой серебряной медалью, и в 1785 г. выпущен поручиком в Черниговский пехотный полк.

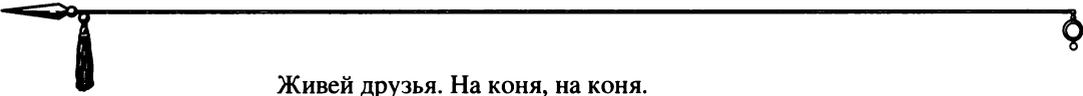
Но судьба предназначила ему быть кавалеристом, и в том же году он переведен в С.-Петербургский драгунский полк, с коим пошел на вторую Турецкую войну, где был отмечен кн. Потемкиным 3.XI.1789 г. при сдаче крепости Бендеры.

После Ясского мира переведен в конноегерский Переяславский полк, в корпус генерала Кнорринга, и участвовал в делах под Ошмянами, Лидою и у Вильно во время Польской войны. Корпус ген. Кнорринга присоединился к армии Суворова, и Кульнев имел счастье обратить на себя внимание его.

Участвовал далее в разбитии польских войск Сераковского у Кобрина 4.IX.1794 г., преследовании поляков, в деле у селения Муховец и совершенном рассеянии их 8.IX у Брест-Литовска, где смелая кавалерийская атака и удар в штыки решили сражение. За сии дела произведен в ротмистры.

5000-й отряд Мокрановского был охвачен у Кобылки, в 14 верстах от Праги. Кульнев находился в бою, где командовал сам Суворов. Поляки были истреблены. При штурме Праги 24.IX русская конница прикрывала артиллерию, шедшую с резервами, за 7 штурмовыми колоннами; она ворвалась в Прагу, где пехота завладела валом; Кульнев с переяславскими конными егерями один из первых вскочил в Прагу. В сентябре 1794 г. награжден чином майора. Переяславский конно-егерский полк вскоре был расформирован.

Кульнев был переведен в Сумский гусарский полк, стоявший тогда в г. Сумы. Суворов в это время венчал лаврами русское оружие в Италии. Пылкой душе Кульнева наскучила однообразная жизнь мирной стоянки, в глуши, с обыденными балами и гусарскими пирушками; его манило на простор в ту неведомую, запретную даль, куда глядели глаза, как поет Шиллер в этой родной всякому кавалеристу «Песни кавалериста»:

Живей друзья. На коня, на коня.
На поле! На волю честную!
На поле, на воле ждет доля меня.
И сердце под грудью я чую,
Кто смерти бестрепетно выдержит взгляд,
Один только волен, а кто он?.. Солдат.

Он надеялся участвовать в кампании 1805 года и отличиться.

«У войны свои прихоти на добро и зло, и надо полагаться на волю Божию. Для чести и славы России не буду щадить живота своего», — писал он брату. Но пламенное его желание не сбылось.

Полк в войне не участвовал. Потеряв надежду, Кульнев хотел оставить службу. Наконец, мечты его исполнились. Он был переведен в Гродненский гусарский полк, впоследствии Клястицкий, в чине подполковника, и выступил в летний поход 1807 г. Это была золотая пора истинного гусарства, полное военное братство, солдаты спасали в бою офицеров и наоборот. Все сопряженное с риском привлекало молодых офицеров: кража невест, волокитство, играли в карты даже на походе, верхом. Повод закладывался за левую руку, в которую брали карты, правой рукою снималась первая карта и клалась под правую ногу, вторая под левую и т. д. Нигде, никогда не существовало такого истинного товарищества, как у гусар тех времен. Сплетен, подстрекательства не было — выключали из среды. При ссорах примиряли седые офицеры, перед авторитетом которых преклонялись.

Ф.В. Булгарин пишет: «Корпус офицеров в кавалерийском полку — это была одна семья, все было общее: и деньги, и время, и неприятности, и опасности». На саблях дрались из-за каждой мелочи, до первой крови, а затем, в ресторане, — мировая за стаканом вина. На пистолетах редко — при вопросах чести. Кутили, бушевали; смелость, храбрость, лихость нижних чинов, воспитанных на преданиях старины — рассказы ветеранов:

Свищет пуля — не моргни.
Если в деле — руби смело.
Коль в атаку повели,
Ты меня не удержи.
Богу душу поручи:
Есть нужда, так уж умри.

Кульнев ожил духом. Состоя в отряде генерала Платова, Гродненский гусарский полк, будучи разделен на мелкие отряды, вел бои с частями ген. Заиночека, в коих особенно отличался Кульнев. Находясь в авангарде, сражался при Гутштадте 24.V.1807 г., а на другой день с двумя эскадронами гусар преследовал французов, вытесненных из Александровфа. Сбитый с позиций при реке Пассарге, неприятель хотел защищаться, рассыпав стрелков. Кульнев со своими и Ридигера эскадронами атаковал их, опрокинул и взял более 100 пленных. Увидя на другом берегу обоз, бросился вплавь через реку, отбил мортиру и до 40 ящиков с амуницией. Французы бросили на Кульнева три эскадрона. Он взорвал ящики, атаковал французов в конном строю, отбросил за милю, а сам отвел свои эскадроны, ввиду превосходных сил неприятеля, за реку.

Здесь произошел подвиг рядового Гродненского гусарского полка Акима Плеша, ярко рисующий доблесть гусар тех времен. Дав своему прикрытию, под командой унтер-офицера Кузьмина, кинуться в реку, Плеш бросил горящий фитиль. Страшный треск произвел тревогу в обеих армиях. Кульнев со своими эскадронами был уже на своей стороне. Плеш плыл верхом, а Кузьмин держал под уздцы пленного французского гусара.

После этого дела имя Кульнева стало хорошо известно в армии. Вручая ему орден Св. Владимира 4-й степени с бантом, генерал Беннигсен добавил: «Шум ваших побед дошел до меня».

29.V Кульнев участвовал в Гейльсберской битве, а 2.VI у Фридланда. Во время одной атаки Гродненский гусарский полк, увлеченный известной пылкостью, был окружен французами. Плен Кульнева казался неизбежным, но он со своими гусарами пробился через превосходные силы неприятеля. Император Александр I наградил его чином полковника и орденом Св. Анны 2-й степени, а товарищи стали произносить его имя с большим уважением.

После Тильзитского мира началась война со Швецией.

«Люблю нашу матушку Россию за то, что у нас всегда где-нибудь да дерутся!» — радостно говорил Кульнев.

В ожидании подкреплений шведские генералы отступили на север. Кульнев преследовал отряд ген. Адлеркрейца, отходивший от Таммерфорса через Киро, Нумиярви и Иллистро. Адлеркрейц с тысячью семистами финнами шел безостановочно, среди вьюг, метелей, мороза до 25° по Реомюру. Кульнев не отставал от неприятеля, снабжавшегося населением. Лишенный вообще интендантского подвоза, действовавшего медленно и слабо, он отчаянно боролся с лютой стужей, голодом и лишениями.

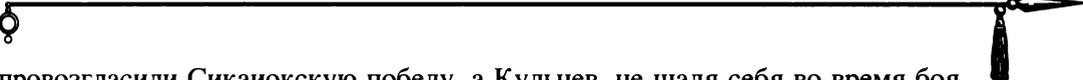
Как только Адлеркрейц остановливался, на него нападали Кульнев. Нельзя было вводить в схватки много людей в узких, лежавших между снежными сугробами тропинках. Как звероловы, перестраивались солдаты, шли поодиночке, кидались на своих противников в штыки и приклады.

В конце марта Кульнев достиг Гамле-Карлеби, где поступил под начальство генерала Тучкова 1-го, пришедшего из Куопио и направившего его для наблюдения за шведами. 1.IV со свойственной ему быстротой настиг Кульнев шведов у Лалаиоки и опрокинул их передовые посты. 4.IV приблизился к Пиханоки. Пехота наша, три батальона с 6 орудиями, шла береговой дорожкой, а два эскадрона гродненских гусар и 200 казаков, левое крыло, тянулись по льду Ботнического залива, недалеко от берега. Вскоре Кульнев догнал шведов, ставших на позицию. Пока пехота и артиллерия встречали русских пушечным и ружейным огнем, нюландские драгуны пошли льдом залива в обход левого крыла. Кульнев приказал передовым казакам отступить, заманивая неприятельскую конницу, уже расстроенную движением по льду. Дав нюландским драгунам приблизиться, Кульнев атаковал их своими гусарами и казаками, смял и преследовал по гладкой поверхности льда. Много драгун пало, а 70 взято в плен, среди них руководивший операцией начальник штаба шведских войск граф Левенгельм с адъютантом. Казаки, ранив его пикою в горло, собирались убить.

— Кульнев, Кульнев, спасите меня! — кричал граф, увидя приближавшегося Кульнева, который немедленно бросился к нему, вызволил из рук казаков, вытер кровь и отвел в сторону.

Сделавшись впоследствии известным дипломатом, Левенгельм всегда с восторгом и умилением говорил о Кульневе. Видя поражение конницы, шведская пехота отступила и была преследуема Кульневым до Пиханоки. Шведский арьергард остановился у Брагештеда, был сбит и тесним Кульневым до Сикаиоки, где, получив подкрепление, остановился. В двух верстах стояла шведская армия, успевшая уже соединиться.

Не зная о близости неприятельских главных сил и разделяя мнение Главнокомандующего о дальнейшем их отступлении, Кульнев атаковал авангард у Сикаиоки, прямо в центр. Сопrotивление было сильнее обыкновенного, и Кульнев приказал обойти фланги, ослабив свой центр. Получив подкрепления, шведы ударили свежими войсками на центр расположения русских. Превосходство сил, несмотря на стойкость наших войск, заставило Кульнева отступить, потеряв убитыми, ранеными и пленными 350 человек. Шведы

провозгласили Сикаиокскую победу, а Кульнев, не щадя себя во время боя и кидаясь в самые опасные места, после не скрывал своего горя, что первая неудача в Финляндии выпала на его долю.

Здесь началась вторая, самая тяжелая часть кампании, отступление заравшейся и разбросанной на большом пространстве русской армии. Отбросив Кульнева, шведы 15.IV атаковали отряд Булатова, разбили его наголову, взяв его самого в плен с простреленной головой, а затем стали обходить левый фланг Тучкова 1-го. Огромное превосходство в силах, а также восстание народа, бывшего раньше вполне лояльным, заставили Тучкова 1-го отступить на 150 верст до Гамле-Карлеби. Во время отступления арьергардом командовал Кульнев. Приходилось бороться не столько с неприятельской армией, сколько с вооруженным народом, ломавшим мосты и плотины. Скрываясь в засеках, на скалах и в дремучих лесах, он производил внезапные нападения. Сражаясь в продолжение целого дня, Кульнев должен был лично бдительностью предохранять отряд свой от набегов ночью: «Я не сплю и не отдыхаю, чтобы армия спала и отдыхала». Он, можно сказать, надевал на себя одежду при начале войны, а снимал при заключении мира. Ночью снимал только саблю, кладя у изголовья. Только днем, получив известие от дальних разъездов, позволял себе умыться, переменить белье. Конь стоял всегда оседланным у ночлега. При первом известии о выстреле или движении неприятеля с ординарцем или вестовым являлся в цепь и лично удостоверился, нужно ли поднимать весь авангард или его часть.

Ночью каждый возвращавшийся начальник разъезда обязан был будить его и доносить о виденном, что и происходило 7—8 раз за ночь. Малейшая оплошность начальника могла быть гибельна отряду, но искусно одолел Кульнев все трудности отступления.

Между морем, по которому мог приплыть враг, и взволнованным народом гнездились наши гусары между прибрежными утесами, где, стоя на посту, были часто атакованы партизанами. Наши транспорты отбивались неприятелем до прибытия в отряд. В апреле началось таяние снегов. Сама природа остановила продвижение шведов. В июне операции возобновились.

Авангардом корпуса Тучкова 1-го, поступившего под начальство генерала Раевского с целью соединиться с отрядом генерала Баркляя де Толли, шедшим из Куоппо, командовал Кульнев. Войдя в связь с Барклаем де Толли, Кульнев возвратился к Раевскому, стоявшему у Лаппо, при нападении на который он снова отличился.

После сражения у Лаппо 1.VI.1808 г. Раевский вынужден был отступить к Алаве. Кульнев прикрывал отступление, борясь с еще большими трудностями, чем при отходе от Гамле-Карлеби, ибо народная война была в полном разгаре. Подвергаясь нападениям днем и ночью, войска Раевского, оберегаемые Кульневым, не имели хлеба; солдаты рыли землю, искали картошку и, не находя ее, питались корнями. Не унывал Кульнев и бодростью духа и умением обращаться с солдатами поддерживал истощенные силы своего отряда. Находясь в тяжелом положении, Раевский созвал военный совет, на который был приглашен и Кульнев.

Единогласно решено было отступление, но оно было непродолжительным. В половине июля корпус Раевского принял будущий герой Финляндской войны генерал Каменский; широкое поле деятельности открылось для неутомимого и пылкого Кульнева.

Прибыв 14.VII к войскам, Каменский сначала продолжал отступление и стал между озерами Ланге и Паяна, от Кутоиса до Кумолакса. Шведы стояли у Сальми, где их главнокомандующий граф Клингспор ожидал подкреплений. Две недели прошли в бездействии. Отряд ген. Каменского был усилен до 10 000 человек при 38 орудиях. Прибыл в том числе и 2-й батальон лейб-гвардии Уланского полка. Запасшись продовольствием, граф Каменский перешел в наступление, имея от главнокомандующего графа Буксгевдена вместо оперативного плана приказ: «Победить!» «Невзирая на малое число войск ваших, — писал ему Буксгевден, — Вы должны разбить неприятеля. Боже, помоги успехам Вашим. Взоры всей армии устремлены на Вас».

Каменский вручил авангард, конечно, Кульневу и двинулся из Алаво 19.VIII, намереваясь атаковать графа Клингспора, занимавшего сильную позицию впереди Сальми, у Куортанского озера. Под начальством Кульнева были: 3-й егерский полк, три роты Петровского, два эскадрона гродненских гусар, казаки. Он повел атаку на шведов, засевших в редуте у Кухолашбы, с фронта, а конница охватила их с флангов, чтобы перехватить врага в случае отступления. Видя это, шведы отступили до Маенея, построившись за рекой, где был у них шанец; Кульнев повторил маневр, и шведы побежали, преследуемые по пятам. В пылу погони Кульнев вскочил на мост при Руона, длиною в 100 сажень, защищаемый батареями. Встреченный убийственным огнем, Кульнев должен был возвратиться и поставить свой авангард в виду главной позиции гр. Клингспора.

20.VIII произошло Куортанское сражение, отличавшееся особым упорством и ожесточением сражавшихся. Обе стороны остались на занимаемых ими позициях. Ночью Каменский решил, наконец, отступить и приказал обоим вытягиваться на большую дорогу. В это время явился Кульнев:

— Граф! Шведы отступают.

Как всегда, последним предаваясь сну, Кульнев после боя объезжал поле сражения, проверяя передовые цепи. Всматриваясь в шведский лагерь, он заметил, что их ведеты стояли реже обыкновенного и было мало движения. Опытный взгляд угадал отступление. Каменский, ласковый с офицерами и солдатами, но гордый с генералами, бросился при этой вести на шею Кульневу. Это была самая большая заслуга Кульнева на всем его боевом поприще, даровавшая России победу в этой войне.

Ведь Каменский собирался уходить, шведы провозгласили бы себя победителями, и от России потребовались бы новые большие усилия. Посланные Кульневым на разведку казаки донесли, что шведский лагерь пуст. Мост был починен, и Кульнев, идя, как всегда, впереди, догонял шведов. Настигши их арьергард у Сальми, после троекратных атак, завершённых штыковой, он сбил их с позиций и гнал 10 верст. Граф Клингспор отступил к Оровайсу, теснимый Кульневым. Позиция шведов считалась неприступной, и Каменский приказал не начинать сражения, но нетерпеливый Кульнев ввязался в бой и, теснимый во много раз превосходящим его неприятелем, вынужден был поспешно отступить. В это время подошел Каменский с главными силами. Была не битва, а побоище. Казалось, неприступная позиция была взята, и на ней взвился русский флаг.

Каменский, зная горячее, пылкое сердце Кульнева, всегда стремившегося идти вперед, не считаясь с препятствиями, не осудил его за ошибку, дав возможность заглядить ее смелым преследованием, а кроме того, представил его к чину генерал-майора, считая Кульнева творцом победы. Здесь особенно ярко доказала свое превосходство новая тактика, введенная Кульневым, — усиливать цепи застрельщиков не в центре их расположения, что легко обращало их в беспорядочную толпу, а на флангах; прорвавшийся неприятель сам попадал в клещи.

Кульнев, желая поддержать свою горячо любимую мать, находившуюся в затруднительном материальном положении, просил заменить ему повышение чином денежной наградой. Император Александр I пожаловал ему орден Св. Георгия 3-й степени и 5 тысяч рублей, кои были до копейки переданы матери.

«За Богом молитва, за Государем служба не пропадет. Я счастлив», — писал он брату.

Каменский решил использовать победу под Оровайсом и неуклонно шел вперед, имея впереди отряд Кульнева, имевший ежедневно перестрелки с неприятелем. Путь был очень труден — много речек и проливов, возобновление разрушенных мостов, переходы вброд.

11.IX Кульнев взял Гамле-Карлеби и продвинулся на три версты, но, остановившись у разрушенного моста, получил приказание дальше не идти, так как главнокомандующий граф Буксгевден заключил 17.IX у Лахто перемирие со шведами. Гамле-Карлеби осталось за русскими, и в нем стоял эскадрон гродненских гусар, совсем оборвавшихся за поход. Русские и шведские офицеры ездили друг к другу в гости. Скромное угощение сопровождало пирам и «беседам» — водка и карты. Между недавними врагами господствовало взаимное уважение и побратимство. Не случилось ни одного недоразумения между «гусарами Кульнева», как тогда уже называли гродненских гусар, и шведами.

Император Александр I прекратил 7.X.1808 г. перемирие, заключенное на севере между гр. Каменским и гр. Клингспором. Военные действия возобновились. Каменский пошел 20.X вперед, имея во главе Кульнева, который повел свой авангард на неприступную позицию при Химанго, оставленную шведами, и догнал их при реке Калаиоки, на укрепленных высотах. Дороги были испорчены, гусары утонули в грязи, мосты разрушены, продовольствия больше, чем недостаточно. Но, несмотря на это, Кульнев отбросил неприятеля 25.X за реку, но был там встречен артиллерийским огнем и вынужден остановиться. На следующий день подошел Каменский. Шведов необходимо было отбросить хотя бы уже из-за отсутствия продовольствия, которое надеялись найти в неразоренной еще войною местности, до прибытия запоздавших интендантских транспортов. 28.X у Пиотиса Кульнев был контужен, но остался в строю и стал у Калаиоки, а Каменский повел корпус в обход по болотам. Заметив движение русских, шведы отступили, но Кульнев, не упуская их из виду, гнал до Пихаиоки. Здесь помог мороз. 2.XI.1808 г. река покрылась ледяной коркой, на нее настлали солому, положили доски и поливали водой. Лед хрустел, но пройти удалось. Лошади пошли не по доскам, а вплавь расседланными — для них лед прорубили. Гусары шли по сделанной дорожке, а седла везли в лодках. Каменский повторил свой фланговый марш, шведы отступили, очистили Брагштедт и остановились у Сикаиоки, где уже

побывали русские войска во время весеннего похода под командой того же Кульнева. Генерал Киеркер, сменивший гр. Клингспора, видя безвыходное положение, просил перемирия, уступая Улеаборг с тем, что шведские войска очистят Финляндию до Торнео.

7.XI было заключено 2-е перемирие «Олькиокская Конвенция». Русские заняли всю Финляндию. Гродненские гусары растянулись аванпостами вдоль реки Кеми. Для того чтобы уяснить хоть немного обстановку, при которой приходилось чудо-богатырям Кульнева завоевывать дикую страну, где климат и природа были куда страшнее неприятеля, обратимся к Ф.В. Булгарину:

«В августе холода. В октябре морозы. В ноябре полная зима. Северный ветер под 66° северной широты жег, как пламя; почти у всех щеки были покрыты струпьями. На бивуаках дежурные должны были обходить спящих и будить тех, у кого заметят следы обмороживания. Хуже всего было стоять на аванпостах, без огней, в ужасную стужу, в открытых местах. Приходилось закрываться от ветра срубленными елками в виде веера и плясать, т. е. перепрыгивать всю ночь с ноги на ногу, размахивая руками. Мундиры все изорвались; одежда — добытое тряпье; обуви недоставало. У Пиоптиса, так как стужа не успела скрепить почву, русский отряд очутился по пояс в топях и воде. За 8 часов прошли 5 верст. Гусары шли пешком, так как лошади не могли ступить по болоту, у людей, тянувшихся полузамерзшими тундрами, ноги коченели от холода, головы горели, пот лил с лица градом. По словам финского поэта Рунеберга:

Мерз до костей и голодал,
Но побеждал, страдая».

Так прошел Кульнев три раза Финляндию, два раза во главе авангарда, а один раз арьергарда, т. е. всегда выносил на себе всю тяжесть боев, сражаясь не только с врагом, но и с природой, день и ночь не сходя с коня, ночуя на биваках, среди снегов или непроходимых болот, со свежими лаврами, но нередко без куска хлеба, ибо никакие обозы не поспевали, а интендантство плохо справлялось с поставленной задачей.

Как с покорением Кавказа тесно связано имя славного Нижегородского Драгунского полка, так с завоеванием Финляндии — доблестного Гродненского Гусарского и его героя Кульнева, который не только охранял армию и прокладывал дорогу, но был ее действительным «оком», что и привело к

Куортанской победе, решившей кампанию; в те времена это была одна из важнейших задач кавалерии, особенно легкой.

12.XII.1808 г., через семь с половиной месяцев после производства в полковники, император Александр I наградил его чином генерал-майора. 20.XII.1808 г. все 10 эскадронов гродненских гусар поступили в Нюландский корпус генерала Боговута.

В Гельсингфорсе парад «героев в лохмотьях» принимал гр. Буксгевден, смененный вскоре генералом Кноррингом, приказавшим Гродненскому полку идти к старой финляндской границе для пополнения конского состава.

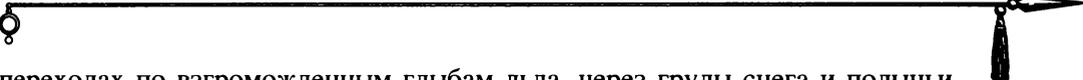
Непреклонная воля императора Александра I определила кончить войну перенесением операций в недра шведского государства. Кн. Багратиону была указана дорога на Стокгольм, через Аландские острова, пока, союзница русских в данный период, северная зима покрывала ледяным мостом пространства Балтийского моря от Финляндии до Швеции.

Поэтому только 2-й батальон гродненцев, пять эскадронов, пошел к русской границе в Ребольский погост, Олонецкой губернии, а 1-й был присоединен к 17-тысячному корпусу кн. Багратиона, собиравшемуся в конце февраля 1809 г. между Або и Ништадтом для похода на Аландские острова. Кульнев батальон гродненцев принял и был затребован кн. Багратионом из Або в Гельсингфорс.

В этот день князь Багратион давал жителям столицы Финляндии бал. Это была та славная рыцарская пора, когда бои сменялись балами, недавние враги пировали вместе, уважая и отдавая должное друг другу; лилась кровь, но вскоре она терялась в потоках вина, залечивавшего раны.

Одевшись в парадную форму, Кульнев поспешил на квартиру кн. Багратиона. Как только он вошел в залу, все танцевавшие остановились, сидевшие встали с мест, а все общество кинулось благодарить его за сохранение спокойствия жителей, где командовал он — герой Куортани, Сикайоки, Оровайса. Отойдя в сторону, кн. Багратион и Кульнев составили план первоначальных операций, обессмертивших последнего в анналах русской истории.

Деревни на малых островах были сожжены шведами, жители перебрались на Большой Аланд, где у ген. Дебельна было собрано 6000 отборного войска и 4000 вооруженных крестьян, которым король приказал во что бы то ни стало отстоять архипелаг. Авангард, состоявший из гродненских гусар, донцов, уральцев и лейб-казаков, вел Кульнев. 26.II.1809 г. выступили на острова с юга. Шведы уходили без боя, и все затруднения похода состояли в тяжелых

переходах по взгроможденным глыбам льда, через груды снега и полыньи. Войско остановилось на снежных сугробах и ночевало на покрытом льдами море.

— С нами Бог! Я перед вами, а кн. Багратион за нами! На марше быть бодрым и веселым. Уныние свойственно одним старым бабам. По прибытии на бивак чарка водки, каша с мясом, ложе из ельника и спокойная ночь! — приказы Кульнева при выступлении из Финляндии.

Правительство в Швеции переменялось и желало мира. К русскому главнокомандующему были посланы парламентареры. Они были пропущены в нашу Главную квартиру, но кн. Багратион шел дальше. Идя во главе колонны гр. Строганова, забирая пушки и пленных, Кульнев настиг арьергард шведов у Эккера, на крайнем западном пункте острова. Разбитый, он поспешно бежал в Швецию.

У Фребенсби гусары атаквали на льду неприятельский арьергард, взяли 400 пленных и отбили знамя Сюдерманландского полка. У острова Сигналскера взяты снова с боем 2 пушки, 144 пленных, а полк. Энгельбрехтен с 14 офицерами и 422 ниж. чина положили оружие. Бросая оружие, обоз, противник бежал в Швецию.

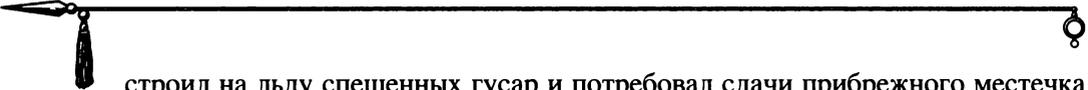
Главнокомандующий приказал оставить на Аландских островах отряд кн. Багратиона, а на шведский берег послать через Аландсгоф только конный отряд в составе трех эскадронов гродненских гусар, лейб-уральской сотни и 400 донцов, под командой Кульнева. Прибыли обувь и обмундирование; многие до этого тряпьем обматывали ноги.

Собравшийся у рыбацких хижин Сигналскера отряд услышал хорошо знакомый грозный голос:

— Поход до шведских берегов венчает все труды наши. Сии волны истинная награда наша, честь и слава бессмертная. Море нестрашно тому, кто упоает на Бога. Отдыхайте же, товарищи!

Ночью выступил Кульнев. Шел 8 часов по следам шведов, через ледяные громады Аландсгофа, оглашаемые громом «ура».

Измученные передовые отряды шведов не верили своим глазам, видя, как гарцевали казаки на льду моря. Шведские егеря встретили Кульнева за версту от берега. С обыкновенными его словами: «С нами Бог» — атаквали гусары шведов с фронта, казаки бросились с флангов и понеслись в их тыл. Шведы были смяты, бежали, оставив 86 пленных и отстреливались из-за береговых утесов и деревьев. Кульнев спешил уральцев, послав их перестреливаться, вы-

строил на льду спешенных гусар и потребовал сдачи прибрежного местечка Гриссельгама, уверив, что сопротивление бесполезно — идет сзади сильный русский корпус на Нертель, ближе к Стокгольму. Шведы прекратили бой.

— Благодарение Богу, честь и слава российского воинства на берегах Швеции. Я с войском в Гриссельгаме воспеваю «Тебе, Бога, хвалим». На море мне дорога открыта, и я остаюсь здесь до получения ваших повелений, — докладывал Кульнев кн. Багратиону, который эту типичную депешу послал императору Александру I.

От Гриссельгама до Стокгольма расстояние менее 100 верст.

Эскадроны расположились на большой дороге биваком, выслав разьезды в глубь страны. В этот же вечер в Стокгольме стало известно о появлении «Кульнева гусар» на шведской земле, что породило там панику.

Отряду угрожали две опасности: шведы, узнав о малочисленности отряда русских, могли выслать подавляющие силы, а кроме того, перемена погоды. 7.III.1809 г. началась оттепель, что при южном ветре и прошедшем дожде угрожало взломом льда.

Посланный Кульневым корнет Глебов привез от ген. Кноринга приказ немедленно вернуться в Сингалсквер. В 6 часов вечера эскадроны достигли Аланда, море начинало вскрываться, пришлось сделать обход версты на три. Сделав привал в Сингалскере, гродненцы к утру 9.III пришли в Фребенсби, совершив, с потерей только четырех человек, поход, казавшийся немислимым.

Прибывший в Або император Александр I пожаловал Кульневу орден Св. Анны 1-й степени, а всем бывшим в Швеции войскам по два рубля и серебряную, на голубой ленте, медаль. Для России особенно важно было удержать Аландские острова, где был оставлен сильный гарнизон ген. Демидова, помощником был назначен Кульнев.

Военных действий больше не происходило, а по Фридрихсгамскому миру Финляндию и Аландские острова получила Россия.

В преданиях Гродненского гусарского полка «Поход через море» стал вечной полковой легендой. Еще в 20-х годах прошлого века пели:

Вот вам, братцы, как ходили,
По льду к шведским берегам,
Да как врага разбили,
Как заняли Гриссельгам.

Могила героя

Где Кульнев наш, рушитель сил,
Свирепый пламень брани?
Он пал, главу на щит склонил,
И стиснул меч во длани.

Жуковский

В жизни часто бывают странные воспоминания... Они приходят вдруг; как будто свежий ветер налетел издалека в раскрытое окно... Всколыхнул занавеску, стряхнул пепел с догорающей папиросы и ушел, оставив на душе грусть.

Сегодня, глядя на заснеженные березы, я вспомнил, как когда-то в Латвии я посетил могилу героя Отечественной войны генерал-майора Якова Петровича Кульнева.

Тогда так же, как сегодня, стлы в розовом дымке морозные дали, так же в серебряном инее стояли старые березы и злая поземка заметала дорогу.

Я вылез тогда из мучительно медленного товарно-пассажи́рского поезда на крошечной станции в бывшей Псковской губернии, недалеко от советской границы. Там, куда в снежной пыли уходил, раскачивая сигнальным фонарем, последний вагон моего поезда, была Россия. Та Родина, которую я видел в последний раз сквозь грязный иллюминатор, мальчиком-кадетом, уходя на итальянском пароходе «Прага» из Новороссийска. Как давно это было...

Маленькая, занесенная глубокими сугробами станция жила своей незаметной, но кропотливой жизнью. Скрипя снегом, по платформе прошел начальник станции с свернутым, полинялым красным флагом под мышкой. Из-за запотевшего окна дежурной комнаты слышался стук телеграфного аппарата. Где-то хлопнула дверь и чей-то женский голос, смешно цокая по-псковски, крикнул: «Аленка, идешь, что ли?» Я оглянулся. От колодца невдалеке, еле справляясь с огромными валенками, шла девочка-подросток, повязанная синим платочком. На ее детских плечах лежало гнущее крестьянское коромысло и покачивались два ведра воды. За станцией, на унавоженном рыжем снегу, у изгрызенных деревянных коновязей понуро жевали сено несколько крестьянских лошадей, запряженных в розвальни. Это была Россия...

— Кульнево-то? Эвоно, за лесом, баринок... — весело блестя коричневыми медвежьими глазками сказал мне тщедушный мужичок в рваном тулупе, подпоясанном веревкой, обдав меня запахом самогона. — За лесом, баринок.

Через полчаса я ехал, подпрыгивая на ухабах, к синевшему бору. Ходко бежала ладная крестьянская лошаденка, комья снега летели мне в лицо, и перед глазами маячила сбившаяся в сторону сырмятная шлея.

— Кульнев? — говорил за моей спиной подвыпивший возница. — Знаем его. А как же? Герой... Отечественный... — Затем он неизвестно для чего сплюнул в сторону и принялся скручивать козью ножку. Через минуту до меня долетел запах махорочного дыма. Мы ехали около часу молча.

— Вот оно, Кульнево, — сказал, наконец, возница, указывая кнутовищем вдоль дороги. Невдалеке на пригорке, окруженная старыми березами, стояла церковь. Бледное зимнее солнце тускло горело на ее крестах, давно не золоченных. Было видно, как редкие галки вились, борясь с ветром, вокруг ее зеленых куполов.

— Вот тут-ай и есть его могила... Отечественный!.. — еще раз убедительно повторил мой мужичок и в сердцах хлестнул свою лошаденку под заросшее зимней шерстью брюхо.

Мы свернули с большака и подъехали к домику настоятеля Кульневского храма. Маленький, с подслеповатыми замерзшими окнами, весь заваленный огромными снежными сугробами, стоял он на косогоре, со всех сторон открытый ветрам. Полуразвалившийся плетень, около которого вились зигзагом следы и жалась дрожащая под ветром рябина, — все такое старое и бедное... такое родное.

На мой стук мне долго не открывали. Мне даже стало казаться, что дом пуст, но свежепорубленный хворост и чьи-то следы, ведущие от колодца к крыльцу, говорили о том, что в доме живут. Наконец я услышал за дверью осторожные, шаркающие шаги. Дверь отворилась. На пороге стоял старик в потертой лиловой рясе. Медный, местами позеленевший крест висел у него на груди. Я попросил благословения. Батюшка благословил меня красной старческой рукой, глядя поверх меня в синее, холодное небо. Только теперь я увидел, что он был слеп... Я с трудом объяснил ему цель моего прихода.

— Так, так... — наконец поняв меня, закивал он. — На могилу... Провожу, провожу, — бормотал он, одевая на голову меховой треух. — Уж так и быть, провожу...

Через минуту мы шли с отцом Василием по заметенной снегом дороге к церкви. Вокруг нас с далеких снежных просторов ветер мел поземку и печально и тонко пел в облетелых прутьях придорожных кустов...

— Сорок лет... вот этак... хожу... — бормотал, шаркая рыжими кожаными калошами, подле меня отец Василий. — Храм-то заштатный ныне... Попадью схоронил... Бог с ней... Сам ослепнул... все хожу... Раньше, бывало, храмовой праздник... народу... телег... из Петербурга некоторые господа приезжали, а теперь тишь... холод... Бог с ним... — И он, махнув рукой, закашлялся долгим старческим кашлем. Мы подходили к церкви.

Белая и легкая, в дивной прелести своего александровского ампира, она, как сказка, стояла на холме, окруженная столетними березами, убранными в серебро морозного инея.

Отец Василий вынул из-за пазухи огромный ключ и, сняв свой треух, перекрестился: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа...»

Тяжело скрипнула зеленая тяжелая дверь, и мы вошли в церковь. Было полутемно, и гулко звучали наши шаги... Пахло ладаном и сыростью — так пахнет в пустых церквях, в старых гробницах. В занесенные снегом окна с толстыми решетками скупо пробивался дневной свет.

Направо у стены — каменное надгробие... Несколько жестяных венков с поблекшими от времени георгиевскими лентами прислонилось к нему. На зеленой от сырости стене в стеклянном ящике — кривая гусарская сабля с георгиевским темляком. На гробовом камне старинной вязью начертано:

«Под камнем сим покоится тело героя Отечественной войны, генерал-майора Якова Петровича Кульнева», а еще ниже: «Прохожий. Кто бы ты ни был — воин, гражданин или купец, стань на месте сем, сними шляпу и почти память его слезоу...»

Сын городничего заштатного городка Люцина, он грозил когда-то Стокгольму, перейдя по льду Ботнический залив... Наполеон сказал про него: «Если бы не этот Кульнев... мне было бы легче»... Это он взял в плен первого французского генерала и оставил ему его шпагу... Это его молодцы-гусары пели песенку: «Не боимся Удино, он для нас одно...» Это он, этот огневой гусар, с заросшим бакенбардами лицом, лежа в луже собственной крови, в бою под Клястицами, крикнул:

— Чего глядите?.. Ваше место там!.. По коням!..

Все прошло... Осталась маленькая белая церковь среди снежных просторов... Остались эти черно-оранжевые ленты и на них «Клястицкие гусары — славному своему шефу».

Еще осталась слава — она вечна.

Кульневские торжества в 1932 году

У этой могилы, нам надо учиться,
как любить нашу Родину-Россию.

По Северо-Западной железной дороге, в сторону С.-Петербурга от города Режицы, находится небольшая станция Межвиды. В юбилейный 1912 г. по Высочайшему повелению она была переименована в Кульнево. От этой станции, в западном направлении, в 4 верстах находится имение Кульнево, принадлежавшее генералу Я.П. Кульневу, прах которого покоится в склепе под Кульневской церковью.

Как известно, генерал Кульнев был убит французским ядром в 1812 г. у деревни Клястицы, командуя Гродненским гусарским полком, который впоследствии был переименован в гусарский Клястицкий генерала Кульнева полк. Первоначально генерал Кульнев был похоронен у поля боя, недалеко от деревни Сивуги или деревни Клястицы, но потом, по повелению императора Николая I, прах Кульнева был перевезен в родное имение Кульнево и похоронен под Кульневской церковью, сооруженной в александровском стиле во имя св. пророка Илии. В церкви с правой стороны в глубокой нише находится мраморная гробница над могилой генерала Кульнева; она обнесена чугунной оградой, столбики которой украшены позолоченными двуглавыми орлами. У изголовья гробницы на левом углу ядро, которое оборвало жизнь генерала. На верхней стороне ясно вырезан герб рода Кульневых, ниже надпись: «Генерал-майор Я.П. Кульнев». С восточной стороны, под толстым стеклом, портрет Я.П. Кульнева, написанный от руки. На полукруглой стене находилась большая витрина, за стеклом которой, на подушке голубого бархата, хранилась серебряная лавровая ветка, обвитая георгиевской лентой, с орденом Св. Георгия и гусарским шнуром. Витрину окружали металлические венки. Над гробницей люстра-паникадило, сложенная из штыков и тесаков, вделанных в большое ядро-бомбу. У настоятеля хранилась книга «Генерал Кульнев», где повествовалась боевая жизнь генерала.

Во время захвата большевиками Балтики в 1918—1919 гг. настоятель Кульневской церкви отец Николай, его родственники и некоторые прихожане унесли тайком из церкви витрину, портрет генерала, все венки и спрятали по хуторам, все это и уцелело.

*Памятная надпись в часовне Кульневу
от почитателей. Фото В.А. Видякиной*

Ворвавшись в церковь и увидя золотые двуглавые орлы, большевики два орла сломали, но могилу не тронули. Уходя, сказали отцу Николаю, что еще явятся, чтобы вскрыть могилу, но Господь не допустил до этого.

Настоятелем Кульневской церкви был много лет протоиерей о. Николай (фамилию не помню). Когда отец Николай, потеряв зрение, ушел на покой, настоятелем был назначен его зять, священник о. Арсений Слесаренко, который не меньше своего тестя заботился о могиле. Эта забота передалась другим. Могила утопала в цветах, часто служили панихиды по болярине Якову, много горело свечей и лампад. В день храмового праздника 20 июня по ст. ст. на Кульневские торжества приезжал глава Православной Церкви в Латвии владыка Иоанн. Из соседних приходов приезжали священники и тысяч до трех русских людей из ближайших деревень и хуторов, привозя роскошные венки.

Все сараи, пуни и столоды в имении и на хуторе у священника были заняты. Кому не хватало места, зажигали костры на берегу реки и у костров

коротали ночь. Духовенство находило приют в доме гостеприимного и хлебосольного кульневского священника.

Мы, русские скауты-разведчики и сокола, каждый год приходили походным порядком.

Постараюсь нарисовать картину Кульневских торжеств 1932 г.

Рано утром 19 июня мною был отправлен в Кульнево обоз из двух подвод походной кухни.

К 10 ч. утра 19 июня из Двинска к моей квартире приехали на велосипедах братья-сокола и сестры-соколки. Отряд построился развернутым фронтом, имея на правом фланге оркестр из 16 скаутов-разведчиков. В две шеренги стали сокола и соколки в парадной сокольской форме, а за соколами вытянулись в две шеренги скауты-разведчики, имея посохи у правой ноги. Всего в отряде было около 200 человек.

Приняв знамена и прочитав молитву, отряд под моей командой и под браваурный марш выступил в Кульнево. Выйдя на Петербургское шоссе, я сделал привал. Оглянувшись, я был поражен: за отрядом следовали пешком, на бричках и повозках мамыши, папаши, тетушки, сестры, братья, друзья и подружки соколов и скаутов.

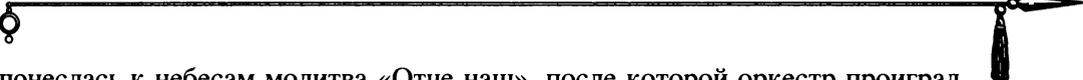
На походе, когда не играл оркестр, неслась русская красивая и могучая песня. Пел не только отряд, пели все, кто шел и ехал за отрядом. Из хуторов и деревень выбегали к шоссе старики, старухи, дети. Глядя на нас, они крестились и плакали. «Бородино» и «Взвейтесь соколы орлами» разносились по полям и рощам, которые давно не слышали могучей русской песни.

Под «Староегерский» марш отряд, бодро и держа отчетливое равнение по взводам, прошел мимо имения Кульнево, церкви, через хутор священника и вступил в свой лагерь.

С наступлением темноты резкая труба оповестила «сбор» на вечернюю поверку. Отряд выстроился впереди лагеря, фронтом к саду хутора священника, где собралось все духовенство во главе с владыкой и все гости.

После проверки по взводам и команды «смирно» трубач играл зорю.

День угас, и наступил вечер теплый, светлый: луна в полном сиянии царила на небе, освещая мягким светом золотые кресты Кульневской церкви, гусарскую усадьбу, хутор священника, белые палатки лагеря, тихую голубую ленту реки и стройные шеренги отряда, играя отблесками на меди труб оркестра. Труба умолкла и после команды «На молитву, шапки долой» отряд дрогнул в три приема, взяв пилотки в изгиб левой руки. При полной тишине

понеслась к небесам молитва «Отче наш», после которой оркестр проиграл «Коль славен». Под короткий марш отряд разбежался по палаткам и столам.

Ночь. Часовые у знамен, дежурный сокол по отряду и дневальные у палаток охраняли крепкий и здоровый сон русской молодежи. Ночь сменилась светлым и теплым днем. В 6 ч. утра после сигнала «подъем» отряд проснулся, зашевелился. К 10 ч. утра в стройной колонне, имея впереди два больших венка, подошел к Кульневской церкви, где владыка Иоанн и 8 священников служили литургию. По углам гробницы стали 2 сокола и 2 разведчика почетными часовыми, а у изголовья 2 знаменщика. Церковь была полна молящихся. Дивно пел местный хор, который пополнился соколами, соколками, родственниками и друзьями соколов.

Перед началом панихиды владыка Иоанн сказал слово, закончив его словами: «У этой могилы нам надо учиться, как любить нашу Родину-Россию».

Когда знаменщики уходили из церкви и склонили над гробницей знамена, все молящиеся стали на колени. В глубокой благоговейной тишине были слышны рыдания и видны тихие слезы.

Перед воротами церкви развернутым фронтом построился отряд, который, приняв знамена, замер после моей команды «смирно». Под встречный марш подошли к параду и стали впереди ворот: принимающий парад полковник Дыдоров, брат старосты двинских соколов — доктор Б.Б. Зубарев, владыка Иоанн и полковник ф. Бек. Владыко Иоанн благословил парад.

Утром 21 июня, поблагодарив милого отца Арсения и его добрую матушку за любовь и ласку, отряд, пройдя усадьбу священника, при крике собравшейся толпы гостей, подошел к Кульневской церкви. Была прочитана молитва перед походом, после которой отряд вытянулся по дороге на Режицу.

Прибыв в Режицу, я поблагодарил свой милый Русский отряд за дисциплину, за поход и отпустил по домам.

К.С. Лейман

Генерал барон ЖОМИНИ

Среди наших военных есть немало лиц, которым имя генерала Жомини известно лишь по бессмертным стихам Дениса Давыдова «Песня старого гусара» и, в лучшем случае, по кое-каким сведениям о его военно-научной деятельности.

Однако личность генерала Жомини и его служебная карьера настолько интересны и оригинальны, что они заслуживают нашего внимания тем более, что вторую половину своей жизни Жомини провел главным образом на службе русским императорам. Он же по своей инициативе оказался основоположником нашей Академии Генерального штаба.

Я думаю, генерала барона Жомини можно охарактеризовать так: талантливый офицер Генерального штаба — прекрасный советник на поле сражения — широкообразованный военный ученый и... неудавшийся полководец.

Биографы описывают его (уже в зрелом возрасте) как мужчину выше среднего роста, скорее — худощавого, с небольшими, темного цвета усами. Характер его был живой и порывистый, но сдержанный, немного обидчивый, щепетильный, порою резкий, независимый.

Военное искусство (тактика, стратегия и пр.), как и военная история, обязано ему целым рядом капитальных трудов (полный перечень их дан в очерке Леконта, лучшего биографа Жомини). Многие до сих пор считают его самым серьезным критиком Фридриха II.

Сент-Бев говорит о Жомини еще больше, а именно: что в военном искусстве он обладал большими способностями, чем Наполеон: обширностью познаний и мыслей; даром развития темы, методичностью, ясностью ее изложения, блестящими и убедительными приемами доказательства.

Сам французский император, после заката своей славы, открыто объявил, что Жомини был единственным человеком, который с самого начала понял, как именно воюет и побеждает Наполеон.

* * *

Проследим теперь вкратце личную жизнь и военную карьеру генерала.

Генрих Жомини родился 6 марта 1779 года (все даты указаны по новому стилю) в семье итальянского происхождения, осевшей в Швейцарии. Еще мальчиком лет двенадцати он стал проявлять особый интерес и любовь ко всему военному, но расформирование швейцарских полков, состоявших до этого на службе у Франции, принудили родителей Жомини определить своего сына на службу совсем по иной части, т. е. по коммерческим делам.

В 1796 году Генрих Жомини очутился в Париже. Там он работал сперва в одном из торговых предприятий, затем начал работать самостоятельно. Как раз в это время открылись первые боевые операции Бонапарта в Италии. Жо-

мини с увлечением набросился на военные сводки и принялся по ним методично следить на карте за разворачивающимися событиями.

Благодаря своим настойчивым хлопотам некоторое время спустя Генрих Жомини был принят в чине лейтенанта на службу в Швейцарское военное министерство. 17 июня 1799 года его произвели в капитаны, и он продолжал работать там же по организации швейцарской армии. 26 апреля 1800 года Жомини был уже в чине командира батальона.

Но род его деятельности в секретариате и бюро министерства пришлось ему не по душе: в 1801 году Генрих Жомини подал в отставку, возвратился в Париж и снова взялся за коммерцию. В то же время он стал нащупывать возможности поступления на службу во французскую или русскую армию. Одновременно он принялся за первый свой капитальный труд «Курс высшей тактики».

Прошения Жомини о принятии его на службу встретили отказ у Мюрата и у д'Убриль, уполномоченного по делам России во Франции. Один лишь маршал Ней ответил Жомини согласием и взял его с собой в Булонский лагерь. Когда же Булонская армия стала Дунайской армией, Ней оставил Жомини при себе для кабинетной работы в качестве вольнонаемного.

В сражении под Ульмом Жомини своими советами, рассуждениями оказал маршалу Нею значительную помощь. Здесь же своим храбрым поведением во время боя он впервые обратил на себя всеобщее внимание.

На следующий день после Аустерлицкой битвы Жомини был послан Неем в ставку Наполеона с пакетом различных отчетностей и рапортов. Жомини, давно искавший случая привлечь на себя внимание великого французского полководца, перед которым он преклонялся, как перед гением своей эпохи, умудрился незаметно от всех вложить в отправляемый пакет два первых, уже отпечатанных тома своего «Курса высшей тактики». Уловка Жомини увенчалась полным успехом: Наполеон, перелистывая найденные книги, сразу заинтересовался их содержанием, велел прочитать себе одну из глав и очень похвалил вызванного к нему автора, т. е. самого Жомини.

27 декабря 1805 года по ходатайству маршала Нея Генрих Жомини был произведен в чин «Adjutant-Commandant» с прикомандированием к штабу 6-го корпуса.

Во время войны с Пруссией в 1806 году Жомини оказался прикомандированным уже к штабу французского императора. Вместе с ним генерал Жомини принял деятельнейшее участие в боевых операциях у Йены, под Берлином и т. д.

В тяжелом и нерешенном сражении при Прейсиш-Эйлау генерал Жомини находился в свите Наполеона, оставаясь рядом с последним в самом опасном пункте боя, на кладбище.

В битве под Фридландом 14 июня 1807 года Жомини участия не принимал, так как был болен. Тем не менее французский император, уже полностью его оценивший, назначил Жомини начальником штаба 6-го корпуса армии Нея.

В начале войны с Испанией (1808—1809) Жомини уходит на нее с тем же маршалом Неем. Но неудачи маршала, часто не слушавшего советов своего начальника штаба, отразились на положении последнего: 17 ноября 1809 года Наполеон, по просьбе своего военного министра Кларка, отзывает Жомини в Главный штаб, под начальство маршала Бертье.

29 июня 1810 года, по болезни, барон Жомини получает шестимесячный отпуск и возвращается к себе в Швейцарию. Но, приехав туда, Жомини вспомнил, что еще в 1807 году русское правительство негласно, через своего представителя за границей, согласилось принять его на службу. Тогда, глубоко возмущенный многими несправедливостями к себе и препятствиями к дальнейшему продвижению по службе, он подает рапорт о выходе в отставку. Почти одновременно с этим он посылает, куда надо, окончательное свое прошение о принятии его на русскую службу.

В ответ на свой рапорт об отставке генерал Жомини был вызван к военному министру Кларку в Париж. Тот ему пригрозил в случае сопротивления Венсенским замком...

Но, чтобы задобрить барона, Жомини задним числом, т. е. за неделю до разговора с Кларком, произвели в бригадные генералы, опять-таки, как и в предыдущие производства, с оставлением при штабе. По иронии судьбы почти одновременно с этим Жомини получил бумагу, подписанную императором Александром I, о зачислении барона в русскую армию в чине генерал-майора и с прикомандированием к Свите Его Величества.

Перед угрозой Венсенского замка в январе следующего же года (1811-го) генерал Жомини был вынужден вернуться в ряды французов. В этот период он не переставал работать над своим очередным трудом «Критический обзор боевых операций французов, начиная с 1792 года».

В 1812 году, из уважения и признательности к русскому монарху, заочно принявшему его к себе на службу, Жомини представил рапорт Наполеону о невозможности сопровождать французского императора в его движении на

Москву. Наполеон отнесся к записке Жомини вполне благосклонно: сначала назначил его губернатором в Вильно, а позже на один из командных постов в Смоленске.

Во время отступления Великой армии генерал Жомини оказал ей ряд важнейших услуг: он указал французскому командованию верную и безопасную возможность выйти на дорогу, ведущую в Вильно, наметил с точностью место переправы через Березину и т. д. Заведуя в качестве помощника генерала Эллезона-младшего наводкой мостов на этой же реке, Жомини серьезно простудился и заболел воспалением легких. Для поправления здоровья он получил три месяца отпуска и уехал в Париж.

При возобновлении военных действий, на сей раз уже на территории Германии, французское командование отправило его снова к маршалу Нею, как начальника штаба его 3-го корпуса.

4 мая 1813 года, т. е. через день после сражения при Люцене и за несколько дней до боя под Бауценом, Жомини был на своем обычном боевом посту.

Но сейчас же после Бауцена барон Жомини, глубоко оскорбленный очередной к себе несправедливостью маршала Бертье (об этом будет сказано подробнее ниже), разочарованный в Наполеоне, как в человеке и политике, не выдержал: 14 августа, без бумаг и без вещей, он прошел через аванпосты сражающихся и отдал себя службе русской армии.

16 августа он прибыл в Прагу. Дня четыре спустя за столом в Императорской ставке, прусский король громко спросил Жомини о силах Нея. Жомини принес королю извинения в том, что не может ответить на его вопрос, и император Александр I одобрил за это Жомини.

Дрезденское сражение было проиграно союзниками отчасти из-за неожиданного возвращения в армию Наполеона, но, главное, потому, что союзное командование пренебрегло советом Жомини быстро перестроить свой фронт и атаковать всеми силами левое крыло французов: оно было неосторожно выдвинуто ими между Эльбой и огромными силами коалиции.

После разгрома Наполеона у Лейпцига Жомини подал рапорт императору Александру I, ходатайствуя о своем откомандировании от Ставки: генерал считал невозможным для своей совести участвовать в покорении Франции, которой он служил еще несколько месяцев тому назад.

Жомини появился снова в Ставке во Франкфурте; вместе с нею он вступил во Францию, но в Труа опять уехал из нее незадолго до взятия Парижа.

Генерал барон Г.В. Жомини. Художник Дж. Доу

Несмотря на подобные нерегулярности, он оставался все время на русской службе, а в 1817 году наше правительство разрешило ему совсем обосноваться в Париже, чтобы посвятить себя исключительно военно-научной писательской деятельности.

В 1826 году генерал Жомини приехал в Россию на похороны императора Александра I и празднование восшествия на престол императора Николая I. В 1829 году он проделал с государем войну против Турции. Вернувшись в Санкт-Петербург, Жомини снова принялся за свою писательскую работу. Немного позже по его же инициативе была открыта наша Академия Генерального штаба.

В 1837 году император Николай I поручил Жомини преподавание стратегии наследнику, т. е. будущему государю Александру II.

После революции 1848 года Жомини переехал в Брюссель. Накануне Крымской кампании он неожиданно появился в Петербурге, а после заключения мира удалился навсегда в Париж. Там он и умер в возрасте 90 лет 22 марта 1869 года. Генерал барон Жомини был похоронен на кладбище Пасси.

От него остались дочь, вышедшая замуж за французского офицера, и сын, занимавший уже в то время высокий пост в нашем Министерстве иностранных дел в Санкт-Петербурге.

Из приведенной краткой биографии генерала Жомини ясно видно, что его военная карьера прошла главным образом в штабной и научной обстановке. Несмотря на его одаренность и энергию, восхождение его на ответственные должности не было молниеносным и ошеломляющим, как продвижение многих соратников Наполеона, но генерал Жомини, обласканный тремя русскими императорами, все-таки кончил свою карьеру в обстановке всеобщего к себе уважения и почета.

Тем не менее в течение всей своей службы и Франции, а потом и России он всегда чувствовал в душе глубокую неудовлетворенность: самая его заветная мечта не сбывалась и так никогда и не смогла осуществиться. А мечта Генриха Жомини состояла в том, чтобы лично, без посторонних влияний и ограничений, применить на поле сражения, командуя крупной воинской единицей (корпусом или несколькими корпусами или армией), свои собственные принципы и приемы ведения боя или обширной боевой операции.

Почему Жомини никогда не смог командовать крупными соединениями войск, никто из его современников этого не объясняет. Бесспорно, что в этом ему мешала очень швейцарская его национальность (в бытность на службе и у французов и у русских). Были, конечно, и нескончаемые интриги штабных офицеров (опять-таки и на французской стороне и на стороне верховного командования коалиции). Но в течение всей его службы в наполеоновской армии главным препятствием к назначению Жомини на высокий командный пост была постоянная к нему неприязнь маршала Бертье. Маршал Бертье, будучи еще военным министром Наполеона, сразу почувствовал в молодом Жомини крупный военный талант. Это вызвало в душе Бертье, уже пожилого и человека рутины, зависть и ревность, которые позже перешли постепенно в настоящую, плохо скрываемую ненависть к Жомини. Такое враждебное отношение неоднократно толкало Бертье на целый ряд несправедливых и недостойных поступков в отношении подчиненного ему Жомини.

Свое некрасивое чувство к Жомини Бертье проявил в первый раз сейчас же после Аустерлицкого сражения: приказом из Шенбруна от 27 декабря 1805 года Жомини по представлению Нея был приравнен к чину полковника, с зачислением в штаб 6-го корпуса. Бертье, не снесшись ни с кем, собственноручно заменил в приказе о производстве Жомини слово «полковник» термином «Adjudant Commandant», что имело совершенно иной смысл и значение.

Два года спустя, несмотря на свои новые значительные заслуги, Жомини все еще оставался «Adjutant Commandant», когда Наполеон назначил его начальником штаба 6-го корпуса армии Нея. Но Бертье, оказалось, «ошибся» и объявил Жомини помощником начальника штаба. Обиженный и разгневанный Генрих Жомини подал в отставку, но в последний момент дело уладилось в пользу Жомини.

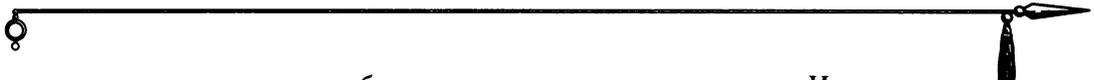
В 1809 году, по настоянию нового военного министра Кларка, Наполеон отозвал Жомини из Испании из штаба Нея, который потерпел серию неудач из-за игнорирования советов Жомини. Кларк отправил Жомини к Бертье, ставшему к тому времени главным начальником Генерального штаба наполеоновской армии. По предписанию Бертье Жомини занимается у него совершенно незаметной административной работой. А она так не подходила к его дарованиям и темпераменту!

В 1810 году Жомини все в том же чине, хотя вокруг него в армии сыпятся со всех сторон награждения. Чувствуя себя незаслуженно обойденным и устав от полупрезрительного к себе отношения Бертье, Жомини опять подает в отставку и военному министру посылает копию рапорта. Но тут барона ожидал неприятный сюрприз: его вызывают в Париж. Там Кларк, в ответ прошению Жомини об увольнении в отставку, просто угрожает ему Венсенским замком... Но еще один лишний раз дело Жомини устраивается задним числом, т. е. 7 декабря 1810 года: он был произведен в бригадные генералы. Но Бертье задержал его в своем штабе, в общем, для того, чтобы отвести Жомини от активной деятельности.

Только 4 мая 1813 года Бертье уведомил военного министра Кларка, что Жомини выслан в распоряжение маршала Нея на должность начальника штаба его 3-го корпуса. Это, следовательно, произошло на второй день после сражения у Люцена и за несколько дней до боя при Бауцене.

По окончании Бауценского сражения, завершившегося, по мнению французов-современников, «полууспехом» Наполеона, Нея представил ходатайство о производстве Жомини в чин дивизионного генерала. Но вместо производства Жомини был официально обвинен в небрежности по службе, так как якобы не представил к назначенному сроку столь важной для французского императора отчетности. По настоянию Бертье Жомини даже был арестован за плохое отправление обязанностей начальника штаба на несколько суток, с объявлением этого в приказе по армии...

13 августа, по получении бумаги с производствами на 15-е того же месяца, Жомини не нашел в списке своего имени: оно было исключено оттуда. Все,

вместе взятое, произвело на барона очень тяжелое впечатление. И тогда принятый давно заочно на русскую службу Жомини, больше не задумываясь, перешел к союзникам.

Поступок Жомини вызвал бурю негодования среди французов. Резкие нападки и грубые обвинения Жомини в предательстве, а также в передаче союзному командованию секретных бумаг и планов Наполеона появились позже в печати.

Но генерал Жомини был оправдан во всем. Одним из главных его защитников оказался сам Наполеон: французский император признал, что переход Жомини на сторону русских никак не может считаться актом дезертирства, предательства или измены, так как генерал Жомини был на службе Франции вольнонаемным и иностранцем, иными словами — не имел абсолютно никаких обязательств в отношении Французского государства. Кроме этого, Наполеон сознался, что помешал сам Жомини уйти от него в 1810 году: Жомини был ему слишком необходим, как самый талантливый из его сотрудников. О случившемся же после Бауцена (отставке от производства и аресте Жомини), равно как и о деталях длительного недостойного к нему отношения Бертье, Наполеону ничего не было известно.

Помимо оправдания Жомини таким блестящим авторитетом, как французский император, блестящая отповедь врагам генерала, в частности генералу барону де Марбо, была дана на страницах печати рядом лиц, и в их числе потомками генерала Жомини.

К сожалению, и в русской армии, по неизвестным причинам и несмотря на благосклонное и даже ласковое к нему внимание со стороны русских императоров, Жомини командовать тоже не пришлось, как он мечтал. В этом заключалась большая драма всей его жизни. Возможно, что, если бы не зависть к нему маршала Бертье, дорога Жомини сложилась бы иначе...

К концу жизни Жомини постепенно успокоился и отошел от своих неприятных воспоминаний о маршале Бертье. Но до последних дней он жил мыслями и душой в военном искусстве.

Многие офицеры различных армий Европы, бывая в Париже, считали своим долгом заехать с визитом к этому почтенному и глубокому уже старику.

Страдавший глухотой генерал всегда оживлялся в их присутствии, узнавал среди них знакомых и незаметно для самого себя увлекался, забывая все и уходя разговорами и спорами в свое святое святых — в науку воевать и побеждать.

И.И. Сагацкий

Библиография

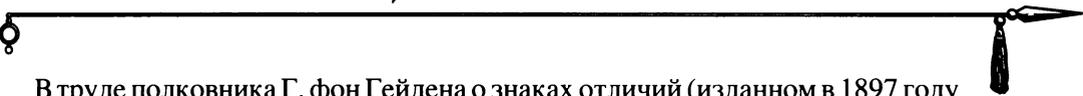
1. Dictées de Sainte Hélène.
2. *Hubert Saladin*. Notice sur le général Jomini. Paris. 1869.
3. *Lecomte F.*, colonel fédéral. Jomini, sa vie et ses écrits. Esquisse biographique et stratégique. 3me édit. Lausanne, 1882.
4. Le Général Jomini et les Mémoires du baron de Marbot. Imprim. et librair. L. Baudoïn. Paris, 1893.
5. Mémoires du général baron de Marbot. Librair. Plon. Paris.
6. *Pascal*. Observations historiques sur la vie et les ouvrages de Jomini. Paris, 1840.
7. *Sainte Beuve*. Le général Jomini. Etude. Michel Lévy frères. Paris, 1869.
8. Vie politique et militaire de Napoléon racontée par lui-même au tribunal de César, d'Alexandre et de Frédéric. Chez Anselin. Paris, 1827.

Партизан В.А. ПРЕНДЕЛЬ и медаль за Лейпцигскую победу

В «Собрании русских медалей», изданном по высочайшему повелению Археографической комиссией в 1840 году, за № 298 описана овальная серебряная медаль с ушком, раздававшаяся для награды воинов за победу при Лейпциге в 1813 году.

Вероятно, вслед за этим источником повторили аналогичное описание и авторы популярных изданий о нумизматических памятниках Отечественной войны 1812 года и кампаний 1813—1815 годов Б.А. Ашик и И.М. Холодковский. Однако ни в одном из этих источников не указано, где, кем и когда эта медаль была чеканена, кем, почему и когда она была пожалована.

Размеры этой овальной медали — 30 мм × 26 мм, на ее лицевой стороне изображены четыре щита, обвитые дубово-лавровыми ветвями, с гербами России, Австрии, Пруссии и Швеции, водруженные над частью земного шара, сверху по-латыни надпись «Всякому свое», внизу, под обрезом, дата «1813», справа инициал берлинского придворного медальера Д.Ф. Лооса (1735—1819). На оборотной стороне медали надпись на иудейском языке «Иегова» в треугольнике с лучами, ниже — четырехстрочная надпись, смысл которой: «Крепость наша — Бог».

В труде полковника Г. фон Гейдена о знаках отличий (изданном в 1897 году в Лейнингене), за № 561, об этой медали сказано, что она жаловалась немецкими патриотическими обществами за выдающиеся заслуги в память победы при Лейпциге в 1813 году, освободившей Германию от чужеземного ига. Следовательно, имеются ответы на все вопросы, кроме одного: кто же из русских воинов носил эту медаль и почему? Нам известны исторические примеры из этой же эпохи, когда русские военачальники за личное (и вверенных им войск) благожелательное отношение к населению занятых областей получали персональные, не для ношения, медали, а именно: Барклай де Толли от г. Варшавы в 1815 году, граф Воронцов и генералы Каблуков и Алексеев от г. Вузье во Франции в 1818 году и т. д.

Последняя загадка об этой медали была разрешена при чтении краткой биографии несправедливо забытого лихого партизана и прототипа офицера разведывательной службы Виктора Антоновича Пренделя, скончавшегося в Киеве в 1852 году в чине генерал-майора в 86-летнем возрасте. В указе об его отставке после перечисления многочисленных российских и иностранных орденов значатся и три серебряные медали: за Отечественную войну 1812 года, за Победу при Лейпциге в 1813 году и за взятие Парижа 1814 года. Достоверность биографии В.А. Пренделя не подлежит сомнению, ибо она была напечатана в Русской официозной газете за подписью полковника Генерального штаба Саковича, знавшего лично генерала Пренделя (как и редактор «Русского инвалида» полковник Генерального штаба Лебедев). Основанием для статьи послужили официальные документы, но особого внимания заслуживает следующая выдержка из его некролога: «...были также и недоброжелатели у Пренделя, и прежде остался он в забвении до такой степени, что даже на светлых страницах новейшей отечественной истории имя удалого партизана почти не встречается...» Тут невольно припоминаются обвинения в «самохвальстве», брошенные по адресу партизан 1812 года некоторыми литераторами (см.: Шика А. «Денис Давыдов», с. 79), в частности мнение Бестужева, что Денис Давыдов «более выписал, чем вырубил себе славу храбреца», и характеристика гр. П.Д. Киселева того же Давыдова: «Он оказал услугу не столько личными подвигами, как мыслью, которая породила систему партизанов» (Шик, с. 80). Ознакомившись с биографией Пренделя, не придем ли к заключению, что «мысль о системе партизанов» возникла в русской армии не у Давыдова и ранее 1812 года...

Виктор Антонович Прендель родился в Тироле в 1766 году и происходил из старинного дворянского рода. С малых лет проявлял он склонность к охоте и приключениям, скитаясь по горам, в 12 лет он убил медведя. Вскоре эта привольная жизнь изменилась, он был отдан в монастырь, готовивший миссионеров. Там он фундаментально изучил, кроме родного немецкого, латинский, венгерский, французский и итальянский языки и без труда мог изъясняться и писать по-русски, польски и английски. Не будучи в состоянии смирить свой характер, Прендель скрывается из монастыря, пробирается пешком к родственникам в Триест, а оттуда — в Венецию, где поступает в банк. Его выдающиеся способности скоро оцениваются хозяином, и он посылает его в долгое путешествие по Европе в роли руководителя своего сына, а после возвращения путешественников домой предлагает Пренделю руку своей дочери, но последний отказывается. Уже в Турине он сдает свой университетский экзамен. Подготовив себя столь солидным образом к жизни, Прендель вступает добровольцем в Тирольские стрелки, где производится в офицеры, с переводом в Гусарский князя Шварценберга полк, с которым участвует в войне против французских революционных войск. Тяжело раненого Пренделя французы берут в плен и содержат его сначала в Париже, а потом в Лионе, где он не раз видел работу гильотины. В нем возникает «презрение к французской нации», он убегает из плена и возвращается в свой полк. В кампанию 1799 года в Италии, как выдающийся кавалерийский офицер, он становится известным Суворову и часто встречается с русскими войсками, в частности с казаками, исподволь утрачивая уважение к австрийской армии, ибо ему «наскучило всегда с нею отступать и всегда быть битым», — он начинает «в казаках видеть первых солдат в мире — лишь бы уметь с ними ладить и употреблять со смыслом». Его хлопоты о переводе в русскую армию увенчиваются успехом лишь в 1804 году, когда 18 октября он с чином штабс-ротмистра зачисляется в Черниговский драгунский полк. Уже состоя «для особых поручений» при Кутузове во время Аустерлицкого сражения в 1805 году, Прендель командует ПАРТИЗАНСКИМ ОТРЯДОМ из 100 гусар и 150 казаков и в тылу французской армии «берет в плен 60 офицеров и чиновников, 260 солдат, истребляет обозы 7 пехотных, 4 кавалерийских полков и личные обозные повозки 7 генералов». За эти «ПАРТИЗАНСКИЕ ДЕЙСТВИЯ» Прендель награждается сразу орденом Св. Владимира 4-й степени и производится в капитаны. Следовательно, «мысль, зародившая систему пар-

*Партизан В.А. Прендель.
С гравюры XIX в.*

тизанов», не только зародилась, но и осуществилась, и не в 1812 году и не у Давыдова

В 1806 году Прендель уже на турецкой границе, состоя при генерале Меллисино, в 1807 году он числится при Главной квартире, на р. Нарев, откуда посылается в Галицию, где он остается до заключения Тильзитского мира. В 1809 году Прендель состоит адъютантом князя Голицына, командира вспомогательного корпуса в Австрии, в 1810-м — числится при нашем после в Вене гр. Шувалове, в том же году за отличие по службе производится в майоры с переводом в Харьковский драгунский полк и назначением адъютантом к генералу Дохтурову в Дубно. В сентябре туда прибыл нарочный курьер с высочайшим повелением майору Пренделю «под видом» адъютанта генерала Ханыкова (бывшего посланником при Саксонском дворе в Дрездене) состоять при Главной квартире императора Наполеона, где, однако, он вскоре был заменен полковником Чернышевым (будущим светлейшим князем) и уже «под чужим видом», во исполнение той же высочайшей инструкции, отправился на разведку в Италию, Голландию и Германию.

Лишь в 1812 году, уже под Смоленск, вернулся Прендель в Россию и под командой генерала Винцингероде принял участие в сражениях. Затем он назначается в распоряжение главнокомандующего и «до окончательного изгнания неприятеля из пределов России начальствует над партизанским отрядом», а 12 сентября того же 1812 года «За отличие в партизанских делах» Прендель производится в подполковники, а согласно его послужного списка, он «действовал в тылу неприятеля во время занятия им Москвы» и «захватил несколько курьеров, 2000 нижних чинов, вредил обозам и делал из них добычу», действуя между Можайском и Гжатском.

Будучи опять под команду генерала Винцингероде, за отличие в бою под Кадишем Прендель производится в полковники. В феврале 1813 года он переправился через Одер с 350 казаками и, следуя за французским корпусом Ренье к Дрездену, захватил несколько сот в плен и полевой лазарет с 400 копей. Переплыв затем Эльбу, он вторгается в Дрезден и выделяет часть своих казаков для эскортирования великой княгини Марии Павловны, направлявшейся в Богемию. До Люценского сражения, когда Прендель получил орден Св. Владимира 3-й степени, он действует с двумя казачьими полками против корпуса короля Итальянского и берет в плен 30 офицеров и 70 нижних чинов. Затем он опять в тылу противника, и ко дню заключения перемирия, 4 июля, его добыча пленными заключается в 7 курьерах и 900 нижних чинах. В августе, после окончания перемирия, Прендель подчиняется шведскому наследному принцу и продолжает рыскать по тылам противника, захватывает 40 офицеров и 263 нижних чина. Во время боя при Денневице он берет в плен, опять же в тылу французов, 7 офицеров, 900 нижних чинов, пушку, 3 зарядных ящика и истребляет много обозов. Переправившись снова через Эльбу, все с теми же двумя казачьими полками он сбивает врага с позиции и с тыла прокрадывается в Лейпциг. До знаменитой Битвы народов он полонит 9 офицеров и 223 нижних чина, а во время сражения ему поручено наблюдение за дорогами из крепостей Торгау и Виттенберг, и он берет в плен еще 7 офицеров и 800 нижних чинов и истребляет обозы.

У зятя Пренделя сохранилась своеобразная печать, о которой мог бы мечтать любой музей, употреблявшаяся Пренделем в то время. Когда им захватывались неприятельские курьеры, он, конечно, отбирал у них все документы и депеши, наиболее важные посылались в свои штабы, а все малоценные с теми же курьерами он отсылал обратно неприятелю, приложив к ним печать с надписью на немецком языке: «Привилегированная Казачья почтовая кон-

тора». Тогда же за голову Пренделя французы назначили крупную сумму денег. Такой «честь», кажется, не был удостоен ни один из наших партизан. За все эти действия в период Лейпцигской битвы Прендель был награжден орденом Св. Анны 2-й степени с алмазами; шведы дали ему орден Северного Меча 2-й степени, а пруссаки — орден Красного Орла. Сейчас же после Лейпцигской победы император Александр I лично назначил Пренделя комендантом этого города, в должности коего он пребывал до 1816 года. Однако он участвовал во взятии Парижа в 1814 году, куда, по словам некролога, он был заранее послан, переодетый евреем.

Благодарные жители Лейпцига и Альтенбурга, совместно с их патриотическими «бундами», вручили своему коменданту В.А. Пренделю диплом почетного гражданства и вышеупомянутую медаль в память Лейпцигского сражения, занесенную в послужной список и носимую Пренделем с согласия хорошо его знавшего императора Александра I. А на могиле умершего в Лейпциге малолетнего сына Пренделя жителями был вознесен памятник. За заботы Пренделя об оставленных в Лейпциге французами 51 000 раненых и пленных (23 генерала, 700 офицеров и 19 000 нижних чинов) впоследствии французское правительство наградило Пренделя Командорским крестом Почетного легиона, а саксонское и баварское — орденами за гражданские услуги.

От 1816 до 1819 года Прендель был комендантом Саксонских военных дорог, после чего, с переводом в Киевский драгунский полк, вернулся в Россию и был назначен офицером для особых поручений при командующем 1-й армией генерале Сакене, в Киеве. В том же году ему высочайше жалуют 2000 десятин земли, в 1828 году — орден Св. Георгия 4-й степени, за 25-летнюю службу в офицерских чинах (в русской армии), в 1834 году — снова политическая командировка в Галицию, за которую он произведен в генерал-майоры, и в 1835 году Прендель выходит в отставку с мундиром и полной пенсией и поселяется в Киеве.

Оглядываясь на служебное поприще Пренделя, мы можем отметить его непрерывную штабную деятельность с частыми ответственными командировками за границу или в роли офицера-разведчика или с дипломатическими задачами. Строевая же его служба выразилась лишь в командовании партизанскими отрядами силою до бригады. Он не командовал ни эскадроном, ни полком, т. е. не поднимался по нормальной иерархической лестнице каждого русского офицера. Биограф указывает, что Прендель и не мог идти указанным путем, ибо «он чрезвычайно любил свою родину — Тироль и никогда не

присягнул России», но, когда немецкое историческое общество покусилось купить его мемуары для их опубликования, Прендель ответил: «Жизнь и сведения мои принадлежат моим царям-благодетелям и России, моему второму Отечеству, где живу и намерен умереть».

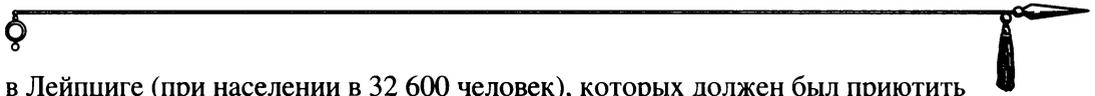
Эти веденные Пренделем записки, указывает его биограф, были переданы им также жившему в Киеве инженер-генерал-майору Ф. с прибавлением: «Авось будут напечатаны...», но слава о нем заглохла. «Из всех наших партизан, — говорит далее полковник Сакович, — глухая молва об удали и отваге Фигнера и Пренделя, более чем о прочих, перешла в предание...», ибо «этот скромный старец постоянно уклонялся от рассказов о себе и много унес он с собою в могилу».

Еще о партизане В.А. ПРЕНДЕЛЕ

Издающаяся в восточном секторе Берлина просоветская газета «Neues Deutschland» от 17 октября с. г. напечатала статью, озаглавленную «Документы народной освободительной войны», имеющую целью описать открытую в Лейпциге выставку в память 140-летия Битвы народов, имевшей место под стенами этого города в 1813 году. На самом деле лейтмотивом этой статьи была пропаганда идеи «о силе немецко-русской приязни». Посередине текста помещено изображение «Русской церкви в память Лейпцигской битвы», освященной к 100-летию Битвы народов.

Повторяя слова директора Лейпцигского исторического музея, сказанные на открытии выставки, автор статьи указывает еще на другую ее цель: «обнаружение лжи, распространенной в интересах юнкеров (крупных землевладельцев. — *В.Р.*) и монополистов, об этой битве» и на обязанность «указать на помощь, оказанную нам (немцам. — *В.Р.*) русским народом». В подтверждение приводятся слова генерала Нейдгардта фон Гнейзенау (известного стратега, генерал-квартирмейстера фельдмаршала Блюхера. — *В.Р.*): «Без выдающегося духа русского народа, без его ненависти к иноземцу-притеснителю весь цивилизованный свет оказался бы под деспотизмом разнузданного тирана» (т. е. Наполеона. — *В.Р.*).

Оставив в стороне пропагандную сторону статьи, обратимся к воспоминаниям о В.А. Пренделе, деятельности которого уделена особая «глава» под заглавием «Русский комендант города». Автор пишет: «38 000 раненых было

в Лейпциге (при населении в 32 600 человек), которых должен был приютить город; это была тяжелая задача. Надо еще прибавить заботу о гарнизоне, устранение повреждений, причиненных сражением, восстановление порядка и общественной жизни. В то время комендантом города был русский полковник, который заботился обо всех и обо всем”. Прендель быстро все наладил, а когда он покинул эту должность, 11 ноября 1814 года жители Лейпцига избрали его своим почетным гражданином с поднесением ему “Лейпцигской овальной медали” и провожали его со слезами на глазах»...

И тут же автор статьи воспроизводит один из энергичных приказов Пренделя, расклеенный на городских стенах 14/26 октября 1813 года и напечатанный готическим шрифтом, в котором он угрожает неповинующимся штрафом в 10 талеров, вносимым в Госпитальную кассу, под ответственностью г. полицей-президента.

Не подлежит сомнению, прибавим от себя, что полковник русской службы В.А. Прендель был не только выдающимся забытым партизаном, но и талантливым организатором, заботливым «отцом города (чужого)». Император Александр I в данном случае в выборе не ошибся.

В.Г. фон Рухтер

Партизан ФИГНЕР

В № 3 (апр. 1952 г.) Генеалогического листка «Baltische Familiengeschichtliche Mitteilungen», издававшегося в Германии русскими балтийцами бар. Вальтером Майделем и г. Альфрейдом фон Гансенем, помещена заметка г. Амбургера о происхождении русского партизана 1812 г. Фигнера. Привожу ее русский перевод.

Во время Отечественной войны 1812 г. Александр Фигнер создал себе имя как начальник партизан. Будучи уже кавалером орденов Св. Георгия и прусского «Пур ле Мерит», он погиб в бою под Верлицем на Эльбе в чине подполковника, командуя добровольческим отрядом.

Его отец, Самуил, бывший сперва офицером, а потом директором Императорского кристалло-фарфорового завода, умер в 1811 г. в должности Псковского вице-губернатора. Этот Самуил Фигнер 18 февраля 1801 г. получил потомственно дворянство, что мы узнаем из «Списка» Лукомского и Тройницкого.

*Партизан А.С. Фигнер.
С портрета О.А. Кипренского*

В биографии сына этого Самуила, т. е. партизана Александра, указано, что его дед, т. е. отец Самуила, был якобы лифляндский барон Фигнер фон Рутмерсбах («Русский биографический словарь»), однако это неверно.

На самом же деле Самуил Фигнер (отец партизана) был крещен 6 ноября 1758 г. в кирхе Св. Иоанна в Дерпте как сын торгового компаньона (Kaufgesell) Самуила Фигнера, который начиная с 1751 г. крестил уже четырех своих детей от своей связи с Юлианной Вейде, крещенной в Дерпте же 23 ноября 1729 г. Первые дети родились до официального брака, который был освящен лишь 1 сентября 1754 г. Дальнейшие документы первое время называют Самуила Фигнера (отца партизана) молодым приказчиком (Budenjunge). При этих обстоятельствах, однако, вызывающим изумление фактом является то, что не только Самуил Фигнер (отец партизана) избрал в дальнейшем военную карьеру, но что родители последнего, т. е. упомянутая выше дерптская пара, в 1772—1773 гг. записаны в церковных книгах немецкой колонии Новая Саратовка под Витенбургом восприемниками при крестинах, как «поручик Самуил Фигнер и его жена Юлианна, рожд. Вейде».

Известная революционерка Вера Фигнер и знаменитый певец-тенор Фигнер, бывший флота лейтенант, — оба принадлежали к тому же роду.

Н.А. фон Реймерс, доктор филологических наук

О СРАЖЕНИЯХ

150-летие Бородинской битвы (1812—1962)

Народ, хранящий заветы Петра Великого
и Суворова, побежден быть не может.

Мир, заключенный в 1807 году в Тильзите, между императором Александром I и Наполеоном, не был встречен с удовлетворением русским народом. Его национальные чувства были ущемлены этим миром, и, под давлением общественного мнения, правительство стало готовиться к преобразованию армии и устранению тех дефектов, которые привели русские войска к неудачам в 1805 и 1807 годах, при столкновениях с Наполеоном. Увлечение уставами Фридриха II и прусской военной системой, после смерти императрицы Екатерины II, понизили качество нашей армии, и это было одной из главных причин нашего поражения под Аустерлицем и Фридландом. Заветы императора Петра Великого и Суворова были крепко забыты, и созданная ими русская военная доктрина, искусство побеждать, была заменена немецкой.

Второй причиной недовольства Тильзитским миром было присоединение России к континентальной системе, направленной против Англии, что очень сильно ударило по русской заграничной торговле и частному хозяйству и тяжело стало отражаться на государственном бюджете — рос дефицит.

Наполеон, пожираемый жадой власти и мирового владычества, также не был доволен Тильзитским миром. Он стремился к полному покорению России и включению ее в свою мировую империю. К началу 1812 года грандиозные приготовления к походу на Россию подходили к концу, войска французской армии начали стягиваться к нашим границам.

Российское правительство знало, конечно, об этих приготовлениях и, по мере своих сил, готовилось к войне. К сожалению, даже в 1812 году составление плана войны с Наполеоном было поручено немецкому генералу Пфулю.

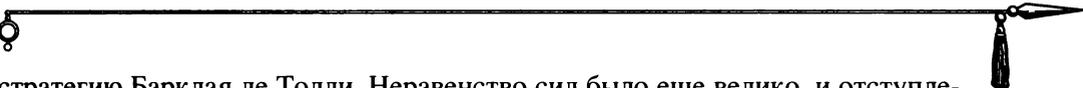

Деятельность этого поклонника Фридриха II выразилась в том, что он разделил слабые русские войска на три армии и разбросал их вдоль западной границы на протяжении 500 верст. Перерыв между 1-й и 2-й армиями был в 100 верст, а между 2-й и 3-й армиями лежало бездорожное дикое Полесье. Затем он устроил так называемый Дрисский укрепленный лагерь, занимавший фланговое положение в отношении путей на Петербург и Москву. Впоследствии этот лагерь, как образец невежества, погубил бы нашу армию, если бы Барклай де Толли занял его, согласно плану Пфуля в случае войны с Наполеоном. Этот немецкий стратег совершенно не учитывал волю противника, да еще такого, как Наполеон, и его 600 тысяч войск против наших 200, что позволило Наполеону действовать против любой из наших армий с громадным превосходством в силах. Весь этот «мудрый» план рухнул, как картонный домик, после вторжения Наполеона в Россию.

Отечественная война началась 12 июня 1812 года, когда разноплеменная армия Наполеона в 600 тысяч человек переправилась через реку Неман у г. Ковно и стала быстро углубляться в российские просторы (все даты по старому стилю). Для обеспечения своих флангов Наполеон направил часть войск по следующим направлениям: корпус Макдональда — к Митаве и Бауску, корпус Удино и Сен-Сира — к Полоцку, австрийский корпус Шварценберга и француза Ренье — к Дрогичину. Главные силы наступали на г. Вильно, который и заняли без боя 16 июня.

Благодаря плану Пфуля 2-я армия Багратиона в 40 тысяч человек была сразу отрезана от 1-й армии Барклая де Толли, и к 29 июня разрыв дошел до 290 верст, что легко могло привести к ее уничтожению, благодаря двойному превосходству преследующего ее противника. Только искусное маневрирование и мужество ученика Суворова Багратиона и самоотверженность наших войск позволили ей соединиться с 1-й армией у Смоленска, вырвав у Наполеона возможность разбить наши армии по отдельности.

После соединения двух армий встал важный вопрос о едином командовании, и, по рекомендации Чрезвычайного комитета, образованного для нужд войны, император Александр I назначил 8 августа главнокомандующим всеми войсками фельдмаршала князя М.И. Кутузова. Престарелый сподвижник и ученик Суворова обладал огромным военным и государственным опытом, и имя Кутузова было очень популярно в русской армии. 16 августа Кутузов прибыл в действующую армию. Несмотря на общее желание русского народа, требовавшего решительного сражения, Кутузов одобрил выжидательную

стратегию Барклая де Толли. Неравенство сил было еще велико, и отступление, с нанесением коротких ударов, было единственным правильным ведением войны с полчищами Наполеона.

Но, как только прибыло пополнение с ген. Милорадовичем, Кутузов принял решение дать французам бой, и было приступлено к нахождению выгодной позиции. Выбранное для сражения место у села Бородина находилось в 12 верстах от Можайска и в 120 от Москвы. Бородинское поле было слегка холмистое в центре, что позволяло легко наблюдать за противником, выгодно расположить артиллерию и создать оборону в глубину. Правый фланг русских войск доходил до деревни Маслово, у реки Москвы, и шел по берегу реки Колоча, причем наш восточный берег был крутой и обрывистый, высота его достигала местами до 10 метров, что служило естественной и надежной обороной нашего фланга. От деревни Горки до деревни Семеновской шел центр фронта, где опорным пунктом была высота, названная Курганной (центральной), местность перед центром позиции была удобна для действий больших соединений пехоты, конницы и артиллерии. Левый фланг считался от Семеновских флешей до деревни Утицы, расположенной в лесистой местности, пересеченной оврагами, и, кроме проселочной Старой Смоленской дороги, не имел путей для скорых и удобных массовых движений войск.

Кутузов прекрасно использовал местность и заставил Наполеона либо атаковать наши войска в лоб от Курганной высоты до Семеновских флешей, либо произвести сложное и глубокое обходное движение одного из наших флангов, что заставило бы отделить для такого сложного маневра значительную массу войск, но Наполеон не мог уже себе этого позволить, имея только незначительный перевес в силах, а также начиная понимать, что русские войска — это не австрийцы и не пруссаки, ибо за прошедшие почти три месяца со времени вторжения в Россию он узнал удивительную и неустрашимую стойкость в сопротивлении и страшные по силе контратаки русской армии, а также их искусное маневрирование, разбившее все хитроумные планы Наполеона об окружении отходивших с боями наших армий.

Нужно заметить, что первоначальный фронт позиции был другой — наш левый фланг оканчивался у деревни Шевардино, где сразу и был построен редут, но потом Кутузов, для большего обеспечения фланга от обхода, отвел его на деревню Семеновскую и деревню Утицу, а Шевардинский редут оставил как передовой опорный пункт.

По приказанию Кутузова был построен на выбранной позиции ряд укреплений: так, в центре, на Курганной высоте, была построена артиллерийская позиция, известная под названием батареи Раевского. За рекой Каменкой, впереди села Семеновского, на холме было создано три артиллерийские позиции, названные Семеновскими флешами, или Багратионовыми. Все артиллерийские позиции имели огневое взаимодействие и могли поддерживать пехоту и конницу при обороне и контратаке. 23 августа 1812 года Кутузов донес императору Александру I: «Позиция, в которой я остановился при селе Бородине, в 12 верстах впереди Можайска, — одна из лучших, какую только на плоских местах найти можно. Слабое место сей позиции, которое находится с левого фланга, постараюсь я исправить посредством искусства. Желательно, чтобы неприятель атаковал нас в сей позиции, в таком случае имею большую надежду к победе, но ежели он, найдя мою позицию крепкой, маневрировать будет по дорогам, ведущим к Москве, тогда должен буду идти и стать позади Можайска, где все сии дороги сходятся».

Войска были распределены следующим образом: правый фланг и центр, включая батарею Раевского, — 1-я армия ген. Барклая де Толли, на фланге наблюдение и разведку вели пять казачьих полков атамана Платова, и в особом

Сражение при Бородине. С картины П. Хесса

резерве, за флангом, стояли 1-й кавалерийский корпус ген. Уварова и девять казачьих полков атамана Платова; левый фланг до деревни Утицы, включая Шевардино, — 2-я армия ген. Багратиона, разведку и наблюдение на фланге у деревни Утицы вели шесть казачьих полков ген. Карпова. Главный резерв Кутузова состоял из двух корпусов пехоты и одной кирасирской дивизии, расположенных в центре у деревни Князьково, артиллерийский резерв из 300 орудий стоял у деревни Псареве. По фронту Бородинская позиция занимала около 5 верст, в глубину 3—4 версты. В двух русских армиях насчитывалось от 103 до 105 тысяч, казаков до 9 тысяч и 10 тысяч ратников ополчения (их, конечно, нельзя сравнивать с солдатами регулярной армии), артиллерийских орудий 650. У Наполеона было около 135 тысяч и 587 орудий.

Хотя наша армия численно все же уступала французской, но позади была Москва, и отдать ее без боя казалось позором. Кутузов смело шел на это сражение, он знал свою армию и был в ней уверен. Но он также знал, что с такими силами ему будет трудно разбить Наполеона, ибо тот еще не был достаточно истощен. В задачу Кутузова входило создать на Бородинском поле активную оборону и нанести возможно больше потерь зарвавшимся французам, подорвать их силы и после, без особых потерь для своих войск, уничтожить.

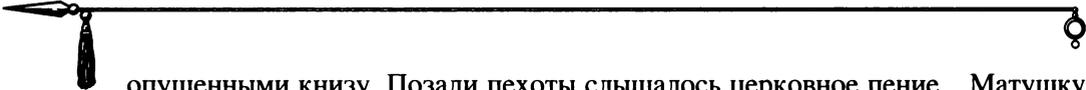
24 августа показался неприятель, и около 12 часов дня их главные силы подошли к Шевардину. Редут в течение дня переходил из рук в руки, и только к ночи, после жестокого кровопролития, Кутузов приказал оставить Шевардино. В течение этого боя Кутузов окончательно установил, что Наполеон группирует свои войска у деревни Шевардино и главного удара следует ждать на наш левый фланг и центр. Для усиления своего левого фланга Кутузов переводит 3-й корпус ген. Тучкова 1-го в лес у деревни Утица и за ним 10 тысяч ратников ополчения.

Следующий день 25 августа прошел в приготовлениях к бою.

Кутузов позаботился не только об укреплении своей позиции, но и о моральной подготовке войск, свято исполняя заветы Суворова, — по всему фронту была обнесена чудотворная икона Смоленской Божьей Матери и служились молебны. Русские люди глубоко сознавали грозную опасность для своей родины и с горячей молитвой обращались к Господу Богу за помощью и жертвенно готовились отдать свои жизни за Веру, Царя и Отечество.

Очень ярко этот момент описывается у Л. Толстого и Мордовцева:

«Из-под горы от Бородина поднималось церковное шествие. Впереди всех, по пыльной дороге, стройно шла пехота с снятыми киверами и ружьями,

опущенными книзу. Позади пехоты слышалось церковное пение... Матушку несут. Заступницу... солдаты и офицеры несли большую, с черным ликом в окладе икону». Это была икона, вывезенная из Смоленска и с того времени возимая за армией... «Солдаты, работавшие у возводимых на ближайших холмах насыпях для установки орудий, бросали заступы и лопаты, друг за дружкой бежали навстречу иконе, некоторые при ее приближении бросались ниц на землю, среди самой дороги, для того, чтобы через них прошла несомая по войскам святыня... руки, на минуту оставившие ружье или лопату, широко и размашисто вскидывались в воздух, чтобы перекрестить тело... губы шептали молитву».

«Взойдя на гору, икона остановилась; державшие на полотенцах икону люди переменялись, дьячки зажгли вновь кадила, и начался молебен... Толпа, окружавшая икону, вдруг раскрылась... Кто-то, вероятно очень важное лицо, судя по поспешности, с которою перед ним строились, подходил к иконе. Это был Кутузов, объезжавший позицию... Он перекрестился привычным жестом, достал рукой до земли и, тяжело вздохнув, опустил свою седую голову... Когда кончился молебен, Кутузов подошел к иконе, тяжело опустился на колена, кланяясь в землю, и долго пытался и не мог встать от слабости. Наконец он встал и приложился к иконе и опять поклонился, дотронувшись рукой до земли. Генералы последовали его примеру; потом офицеры и за ними солдаты и ополченцы».

С приближением ночи наступила тишина. Ожидание боя, прохладная августовская ночь и прошедший дождик не располагали ко сну войска противников. Наполеон и его армия с нетерпением ждали утра, чтобы одним мощным ударом разгромить и уничтожить русскую армию и закончить победоносно войну. Они хотели этой битвы, ибо устали от непомерных походов по нашей стране и нерешительных сражений, стоивших им огромных потерь из-за небывалого сопротивления русских.

Русские тоже желали этого боя, чтобы дать достойный отпор дерзкому врагу и освободить родину от нашествия иноплеменников.

Рассвет 26 августа застал французскую армию на ногах, войскам читалось воззвание Наполеона, смысл которого сводился к тому, что если вы победите, то будете иметь все нужное, удобные квартиры и скорое возвращение домой и что потомство с гордостью скажет о вас: «Он был в великой битве под Москвой». Командный пункт Наполеон установил на холме у деревни Шевардино и приказал вице-королю Евгению Богарне двинуть свои войска

на село Бородино, взять его, переправиться через реку Колочу произвести демонстрацию на правом русском фланге и заставить их держать там свои силы, пока не будет разбит русский левый фланг.

С первым выстрелом, прорезавшим предрассветную тишину, Кутузов выехал на свой командный пункт у деревни Горки.

В пятом часу утра войска Богарне начали атаку села Бородина, занятого полком наших гвардейских егерей. После упорного боя, длившегося более часа, егеря были оттеснены из села за речку Колоча. С подошедшими резервами егеря перекололи зарвавшегося противника вместе с их командиром ген. Плозони и, снова захватив мост, при содействии команды матросов-саперов, под командованием мичмана Лермонтова, его сожгли. (В числе многих памятников, воздвигнутых на Бородинском поле, есть и этим героям у бывшего моста через Колочу, на нем есть надпись: «В лейб-гвардии Егерском полку солдат убито 693, матросов 11».)

Вскоре после начала атаки у села Бородина начался сильный артиллерийский обстрел Семеновских флешей и деревни Семеновской, а в 6 утра была произведена первая атака флешей двумя французскими дивизиями ген. Компана и Дессэ, но картечь наших пушек и фланговый ружейный огонь егерей ген. Шаховского отбивает французов с большим для них уроном, и они в беспорядке бегут назад.

Одновременно с атакой на флешу французский корпус маршала Понятовского переходит в наступление на деревню Утицу, намереваясь выйти во фланг армии Багратиона. Наша 1-я гренадерская дивизия, егеря и казаки ген. Карпова дают ему достойный отпор.

Французы, приведя в порядок свои расстроенные после неудачной атаки дивизии, начинают новую артиллерийскую подготовку, и около 8 часов утра началась вторая атака на флешу Багратиона. Наша артиллерия опустошала ряды, но они неуклонно шли вперед. Тогда гренадерская дивизия бросилась на врага в штыки, наступающие французские колонны пришли в замешательство, но к ним на помощь бросился маршал Даву со своими дивизиями, и они прорвались на флешу. Багратион бросает на поддержку гренадерской дивизии ген. Воронцова несколько батальонов 27-й пехотной дивизии, и они штыкам отбрасывают врага, а наши кавалерийские полки довершили поражение наступающих французов и захватили еще 12 орудий. Противник потерял ранеными ген. Дессэ и Теста, а маршал Даву был контужен. На поддержку отброшенным войскам Наполеон шлет корпуса Нея, Жюно и кавалерию Мю-

рата, третья атака почти сливается со второй, и, несмотря на сильный урон, французы захватывают флешы.

С подошедшими резервами Багратион ведет свои войска в контратаку и уничтожает, захвативших флешы, французов, а наступавших с флангов, после целого ряда штыковых и конных атак, отбрасывает в исходное положение. Здесь особенно отличилась дивизия ген. Неверовского и кирасиры. Доблестная гренадерская пехотная дивизия ген. Воронцова почти вся легла на защите флешей, а сам он, раненный и окровавленный, покрытый разорванным и пропитанным кровью знаменем, вынесен из боя солдатами. Французы потеряли ранеными еще трех генералов — Компана, Дюппелена и Раппа.

В 8 часов утра Кутузов переводит из резерва на поддержку левого фланга три гвардейских пехотных полка, три кирасирских полка, восемь сводных гренадерских батальонов и около 150 орудий и приказывает 2-му пехотному корпусу ген. Багговута перейти на левый фланг.

Наполеон, как передают очевидцы, был ошеломлен неудачей своих войск. Он привык к быстрым победам и любил приказывать своим маршалам: «Пойдите и принесите мне победу». Теперь же его маршалы требовали только подкреплений и подкреплений и доносили об огромных потерях. Его уверенность заколебалась. Один из очевидцев, француз Шамбрэ, так описывает этот момент: «Нерешительный против своего обыкновения, он не отдавал еще приказаний, когда один из его ординарцев, посланный к Нею, возвратясь, известил его, что Багратион вновь предпринял наступление и что безотлагательно должно поддержать его (Нея)... Это новое донесение увеличило нерешительность Наполеона; он советуется с Бертье, но приказания не отдает...» Сегюр тоже описывает этот случай: «Когда силы Мюрата и Нея истощились, они послали к Наполеону за подкреплением. Тогда увидели Наполеона пораженного колебанием, до того времени ему неизвестным; он долго советовался; наконец, после повторения приказаний молодой гвардии и отмены их, решил, что появление войск Фриана и Мобура на высотах будет достаточным. Кутузов пользуется этим, подвигает свои резервы и часть гвардии».

Наконец, около 10 часов утра, Наполеон решает усилить свои войска против флешей еще одной гвардейской дивизией Фриана, а количество пушек доводит до 300. После ураганного огня артиллерии Наполеон посылает в атаку флешей более 30 тысяч войск и захватывает флешы, но опять, после жестокого боя, ген. Коновницын выгоняет французов. У нас ранены ген. Неверовский и князь Горчаков.

Одновременно с четвертой атакой на флешу была атакована, в первый раз, Курганная батарея Раевского, но французы были отбиты и в беспорядке бежали. Тогда французы усиливают свою артиллерию, и после жестокого обстрела Богарне бросает свои войска во вторую атаку и бригада ген. Бонами врывается на батарею, где в неравном бою гибнут наши артиллеристы и уцелевшая пехота.

Прибывший в этот момент по поручению Кутузова ген. Ермолов схватывает 3-й батальон Уфимского пехотного полка и бросается с ним в штыки на захваченную батарею. Его примеру следуют части 26-й и 12-й пехотных дивизий, а три конно-артиллерийские роты полковника Никитина открывают огонь по противнику. Рассвирепевшие солдаты кололи французов, как баранов, это была буквальная резня, — и только слышались крики: «Бей их, руби!».

В этой жестокой схватке французы потеряли ранеными трех дивизионных генералов — Морана, Пажоля и Дефранса, а ген. Бонами был взят в плен. Наши потери были тоже велики — на батарее был убит начальник артиллерии ген. Кутайсов и ранены ген. Монахтин и Крейц.

Между тем атаки на Багратионовы флешу продолжались почти без перерыва. Наполеон упрямо бросал свои войска в лобовые атаки, а Багратион от-

Бой за Багратионовы флешу. Художник Х.-В. Фабер дю Фор

бивал их контратаками. Бои сопровождались яростным ожесточением, упорством и мужеством, потери сторон по тем временам были огромны.

Бородинское поле представляло собой жуткое зрелище: на сравнительно небольшой площади гремела почти тысяча орудий, в штыковых боях сталкивались пехотные массы по 20—30 тысяч человек; конница бросалась в атаку бригадами, дивизиями и корпусами; вот идут в атаку под губительным ружейным огнем и артиллерии стройные колонны, вот бросаются друг на друга в штыки, слышатся дикие крики, лязг штыков и ярость озверевших людей доходит до предела, и вдруг одна сторона обращается в бегущую толпу, конница налетает на пехотные каре, но под огнем сбивается в кучи и, поражаемая, обращается в бегство, вот успешная конная атака, пехота бежит, поражаемая сабельными ударами и пиками, носятся по полю лошади без всадников, кричат раненные, падают убитые.

«Молчаливый и угрюмый сидел в эти часы Наполеон на командном пункте, почти не вмешиваясь в ход боя».

«На другом конце поля, на командном пункте у Горицкой высоты, сидел Кутузов».

Он тоже сидел молча и неподвижно, наклонив свою старую голову и как будто прислушивался к шуму боя. Многие могли подумать, что он спит, но его рука иногда шевелилась и рукояткой плети чертила что-то на песке.

Современники и некоторые историки обвиняли обоих полководцев в бездеятельности, но «между двумя великими полководцами в эти часы шла титаническая борьба. Только взглядыываясь в то, что происходило на поле боя, вдумываясь в значение битвы, в историю всей войны, можно было понять, какого напряжения стоила эта кажущаяся безучастность, это молчаливое раздумье, в которое погрузились и Наполеон и Кутузов».

«Кутузов не суетился, не дергал командующих армиями и всем своим видом как бы говорил своему штабу: “Вы видите, несмотря на все тяжелые события и ужасы, о которых вы мне докладываете, все идет, как я предвидел”».

Кутузов прекрасно знал русский народ, знал, что на Бородинском поле русский офицер и солдат защищают свою родину от нашествия западных врагов и будут биться до последней капли крови.

Французский историк Пелле так пишет о Бородинском сражении: «Преданность генералов, непоколебимая храбрость солдат спасли Россию. Другие войска были бы разбиты и, может быть, уничтожены задолго до полудня».

«Упорство русских приобрело ужасный, зловещий характер», — пишет другой французский историк.

За 6 часов боя, с 5-ти утра и до 11-ти дня, французы, ведя непрерывные атаки на флешу Багратиона, неся огромные потери, тщетно пытались прорвать наш левый фланг. Наполеон к этому участку, не превышавшему одной версты по фронту, сосредоточил свои лучшие части: 1-й французский корпус маршала Даву, немецко-португальский 3-й корпус маршала Нея, немецкий 8-й корпус маршала Жюно и три кавалерийских корпуса маршала Мюрата.

К 11 часам дня Наполеон усиливает количество своей артиллерии против флешей до 400 пушек и в атаку бросает более 45 тысяч пехоты и конницы. Багратион встречает их яростной контратакой во главе своих трех пехотных и двух кавалерийских дивизий. Французский историк Голлуа пишет про этот момент следующее:

«Маршалы принуждены остановиться, Кутузов, пользуясь этим неожиданным случаем, призывает весь свой резерв до самой гвардии на свой левый фланг. Багратион восстанавливает свою линию, и вскоре его огонь опустошает ряды французов. Его атака стремительна, пехота, артиллерия, конница усиливаются в одно время сбить французов».

Этот кровавый бой, где был смертельно ранен любимый войсками Багратион, очень ярко описывает участник сражения Бутурлин:

«Князь Багратион, видя, что неприятель выигрывает место, приказал войскам своим выступить ему навстречу. Вся линия колонн левого крыла россиян, двинувшись вперед скорым шагом, ударила в штыки на линию неприятельскую. Натиск был ужасен... воспоследовала ужасная сеча, в которой и с той и другой стороны истощены были чудеса сверхъестественной храбрости. Пешие, конные и артиллеристы обеих сторон, вместе перемешавшись, представляли страшное зрелище неправильной громады воинов, препирающихся один на один с бешенством отчаяния. Резервы, кипящие храбростью, но удерживаемые дисциплиною, одни только соблюдали ряды свои и стояли неподвижно. Хотя неприятель был в превосходном числе, однако ж россияне с выгодой держались, доколе несчастье, случайно приключившиеся, не переменяло всего положения дел. Кн. Багратион, начальник его штаба ген.-майор гр. Сен-При и многие другие генералы были ранеными, нашлись принужденными оставить место сражения. Войска, не управляемые более начальниками, начали отступать. Сей оборот мог бы иметь самые пагубные следствия, если бы ген.-лейтенант Коновницын не принял тотчас начальства, упраздненного

отсутствием кн. Багратиона. Он отвел все войска, в деле находившиеся, за овраг Семеновский, занял высоты при сей деревне и с невероятной скоростью поставил на оных сильные батареи, через то самое удержал неприятеля».

Потеря князя Багратиона имела почти решающее значение в обороне флешей, войска потеряли храбрейшего вождя. Кутузов тяжело пережил эту большую потерю для русской армии и в своей реляции пишет: «Сей несчастный случай весьма расстроил удачное действие левого нашего крыла, доселе имевшего поверхность над неприятелем».

В последний момент защиты флешей, около 12 часов дня, был убит генерал Тучков 4-й.

Кутузов, вместо смертельно раненного Багратиона, назначает командующим 2-й армией ген. Дохтурова и пишет ему: «Димитрий Сергеевич, держаться надо до последней крайности». Конечно, Кутузов знал, кого назначал, и был уверен, что армия будет в надежных руках.

Французы, желая использовать успех после взятия флешей, атакуют деревню Семеновскую, но с большими потерями отбрасываются назад. Вторая атака последовала после ураганной артиллерийской подготовки, — вперед была брошена конная масса кирасир Нансути и Латур-Мобура на каре трех гвардейских полков — Измайловского, Литовского и Финляндского и на 3-ю пехотную дивизию. Корпус Нансути три раза бросался в атаку на каре и три раза поворачивал обратно и в конце отступил, понеся большие потери. Корпус Латур-Мобура тоже был отбит нашей кавалерией, но все же фронт отодвинули на восточный берег речки Семеновки. Против деревни Утицы Тучков 1-й, перейдя в наступление, потеснил маршала Понятовского, но вскоре получил смертельную рану, и его заменил ген. Багговут.

Маршалы снова настойчиво требуют у Наполеона подкреплений, и, наконец, после долгих колебаний, Наполеон решает направить из резерва дивизию молодой гвардии ген. Рогэ, для новой атаки нашего левого фланга. Одновременно он решает начать новую атаку на батарею Раевского, усилив войска Богарне другой дивизией гвардии.

В момент наибольшего напряжения боя на нашем левом фланге, после 11.30 дня, Кутузов проводит свой замечательный маневр, разработанный до начала сражения. Кавалерийский корпус ген. Уварова и девять полков атамана Платова, сосредоточенные на нашем правом фланге, в количестве 8 тысяч всадников и 36 орудий, Кутузов бросает в обход и тыл левого фланга противника. Этот конный налет заставил Наполеона прекратить атаки на наш

левый фланг. Около 12 часов дня, внезапным нападением у деревни Беззубово, кавалерия Уварова разбивает франко-итальянскую кавалерийскую бригаду и пехотные части противника и далее атакует и отбрасывает на Бородино войска ген. Орнано и Дельзона. Казаки Платова, перейдя речку Войну, прорвались в глубокий тыл противника и на широком фронте начали громить обозы. Испуганные обозные лошади понесли свои тележки в разные стороны, сшибая все на своем пути, поднимая тучи пыли и сея еще большую панику.

Ошеломленный начальник французского левого фланга вице-король Богарне вообразил, что русские предприняли крупную операцию удара по его флангу и что сейчас за кавалерией появится пехота, как это было принято по тактическим правилам того времени, срочно перебрасывает всю итальянскую гвардию, 6-ю дивизию тяжелой кавалерии и егерские полки к месту боя.

Наполеон, встревоженный внезапным нападением русских, вместо атак нашего левого фланга, переводит на свой левый фланг две гвардейские дивизии Рогэ и Клаперада и спешит к месту нового сражения. Перерыв боя на главном участке длится два часа, что дает нашим войскам возможность спокойно устроиться на новой позиции, пополнить резервы и артиллерию.

Маневр, произведенный Кутузовым, еще более подчеркивает его полководческий талант и способность предвидеть намерения противника и навязать ему свою волю.

Французский ген. Саразен так описывает этот маневр Кутузова: «Русский полководец успел чрезвычайно ослабить нашу первую линию. Он начал новую битву. Наше левое крыло было опрокинуто в овраг и отброшено на Бородино; наш центр тотчас был атакован и принужден к отступлению. Большие подкрепления, посланные Наполеоном, остановили успех русских, колонны коих остановились, как металлическая стена».

После ликвидации прорыва и успокоения на своем левом фланге Наполеон возвращается на свой командный пункт у Шевардина только после 2 часов дня. О прорыве нашего левого фланга он уже не думает, хотя и были заняты флеши Багратиона и деревня Семеновская, но французские войска не достигли поставленной им задачи, — наш левый фланг остался непоколебим.

Теперь Наполеон обрушивает огонь своей артиллерии на батарею Раевского и готовится к ее штурму. Всю свою ярость французы обратили сейчас на нашу центральную батарею, очевидно, надеясь, что, может быть, здесь удастся прорвать наш фронт. Наполеон послал во фронтальную атаку три пехотные дивизии — Морана, Жерара и Брусье и дивизию молодой гвардии

Клаперада, кавалерийские корпуса Монбрена, Латур-Мобура и Груши шли в атаку с флангов. Части 5-го кирасирского полка, во главе с командиром 2-го кавалерийского корпуса Огюстом Коленкуром, ворвались на батарею с тыла, но в рукопашной схватке они были перебиты вместе с ген. Коленкуром, но затем французские пехотные и кавалерийские дивизии обрушились на батарею Раевского со всех сторон, наша картечь рвала лезших врагов, русские стреляли, кололи и били прикладами врывавшихся на бруствер, начальник 24-й пехотной дивизии ген. Лихачев кричал: «Братцы, позади Москва» — и вместе со своими героями солдатами рубил своей шашкой налезавших французов. Несмотря на героическую защиту батареи, французы массой подавили нашу оборону. Ров и проход были завалены телами убитых французов и русских. Израненный штыками ген. Лихачев был взят в плен.

Желая использовать успех взятия батареи, три французских кавалерийских корпуса пошли в атаку на нашу отходящую пехоту, но два наших кавалерийских корпуса и Кавалергардский и лейб-гвардии Конный полки, во главе с Барклаем де Толли, бросились в контратаку. Это было самое крупное столкновение конных масс Бородинском бою. Рукопашная сеча носила ожесточенный характер и длилась около часа. Французы были отброшены и понесли большие потери — были убиты ген. Шастелен, Жерар и Гювр и ранены Груши и Доманж. Сами французы писали после, что Бородинское поле стало могилой французской кавалерии и большая часть ее погибла на батарее Раевского и около нее.

Новой контратаки для отбития батареи русское командование более не производило — маленькое полевое укрепление исполнило свою задачу прекрасно, выдержав пять атак и нанеся огромный урон пехоте и кавалерии противника, и не было причин расходовать резервы для такого пункта.

Русская пехота была отведена на 600—800 шагов от Курганной высоты и стала на высотах за Горицким оврагом. В это время, на крайнем левом фланге, у Старой Смоленской дороги, после 3 часов дня разгорелся встречный бой с французским корпусом Понятовского.

Все попытки были отбиты, и противник был потеснен, но для выравнивания позиции с соседними войсками ген. Дохтуров приказал отвести войска Багговута на холмы за речкой Семеновкой. На кургане остались только казачьи части ген. Карпова.

По всему фронту началась сильная артиллерийская перестрелка. По признанию самих французов: «Огонь с русских батарей был так силен, что они

принуждены были скрыть свои войска в оврагах и рытвинах, а гв. дивизия Клаперада, находившаяся за большим люнетом, должна была стать на колени, и все они более часа оставались в сем затруднительном положении, пока не прекратилась канонада».

В начале артиллерийской перестрелки Наполеон выехал в сопровождении маршалов для осмотра поля сражения.

Привыкнув к легким победам, когда вражеские армии после 1—2 часов боя беспорядочными толпами сдавались в плен со своими знаменами, орудиями и униженными генералами, здесь, на поле, он увидел только горы трупов убитых французов и русских и услышал стоны и крики массы раненых.

Французский историк Тьер так описывает этот выезд: «Наполеон объезжает линию вскачь и видит русских, стоящих неподвижно в плотных массах, не представляя возможности нигде легко взяться за них».

Ген. Пеллэ рассказывает интересные подробности о переговорах Наполеона с маршалами на Бородинском поле: «Наполеон, оставив свою свиту позади, прискакал в маленький лесок, что против Горок. Бертье, Дюрок, Бессьер и один паж сопровождали его. Мюрат подъехал к нему. Они находились под обстрелом русских стрелков. Наполеон настаивал на желании овладеть редутом (у деревни Горки) и повторял, что победа не произвела еще тех последствий, которых должно было ожидать. Все сопутствующие ему были против атаки. Бертье сказал, что они находятся за 600 лье от Франции, потеряли уже более 30 генералов, а чтобы овладеть этой крепкой позицией, пожертвуют лучшими солдатами и возьмут лишь несколько сот пленных. Бессьер прибавил, что должно сохранять гвардию, как последний резерв армии, и что он отвечает Франции за императора».

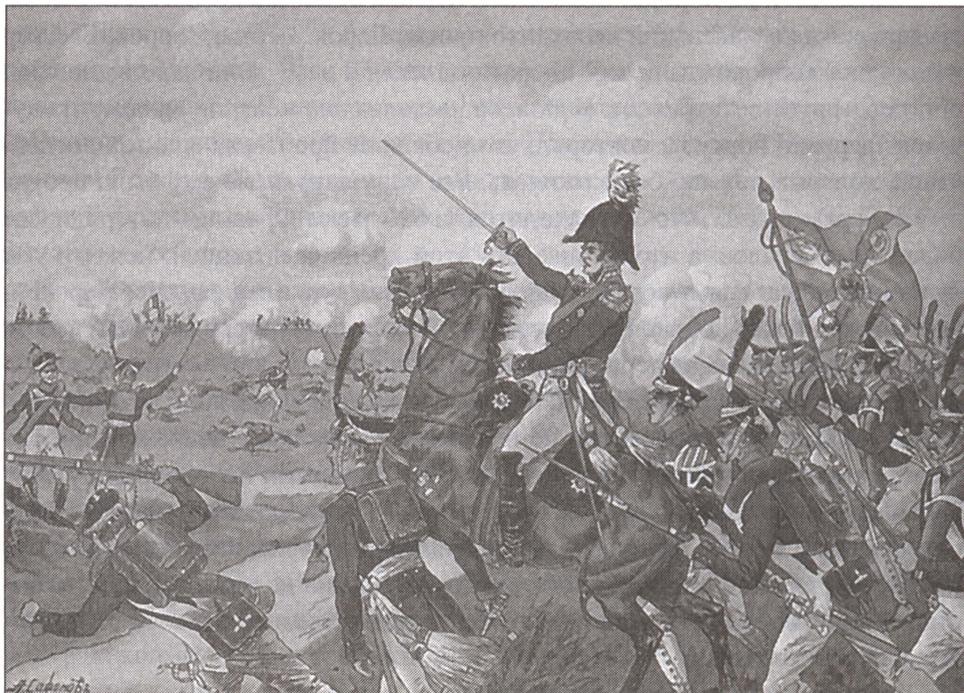
Маршалы и, конечно, сам Наполеон прекрасно понимали, что продвижение на несколько сот шагов не будет иметь никакого значения и битву надо заканчивать, ибо все усилия французской армии потерпели неудачу. Хотя Наполеон достиг тактического успеха — укрепленные пункты на левом фланге и центре были заняты и армия продвинулась на несколько сот шагов, но цели своей он не достиг, русскую армию не уничтожил и на быстрое окончание войны были потеряны надежды, что являлось его стратегическим поражением.

Несмотря на это, в Париж было послано извещение о блестящей победе над русской армией. Этот «победный» наполеоновский бюллетень французский историк Сегюр насмешливо называет «самым лживым».

В добавление к этому бюллетеню Наполеон, как бы оправдываясь перед современниками и будущими историками, так поясняет свои действия ген. Дюма и Дарю: «Удивятся, что я не употребил своих резервов, чтобы приобрести более значительные результаты. Но я должен был их сохранять, чтобы нанести решительный удар в большой битве, которую нам даст неприятель под Москвой».

Конечно, эти слова были пустой бравадой, французская армия, обескровленная потерей в Бородинском бою около 50 тысяч человек, ошеломленная небывалым сопротивлением, страшно утомленная и потерявшая уверенность в победе, не могла уже надеяться на успех, даже бросив в бой свой последний нетронутый резерв — старую императорскую гвардию, к тому же насчитывающую всего только около 18 тысяч человек пехоты и кавалерии.

Когда Наполеон решал с маршалами дальнейшие свои действия, Кутузов писал Барклаю де Толли: «Я из всех движений неприятельских вижу, что он

Бородинское сражение. Контратака А.П. Ермолова на батарею Раевского. Художник А. Сафонов

не менее нас ослабел в сие сражение, и потому, завязавши уже дело с ним, решился в сегодняшнюю ночь устроить все войско в порядок, снабдить артиллерию новыми зарядами и завтра возобновить сражение с неприятелем...»

По армии Кутузов отдал краткий приказ: «Завтра атакуем».

Этот приказ вызвал в войсках сильный подъем и уверенность, никто больше не сомневался в том, что сражение не проиграно.

Наступающая темнота заставила прекратить артиллерийскую дуэль, и после 6 часов вечера кровавое Бородинское сражение окончилось.

Много лет спустя Наполеон в своих воспоминаниях признается: «Из пятидесяти сражений, мною данных, в битве под Москвой выказано наиболее доблести и одержан наименьший успех...» «Из всех моих сражений самое ужасное то, что я дал под Москвой. Французы показали себя в нем достойными одержать победу, а русские — называться непобедимыми».

Замолкнувший грохот орудий на Бородинском поле сменился стоном раненых. Французские доктора Роос, Цезарь Ложье и другие в своих воспоминаниях дают жуткую картину Бородинского поля после сражения. «Раненые звали родных, но позади был Гжатск, а не Дрезден, — с горькой иронией пишет французский врач. — Боевой хмель прошел, и раненый вестфалец проклинал Наполеона и его брата вестфальского короля и жалел, что не может им отомстить».

Таких искалеченных вестфальцев, итальянцев, поляков, немцев, португальцев, французов, голландцев, швейцарцев были десятки тысяч. Они плакали, стонали, некоторые бредили, молили о помощи, но их некому было подобрать, некуда положить, и они лежали на холмах и в долинах, их стоны доносились из оврагов, из-под груды мертвых тел. Близилась ночь, полил дождь, дул резкий осенний ветер. Становилось холодно, темно. Раненые умирали».

Те же доктора писали о том, как вели себя в то же время раненые русские: «Они почти не стонали, не жаловались, некоторые отказывались говорить с врачами, некоторые сами крепко перевязывали перебитые ноги ветками деревьев и медленно ползли на свою сторону».

«Никакое бедствие, никакое проигранное сражение, — пишет Ложье, — несравнимо по ужасам с Бородинским полем, на котором мы — победители. Все потрясены, подавлены. Армия неподвижна. Раненым не хватает места, кругом трупы людей, коней, лужи крови, брошенное оружие, разрушенные и сгоревшие дома, земля изрытая ядрами. На батареях смерть уложила всех людей и коней, русские канониры, изрубленные кирасирами, лежали у сво-

их орудий, целые ряды пехоты полегли, как скошенные. Генералы, офицеры, солдаты молча бродят подавленные, изумленные...»

«Безмолвные бивуаки, — пишет Сегюр, — ни пения, ни говора; даже вокруг императора не слышно обычной лести. Суровая тишина. Солдаты поражены количеством убитых и ничтожным количеством пленных, а ведь только ими определяется успех. Убитые говорят о храбрости противника, а не о победе над ним. Если он отошел в таком блестящем порядке, что значит для нас приобретение какого-то поля битвы. Контуженный русский встает и идет к своим, и никто его не останавливает...»

«К ночи подсчитали пленных и трофеи и доложили Наполеону, что взято в плен 700 русских, в большинстве раненых, и 30 орудий. Наполеон не поверил, приказал пересчитать вновь, но это не помогло — из 120 тысяч русской армии в плен взято всего 700».

За ночь русская армия, устроив новые позиции, готовилась к бою на другой день. Разведка выяснила, что с наступлением полной темноты французы покинули все занятые укрепления на Бородинском поле и отошли за Шевардино на 10—11 верст от нашей линии.

Но перед рассветом Кутузов приказал отходить к Москве. В своем рапорте императору Александру I он доносил: «...когда дело идет не о славе выигранных только баталий, но, вся цель будучи устремлена на истребление французской армии, ночевав на месте сражения, я взял намерение отступить». Несомненно, здесь сыграли также большую роль наши потери — убито и ранено было более 40 тысяч солдат и офицеров и 23 генерала. Хотя силы наши были почти одинаковы с французской армией, но в новой битве мы могли себя обескровить, а готовых резервов не было. Наполеон же ожидал прибытия двух свежих дивизий, а в случае своего отступления он мог подтянуть резервы из Смоленска и Орши.

Утром 27 августа русская армия двинулась к Можайску. Противник мог только наблюдать за этим отходом, не делая никаких попыток к нападению. Наше прикрытие отошло в 10 часов утра, а в 12 часов Мюрат выступил вслед нашей армии. Авангард французов был очень поражен, что не нашел ни одной брошенной повозки, ни одного отсталого солдата. Мертвые были похоронены, и свежие кресты указывали на места их упокоения. Десятки тысяч раненых были все вывезены. Французы прекрасно понимали, что так разбитая армия не отступает.

Бородинское сражение положило начало конца Наполеона, французская армия, наступая на Москву, шла к своей гибели.

В дальнейшем, после оставления Москвы, Кутузов совершает искусный фланговый марш и тем прикрывает армией базу своего снабжения — южную Россию. Далее, под Тарутином разгромлен авангард Мюрата, под Малоярославцем встречный бой с Наполеоном и его отступление на разоренную Смоленскую дорогу, а после победоносные бои под Вязьмой, Красным, Борисовом и Березиной и почти полное уничтожение армии Наполеона.

Из 600 тысяч, перешедших Неман, спаслось только 20 тысяч, взято в плен около 150 тысяч, остальные полегли на просторах России, и захвачена почти вся артиллерия, около 900 орудий.

Союзники Наполеона — австрийцы очень спешно ретировались восвояси, пруссаки тоже, а корпус Йорка целиком перешел на нашу сторону.

Всего три месяца понадобилось Кутузову на уничтожение напавших на Россию разноплеменных полчищ Наполеона.

17 декабря 1812 года Кутузов доносил императору Александру I: «Пределы Российской империи очищены совершенно от неприятельских войск, исключая малых остатков корпуса Макдональда, бегущих за границу...»

В.В. Федуленко

Кирасиры Ее Величества в Бородинском бою

Выписка из рапорта командира 1-й бригады 1-й кирасирской дивизии ген. Н.М. Бороздина генералу Барклаю де Толли.

В сражении сего августа под дер. Горки, по болезни дивизионного командира, известно Вашему Высокопревосходительству, что я имел честь командовать 1-ю кирасирскою дивизиею, составленною из полков кавалергардского, лейб-гвардии Конного, лейб-кирасирских Его Императорского Величества, Ее Императорского Величества и Астраханского кирасирского, равно и лейб-гвардии Конно-артиллерийской роты, которые с начала сражения были разделены, по приказанию господина командующего кирасирскими полками генерал-лейтенанта князя Голицына: три полка мною переведены на левый фланг, а кавалергардский и лейб-гвардии Конный, под командою ген.-майора Шевича, были в центре...

Лейб-кирасирские Его Величества и Ее Величества и Астраханский, переведенные мною на левый фланг под командою: первый — шефа полковника барона Будберхта, второй — шефа полковника барона Розена и последний — полкового командира полковник Каратаева, поставлены были у прикрытия батарей наших под сильным огнем, где, невзирая на ужасные выстрелы с неприятельских батарей, защищали оные с отличным мужеством. Неустрашимость их столь была сильна, что и большая убыль людей и лошадей, убитыми и ранеными, не в состоянии была расстроить их рядов, смыкавшихся каждый раз в порядке...

Лейб-кирасирский Ее Величества полк, под командою полковника барона Розена, прикрывая батареи и выдерживая сильный неприятельский огонь, не терял нимало присутствия духа: полковник барон Розен, будучи отлично храбр, служил примером своим подчиненным, а когда неприятель покусился атаковать нашу пехоту, правее от нас, и когда он, господин Розен, по приказанию господина ген.-лейт. князя Голицина, послан мною с двумя эскадронами атаковать, что с большим стремлением было исполнено, отчего много неприятельская кавалерия потеряла, особенно тогда, как барон Розен напал на нее

*Атака лейб-гвардии кирасирского Его Величества полка в 1813 году.
Художник М.Б. Греков*

с тылу. Одним словом, неприятельская колонна была опрокинута и потерпела большой урон. Рекомендую барона Розена, должен засвидетельствовать и об отличной храбрости эскадронного командира майора Кошенбара, содействовавшего в успехе сей атаки, равно расторопность и мужество майора Вистергольца, получившего контузию, штабс-ротмистра Шлиппенбаха и Гедеонова, раненного ядром в ногу, поручиков полкового адъютанта Кириллова, Рудковского 2-го и Кошенбара 2-го, из коих два последних ранены контузией.

О прочих двух эскадронах сего полка барон Розен доносит мне, что майор Соллогуб, оставаясь с ними на левом фланге, двоекратно атаковал батареи, поражая каждый раз неприятеля, рекомендует об отменной храбрости и мужестве его и командующего также эскадроном ротмистра Гагина. Сей последний во время с мужеством произведенной атаки сильно ранен картечью в руку. В сих атаках отличал также себя и поручик Милевский, получивший контузию в голову...

Равномерно, господин генерал-майор Шевич, полковник барон Розен и Каратаев за отличную храбрость и мужество просят о производстве в офицеры... вверенного ему лейб-кирасирского Ее Величества полка вахмистра Рыбаса... причем барон Розен о Рыбасе пишет, что он, будучи сильно ранен, оставался во фрунте до изнеможения сил... осмеливаюсь рекомендовать о их мужестве и храбрости. Справедливостью требует засвидетельствовать также и то, что все они, равно и нижние чины, в сие жестокое сражение столь были мужественны, что казалось, решились жертвовать жизнью...

Подписал генерал-майор *М. Бороздин*.

И.Ф. Рубец

Лейб-гвардии конная артиллерия в Бородинском сражении

5 марта 1812 г. лб.-гв. конная артиллерия в составе двух восьмиорудийных батарей под командой полк. Козена выступила в поход. 1-й батереей командовал кап. Захаров, 2-й — кап. Ралль 2-й.

По прибытии на театр военных действий батареи, вместе с другими частями гвардии, составили 5-й корпус под командой цесаревича Константина Павловича. Корпус этот входил в состав 1-й западной армии ген. Барклая де

Толли. С этой армией батареи совершили отход до Бородина, причем боевое крещение получили в боях под Витебском, где 2-я батарея своим огнем долго мешала противнику навести мост через Двину.

На Бородинской позиции, согласно диспозиции ген. Кутузова, батареи лб.-гв. конной артиллерии должны были находиться в общем артиллерийском резерве у д. Псарёво под командой генерала Левенштерна. Однако уже на рассвете 26 августа 2-я батарея перешла к кирасирской дивизии ген. Депрерадовича, находившейся у д. Князьково, у Псарёва же оставлена лишь 1-я батарея.

Вечером 25 августа в батареях объявлено следующее предписание начальника артиллерии ген. гр. Кутайсова: «Подтвердить во всех ротах и батареях, чтобы они с позиции не снимались, пока неприятель не сядет верхом на пушки; сказать командирам и всем г.г. офицерам, что, отважно держась на самом близком картечном выстреле, можно только достигнуть того, чтобы неприятелю не уступить ни шагу нашей позиции; артиллерия должна жертвовать собой, пусть возьмут вас с орудиями, но последний картечный выстрел выпустите в упор и батарея, которая будет таким образом взята, нанесет неприятелю вред, вполне искупающий потерю орудий».

26 августа, около 8 часов утра, когда после отбития второй атаки на Семеновские флеши Наполеон посылает туда подкрепления, Кутузов направляет туда же части из резерва, в частности бригаду ген. Бороздина 2-го из дивизии Депрерадовича и полки: кирасирские Его и Ее Величества и Астраханский кирасирский. С ними к Семеновским флешам направляется и находившаяся у Псарёва 1-я батарея. В строю батареи, кроме командира, находились следующие офицеры: шт.-кап. Бистром, поручик Гельмерсен, подпоручики Гижитский, Дивов и Павлов.

Рысью, во взводной колонне, двинулся туда кап. Захаров и прибыл к левому флангу как раз тогда, когда французская пехота, направленная в промежуток между флешами и Утицким лесом, угрожала обходом.

Заметив в кустарниках обходящего неприятеля, Захаров построил фронт и без прикрытия понесся вперед, снялся на дистанции близкого картечного выстрела и открыл убийственный беглый огонь по выходящей из леса пехоте, которая, понеся большие потери, вынуждена была остановиться.

Тем временем находившийся при батарее полк. Козен подскочил к кирасирам, дабы ускорить их движение. После же прибытия последних батарея приняла вправо и вступила в бой с 30 орудиями, стоявшими против нее, причем батарея разделилась.

Шт.-кап. Бистром с тремя орудиями занял возвышенность, дававшую возможность фланкирования неприятельской позиции, остальные же пять орудий поставили на интервалах в 50 шагов, дабы представлять меньшую цель. Мера эта оказалась чрезвычайно удачной, и, в то время как с батареи ясно были видны попадания Бистрома, у нас ни одно орудие не было подбито.

Зато потери в личном составе были большие.

Одним из первых пал молодой 19-летний подпрапор. Павлов, недавно определенный цесаревичем в лб.-гв. конную артиллерию. Павлов — первый гвардейский артиллерист, павший на поле брани после убитого в 1695 г. под Азовом князя Федора Троекурова. Ранен подпор. Дивов.

Вскоре, расстреляв все комплекты снарядов и в ожидании прибытия второго эшелона зарядных ящиков, батарея отведена, по приказанию полк. Козена, назад. Захаров же поскакал к Бистрому, чтобы узнать, нельзя ли усилить его одним или двумя орудиями.

«Ну, ребята, как вы тут живете-можете? Довольно ли у вас еще зарядов? Завидую счастью вашему! Вы можете еще сражаться за Царя и Отечество».

С этими словами обратился Захаров к солдатам, и в это время ядро ударило в него и в близстоявшего фейерверкера. Четыре канонира подняли его, чтобы нести на перевязочный пункт, но, претерпевая ужасные мучения, он приказал двум из них вернуться обратно.

«Подите туда, вы там нужны, а меня и двое как-нибудь доволокут».

Через четверть часа Захаров скончался, спрашивая: «Отступил ли неприятель?»

Так геройски пал в бою первый командир 1-й батареи.

Около 11 часов батарею отвели в резерв, причем несколько орудий вывозились на одном уносе, а в зарядных ящиках было по одной лошади. Кроме офицеров батарея потеряла: 58 нижних чинов и 73 лошади.

Вторая батарея, как мы уже знаем, на рассвете 26 августа перешла к дивизии Депрерадовича и, после ухода к Семеновским флешам кирасир, осталась в резерве. В строю батареи, кроме командира, находились следующие офицеры: шт.-кап. Столыпин, пор. бар. Вольф, подпор. бар. Корф, Бартоломей и Куприянов!

После полудня, когда, в связи с рейдом Платова и Уварова, на фронте наступило затишье, последний резерв Кутузова — полки: Преображенский, Семеновский, кавалергарды и конная гвардия — подведены были к батарее Раевского, и вместе с ними передвинута туда и батарея кап. Ралля.

Когда французские атаки возобновились и Коленкуру удалось ворваться с горки на батарею Раевского, кирасиры его были оттуда выбиты и их преследовали части 2-го кавалерийского корпуса ген. адъют. Корфа. Особенно удачной была атака псковских драгун и — 1-му дивизиону 2-й батареи приказано поддержать кавалерию.

Выехав карьером вперед и снявшись на ближнюю картечь, дивизион открыл огонь, про который полк. Козен писал, что «тут ни одна картечная пуля даром не пропала».

Продолжая движение вперед, войска наши наткнулись на неприятельскую пехоту и 12 ор. батарею. После короткого, жаркого боя орудия гв. конной батареи вынуждены были отступить, потеряв 23 нижних чина. Смертельно ранен кап. Ралль, и убит пор. барон Вольф.

С трудом возвратился с дивизионом шт. кап. Столыпин, принужденный отходить по местности, почти совершенно занятой неприятелем. Ему удалось сохранить все орудия, несмотря на то что в одном из них было разбито передковое колесо и поэтому номера тащили его, помогая лошадям, и вывезли на трех колесах. Два зарядных ящика и один передок взорваны.

Почти одновременно французская кавалерия атаковала 7-ю пехотную дивизию ген. Канцевича, и ей удалось прорвать каре 9-го егерского полка.

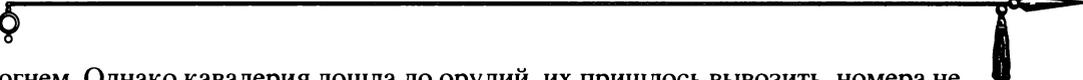
«Я предвидел уже решение нашей участи, — пишет ген. Барклай в своем донесении государю, — и всю свою надежду полагал я на храбрую пехоту и артиллерию, сделавшиеся в этот день бессмертными».

Видя отход нашей пехоты, командир 2-го дивизиона 2-й батареи поручик бар. Корф, не ожидая приказа, двинул свой дивизион вперед, прямо ей навстречу.

По его примеру и по его приказанию солдаты махали руками и плетками, давая понять пехоте, чтобы она приняла в стороны, что при грохоте стрельбы криком сделать было невозможно.

Когда пехота очистила местность, неприятельская головная колонна была от дивизиона саженьях в 100, но после второй или третьей картечных очередей колонны как не бывало: на ее месте лежала груда трупов. «Аж черно да мокро», — вырвалось у солдат, когда дым рассеялся.

Вслед за пехотой двинулась кавалерия Груши. Ободренный успехом, бар. Корф намеревался точно таким же образом встретить эти войска, но кавалергарды находились далеко, и, кроме того, между дивизионом и кавалергардами было возвышение. Несмотря на это, он встретил атакующего частым

огнем. Однако кавалерия дошла до орудий, их пришлось вывозить, номера не успели сесть на коней и бежали подле орудий.

Бар. Корф вел дивизион прямо на Кавалергардский полк. Выскакав вперед, на возвышение, он крикнул командиру 1-го взвода лейб-эскадрона: «Башмаков, выручи орудия». Кавалергарды бросились вперед, за ними Конная Гвардия, и противник вынужден был остановиться и затем отходить.

Бар. Корф тяжело контужен, подпор. Бартоломей ранен. Кроме офицеров, батарея потеряла 49 нижних чинов и 40 лошадей.

Таким образом, в Бородинском сражении пали смертью храбрых оба командира батарей. За все дальнейшее существование лб.-гв. конной артиллерии в бою пал лишь один командир: 8 сентября 1915 г. в бою под Телеханами убит ружейной пулей на наблюдательном пункте командир 5-й батареи полковник Федор Владимирович Трепов.

В.С. Хитрово

Литовцы под Бородином

«Полки лб.-гв. Литовский и Измайловский с непоколебимую храбростью и невзирая на понесенную потерю, пребывали в наилучшем устройстве. В сем сражении покрыли себя славою в виду всей армии».

*Слова светлейшего князя Кутузова-Смоленского
из его донесения на Высочайшее Имя
о Бородинской битве*

В бою под Бородином в 6 часов утра 26 августа началась атака Багратионовых флешей. Шесть раз флеша переходили из рук в руки. Атаки чередовались контратаками. В 6-й раз князь Багратион стал организовывать контратаку, но был смертельно ранен. Потеря любимого вождя вызвала расстройство и растерянность в рядах защитников флешей. Командование принял ген. Коновницын. Ввиду серьезности положения Кутузов высылает из резерва лб.-гв. Измайловский, Литовский и Финляндский полки, которые в 11 часов занимают, южнее деревни Семеновское, восточный берег ручья-оврага против Багратионовых флешей. Измайловцы и литовцы налево, побатальонно в шахматном порядке. Между лб.-гв. Литовским полком и деревней Утица, занятой 3-м корпусом

Тучкова 1-го, рассыпана по лесу и кустарникам цепь стрелков Шаховского. Лб.-гв. Финляндский полк расположен 3—4 версты уступом за литовцами.

В 11 ½ часов генерал Коновницын, под прикрытием гвардии, стал отводить свои измученные пятичасовым боем и перемешанные полки. Мимо литовцев проходили расстроенными кучками и в одиночном порядке защитники флешей, многие из них пристраивались к полку.

Однако взятие флешей не дало французам прорыва — образовалась новая линия фронта, не из линии укреплений, а из батальонов лб.-гв. Литовского и Измайловского полков.

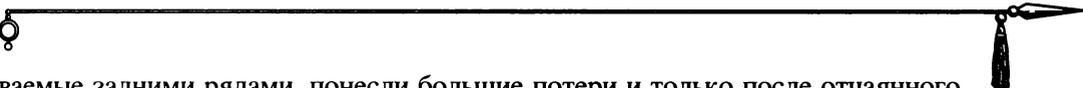
Ней и Мюрат (Даву был сильно контужен и выбыл из строя) решили расчистить дорогу массовой кавалерийской атакой, предварительно подготовив ее артиллерийским огнем. Поставили батареи на западный господствующий берег оврага в 500—600 шагах от линии литовцев и измайловцев и открыли огонь. Этот убийственный огонь заставил полки гвардии отойти на 50—100 шагов, где действие огня было слабее. Нужно помнить, что в то время действительная дальнобойность ружья была 300—350 шагов, скорострельность теоретически 2 выстрела в минуту, а дальнобойность артиллерии ядром 900—1500 шагов.

Земля дрогнула, загудела от топота многих тысяч коней кавалерии Мюрата. Кавалерийские дивизии St. Germain и Valence, корпуса Нансути, атаковали литовцев с фронта, а прорвавшийся кавалерийский корпус Латур-Мобура, 2 дивизии и 2 отдельные бригады, прорвался севернее деревни Семеновское; часть пошла на север, а другая — на юг и атаковала измайловцев и литовцев с тыла.

Появление неприятельской кавалерии побудило литовцев выдвинуть колонны в одну линию и, по приказанию генерала Коновницына, построиться в три каре, в одном из которых находился сам временно командующий армией.

«Окруженные многочисленным неприятелем литовцы приняли одного храбро и мужественно. Подпустив на близкую дистанцию, выстрелив прежде батальным огнем, литовцы, закричав “ура”, пошли на штыки, расстроили и прогнали неприятеля до самой высоты, с большим для него уроном. А в плен, по ожесточению наших солдат, никого не взято; с нашей же стороны никого от кавалерии тогда ранено не было» (рапорт полковника Удома генералу Коновницыну от 31 августа 1812 г.).

Батальон подполковника Тимофеева встретил кавалерию без стрельбы, взяв ружья «на руку». Лошади не пошли на сверкающие штыки, что вызвало замешательство в следующих рядах противника. Воспользовавшись этим, батальон бросился в штыки. Передние ряды кирасир, поражаемые штыками, но удержи-

ваемые задними рядами, понесли большие потери и только после отчаянного их крика вся кавалерийская колонна обратилась в бегство, понеся большие потери. Когда кавалерия очистила поле, батареи противника снова открыли губительный огонь, в то же время по ту сторону Семеновского ручья показалась французская пехота с артиллерией, явно намереваясь захватить высоту, находящуюся за левым флангом нашей позиции и никем еще не занятую.

Положение литовцев становилось критическим; заняв высоту, французы могли бы фланговым огнем поражать всю нашу линию и получали возможность широкого охвата нашего левого фланга. У генерала Коновницына, подъехавшего в это время к полку, невольно вырвалось восклицание: «Боже мой, что делать?..» Решено было послать батальон литовцев, чтобы захватить высоту раньше подхода французов.

Доблестный подполковник Тимофеев вызвался исполнить это трудное поручение и быстрым маршем занял высоту. Расположив по гребню холма шесть своих взводов, остальные два под командой капитана Арцыбашева поставил за холмом в резерв.

Подошедшие части противника, перестроившись в три линии, повели наступление. Его силы были в шесть раз многочисленнее наших, но продвигались они нерешительно, часто останавливаясь и открывая огонь. Одной из пуль был ранен в ногу с раздроблением кости подполковник Тимофеев; он долго не уходил, перевязав крепко рану платком, но в конце концов вынужден был передать батальон капитану Арцыбашеву. Противник, обнаружив, что высота защищается лишь небольшой горстью русских, окружил ее и повел яростные атаки. Удерживать дальше высоту не было никакой возможности, и защитники, отступив, пробились к полку.

В это время 1-й и 3-й батальоны подверглись два раза ураганному обстрелу артиллерией, за которым следовали бешеные атаки французских кирасир, обе отбитые с огромными для них потерями.

К 2 часам дня прибыл генерал Дохтуров, назначенный командовать 2-й армией. Находясь в центре одного каре, он был свидетелем отражения последних кавалерийских атак, и его сердечное «спасибо» раздавалось не раз перед фронтом.

Между тем после оставления нами высоты положение сильно ухудшилось: французы стали поражать продольным огнем всю нашу линию, а собравшаяся за холмом колонна нависла над нашим левым флангом, угрожая обходом. Чтобы спасти положение, не оставалось ничего другого, как вновь овладеть

высотой. Но для этого литовцам пришлось еще раз выдержать и отбить кавалерийскую атаку, вслед за чем полк двинулся на штурм высоты. Противник защищался отчаянно: гребень холма переходил из рук в руки. Командир полка полковник Удом был ранен и передал командование командиру 3-го батальона подполковнику Шварцу; единственному офицеру, оставшемуся в строю. Подполковник Шварц лично повел полк в штыки, выбил противника с высоты и принудил его к отступлению. Таким образом, честь взятия и удержания этого чрезвычайно важного стратегического пункта принадлежит лб.-гв. Литовскому полку. При взятии высоты был смертельно ранен доблестный подполковник Шварц. На этом холме остатки литовцев продержались до конца сражения; они представляли собой небольшую группу людей, измученных ожесточенным и непрерывным боем.

Вечером к высоте подошли лб.-гв. Измайловский и Финляндский полки, а когда совсем стемнело, пришел приказ оставить позицию и присоединиться к прочим гвардейским полкам. Ночью главнокомандующий князь Кутузов прислал к литовцам своего адъютанта благодарить полк за доблесть, проявленную в сражении.

*Атака лейб-гвардии Литовского полка на Бородино.
Художник Н.С. Самокиш*

Велики были потери лб.-гв. Литовского полка в Бородинской битве: из 46 штаб- и обер-офицеров в строю осталось только девять; из 1739 нижних чинов выбыло убитыми и ранеными 1040 человек, т. е. 60 процентов. Полк был переформирован в два батальона, причем роты 2-го батальона были распределены между 1-м и 3-м батальонами. В командование полком вступил старший из оставшихся в строю офицеров, капитан Николаев.

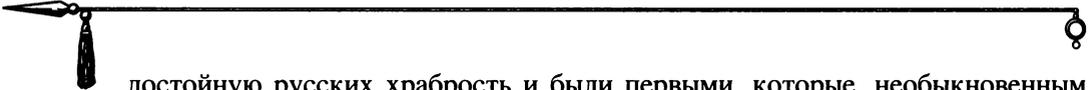
Подвиги полка не остались без награды. Все три батальона получили Георгиевские знамена. Командир полка полковник Удом и подполковники Угрюмов и Тимофеев повышены в чинах. Два последних штаб-офицера награждены, кроме того, орденом Св. великомученика и победоносца Георгия 4-го класса. Представляя их, князь Кутузов лично приписал: «К сему еще более побуждает меня подвиг сих отличных штаб-офицеров; известно, какие усилия неприятеля были на полк сей». Прочие офицеры награждены чинами, орденами или золотым оружием. На каждую роту выдано по 12 знаков отличия Военного ордена для награждения наиболее достойных нижних чинов.

Впоследствии император Николай Павлович поручил известному живописцу Рессе написать картину Бородинского сражения. На ней представлены лб.-гв. Литовский и Измайловский полки при отражении ими атаки французской конницы. Картина украшает собой одну из зал Зимнего дворца.

В заключение следует привести те отзывы высших начальствующих лиц, которые в своих реляциях свидетельствуют о доблести полка в Бородинском бою.

Генерал Коновницын доносит главнокомандующему князю Кутузову: «Я не могу с довольной похвалой отозваться о примерной неустрашимости, указанной в сей день полками лб.-гв. Литовским и Измайловским. Непокоримо выдерживали они наисильнейший огонь неприятельской артиллерии, осыпавшей картечью ряды их. Несмотря на потери, пребывали они в наилучшем устройстве, и все чины являли рвение свое умереть прежде, чем уступить неприятелю. Три большие атаки неприятельских кирасир и конных гренадер на оба полка были ими отражены с невероятным успехом, ибо, несмотря, что каре, устроенные оными полками, были совсем окружены, неприятель с крайним уроном был прогнан огнем и штыками. Одним словом, полки Измайловский и Литовский в достопамятном сражении 22 августа покрыли себя, в виду всей армии, неувядаемою славой».

Генерал Дохтуров в своем рапорте князю Кутузову говорит: «Полки лб.-гв. Литовский, Измайловский и Финляндский во все время сражения оказали

достойную русских храбрость и были первыми, которые, необыкновенным своим мужеством удерживая стремление неприятеля, поражали его повсюду штыками».

Главнокомандующий князь Кутузов в своем донесении на Высочайшее Имя пишет: «Полки лб.-гв. Литовский и Измайловский, с непоколебимую храбростью, выдерживали наисильнейший огонь неприятельских орудий и, невзирая на понесенные потери, пребывали в наилучшем устройстве. Быв атакованы три раза неприятельскими кирасирами и конными гренадерами, стояли твердо и, отразив их стремление, множество из них истребили. Полки лб.-гв. Литовский и Измайловский в сем сражении покрыли себя славой в виду всей армии».

Все полки армии одинаково в высшей степени мужественно и доблестно сражались. Но полки лб.-гв. Литовский и Измайловский в критический момент боя послужили основанием 3-й позиции левого фланга армии, состоявшей не из укрепленных пунктов, а из линии батальонов лб.-гв. Литовского и Измайловского полков, на которой отбили все атаки кавалерии и тем самым содействовали устранению угрозы разгрома 2-й армии генерала Багратиона.

Г.Н. Акимов

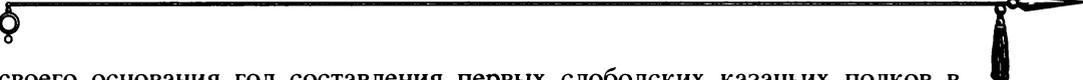
Уланы цесаревича под Красным. 6 ноября 1812 года

Ура, гвардейские уланы!
Кто не слышал про молодцов!
Недаром помнят басурманы
Про наших дедов и отцов.

Славно, уланы, славно, ребята,
Любо, браво — молодцы.

Из песни лейб-улан Его Величества

Лейб-гвардии Уланский Е.И.В. цесаревича и великого князя Константина Павловича полк, впоследствии лб.-гв. Уланский Его Величества, вел свое начало от слободских казаков Малороссии и, таким образом, считал годом

своего основания год составления первых слободских казачьих полков в 1651 году и принятие их царем в 1653 году. Указом императрицы Екатерины II в 1765 году все слободские казачьи полки были переформированы в гусарские. Таким образом уланы Его Величества стали считать своими родоначальниками сумских, ахтырских, изюмских и мариупольских гусар, из которых в 1803 году был сформирован Уланский Цесаревича полк.

Было составлено 10 эскадронов из рекрут упомянутых гусарских полков, положивших основание первому уланскому полку в России, шефом которого был назначен цесаревич, и высочайшим приказом от 11 сентября 1803 года полк стал именоваться «Уланским Е.И.В. Цесаревича и В. Кн. Константина Павловича».

Свое боевое крещение полк получил в сражении под Аустерлицем в 1805 году и за героическую атаку, во время которой командир полка барон Меллер-Закомельский был ранен пулей в грудь, полку были высочайше пожалованы 24 серебряных трубы с орлами.

В славном 1812 году в сражении под Полоцком 5—8 октября запасный эскадрон (4-й) полка полковника Володимилова, находясь в самостоятельном отряде гр. Витгенштейна, способствовал взятию у неприятеля 22 знамен, за что поручик Глазенап 3-й, овладевший первыми неприятельскими знаменами, награжден был чином, а 26 улан этого эскадрона получили знаки отличия Военного ордена.

Первая история полка была написана поручиком Крестовским в 1875 году, из которой государь император Александр II, принимая неоднократно Крестовского во дворце по делам истории полка, узнал, что герой Краснинского боя 1812 года корнет барон Большвинг, взявший с корнетом Карачаровым и уланом Дарченко французского «орла», был переведен с дивизионом великого князя Константина Павловича после похода в Варшаву.

Александр II, бывший шефом полка с 19 сентября 1849 года и сохранивший звание шефа после вступления на престол, приказом от 20 февраля 1855 года повелел именовать полк «Лб.-Гв. Уланским Его Величества» и всегда принимал горячее участие в жизни своего полка. Интересно в связи с этим упомянуть, каким образом было дано начало писанию истории полка. В день полкового праздника, 13 февраля 1875 года, в Петербурге, на балу в Зимнем дворце государь в уланской форме подошел к поручику Крестовскому и обратился к нему со словами: «Я очень рад тебя видеть и в день нашего полкового праздника. Даю тебе новое поручение составить историю Моих улан.

*Великий князь Константин Павлович.
Неизвестный художник*

Цензуру Я возьму на Себя, все корректуры доставляй мне, если же нужно что-либо спросить, не стесняйся и являйся ко Мне во дворец. Итак, немедля принимайся с Богом за дело! Хорошо было бы, если бы ты окончил историю к следующему полковому празднику». Это был пример небывалый, — чтобы сам император участвовал в составлении истории одного из полков своей многотысячной армии. И таким образом, под руководством государя история через год была готова. Подвиг корнетов Карачарова и барона Большвинга с храбрым уланом Дарченко сильно занимал государя при свиданиях с поручиком Крестовским во дворце, и именно в связи с этим 20 августа 1876 года на церковном параде в Варшаве державный шеф изволил Сам вручить командиру полка новый штандарт с надписью: «За взятие при Красном неприятельского знамени и за отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России 1812 года». Таким образом, уланы в Варшаве в память того, что барон Большвинг некогда был переведен туда из Петергофа, получили ту же надпись, что и уланы Ее Величества.

160 лет тому назад, с 3 по 6 ноября 1812 года, разразилось, как известно, при отступлений Наполеона из Смоленска сражение под городом Красным. Уланы цесаревича находились в авангарде генерала Милорадовича. Генерал

Меллер-Закомельский получил приказание атаковать французов полками легкой гвардейской кавалерийской дивизии. Стоял мороз в 20°. Уланы, под командой полковника Миллера, двинулись наперерез отступающим к Красному пехотным колоннам французов. Одна колонна была обращена в бегство и эскадром Его Высочества и командирским (5-м), которые нанесли ей большой урон, захватив бывшее у них орудие и взяв в плен 1 штаб-офицера и 200 рядовых. Эскадроны (2-й и 3-й) полковников Мезенцева и Гундиуса стремительно атаковали другую колонну и, несмотря на жестокий залповый огонь, половину изрубали, а остальных взяли в плен.

При этой лихой атаке командир 2-го эскадрона ротмистр Заборинский 3-й первым врубился в неприятеля, а унтер-офицер его эскадрона Гомза взял неприятельское знамя, за что получил знак отличия Военного ордена. На следующий день полк участвовал в общей атаке французского корпуса вице-короля, при которой противник потерял всю свою артиллерию.

5-го числа французы, заметив приближение улан, выстроились в каре (боевое построение пехоты четырехугольником для встречи кавалерии) и открыли сильный огонь. Но полк, несмотря на отчаянное сопротивление, ударил со всех сторон, прорвал фронт и обратил в бегство всю колонну. Уланы в этот день взяли в плен 1 штаб-офицера, 3 обер-офицеров и около 100 рядовых. Кроме того, им досталось в добычу 2 знамени и весь обоз с жезлом маршала Даву и казной в 31 тысячу рублей ассигнациями. Стоит отметить, что эти деньги составили в полку особый «Краснинский капитал», из которого каждый улан, участвовавший в деле 5 ноября, по окончании службы получил 50 рублей, а из отбитого у французов 4-м взводом лейб-эскадрона серебра была сделана риза на икону, которая хранилась до революции в эскадроне Его Величества.

Но вот настал и четвертый день боя, день подвига Карачарова, — 6 ноября 1812 года. Уланы на измученных лошадях снова атаковали целым фронтом последнюю колонну маршала Нея. Русские батареи открыли картечный огонь, а уланы, стремительно врезавшись в ряды французов, обратили их в бегство. Большая часть колонны была изрублена на месте, остальная взята в плен. Эскадрон Его Высочества, под командой ротмистра Вуича 2-го, захватил 5 орудий. В это время справа показались новые, густые толпы французов, состоявшие из двух с половиною полков пехоты, спешивших на помощь разбитым товарищам. Генерал Милорадович, подскакав к павловским гренадерам и лейб-уланам, стоявшим рядом, крикнул:

— Ребята! Послезавтра я именинник, и мне нечего подарить вам — дарю вам эту колонну французов!

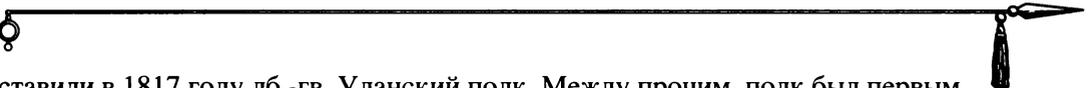
Его слова были покрыты громовым «ура» улан, и они бросились на врага, рубя без пощады. Снова колонна противника была смята, 29 офицеров и 256 нижних чинов остались в наших руках.

При этой атаке корнет Карачаров, 2-го эскадрона, увидев в середине колонны знамя, бросился к нему с уланом Дарченко и выхватил его у знаменщика. Французы ожесточенно сопротивлялись. Завязались рукопашная, горячая схватка. Французы кололи штыком, уланы рубили саблями. Но смельчаки уланы были окружены со всех сторон, им грозила гибель. Заметив смертельную опасность для товарищей, корнет барон Большвинг, неразлучный друг Карачарова, поспешил на выручку. Пробившись к ним, он схватил знамя и, отбиваясь направо и налево, прорвался сквозь ряды французов. Когда знамя было спасено, корнет Карачаров на глазах всего полка изрубил напавших на него двух рослых французских гренадер, сам отделавшись сравнительно легкими ранами штыком, и вернулся вместе с Дарченко к своим.

Этим и закончился один из самых ярких эпизодов в истории лб.-гв. Уланского Его Величества полка. Корнет Карачаров получил орден Св. Георгия 4-го класса, корнет барон Большвинг — золотую саблю, улан Дарченко — знак отличия Военного ордена. За этот подвиг высочайшим приказом 13 апреля 1813 года полку были пожалованы Георгиевские штандарты.

Дальнейшая судьба храброго улана Дарченко нам, к сожалению, неизвестна. О «герое Красного», поручике Карачарове, мы знаем, что он после участия в Кульмском сражении 17 августа 1813 года, перейдя 11 января 1814 года со своим эскадронам границу Франции, был убит 11 марта в схватке при селе Сомпюи, недалеко от Парижа, ворвавшись вместе с поручиком бароном Большвингом в неприятельское каре артиллерийского парка и изрубив прислугу орудий. Барон Большвинг, опять поспешив на помощь Карачарову, был тяжело ранен саблей в лоб и левую щеку. Тело Карачарова уланы с окровавленными саблями вынесли на руках из неприятельского каре. Схватка закончилась победой. Лейб-уланы взяли в плен около 400 человек и 20 орудий, но потеряли своего любимого «Краснинского героя».

После Отечественной войны лейб-гвардии Уланский полк был разделен: дивизион улан отправлен под командой цесаревича Константина Павловича в Варшаву, а остальные четыре эскадрона вернулись в Петергоф, где и со-

ставили в 1817 году лб.-гв. Уланский полк. Между прочим, полк был первым из всей кавалерии разобран по мастям лошадей, поэскадронно, а именно: 1-й эскадрон был темно-гнедой, 2-й эскадрон — светло-гнедой, 3-й — рыжий и 4-й — вороной. Под трубачами лошади были пегие.

В Варшаве еще в 1817 году высочайшим приказом эскадроны уланского полка стали опять именоваться «Лб.-Гв. Уланским Его Имп. Высочества Цесаревича и Вел. Князя Константина Павловича полком». Полк составил вместе с лб.-гв. Подольским кирасирским полком, польским конно-егерским и лб.-гв. Гродненским гусарским полком (основанным в 1824 году) в Варшаве кавалерийскую дивизию.

В начале 1818 года были присланы полку из Петербурга 22 Георгиевских серебряных трубы и Георгиевские штандарты, за кампанию с французами. Текст высочайшей грамоты на пожалованные штандарты государь император Александр I соизволил составить 24 октября 1818 года в городе Аахене, мы его даем здесь полностью:

«Божиею Милостию

Мы, Александр Первый, Император и
Самодержец Всероссийский и пр. и пр.

Нашему Лейб-Гвардии Уланскому

Его Императорского Высочества Цесаревича полку.

По сформировании полка сего из эскадронов Лб.-Гв. Уланского полка, участвовавшего в достославной кампании 1812 года и приобретшего за знаменитые его подвиги, храбрость и мужество штандарты с изображением знака ордена Св. великомученика и победоносца Георгия, признали Мы справедливым и сему полку пожаловать таковые же штандарты с надписью: “За отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России 1812 года”.

Препровождая у сего оные, повелеваем, сообразно с воинским уставом, освятить их при прочтении пред всем полком грамоты — и употребить на службу Нам и Отечеству с верностью, усердием и храбростью, только Российскому воинству свойственными.

Пребываем к Вам Императорскою Нашею Милостью благосклонны.

Александр.

Город Аахен.

24 октября 1818 г.».

Действия Уланского цесаревича полка в бою под Фридландом 1 и 2 июня 1807 года

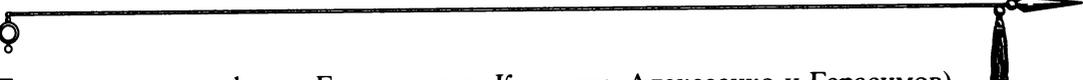
Полк является родоначальником полков: лейб-гвардии Уланского Ее Величества, лейб-гвардии Конно-Гренадерского (1809) и лейб-гвардии Уланского Его Величества (1817).

1 июня 1807 года, когда армия находилась на позиции при Шипенбеле, генерал-лейтенант Кологривов получил приказание главнокомандующего барона Беннигсена командировать в отряд генерал-лейтенанта князя Голицына 5-го Уланский цесаревича полк, один эскадрон лейб-казацкого полка и 4 орудия Гвардейской конно-артиллерийской роты для занятия города Фридланда, самому же с кавалерийской колонной следовать туда же, куда выступала и вся армия.

Уланы выступили ровно в полдень, а в 4 часа дня, вместе с Орденским кирасирским полком и артиллерией подходили к Фридланду, к этому времени уже занятому неприятелем, не только успевшим захватить находившиеся там в большом количестве наши армейские магазины с фуражирами, но и зажечь сенной магазин, бывший на нашей стороне реки Алле.

Генерал князь Голицын приказал командующему уланским полком полковнику Чаликову овладеть городом. Полковник Чаликов двинул вперед эскадрон майора Фридриция (№ 3) под командой ротмистра князя Манвелова, за ним два эскадрона (№ 2 и 4) майора Мезенцова и ротмистра Владимира, под командой майора Мезенцова. В подкреплении шли эскадроны полковника Чаликова (№ 5) под командой ротмистра Вуича 1-го и Его Высочества (№ 1) под командой ротмистра Меллера. Непосредственно за 1-м батальоном следовал 2-й батальон с тремя пушками под командой подполковника Шульгина.

Приблизясь к мосту и невзирая на то, что он местами был уже разобран и подожжен французами, уланы под сильнейшим ружейным огнем с неприятельской стороны, по команде: «Марш-марш!» неустрашимо бросились вперед. Первым вскочил на мост корнет Старжинский с трубачем Сопляковым и уланом Яроменко и бросился на неприятеля, закрыв поднятые затворы, за ним корнеты Глазенап 2-й и Вуич 2-й. В это время спешившиеся уланы (вахмистр

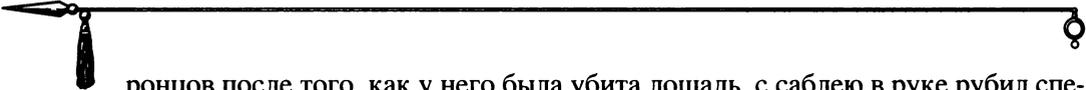

Бондарец, унтер-офицер Гирич, уланы Квашнин, Алексеенко и Герасимов), под непрекращающимся ружейным огнем набросав доски, так быстро мостили разобранный мост, по которому скакали остальные уланы, что эскадроны могли, не останавливаясь, броситься на неприятеля. Моментально его смяв, уланы погнали французов сквозь город. В то же время наши пушки наносили ему вред. Майор Мезенцов, преследуя с лейб-батальоном неприятеля, гнал его за лес. Между тем подполковник Шульгин со 2-м батальоном очищал город и его окраины от засевшего в строениях и отчаянно защищавшегося неприятеля, часть коего была уничтожена, а часть взята в плен. Особенно упорны были стычки на правом фланге батальона, где неприятель неоднократно получал подкрепления, но и здесь подполковник Шульгин, врубившись в неприятеля, опрокинул его и гнал, после чего, выставив пикеты, уже легко отразил все дальнейшие покушения противника.

После атаки по приказу генерала князя Голицына полковник Чаликов, собрав полк, расставил эскадроны по пикетам верстах в двух за городом и выслал разъезды, где и происходили в течение остатка дня мелкие стычки, все благоприятные для полка.

К тому времени подошла к Фридланду кавалерийская колонна генерала Кологривова. Вскоре за тем прибыл и сам главнокомандующий и, лично осмотрев местоположение, приказал главным силам армии начать переправу для занятия боевой позиции.

В этой блестящей атаке 1 июня на несоразмерно сильнейшего противника, подкрепляемого из находившегося неподалеку неприятельского корпуса, уланы оказали чудеса храбрости. Во время атаки командир эскадрона ротмистр князь Манвелов был ранен в руку; его спасли унтер-офицер Гемних и улан Афанасьев, вынеся его из сечи. Вахмистр Заровчанский лично взял в плен французского эскадронного командира; вахмистр Коваша, эскадрона ротмистра Ржевского, взял в плен другого французского офицера. Унтер-офицер Марченко, эскадрона ротмистра Владимирова, и уланы Перевертало, Подольский и Дудка, захватив в плен нескольких офицеров, бросились вторично, несмотря на сильный отпор, поскакали на французов и, не дав им времени устроиться, увлекли за собой остальных улан, после чего неприятель был окончательно выгнан из города. Унтер-офицер Гомза, эскадрона майора Мезенцова, способствовал взятию в плен французских гусар; унтер-офицеры Середа и Калистой, эскадрона Его Высочества, вызвавшись в охотники, особенно храбро атаковали засевших по домам французов, и, наконец, улан Во-

ронцов после того, как у него была убита лошадь, с саблею в руке рубил спешившихся в городе конных французских егерей.

Всего в этот день полком было взято в плен 2 штаб- и 3 обер-офицера и 76 рядовых. В полку же было убито 8 улан, ранены: ротмистр князь Манвелов, 20 улан и 30 строевых лошадей.

На другой день 2 июня, к рассвету, неприятель, подойдя с многочисленной пехотой, артиллерией и конницей, пытался сбить уланские пикеты, но всюду был отражен высланными фланкерами, атаками расставленных эскадронов и выстрелами конной артиллерии. При этих действиях особенно отличился полковой адъютант поручик Жаке с фланкерами эскадрона полковника Чаликова, отрезав и взяв в плен 7 человек егерей. Между тем, дабы прекратить сильный ружейный огонь из лесу, открытый с 2 часов утра французскими стрелками по нашим разведчикам, генерал-лейтенант Кологривов распорядился выслать охотников лейб-гвардии Измайловского полка под командою полковника графа Тышкевича, кои и выгнали окончательно французов из леса. Уланы продолжали прочно занимать позицию до самого подхода лейб-гвардии Измайловского и лейб-гвардии Семеновского полков, а за ними и всей армии. Началось генеральное сражение.

В это время генерал-лейтенант Дохтуров, командовавший правым флангом армии, донес, что неприятель усиливает против него свои войска, и главнокомандующий приказал генералу Кологривову спешить на помощь к генералу Дохтурову с Уланским Его Высочества полком и тремя эскадронами лейб-гвардии Гусарского полка.

Между тем, видимо, еще раньше эскадроны майора Мезенцова и полковника Чаликова, под общей командой майора Мезенцова, были посланы с левого фланга, где эскадрон полковника Чаликова был в деятельной перестрелке с егерями и в подкреплении двух батарей, — в центр армии. Там эти два эскадрона, оставаясь некоторое время в подкреплении батарей, имели случай поддержать Московский драгунский полк, дав ему возможность устроиться после неудачной атаки. Надо думать, что именно теперь, идя с уланами и лейб-гусарами на правый фланг, генерал Кологривов послал с своей стороны приказание майору Мезенцеву следовать с дивизионом на крайний правый фланг, за лес, и отделенным эскадронам Гродненского гусарского полка, под командой подполковника Кульнева.

Придя на правый фланг армии, уланский полк и три эскадрона лейб-гусар тотчас же поддержали теснимые французами войска Дохтурова, бросившись в

атаку на неприятельскую конницу; опрокинув ее, они преследовали французов до деревни, после чего, отойдя за деревню, соединились с прибывшими туда же одним батальоном александрийских гусар и Гродненским гусарским полком. Тут они были атакованы четырьмя кавалерийскими колоннами, из коих три напали прямо из деревни, а одна с правого фланга. В первую минуту уланы и гусары трех полков были опрокинуты превосходными силами противника, состоявшими, по уверению пленных, из 32 кавалерийских полков, большею частью отборных. Но примером начальников, которые сами бросились вперед, противник был опрокинут вторично. Здесь исключительное присутствие духа выказали командиры двух уланских эскадронов 2-го батальона, майор Лорер и ротмистр Радулович, в самый разгар боя остановившие свои эскадроны и составившие резерв. Между тем майор Мезенцов, придя на назначенное ему место и найдя, что наш крайний правый фланг и без него хорошо обеспечен подполковником Кульневым, увидел в то же время, как несколько полков нашей

Битва при Фридрихсборге 2 июня 1807 года. Неизвестный художник

кавалерии преследуются неприятельской конницей; воспользовавшись удобным случаем, майор Мезенцов отделил с эскадром ротмистра Вуича 1-го, который, бросившись во фланг неприятеля, совершенно его смешал и опрокинул, чем дал возможность нашей коннице устроиться, после чего вместе с ней, невзирая на полученную им рану палашом вдоль колена, собрав некоторые части улан, гусар и казаков, неустрашимо бросался еще несколько раз на неприятеля, опрокидывая его. Впоследствии полковник Чаликов, донося генералу Кологривову об этом подвиге ротмистра Вуича 1-го, писал, между прочим, следующее: «Господин ротмистр Вуич 1-й в дни действия против неприятеля 1-го и 2-го числа июня, хотя мною и был в особенное уважение Вашего Превосходительства его храбрости и заслуги представлен, но сверх сего он же с эскадром имени моего содействовал отлично во время генеральной атаки во фланг неприятеля сзади леса. Ваше Превосходительство самоперсонально изволили видеть расстроенного неприятеля и поражение оногo».

Разъяренные уланы, увлекаемые бывшим во всех атаках впереди своим доблестным командиром полковником Чаликовым, кололи, рубили без пощады, наводя ужас в рядах французов своими пиками; много раз опрокидывали фронт неприятельских кирасир, подкрепляли другие полки и батареи. Полком в этих атаках было взято пленными 2 обер-офицера и 46 кирасир, гусар и драгун.

Под вечер полковник Чаликов получил приказание полку следовать к переправе. Не доходя до города, полк был встречен сильными картечными залпами и ружейным батальным огнем во фланг. Несмотря на трудность положения, полковник Чаликов построил фронт полка, но, видя невозможность одолеть неприятеля, принял влево, под гору, и левой стороной обошел город. Подойдя к реке, где мосты уже горели, полковник Чаликов решил переправиться с полком вплавь, что ему и удалось блестяще, причем уланы спасли многих тонувших пехотных солдат, хватавшихся за хвосты уланских коней.

Собрав полк на другом берегу, полковник Чаликов встретил адъютанта цесаревича, полковника Олсуфьева, передавшего ему приказание главнокомандующего следовать к г. Аленбургу, где и составить голову колонны. Фридландское сражение закончилось.

Как и в первый день боя, сражение 2 июня было богато примерами доблести отдельных улан; обстановка грандиозного сражения дала возможность особенно ярко выявиться чувству взаимной поддержки и любви улан к своему начальнику. Еще утром улан Лиходей спасает своего взводного офицера

поручика Вельского, окруженного неприятельскими егерями. Затем в дневной атаке унтер-офицер Культенко спасает своего эскадронного командира ротмистра Владимирова; уланы Федоренко и Костенко спасают находящихся в опасном положении корнетов Старжинского и Вуича; улан Цуриков, эскадрона командира полка, спасает своего раненого взводного командира корнета Жеребцова; улан Горенчук отражает неприятельский удар, направленный на его взводного офицера, раненого поручика Гудовича; улан Васильев спасает своего офицера Янова; штаб-трубач Лобода спасает жизнь одного офицера; наконец, бывший на ординарцах при генерал-лейтенанте Эссене 1-м унтер-офицер Дураков (эскадрона майора Мезенцова) с помощью унтер-офицера Косенко выносит из боя на плаще раненого генерала Эссена.

Улан Кислой, быв в охотниках, и улан Веселов берут каждый по французскому офицеру в плен. Уланы Рябчук, Чевсюк, Пресняков, Цынцуж, Чечин, Елениченко и Палашенко, будучи всегда в охотниках, показывали перед всеми неустрашимость, поразившую многих, взяли в плен офицера и рядовых гусар. Унтер-офицеры Лаврушка и Брусик и улан Попович берут в плен нескольких гусар и саксонских кирасир. Унтер-офицер Борисов берет трех французских солдат и представляет их генералу Кологривову. Уланы Гурьянов и Ковалев со взводом преследуют неприятеля и многих берут в плен; унтер-офицеры Ляшев и Гадяцкой и улан Лахтин защищают наши завязшие в грязи пушки; улан, разжалованный из вахмистров, Кречмар зарубливает французского вахмистра; наконец, юнкер Иоселиан, в эскадроне, командуемом ротмистром Вуичем, поощря товарищей, храбро сражается и берет в плен, отрезавши, трех егерей, причем сам тяжело ранен пулею в грудь и под колено левой ноги палашом; впоследствии это доблестный офицер полка.

2 июня полк потерял убитыми, ранеными и без вести пропавшими около 150 нижних чинов и 232 убитые лошади. Из офицеров в этот день тяжело ранены: поручик Боасье, корнет Жеребцов и граф Людольф; кроме того, ранены и остались при полку ротмистр Вуич 1-й (несмотря на ранение, переплывает на коне Алле, таща за собою пехотного солдата, уцепившегося за хвост лошади, но «добрый конь вынес на берег обоих» — подлинные слова ротмистра Вуича), корнет Катаржи и Гудович.

Все чины полка были достойно награждены за блестящие действия полка. Пять Георгиевских крестов 4-го класса (полковник Чаликов, подполковник Шульгин, майор Мезенцов, ротмистр Владимиров, ротмистр Вуич 1-й), Св. Владимира 3-го класса: полковник Чаликов; восемь Владимирских кре-

стов» 4-го класса (майор Лорер, ротмистры Меллер, князь Манвелов, Оленин, Ржевский, Щеглов, Радулович и корнет Старжинский), 31 крест Св. Анны 3-го класса и 12 золотых сабель (штабс-ротмистр Гундиус, поручики Керцелий, Фаш, Вевер, Мейер 1-й, Колчевский, Жаке, Глазенап 1-й, корнеты Жеребцов, Глазенап 2-й, Вуич 2-й и князь Енгальчев). Нижним чинам было пожаловано 150 знаков отличия Военного ордена, кои получили в числе других все упомянутые выше отличившиеся.

Н.Э. Вуич

Библиография

Московский отдел архива Главного штаба, опись 160, связка 124.

1) Рапорт полковника Чаликова генерал-лейтенанту Кологривову от 10 июня 1807 г.

2) Список гг. штаб- и обер-офицеров, отличившихся в сражении под Фридландом.

3) Рапорт генерал-лейтенанта Кологривова цесаревичу от 15 июня 1807 г.

4) Рапорт майора Мезенцова полковнику Чаликову от 17 июня 1807 г.

5) Рапорт полковника Чаликова генерал-лейтенанту Кологривову от 19 июня 1807 г.

Московский отдел архива Главного штаба, опись 152, св. 563, дело № 75.

1) Список генералитету, штаб- и обер-офицерам, отличившимся в сражениях против неприятеля 29 мая при городе Гельзберге и 2 июня при городе Фридланде, а также и в другие числа.

Московское отделение общего архива Главного штаба, опись 58, св. 414.

1) Первоначальный список о нижних чинах полка, пожалованных знаками отличия Военного ордена до 23 января 1809 г.

(См. приложения к 1-му тому истории лейб-гвардии Уланского Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны полка с. 242—258 и с. 353—372).

Приложение

Краткая хронология Уланского Его Императорского Высочества Цесаревича и Великого Князя Константина Павловича полка.

16 мая 1803 г. Высочайшим Приказом из эскадронов Сумского, Ахтырского, Изюмского и Мариупольского гусарских полков сформирован ОДЕССКИЙ ГУСАРСКИЙ ПОЛК.

11 сентября 1803 г. Высочайшим Приказом Одесский гусарский полк наименован УЛАНСКИМ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА ЦЕСАРЕВИЧА И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧА ПОЛКОМ.

20 ноября 1805 г. — первый бой улан Цесаревича под Аустерлицем. Историческая фраза Августейшего Шефа полка: «Уланы, помните, Чье имя носите. Не выдавай!» Полк не выдал!

12 декабря 1809 г. Уланскому Его Императорского Высочества Константина Павловича полку даруются права СТАРОЙ ГВАРДИИ с наименованием его ЛЕЙБ-ГВАРДИИ УЛАНСКИМ ПОЛКОМ, от которого отделяется 2-й батальон (пять эскадронов) для составления лейб-гвардии Драгунского полка (впоследствии лейб-гвардии Конно-гренадерский полк).

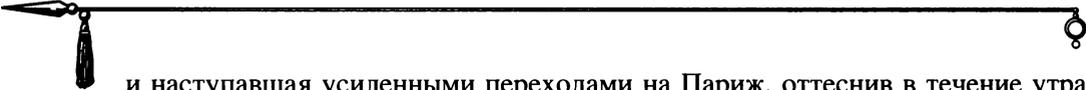
7 декабря 1817 г. Высочайше повелено двум эскадронам лейб-гвардии Уланского полка (1-й дивизион), находящимся в г. Варшаве при Августейшем Шефе, именоваться лейб-гвардии Уланским Его Императорского Высочества Цесаревича полком, с предписанием всех чинов, находящихся в Варшаве в эскадронах, выключить из списочного состояния лейб-гвардии Уланского полка для формирования нового вышеуказанного полка (впоследствии лейб-гвардии Уланского Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Павловича полка, Наследника Цесаревича Александра Николаевича и Его Величества).

Коренной ЛЕЙБ-ГВАРДИИ УЛАНСКИЙ ПОЛК сохранил своим Шефом Цесаревича Константина Павловича до Его кончины в 1831 г., после чего в том же году получил нового Шефа в лице Великого Князя Николая Николаевича Старшего, не изменяя своего первоначального наименования в рядах Императорской гвардии вплоть до 14 ноября 1894 г., когда Высочайшим Приказом стал именоваться ЛЕЙБ-ГВАРДИИ УЛАНСКИМ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЕДОРОВНЫ ПОЛКОМ.

Лейб-драгуны под Фер-Шампенуаз

Лейб-гвардии Драгунский полк переименован 6 декабря 1831 г. в лейб-гвардии Конно-гренадерский.

13/25 марта 1814 года, около 15 ч., кавалерия генерал-лейтенантов графа Палена и графа Ожаровского, входившая в состав Главной армии союзников

и наступавшая усиленными переходами на Париж, оттеснив в течение утра противника, развертывалась у деревни Фер-Шампенуаз, дабы атаковать во фланг отступавшие корпуса Мармона и Мортье. Ливший с утра дождь, еще усилился после полдня и поднялся сильный ветер. Прибывший в это время в деревню Фер-Шампенуаз император Александр Павлович, услышав канонаду в северном направлении, послал туда кавалергардов, лейб-улан и конно-артиллерийскую роту. В это время с юга появился цесаревич Константин Павлович с лейб-гвардии Драгунским и Кирасирским Ее Величества полками и гвардейской конно-артиллерийской ротой. По распоряжению императора кирасиры Ее Величества были посланы на усиление первого отряда, конно-артиллерийская рота открыла огонь по правому флангу противника, а лейб-драгуны стали влево от нее.

Между тем Мармон и Мортье, услышав ту же канонаду и думая, что это Наполеон подошел к ним на помощь, приказали своей коннице двинуться в атаку. Французская кавалерия бросилась на нашу конно-артиллерийскую роту и нанесла ей большие потери, но в это время она же была атакована справа лейб-драгунами, атаковавшими под командой полковника Климовского. Во главе дивизионов находились полковники князь Хилков и Альбрехт, а эскадронами командовали полковник Квитницкий и капитаны Кнаппе, Струйский, Катаржи 1-й, Станкович и Базилевский. Стремительно атаковав французов, уже захвативших шесть орудий нашей гвардейской конно-артиллерийской роты, лейб-драгуны, «со свойственным им духом» (выражение цесаревича Константина Павловича), врубались в их ряды, опрокинули и погнали атакованную конницу, забирая пленных. Четыре раза французы пытались остановиться и оказать сопротивление, но каждый раз лейб-драгуны опрокидывали их, вогнали, наконец, в промежуток между пехотными каре, смяли и, отобрав наши шесть орудий, захватили два неприятельских.

Во время этой атаки был смертельно ранен палашом в сердце поручик Богданов. Рана попервоначалу показалась незначительной, но причиняла ему страшные страдания, через несколько дней он умер в госпитале города Мо, где и похоронен. Ранены были полковник князь Хилков, штабс-капитан Шембель и прапорщик Кордо-Сысоев. К сожалению, мне не удалось установить потери нижних чинов.

Целый полк французской кавалерии был уничтожен, взято более 500 пленных. Атакованные в то же время полками кавалерии графа Палена, маршалы Мортье и Мармон были сбиты с позиций и в беспорядке отступили.

Подскакав после этого славного дела к полку, цесаревич Константин Павлович сказал: «Драгуны, вы вписали сегодня ваше имя в историю конницы!» 15/27 же марта был объявлен следующий приказ по армии:

«2-я гвардейская кавалерийская дивизия и полки лейб-гвардии Драгунский и Уланский в сражении 13-го числа сего месяца, при Ла Фер-Шампенуаз, оправдали совершенно ту доверенность, которую каждый имеет к сему благоустроенному войску, при первом на него взгляде. Они, под личным предводительством Его Императорского Высочества Константина Павловича, истребив целые колонны пехоты, овладев значительным числом артиллерии и разбив всю неприятельскую кавалерию, приобрели тем себе неоспоримое право на преимущественное присвоение победы, в сей день одержанной. В полной признательности к толику блистательному отличию 1-й кирасирской дивизии и полков лейб-гвардии Драгунского и Уланского я за особенное удовольствие вменяю сделать подвиг сей известным во всех армиях и при-

Сражение при Фер-Шампенуазе. С картины В. Тимма

нимаю на себя приятную обязанность ходатайствовать у Всемиловейшего Государя Императора о воздаянии отличившимся».

За сей выдающийся подвиг Высочайшим приказом от 30 августа 1814 года лейб-гвардии Драгунскому полку были пожалованы 22 Георгиевских серебряных трубы с надписью «За храбрость против неприятеля при Фер-Шампенаузе 13 марта 1814 г.». Высочайшая грамота на это отличие была дана в царствование императора Николая Павловича 19 марта 1825 года и хранилась в полковой церкви.

Главнокомандующий русскими частями Главной армии генерал-фельд-маршал граф Барклай де Толли, на основании предоставленной ему власти, наградил 30 офицеров орденами Св. Владимира 4-й степени, Св. Анны 3-й и 2-й степеней и золотыми шпагами и представил к Высочайшему награждению 8 обер-офицеров орденом Св. Владимира 3-й степени и алмазными знаками к ордену Св. Анны 2-й степени, полковников Климовича и Квитницкого к орденам Св. Георгия 4-й степени и полковников князя Хилкова и Альбрехта к следующему чину. Для нижних чинов было дано по пять знаков отличия Военного ордена на эскадрон, а впоследствии, по ходатайству командира полка генерал-майора Чичерина 2-го, еще 11 лейб-драгун получили его. Император австрийский, короли прусский и баварский пожаловали чинам полка известное количество золотых и серебряных медалей.

П.Л. Стефанович

О БОЯХ И ПОХОДАХ

Кавалергарды в 1812 году

Уже с 1811 г. началась подготовка предстоявшей кампании против Наполеона. В связи с этим 1 марта 1812 г. у нас в полку было приказано бросить жребий между тремя средними эскадронами, кому из них оставаться запасным. Жребий пал на 2-й эскадрон Ершова.

Еще в декабре 1810 г. генерал Депрерадович был назначен начальником 1-й кирасирской дивизии с оставлением командиром полка. В январе 1812 г. он был назначен начальником всей гвардейской конницы, с сохранением обоих предыдущих должностей, поэтому, когда 17 марта полк выступил в поход на Вильну, в составе 1-го Шефского, 3-го, 4-го и 5-го генеральского эскадронов, то шел он под временным командованием старшего полковника С.Н. Ушакова. 2-й эскадрон, в составе сводно-кирасирского полка, выступил в тот же день на г. Остров. Этим полком командовал полковник конной гвардии Протасов.

Весь поход проходил в очень тяжелых условиях. Сильно ощущались резкие переходы от оттепели к морозам и еще сильнее отчаянное состояние продовольствия полка. 1811 г. в Северо-Западном крае был неурожайным, голодным годом, а интендантство по-прежнему ничего не заготовило, и все местные склады и магазины были пусты. Прошло ровно пять недель с момента выхода из С.-Петербурга, а Депрерадович уже был принужден принять крайние меры — реквизицию. В приказе от 24 апреля было отдано: «Так как полк имеет большой недостаток в фураже и затруднение в заготовке оно, то предписываю для отыскания фуража посылать всех г.г. обер-офицеров, кроме командующих эскадронами».

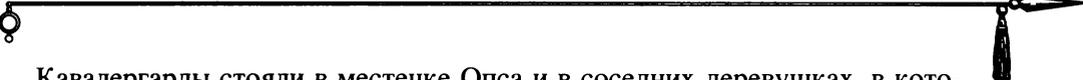

*Кавалергарды на французской гравюре
первой половины XIX века*

Это хаотичное состояние интенданства имело неизбежными последствиями самоуправство частей, жалобы, бесконечные приказы, предписания и указания штабов и рапорты, отписки и доклады полков.

Если крестьянское население действительно бедствовало, то помещики имели всего вдоволь. Но, состоя в подавляющем числе из польской шляхты, с нетерпением ожидавшей прихода Наполеона и обещанного восстановления Польского государства, они всячески задерживали и затрудняли сдачу продуктов, имея в самой Главной квартире государя таких всемогущих ходатаев, как князь Чарторийский и Огинский. Наконец, уже перед самым переходом неприятелем государственной границы штаб армии приказал полкам собрать сведения о количестве продовольствия у помещиков, и если продукты и фураж, согласно разверстке, ими не сданы, то произвести так называемую экзекуцию, т. е. отобрание всего, что подлежало сдаче.

Кавалергарды стояли в местечке Опса и в соседних деревушках, в которых они снова очутились 103 года спустя. На их долю выпало применение такой экзекуции к владельцу м. Опса и Бельмонта, уездному предводителю дворянства графу Станиславу Мануцию, за которым числилась недоимка на сумму 10 тысяч рублей. На это граф Мануций подал прошение Депрерадовичу и в Брацлавский нижний земский суд, протестуя против экзекуции. Суд переслал прошение графа Мануция в полк, предлагая руководствоваться при экзекуциях не одними только русскими законами, но и Литовским статутom, о котором в полку навряд ли кто имел малейшее понятие. 12 июня вся эта волюкита была разрешена Наполеоном — Великая армия перешла Неман.

Во время марш-маневра 1-й армии на соединение с армией князя Багратиона кавалергардский полк состоял в составе кирасирской дивизии, в отряде генерала Дохтурова. 16 июля из Лезны Дохтуров отправил вперед генерала Депрерадовича с кавалергардами, конной гвардией, финляндцами, лейб-егерями, сводным гренадерским батальоном и с 1-й пешей и 1-й конной гвардейскими батареями. Несмотря на страшную палящую жару, на тяжелые песочные дороги, Депрерадович блестяще выполнил полученное задание: пройдя 75 верст в 38 часов, он 18 июля был в Смоленске. Своей выносливостью отряд Депрерадовича, в особенности его пехота, не только сравнялся с суворовскими чудо-богатырями, но их превзошел. Это занятие Смоленска Депрерадовичем, а затем подоспевшим Дохтуровым обеспечило соединение наших армий, которое состоялось 22 июля. В последующих боях у Смоленска полк не принимал непосредственного участия.

22 августа наша армия стала на позиции у Бородина. 26-го, в 4 часа утра, в темноте, одетая в полную парадную форму, Великая армия Наполеона выстраивалась для предстоящего боя. Взошедшее солнце разогнало туман и осветило русские позиции, где сплошной стеной, держа ружья у ноги, стояли, также в парадной форме, русские полки. Ровно в 6 часов утра с французской батареи Сорбье грянул первый выстрел. Русские батареи ответили и скоро все слилось в один общий гул. Так началось Бородино. Тот бой, в котором наш полк вторично пожертвовал собой для спасения своей пехоты и артиллерии.

В этом бою кавалергарды вместе с конногвардейцами составляли гвардейскую бригаду 1-й кирасирской дивизии. За болезнью Депрерадовича дивизией командовал также кавалергард генерал Н.М. Бороздин, бригадир — генерал Шевич, полком — полковник барон Левенвольде. Обе кирасирские дивизии и Бороздина и Дуки входили в общий резерв армии.

По ходу боя общий резерв постепенно втягивался в бой, и когда, незадолго до падения батареи Раевского, Барклай послал своего адъютанта за резервом, то единственным кавалерийским резервом всей армии оставалась одна бригада Шевича. В ответ на переданное приказание Барклая «идти вперед рысью», раздалось оглушительное «ура»...

Дойдя до перекрестка дорог, почти у самой батареи Раевского, бригада была остановлена и построена «ан-эшикие» за небольшой складкой местности (развернутыми эскадронами, в шахматном порядке). К моменту подхода бригады батарея Раевского уже была взята французами. Конница Латур-Мобура, отбитая огнем пехоты, отхлынула назад, тогда как полки конного корпуса Груши, поддержанные своей пехотой, опрокинули несколько каре 7-й пехотной дивизии и врубился в батарею Костенецкого.

Увидя отход нашей пехоты, подпоручик 2-й гвардейской конной батареи барон Корф, по собственному почину, вынесся с двумя взводами на гребень и открыл огонь по неприятельской пехоте, которая была частью уничтожена, частью отхлынула назад. Но конница Груши, несмотря на огонь орудий Корфа, продолжала преследование 7-й дивизии, а один, ближайший к орудиям, эскадрон пошел на них в атаку. Когда неприятель был уже у самых пушек, барон Корф выскочил на гребень, за которым стояли кавалергарды, и крикнул командиру головного взвода Шефского эскадрона: «Башмаков! Выручай орудия!» Не ожидая приказа, Башмаков выскочил со своим взводом вперед, «и в одно мгновение передовые французские всадники были уничтожены». Орудия были спасены.

В это время к бригаде подъехал Барклай и приказал Левенвольде атаковать. С громким «ура» полк тронулся вперед. Головных два эскадрона — Шефский на гнедых конях и 4-й на вороных — шли под командой полковника барона Левенвольде. За ними, во второй линии, «ан-эшикие», под командой полковника В.В. Левашева, шли 3-й эскадрон на серых конях и 5-й на гнедых.

В небольшой пологой ложбине, прямо против атакующего полка, строились в эскадронные колонны только что отбитые полки корпуса Латур-Мобура. Впереди саксонские гард дю кор, за ними саксонские кирасиры Цастрова, а еще подальше несколько полков польских улан. Не заметив вовремя подхода кавалергардов, неприятельская конница стала разворачиваться слишком поздно.

«Галопом! Марш!» — скомандовал Левенвольде и только успел крикнуть командиру 4-го эскадрона Давыдову: «Евдоким Васильевич! Командуйте левое плечо вперед!» — как упал замертво, вместе с конем, оба пораженные

картечью. Первая линия, потеряв своего командира, слегка замялась, но, подержанная второй, все эскадроны одновременно врубилась в колонну неприятельской конницы и смяли в общую кучу саксонские полки. Польские уланы, стоявшие поодаль, успели развернуться и в свою очередь атаковали фланг и тыл кавалергардов. Последние были выручены конной гвардией, атаковавшей польские полки. Началась общая конная схватка, в которой приняли участие и полки корпуса Груши, и подошедшие части наших II и III кавалерийских корпусов изюмские гусары, псковские драгуны и польский уланский полк.

«Рукопашный бой между массами смешавшихся наших и французских латников представлял собою зрелище в своем роде великолепное и напоминающее битвы древних рыцарей или римлян, как мы привыкли их себе вообразить. Всадники поражали друг друга холодным оружием, среди груды убитых и раненых...»

Неприятельская конница была разбита и опрокинута. Барклай приказал трубить «апель», но за грохотом выстрелов и в пылу боя многие кавалергарды не слышали сигнала, упоенные победой, на плечах бегущего врага доскакали до Семеновского ручья, где собрались и вновь выстраивались французские кавалеристы. Более сотни кавалергардов разных эскадронов стали собираться к своим офицерам и также выстраивать фронт. Старшим из них оказался поручик Шкурин. Оба фронта, в нерешимости, неподвижно стояли друг против друга. В таком положении застал кавалергардов адъютант дивизии М.П. Бутурлин. «Что мне делать? — спросил его Шкурин. — Если поверну налево кругом — они сядут мне на плечи! С другой стороны, полковые трубачи подали “апель”». Бутурлин ответил, что, по его мнению, единственный выход — это атака. Шкурин согласился и просил Бутурлина передать еще приказание атаковать. «С места, марш-марш», — скомандовал Шкурин. Кавалергарды рванули вперед, снова врубилась в неприятеля и откинули его за Семеновский ручей. Таков был кирасирский подвиг кавалергардского полка 26 августа под Бородином.

По приказанию Барклая вступивший в командование полком Левашев отвел полк в резерв к селу Михайловскому. Полк потерял убитым командующего полком барона К.К. Левенвольда. По характеристике М.П. Бутурлина, он был высокий стройный красавец, очень спокойный. Был любим и уважаем всем полком и исключительной храбрости.

Штабс-ротмистр Римский-Корсаков, окруженный неприятелем, на все предложения сдаться отвечал ударами палаша, пока не был убит выстре-

---

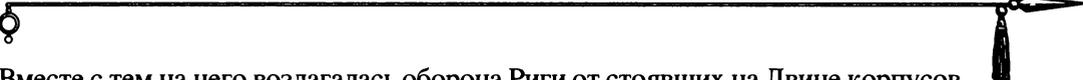
лом из карабина. Убит также поручик П.П. Валув, адъютант графа Остермана. Ранеными полк потерял 10 офицеров: полк. П.И. Каблукова, ротм. барона Е.В. Давыдова, шт. ротм. В.М. Бороздина, шт.-ротм. Уварова, пор. барона Е.К. Арнсофена; корн. Г.В. Шереметова, корн. Г.Г. фон Смиттена, корн. А.И. Пашкова, корн. Г.Ф. Орлова, адъютанта 1-й кирасирской дивизии М.П. Бутурлина. Кавалергардов убито и без вести пропало — 22, ранено — 71. Лошадей убито 87, ранено — 48.

Командующий полком полк. Левашев награжден орденом Святого Георгия 4-й степени, шт.-ротм. М.С. Лунин, С.П. Ланской и корн. К.В. Левашев — золотым оружием. 63 кавалергарда награждены Георгиевскими крестами, из них 18 вахмистров и унтер-офицеров, из которых один за взятие в плен французского офицера, 39 рядовых, из которых шесть за спасение своих офицеров, под которыми были убиты лошади, три за взятия в плен французских офицеров, пять за то, что вынесли тело убитого командира полка, два эстандарт-юнкера, три юнкера и один трубач, состоявший при ген. Шевиче. Всем нижним чинам было выдано по пять рублей. 7 эстандарт-юнкеров и юнкеров были произведены в корнеты полка.

Бородинский бой был последним сражением, в котором в течение 1812 г. полк принял целиком непосредственное и деятельное участие. Только его 2-й эскадрон, в отряде графа Витгенштейна, в боях под Полоцком 6 августа и 6 октября и в сражениях под Чашниками и у Студянки на Березине вписал новые лавры в нарождавшуюся боевую летопись полка.

По первоначальному плану 2-й эскадрон, в составе всех запасных частей, предназначался для формирования пополнений для своего полка, но по приходе в г. Остров выяснилось, что численность Русской армии совершенно недостаточна, чтобы противостоять Великой армии Наполеона. Поневоле пришлось отказаться от организации и перейти к импровизации. Все запасные батальоны и эскадроны были соединены в действующие сводные полки. 2-й эскадрон, вместе с эскадронами лейб-гвардии Конного полка, двумя лейб-кирасирскими и Астраханским эскадронами, вошел в состав сводно-кирасирского полка, командиром которого был назначен конногвардеец полк. Протасов. Сводный полк вошел в 9-ю кавалерийскую дивизию кавалергарда князя Н.Г. Репнина и с нею в отряд ген. от кав. графа Витгенштейна.

При отходе 1-й армии из Дрисского лагеря в его районе был оставлен 25-тысячный отряд гр. Витгенштейна для прикрытия Петербургского направления.

Вместе с тем на него возлагалась оборона Риги от стоявших на Двине корпусов Макдональда и Удино, а затем и от подошедшего корпуса Сен-Сира.

3 августа князь Репнин с отрядом в составе сводно-кирасирского полка, двух батальонов пехоты и двух орудий был послан к г. Диена для уничтожения моста. Отбросив неприятеля за Двину, Репнин переправил вплавь сводно-кирасирский полк, который и занял город, уничтожив мост и имевшиеся там склады оружия.

Сен-Сир, сменивший раненого в предыдущих боях Удино, решил атаковать Витгенштейна на следующий день. Ввиду сильного утомления своих войск атаку он назначил на 5 часов вечера, и ровно в назначенное время раздался одиночный выстрел, а за ним залп из 60-пушечной батареи. Подготовка и само выполнение операции были для войск гр. Витгенштейна до того неожиданны, что сам начальник отряда едва успел вскочить на лошадь, когда французская пехота ворвалась в помещение штаба. Центр нашего расположения был прорван. Застигнутая на биваках, наша пехота сбилась в отдельные кучки и, отбиваясь на все стороны, медленно отступала.

«Такая неожиданная атака не внесла никакого беспорядка в русские ряды. Они схватились за оружие и сражались доблестно, — так пишет в своих воспоминаниях участник боя французский генерал барон Марбо. — Но на войне, — продолжает он, — неожиданное событие, зачастую меняет всю обстановку и положение вещей». И таким неожиданным случаем 6 августа, под Полоцком, явилась атака кавалергардского и конногвардейского эскадронов, под командованием полковника Протасова.

Отступающая русская пехота наткнулась в тылу нашего лагеря на эскадрон 2-й кавалергардов, бывший в тот день под командой штабс-ротмистра Авдулина, заменявшего в этот день командира эскадрона полковника Ершова. Построив 120 кавалергардов эскадрона, Авдулин атаковал в конном строю 26-й линейный полк французской пехоты, но атака была отбита после жестокой схватки. Тогда, повернув эскадрон, он бросился прямо через лагерь, полный пехотных солдат-португальцев, баварцев и швейцарцев, занятых грабежом оставленного русскими имущества. Не выдержав атаки, вся эта масса ринулась в бегство. Кавалергарды, рассеянные на огромном пространстве лагеря, рубили их на ходу, таким образом эскадрон дошел до швейцарского пехотного полка, в центре каре которого находился Сен-Сир.

Чтобы остановить панику, охватившую его пехоту, Сен-Сир направил всю свою конницу в атаку. В голове шла бригада Кастекса, за нею бригада Кор-

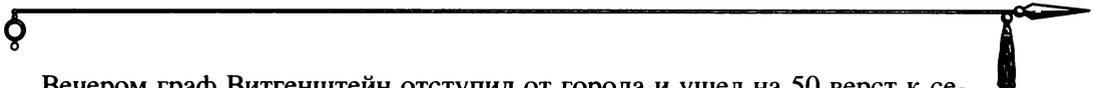
бино, имея в резерве, в третьей линии, всю дивизию Думерка. Атака конницы была поддержана огнем сорокаорудийной батареи. Навстречу французской кавалерии пошли в атаку гродненские гусары и рижские драгуны. Увидя подход неприятельской конницы, командующий кавалергардским эскадронам Авдулин быстро собрал свой эскадрон и атаковал фланг головного полка бригады Корбино. Атака была настолько неожиданна и стремительна, что французы дрогнули и дали тыл. Подоспевший эскадрон конной гвардии с таким же успехом атаковал следующий полк Корбино. Поражение всей неприятельской конницы было довершено полковником Ершовым, который с лейб-кирасирским и Астраханским эскадронами врубился в неприятеля. Обе французские бригады в своем бегстве смяли дивизию Думерка и увлекли ее за собою. Сводно-кирасирский полк, на плечах французов, ворвался на прикрывавшую атаку конницы батарею и захватил 15 орудий. Но за недостатком упряжек орудийная прислуга ускакала на уносах, удалось вывезти только два орудия, остальные были заклепаны, и лафеты у них поломаны.

Марбо пишет дальше: «Панический страх охватил три наших полка, которые скакали полным карьером к Полоцку. Сен-Сир приказал командиру батареи открыть огонь по беглецам, чтобы заставить их атаковать русскую гвардию, но командир батареи, желая спасти жизнь всадников Корбино, не торопился исполнить приказание и открыл огонь только тогда, когда они скрылись из вида». Сам Сен-Сир едва не попал в плен, выброшенный из экипажа подхвачившими лошадьми (вследствие раны он не мог ездить верхом).

Снова обратимся к Марбо: «Поднявшись с земли, Сен-Сир оказался посреди неприятельского эскадрона и поспешил спрятать свои ордена за отвороты сюртука. Русские проскакали мимо него, не обратив внимания, занятые захватом наших пушек, которые наши артиллеристы старались увезти в разные стороны».

В пылу боя эскадрон конной гвардии заскакал под самые стены Полоцка и рисковал быть отрезанным от своих. Адьютант сводно-кирасирского полка кавалергард корнет Г.А. Окунев, одним из первых вскочивший на батарею, под картечными выстрелами на мосту, трубил «апель» для сбора оногo.

Несмотря на неоднократные атаки, кавалергарды понесли сравнительно малые потери. Убиты корнет С.П. Воейков и 13 кавалергардов. Только тела восьми из них удалось вынести с поля битвы. Ранено 19 кавалергардов и убито 20 лошадей. Полк. Ершов и шт.-ротм. Авдулин награждены Георгиевским крестом 4-й степени. Корнет Окунев — золотой шпагой «За храбрость».

Вечером граф Витгенштейн отступил от города и ушел на 50 верст к северу от Полоцка. Трудно назвать бой 6 августа победой Витгенштейна. Он не только не сохранил за собой поле боя, но очистил всю захваченную до того местность. Его отряд был спасен от полного поражения исключительно личной инициативой Протасова, Ершова и Авдулина и стремительным все-сокрушающим порывом всех эскадронов сводно-кирасирского полка, перешедшим, по выражению первого историка кавалергардов Висковатова, «за предел обыкновенной отваги».

Далее, во втором бою под Полоцком 6 октября взвод кавалергардов с ротмистром Белкиным был послан из резерва «для спасения подбитой нашей пушки, что исполнил под сильными выстрелами и не допустил неприятельских стрелков овладеть оною и вывез с места сражения...».

Поздно вечером 7-го, когда французы окончательно очистили город, Полоцк был занят нашими войсками.

В реляции, поданной графом Витгенштейном императору Александру, довольно глухо говорится о всех подробностях взятия Полоцка. Совершенно умалчивается о временном пленении Витгенштейна, о его освобождении Альбрехтом и ничего не говорится о действиях сводно-кирасирского полка, кроме спасения Белкиным подбитой нашей пушки. Зато роль, которая выпала на полк в этом бою, очень подробно описана в рапорте начальника 9-й кавалерийской дивизии князя Репнина, поданном цесаревичу Константину.

«Господин корпусный командир (граф Витгенштейн), увидя, что неприятель обратил все свое внимание на левый фланг, приказать изволил сводно-кирасирскому полку примкнуть из резерва к Рижскому драгунскому полку.

Храбрый сей полк и в сии дни поддержал ту славу, которую приобрел он в сражении 6 августа. По прибытии на место сражения оный был поставлен на линию с пехотой и связал через сие левый наш фланг с центром. Полковник Протасов с тремя эскадронами: кавалергардским, конногвардейским и кирасирским Его Величества стоял под жестоким огнем с неприятельских батарей. Потом, увидя, что колонна конноегерей покушалась ударить на наших стрелков, атаковал оную и прогнал до самых укреплений, после чего опять стал на прежнее место и тем удержал французскую кавалерию, которая неоднократно высылала свои эскадроны, но, видя оный полк, не осмеливалась сделать в сем пункте второй атаки.

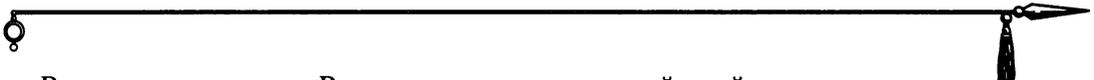
Неприятель, видя, что, несмотря на все его усилия, не может иметь успеха на левом фланге, выслал колонну латников против центра нашей линии. По-

*Граф П.Х. Витгенштейн.
Художник Дж. Доу*

чему и приказано было сводно-кирасирскому полку атаковать оных, что храбрый сей полк успешно исполнил, ударив стремительно в правый их фланг под картечными их выстрелами и, опрокинув их, преследовал до самых укреплений, поражая беспрестанно остатки бегущих. Потом, собравшись, опять ударил на показавшуюся другую колонну кавалерии и обратил ее в бегство и преследовал даже за городские укрепления. Полковой командир и все штаб-и обер-офицеры оказали чудеса храбрости и покрыли себя новой славой.

При сем случае не могу умолчать об отличном подвиге эскадрона кавалергардского унтер-офицера Петренко, который во время второй атаки, увидя, что под полковником Ершовым убита лошадь, под жестоким огнем добровольно отдал ему свою и, видя, что двое латников напали на него в то время, когда он садился, с отчаянным мужеством бросился на них, сбил одного с лошади, другого обратил в бегство и поспешил догнать своего полковника на французской лошади. Поставляя деяние сие в виду Вашего Императорского Высочества, осмеливаюсь просить об исходатайствовании храброму сему воину примерного награждения производством его в офицеры в армейский полк...»

Все сказанное князем Репниным относительно действий полка полностью подтверждено наградными листами.

23 октября полковник Протасов со сводно-кирасирским полком и двумя эскадронами митавских драгун выбил кавалерийскую бригаду Кастекса из м. Лукомль, но затем был выбит подошедшей пехотой. Бригада Кастекса переправилась через р. Лукомля и вышла во фланг отряда Протасова. Полковник Ершов с двумя гвардейскими эскадронами кавалергардским и конногвардейским полковника барона Кнорринга, немедленно атаковал конницу Кастекса, отрезал ее от брода и опрокинул в реку, «так что она не попала к броду, в замешательстве бросилась в реку, причем немало из нее перетонуло...». Полковник Протасов был произведен в генералы и получил иное назначение. В командование сводно-кирасирским полком вступил полковник Ершов.

Последнее участие 2-го эскадрона в боевых действиях 1812 г. была его совместная с конногвардейским эскадроном атака под Студянкой, на Березине 16 ноября. В этой атаке был ранен командир эскадрона ротмистр Белкин.

Кавалергарды, дойдя до Вильны, простояли в ее окрестностях до конца года. 1 января 1813 г. полк перешел по льду через Неман и вступил в пределы Пруссии.

Из прошлого кавалергардов. Поход 1813 года

11 декабря 1812 г. Александр I приехал в Главную квартиру в Вильно. Встреченный главнокомандующим, государь после продолжительного с ним разговора с глазу на глаз пожаловал фельдмаршалу знаки ордена Георгия 1-й степени.

Несмотря на желание Кутузова дать войскам длительный отдых, во время которого отсталые могли бы догнать свои части, а резервы и пополнения влиться в армию, 18 декабря был отдан приказ войскам быть в полной готовности к выступлению. Кавалергарды выступили в поход из Вильно вместе с полками лейб-гвардии Конным и Казачьим. При выходе из города император смотрел полк и остался очень доволен его состоянием.

В присланном затем цесаревичем рескрипте на имя командующего полком полковника Ненашева было сказано: «Объявив сего числа (28 декабря)

войскам, в команде моей состоящим, Монаршую благодарность Кавалергардскому полку за совершенную исправность и чистоту, в коей Его Императорское Величество изволил его найти, я долгом поставляю объявить всем господам офицерам и нижним чинам совершенную мою благодарность за тот порядок и устройство, с которыми полк сей во все время сей кампании находился, к чему присовокупляю, что всегда был доволен сим полком, но ныне не нахожу уже слов, как оный благодарить.

Константин».

1 января, после новогоднего молебна, полк перешел у местечка Пршелай по льду через Неман и вступил в пределы Пруссии. «Мы перешли границу в самый Новый год», — писал отцу М.П. Бутурлин. 25-го к полку присоединился в Плоцке 2-й эскадрон из отряда Витгенштейна. Несмотря на подход запасных частей, боевой состав армии был в большом некомплекте. «The season continues terribly severe — 25° of cold. The Russian army is reduced almost to nothing. One Battalion of Guards musters only 200»⁵⁷, — доносил представитель английского двора при Главной квартире Вильсон. Кутузов настаивал на приостановке дальнейшего движения хотя бы на две недели, чтобы дать время подойти армейским резервам, но государь не согласился и приказал продолжать наступление.

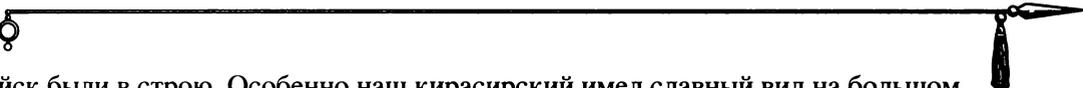
В первых числах февраля, по случаю установления медали в память 1812 г., по армии был отдан Высочайший приказ, в котором было сказано: «Славный и достопамятный год, в который неслыханным и примерным образом поразили и наказали дерзнувшего вступить в Отечество ваше лютого и сильного врага! Славный год сей минул, но не пройдут и не умолкнут содеянные в нем громкие дела, и подвиги ваши потомство сохранит в памяти своей... в ознаменование сих незабвенных подвигов ваших повелели Мы выбить и освятить серебряную медаль, которая с начертанием на ней прошедшего столь достопамятного 1812 года долженствует на голубой ленте украшать непреодолимый “Щит Отечества” — грудь вашу...

Александр».

Продолжая свое движение, армия подошла к Калишу, где 21 марта, в честь приехавшего туда прусского короля, состоялся парад. «Мы принимали короля с большим парадом, — писал отцу М.П. Бутурлин. — Три корпуса во-

---

⁵⁷ «Природа вносит жестокие коррективы — 25° мороза. Русская армия поредела до предела. Один батальон гвардейских стрелков лишь в 200 штыков» (англ.).

йск были в строю. Особенно наш кирасирский имел славный вид на большом поле. Десять полков в одной линии, и к тому же день был прекрасный, точно как летом, и до того, что даже жарко было с полудня».

Перед войсками стоял фельдмаршал, не имея больше сил сесть на коня. Это было последнее появление Кутузова перед армией. 16 апреля он скончался. При нем находился его бессменный вестовой кавалергардский унтер-офицер Домбровский. После смерти светлейшего ему был выдан аттестат. «Дан сей находящемуся при покойном генерал-фельдмаршале князе Михаиле Ларионовиче Кутузове-Смоленском Кавалергардского полка унтер-офицеру Домбровскому в том, что отличное поведение в службе, исправность его к порученному делу, с доброй волей сопряженное, были лично известны Его Светлости и он неоднократно отдавал ему начальническую справедливость. Во время сей кампании находился в делах противу неприятеля августа 24 и 28, при городе Можайске (Бородинское сражение), 6 октября при Тарутине, 6 ноября при Красном и за отличие награжден знаком Военного ордена, что, как старейший Его Светлости адъютант, поставляю приятным долгом свидетельствовать.

Бунцау, апреля 21 дня 1813 года.

Гвардии ротмистр и кавалер *Дишканец*».

Тело покойного фельдмаршала сопровождал по Высочайшему повелению до Петербурга состоявший при нем бывший офицер полка граф Л.И. Соллогуб. Смерть Кутузова была неизмеримой потерей для армии. «Если бы он был жив, мы не потеряли бы многих неудач, встретившихся впоследствии», — записал в своих воспоминаниях кавалергард князь С. Волконский.

В последующих боях — поражениях союзных армий — у Люцена и Бауцена, полк не принимал непосредственного участия. 24 мая было заключено перемирие на шесть недель, по истечении которого союзники возобновили наступление. Свои полумиллионные силы союзники разделили на три армии, причем несмотря на то, что Россия совершенно одна самостоятельно вынесла на своих плечах всю тяжесть борьбы с Наполеоном, никто из ее военачальников не получил в командование ни одну из этих армий.

Самая многочисленная Главная армия, иначе — Богемская, 237 000 бойцов, находилась под начальством австрийского генерала князя Шварценберга. Силезская армия — 100 000 человек, под начальством прусского генерала Блюхера и Северная армия, 115 000 человек, под начальством наследника шведского престола Бернадотта.

К этим армиям надо добавить еще Резервную Польскую, находившуюся еще в формировании в Польше исключительно из русских частей под начальством русского генерала Беннигсена.

Кавалергарды Главной квартиры, при которой находились император Александр и король прусский, сильно отягчали и без того нелегкую походную жизнь полка. Как из рога изобилия сыпались на полк смотры, парады и разводы караулов. Полковые приказы за 1813 и 1814 гг. полны распоряжений цесаревича, отданных им по гвардейскому корпусу, и, читая их, можно думать, что они отдавались не в боевой обстановке, когда надлежало напрячь все усилия, чтобы разбить врага, а писались для какого-нибудь парада на Царицыном лугу в Санкт-Петербурге: «Его Высочество соизволил приказать: дабы бакенбарды отнюдь ниже рта не носить, кольми паче не запускать под бородой». «На походе сидеть по правилам, поводьев не распускать, чтобы кисть левой руки была бы всегда между пистолетами большим пальцем вверх по гриве». «Завтрашнего дня имеет быть поход полку. Расчет сделать таким образом, чтобы лучшие лошади были бы на правых флангах отделений, когда полку будет приказано парадировать справа по шести и справа по три». «Кавалергардского полка корнеты Пашков и Шереметом командируются в другие дивизии для показания всем офицерам приема салютования палашом...»

Удачно начатое 13 августа сражение у Дрездена, с прибытием туда 15-го самого Наполеона, окончилось поражением союзников, не превратившемся в катастрофу и полный разгром Главной армии только потому, что у французов не было достаточно конницы, и главным образом потому, что граф Остерман-Толстой своевременно разгадал план Наполеона и, вопреки приказу Барклая, остался на занимаемой позиции. Отступление армии под проливным дождем было хаотичным. «Погода была преужасная, — пишет Бутурлин отцу. — Почти 200-тысячная расстроенная и изнуренная армия отступала в непроницаемом мраке, при сильном ветре и дожде, имея грязь по колено. Я такой ночи не запомню».

В течение двух дней, 15 и 16 августа, отряд Остермана сдерживал бешеные атаки Вандамма, пытавшегося пробиться в тыл Главной армии. Положение под конец стало критическим. Но «вдруг что-то блеснуло вдали. При выходе из ущелья засветились медные оклады касок наших кирасир, заиграли трубы и вместе с сим просияла искра надеждах в сердце каждого солдата. Приспели кирасирские полки 1-й дивизии, и правое крыло мое стало неодолимым», — доносил Остерман государю.

Согласно диспозиции, 1-я кирасирская дивизия, переночевав в Диппольдисвальде, продолжала свое движение к Теплицу, в районе которого ей был назначен ночлег. Как в канун Аустерлица, никто в дивизии не помышлял о бое и все были настолько уверены в относительно мирном переходе, что и начальник всех кирасирских дивизий князь Голицын, и начальник 1-й кирасирской дивизии Депрерадович отправились вперед вместе с квартирными в Теплиц.

Пока шли горами, кругом царила полнейшая тишина и звуки боя в отряде Остермана до полков не доходили. Но едва авангард отряда — кавалергарды — начал спускаться с гор и втягиваться в долину, как сразу стал слышен отдаленный гул канонады. Затем прискакал квартирмейстерский офицер из отряда Остермана с просьбой о подкреплении.

Оставшийся за старшего в 1-й кирасирской дивизии командир лейб-гвардии конного полка Арсеньев, в отсутствие старших начальников, был в нерешительности, что делать, но после настойчивого совета адъютанта дивизии кавалергарда Бутурлина приказал полковнику Ершову вести кавалергардов к месту боя.

Полк подошел на рысях к деревне Карбиц и выстроил боевой порядок на левом фланге Тенгинского пехотного полка, занимавшего деревню. Предупрежденные Арсеньевым, князь Голицын и Депрерадович прискакали к месту боя, и вслед за ними стали подходить остальные кирасирские полки.

Против строящейся в боевой порядок 1-й кирасирской дивизии французы выслали своих стрелков и фланкеров и пытались ими перейти овраг, разделявший обоих противников.

Депрерадович, с своей стороны, выслал кавалергардских фланкеров, 125 человек при четырех офицерах: ротмистре С.Ф. Кольчеве, штаб-ротмистре Б.И. Белавине и М.И. Бердяеве и корнете графе П.С. Минихе. Фланкеры завязали перестрелку с французами и не допустили их перейти овраг. В 6 часов вечера кавалергарды были сменены австрийскими драгунами.

В 9 часов вечера подошел Милорадович с гренадерами Раевского, 2-й Гвардейской пехотной дивизией, бригадой прусской гвардии и вступил в командование всеми войсками у Кульма. На следующий день бой возобновился атакой французов. Но когда у них в тылу раздались орудийные выстрелы обходившей колонны Коллоредо, Вандамм понял опасность своего положения и решил пробиться из окружения.

Он бросил в атаку конницу Корбино. Первое, что ей попало на пути, была прусская батарея, уничтоженная в походной колонне. Затем Корбино налетел на прусскую пехоту, смял ее и обратил в бегство.

Корбино побился, но пехота Вандамма, втянутая в бой, с трудом начала свой отрыв от противника.

Получив донесение от кавалергардских фланкеров об отходе французов. Депрерадович приказал полковнику Каблукову с дивизионом подкрепить фланкеров. Вслед за ним пошел и полковник Ершов с остальными эскадронами. Увидя подходявший полк, штаб-ротмистры Беляев и Бердяев бросились с фланкерами в атаку и захватили два орудия.

Когда полк вместе с конной гвардией вышел на высоту нашей пехоты, Милорадович остановил бригаду. Преследовать французов был отправлен лишь лейб-эскадрон Каблукова. Каблуков гнал противника на протяжении 6 верст и отбил 20 орудий, из которых 16 оказались прусскими.

Перед деревней Ноллендорф французы пытались остановить кавалергардов, но Каблуков стремительной атакой сбил пехоту, захватив еще 4 орудия, взяв в плен трех офицеров и 370 солдат, и отбил денежный ящик нашего гвардейского экипажа.

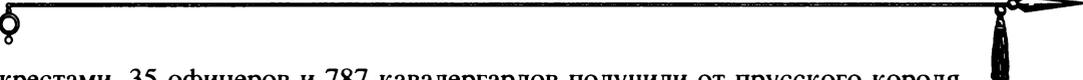
Всего под Кульмом было взято в плен 5 генералов во главе с Вандаммом и его начальником штаба генералом Хаксом, более 10 тысяч пленных, 81 орудие, из которых 26 были взяты кавалергардами. Два орла и более 200 зарядных ящиков и амуниционных фур дополнили трофеи.

Полк потерял убитыми 2 унтер-офицеров, 2 кавалергардов и 44 лошади. Ранеными: штаб-ротмистров барона Арпсгофена штыком в ногу и Белавина пулей, 1 унтер-офицера, 2 трубачей, 30 кавалергардов и 35 лошадей.

Депрерадович был произведен в генерал-лейтенанты, полковники П.И. Каблуков и Ершов в генерал-майоры. В командование полком вступил полковник В.И. Каблуков.

Штаб-ротмистры Белавин и Бердяев были награждены Георгиевскими крестами 4-й степени, поручик С.П. Неклюдов и поручик Д.Е. Башмаков — золотыми шпагами «За храбрость».

Старший вахмистр Василий Денисов, вахмистра Василий Олейкин, Никита Ефремов, Николай Федоров, унтер-офицеры Василий Менщиков, Петр Мартынов, кавалергарды Яков Адаменко, Иван Михота, Иван Шульга, Влас Трач, Степан Богун, Алексей Красунов, Матвей Литвин, Иван Рубан, Федор Запеченко, Семен Силенко и Алексей Сапожников награждены Георгиевскими

крестами. 35 офицеров и 787 кавалергардов получили от прусского короля крест, специально установленный для русских участников этого сражения, так называемый Кульмский крест.

Во время Кульмского сражения поручик П.П. Ланской был послан с приказанием. Проезжая со своим вестовым по полю битвы, сплошь покрытому телами убитых и раненых французов, он услышал раздирающий крик. Обернувшись, увидел раненого французского драгунского офицера, над которым вестовой Ланского уже занес палаш.

Собрав последние силы, француз сделал над своей головой условный знак, известный среди масонов под названием «A moi, les enfants de la Veuve»⁵⁸.

Ланской не был масоном; но, как многие в то время, он кое-что из их ритуала знал. «Стой!, — крикнул он вестовому. — Лежачего не бьют».

Француз безостановочно его благодарил, все время называя братом. «Вы ошибаетесь, — сказал ему Ланской, — я не масон, mais a double titre de chretien et de Chevalier-Garde, je ne puis rester sourd a l'appel d'un frere d'Armes»⁵⁹.

Затем отвез его в ближайшую деревню и поручил его уходу местного жителя.

Француз все пытался узнать имя Ланского. «Это ни к чему. Мы все равно вряд ли с вами увидимся». — «Mais ma mere pourrait au moins prier pour celui qui Lui a conserve son fils». — «Quant a cela pas de refus. Pour vous je suis Chevalier-Garde, pour elle je me nomme Pierre. Et la-dessus bonne chance, camarade, et adieu»⁶⁰.

В сражении под Лейпцигом, в знаменитой Битве народов, полк находился в резерве и активного участия в бою не принимал. 7 октября император Александр и король прусский въехали в город непосредственно с атакующими частями.

Король саксонский смотрел из окон дворца на входящие союзные войска. Король был объявлен военнопленным и под конвоем отправлен в Берлин.

---

⁵⁸ «Я — один из детей вдовы» (франц.).

⁵⁹ «...но как кавалергард и христианин я не могу оставаться глухим к зову брата по оружию» (франц.).

⁶⁰ «Но для того, чтобы моя бедная мать знала, за кого возносить свои молитвы за спасение сына». — «Это не отказ. Для вас я кавалергард, для нее — Пьер. А главное — удачи и прощайте, друг» (франц.).

Управление Саксонским королевством было поручено кавалергарду князю Репнину.

Тяжелая задача выпала на долю Репнина. Разорение Саксонии было полное, большая часть городов и селений была выжжена. В стране свирепствовала эпидемия тифа, местами — холера. Более 50 тысяч раненых разных армий находились в госпиталях, казна королевства была почти пуста.

Благодаря неутомимой энергии Репнина финансы страны быстро поправились и вместе с ними и общее благосостояние страны.

При назначении на пост наместника саксонского Репнину было приказано разыскать и изъять из обращения фальшивые русские ассигнации, выпущенные Наполеоном в 1812 году. Угроза ссылки в Сибирь за сокрытие ассигнаций сильно ускорила их сдачу. В самый короткий срок было сдано их на 7 миллионов рублей и на один миллион было найдено и отобрано у придворного банкира Фреге, получившего их на хранение лично от самого короля Фридриха-Августа. Фреге подлежал за сокрытие ассигнаций ссылке в Сибирь. Заступился за него перед императором Александром сам Репнин, объяснив поступок придворного банкира как вызванный верноподданническими побуждениями перед своим государем.

После Лейпцигского сражения союзные армии продолжали свое движение в направлении Франции.

Чтобы дать возможность австрийскому императору вступить во Франкфурт раньше императора Александра, Шварценберг изменил распределение и маршруты русских войск. Однако Александр I разгадал скрытую причину такого несуразного перемещения русских войск: с правого фланга на левый. Он отдал приказ Барклаю немедленно отправить усиленными переходами гвардейскую кавалерию и все кирасирские дивизии с их артиллерией к Франкфурту, никому об этом не донося.

«О прибытии нашей кавалерии к Франкфурту не объявляйте, ибо Его Величеству угодно прибыть туда с войсками не позже австрийцев».

24 октября весь кавалерийский корпус в полной парадной форме свалился как снег на голову австрийцам и подошел к Франкфурту. Государь, в первый раз за войну, в кавалергардском мундире вступил в город во главе своих войск за сутки до императора Франца.

Ноябрь и декабрь прошли в сосредоточении армий для предстоящего перехода французской границы и были использованы полком для перековки лошадей на зимние подковы и для обучения и спайки полученного пополнения.

Из прошлого кавалергардов. Поход 1814 года

1 января утром кавалергарды перешли Рейн и стали на бивак во французской деревне Мефферен.

Рознь между союзниками, уже появившаяся сразу после разгрома Наполеона в России, постепенно усилилась. Начала сказываться разница в интересах между Россией, Австрией, Англией и в меньшей степени — с Пруссией. Единственно, что их еще связывало, — это был страх перед Наполеоном. Этим страхом отчасти объясняются все неисчислимые марши и контрмарши, наступления и отступления, которые были вынуждены переносить войска.

В один из таких переходов цесаревич Константин нагнал полк. Увидав, что командующий полком В.И. Каблуков едет в строю не в каске, как это требовал устав, а в фуражке, цесаревич подсакал к Каблукову, наговорил ему кучу резкостей, сорвал с него фуражку и ускакал. На первом же ночлеге Каблуков собрал всех офицеров и передал им свое решение немедленно подать в отставку. Возможно, что цесаревич не знал или забыл, что Каблуков был ранен в голову и поэтому имел право ехать на переходах в фуражке. Еще в марте 1808 года полковой врач штаб-лекарь Флеров доносил, что «господин ротмистр Каблуков, вследствие полученных им ран в голову и грудь, имеет в сих частях тела сильную ломоту и на голове не может носить каски». Но все же это не могло оправдать тех резких выражений, которые были допущены Константином Павловичем в отношении Каблукова и самого полка: «Бархатники, якобинцы, вольтерьянцы!»

Офицеры единодушно одобрили решение своего старшего полковника и все также подали в отставку. В этом они были поддержаны и генералом Депрерадовичем и шефом полка генералом Уваровым, тоже подавшим в отставку. Решения Каблукова, офицеров полка, Депрерадовича и Уварова получили молчаливое одобрение государя. На первой же дневке в полк приехал цесаревич и произвел полку смотр. После смотра он собрал всех офицеров и в их присутствии извинился в тех обидных и незаслуженных словах, которые были им сказаны в отношении «храброго полковника и кавалера Каблукова и сверхдоблестного полка». «А если, — добавил великий князь, — господа кавалергарды не удовлетворены его извинениями, то он готов каждому в отдельности дать сатисфакцию».

Конечно, Каблуков от имени полка сказал, что кавалергарды вполне удовлетворены словами великого князя, но тут из задних рядов выступил 19-летний корнет М. Лунин и сказал, что «честь, предложенная вашим высочеством, так велика, что я не вправе от нее отказаться». Каблуков его прервал, и на этом инцидент был окончен, но с этого момента цесаревич искренне привязался к Лунину, взял его впоследствии к себе в адъютанты и, когда Лунин был замешан в Декабрьском восстании, всячески старался облегчить его участь.

В ночь на 11 марта партизанскими отрядами кавалергарда Чернышева и Тетенборна были перехвачены неприятельские курьеры с депешами. Депеши были исключительно важного содержания и оказали непосредственное влияние на коренное изменение стратегического плана союзников.

В одной из них министр полиции доносил Наполеону о положении во Франции: «Les caisses publiques, les arsenaux et les magasins sont vides. On est entierement a bout de ressources. La population est decouragee et mecontente. Elle veut la paix a tout prix»⁶¹.

Другая депеша, адресованная императрице Марии-Луизе, была от самого Наполеона. В ней он говорил, что принял решение двинуться к Марне, «afin de pousser les Armees ennemies plus loin de Paris et de me rapprocher de mes places. Je serai ce soir a Saint-Diziers»⁶².

Было перехвачено также подтверждение приказания маршалам Мармону и Мортье с их корпусами, генералам Пакто и Амэ с их дивизиями спешить в С.-Дизье. Основываясь на всех этих сведениях, союзники подчинились настойчивому требованию императора Александра и решили, оставив против Наполеона заслон, спешить всеми силами к Парижу.

13 марта началось это движение, приведшее через шесть дней к капитуляции столицы Франции. В этот день произошел последний бой, в котором кавалергарды приняли участие, когда они в целом ряде атак добавили в свою боевую летопись к именам Аустерлица, Полоцка, Бородина, Березины и Кульма Фер-Шампенуаз.

Сражение, происшедшее в районе деревни Фер-Шампенуаз, является, в сущности, двумя совершенно отдельными боями, из которых каждый, в

---

⁶¹ «Общественная казна, арсеналы и магазины пусты. Ресурсы исчерпаны. Население отчаялось и несчастно. Оно жаждет мира любой ценой» (франц.).

⁶² «...дабы отодвинуть вражеские армии дальше от Парижа и ближе ко мне. Сегодня вечером я буду в Сен-Дизье» (франц.).

свою очередь, состоит из целого ряда самостоятельных столкновений. Общее между ними лишь то, что со стороны союзников в них участвовала исключительно конница со своей конной артиллерией.

Первый бой начался в 9 часов утра у деревни Soude-Ste-Croix, затем продолжался в 10 часов утра у Somme-Sous, в 12 часов у Chapelaine-Vaufrey, в 2 часа 30 минут у Connantray, в 3 часа у Fere-Champenoise и закончился в 4 с половиною часа у Connantre разгромом корпусов Мортье и Мармона.

Второй бой начался немного позже 10 часов у Villeseneux, затем в 12 часов у Clamanges, в 2 часа у Ecuries-le-Repos и окончился в 5 часов у Aulnaux-Planches сдачей в плен остатков дивизий Пакто и Амэ. В обоих этих боях участвовали кавалергарды.

Маршал Мармон, герцог Рагузский, со своим корпусом и маршал Мортье, герцог Тревизский с корпусом Молодой гвардии выступили, согласно полученным приказаниям, на присоединение к Наполеону.

13 марта Мармон был атакован у Soude-Ste-Croix русской конницей и, не имея возможности пробиться к Наполеону, начал отход на Фер-Шампенуаз. Задержавшись на короткое время у Somme-Sou, чтобы дать время подойти Мортье, французы продолжали отход под прикрытием своей конницы — кирасирской дивизии генерала Бордесулли и драгунской дивизии генерала Русселя. Около 12 часов корпуса Мармона и Мортье остановились на высотах за деревнями Chapelaine и Vauzefroy, упираясь флангами в реку Сомм и в ручей де Ож.

Когда в Главной квартире услышали отдаленный орудийный огонь, Шварценберг приказал войскам ускорить шаг и спешить на выстрелы. Барклай хотел послать туда 3-ю кирасирскую дивизию, но Депрерадович, ввиду отдаленности этой дивизии от места боя, просил разрешения идти самому с 1-й кирасирской. С кирасирами пошел цесаревич с гвардейской легкой кавалерией: гусары, драгуны и уланы.

Пройдя деревню Montpreux, цесаревич, отправив вперед лейб-улан, кавалергардов и кирасир Его Величества, с прочими полками пошел в обход неприятельской позиции. Лейб-гусары еще раньше были оставлены для прикрытия нашего левого фланга.

Кавалергарды и кирасиры предназначались лишь для подкрепления лейб-улан, «но я, — доносил Депрерадович, — приказал кавалергардскому полку на все те части, которых лейб-гвардии Уланский полк занять не мог, атаковать неприятеля».

Кавалергарды атаковали и опрокинули кирасир Бордесулля и гнали их совместно с лейб-уланами «более мили». В этой атаке кавалергарды захватили 6 орудий и взяли в плен 2 офицеров и 147 солдат. За неприятельской кавалерией оказалась пехота. Но полк был выпущен Депрерадовичем из рук и гнал французских кирасир. С трудом Депрерадовичу удалось остановить эскадрон Храповицкого и направить его на французское каре. При поддержке огня четырех конных орудий Храповицкий несколько раз атаковал пехоту и преследовал ее за Фер-Шампенуаз.

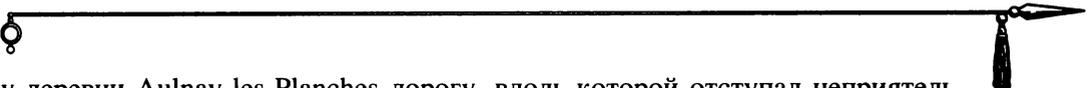
Пройдя деревню, Депрерадович «приказал полку кавалергардскому трубить “апель” и собраться у Фер-Шампенуаза, а его светлости принцу Кобургскому преследовать неприятеля с полком лейб-гвардии Кирасирским Его Величества». Пока шел бой с корпусами Мортье и Мармона, дивизии Пакто и Амэ шли на присоединение к маршалам, чтобы совместно подойти в район С.-Дизие. В 10 часов 30 минут утра, вместо маршалов, обе дивизии столкнулись у деревни Villeseneux с русской конницей. Огромный продовольственный транспорт, конвоируемый Амэ: 200 000 дневных полевых рационов и 80 повозок с боевыми припасами, сильно затруднял и замедлял движение. В деревне Clamanges генералы решили бросить все повозки и спасти только лошадей.

Не успели кавалергарды отдохнуть после атаки, как Депрерадович получил приказание от самого государя: «Сколь можно скорее поспешить с кавалерией 1-й кирасирской дивизии к неприятелю другого корпуса, показавшемуся у нас в тылу». Тогда Депрерадович «в ту минуту поворотил Кавалергардский полк и рысью повел его к месту сражения». Одновременно им было послано приказание принцу Кобургскому идти следом за кавалергардами. По дороге он присоединил к себе 4 орудия 6-й конной роты поручика Пухинского.

Перестроив полк «ан-эшикие», Депрерадович подходил к месту боя, когда «в то самое время, — доносил он, — увидел скачущую расстроенную нашу кавалерию против самого кавалергардского полка и часть французской кавалерии, преследовавшую оную». Тогда «приказал полковнику Уварову атаковать сего неприятеля, который тогда же сим эскадронам уничтожен».

Остатки дивизий Пакто и Амэ, свернувшись в полковые каре, невзирая на предложение положить оружие, продолжали пробивать себе путь штыками, ища спасение в С.-Гондских болотах.

Князь Шварценберг приказал Депрерадовичу перерезать полком путь отступления французам и не допустить их до С.-Гондских болот. Перехватив

у деревни Aulnay-les-Planches дороге, вдоль которой отступал неприятель, Депрерадович направил в атаку дивизион полковника Уварова, эскадрону Храповицкого приказал поддержать атаку, а поручику Пухинскому открыть картечный огонь по каре. Французы встретили атаку кавалергардов картечью из четырех орудий, а пехота открыла «сильный батальный огонь». Эскадроны Уварова замялись, но, поддержанные прочими эскадронами полка, «снова бросились на неприятеля и врубились в пехоту».

Эта атака прекратила храброе, но безнадежное сопротивление французов, и они положили оружие. В середине неприятельских каре кавалергарды встретились с конницей Блюхера.

Несмотря на все эти атаки, полк понес сравнительно малые потери. Убиты корнет А.И. Шепелев, 20 кавалергардов и 78 лошадей. Ранены корнет Н.Н. Петрищев, 57 кавалергардов и 88 лошадей.

Наградами за этот бой полку были 15 серебряных Георгиевских труб. Депрерадович получил золотую шпагу с алмазами, В.И. Каблуков произведен в генералы, полковники Ф.А. Уваров, Е.В. Давыдов, А.Ф. Сталь, эскадронные командиры С.Ф. Колычев, С.П. Ланской и барон Е.К. Арпсгофен и прикомандированный к полку Борисоглебского драгунского полка поручик Подольский награждены Георгиевскими крестами 4-й степени, И.И. Храповицкий — Георгиевским оружием. 30 кавалергардов получили Георгиевские кресты. Кроме того, 2 золотые и 5 серебряных австрийских медалей и 1 золотая и 2 серебряные баварские медали были розданы наиболее отличившимся вахмистрам и унтер-офицерам.

В приказах по полку особенно были отмечены кавалергарды Григорий Кравченко, который «бросился за телом убитого поручика Шепелева и вынул из колонны», Федор Беломорий и Василий Белоненко, которые «спасли корнета Гешева, вытащив его под сильным огнем из-под раненой его лошади» и старший вахмистр 6-го эскадрона Вакула Лященко, который «в атаке на неприятельскую пешую колонну под жестокими выстрелами бросился с неустрашимостью и, врубаясь в оную, жестоко поражал неприятеля; с отличной храбростью бросился на неприятельскую кавалерию и поражал оную с неустрашимостью и, когда она была опрокинута, то вторично бросился под выстрел из трех неприятельских орудий и, выдержав оный, всеми овладел».

Французы потеряли одними пленными более 5 тысяч, в том числе генералов Pauthod, Ameu, Jamin, Delord, Boute и Thevenet, 60 орудий и 350 зарядных ящиков и фур. На следующий день в деревне Connantre, рядом с кладбищен-

ской церковью, при отдании воинских почестей, перед выстроенным полком, был похоронен поручик А.И. Шепелев. Через несколько лет его мать поставила на могиле каменную плиту с надписью: «Ici repose en paix Alexandre Chepeleff, lieutenant au regiment des Chevaliers-Garde de l'Armee Imperiale Russe, tombe au Champs d'Honneur au combat de Fere-Champenoise le 25 mars 1814»⁶³.

17 марта кавалергарды подошли к предместьям Парижа и стали биваком в Шарантоне. На следующий день должна была решиться участь Парижа, но, желая пощадить и жителей, и самый город, император Александр отправил утром шефа кавалергардов Уварова к французскому командованию с предложением временного перемирия.

В 8 утра Уваров подъехал к неприятельским аванпостам у Vert-Galant. Начальствующий в этом районе генерал Компан отказал ему в пропуске, но взялся передать военному министру Кларку письменные предложения союзников. Не получая на них ответ, союзная артиллерия открыла огонь.

Между тем в замке Бонди, где находилась квартира императора Александра, собралась многочисленная свита в ожидании выхода государя. Туда же привели пленного капитана de sapeurs-pompriers Пейра. Император захотел его видеть и долго расспрашивал о настроении жителей Парижа. Затем отпустил его в город и приказал передать французским властям, что он воюет не с Францией, а исключительно с Наполеоном и предлагает городу сдаться.

Вместе с Пейра государь отправил своего флигель-адъютанта кавалергарда М. Орлова. Отпуская его, государь сказал: «Я уполномочиваю вас прекращать огонь повсюду, где вы найдете нужным. Я разрешаю вам, не подвергаясь личной ответственности, прекращать самые решительные атаки и даже приостанавливать победу, чтобы отвратить бедствия городу».

Первая же попытка Орлова завязать переговоры едва не закончилась его пленением. Вслед за этим по всей линии загорелся бой и ядра орудий стали залетать в самый город. К 5 часам вечера французы были выбиты из всех своих передовых позиций и в свою очередь прислали парламентаров.

Тогда государь вторично послал Орлова. На этот раз он был принят маршалом Мармоном, с которым договорился о предварительных условиях пере-

---

⁶³ «Здесь покоится в мире Александр Шепелев, поручик кавалергардского полка Российской императорской армии, с честью павший в бою при Фер-Шампенуазе 14 марта 1814 года» (*франц.*).

мирия: французы очищают все позиции, находящиеся вне городских застав. Огонь всюду прекращается, и назначаются представители для ведения переговоров. С этим известием Орлов возвратился к государю.

В третий раз Орлов был послан к маршалу Мармону. На этот раз с ним поехал граф Нессельроде и адъютант князя Шварценберга граф Парр. Переговоры затянулись, так как французы не соглашались на некоторые условия, в частности о маршрутах для отступления их войск. Нессельроде возвратился к государю, для получения дополнительных указаний. Орлов остался и вместе с маршалом Мармоном поехал в его дворец в Париж.

«Дворец, — говорит Орлов в своих воспоминаниях, — представлял разительную противоположность с улицами Парижа. Он был освещен сверху донизу. Тут собралось множество лиц, которые, казалось, с нетерпением ожидали приезда нашего... Так постепенно прошли передо мною все современные знаменитости Франции и в том числе глава их князь Талейран. Он пробыл в кабинете маршала довольно долго и, выходя, сказал несколько слов присутствовавшим. Воспользовавшись той минутой, что я остался почти один, он подошел ко мне и сказал: “Возьмите на себя труд повергнуть к стопам государя вашего выражение глубочайшего почтения, которое питает к особе его величества князь Беневентский”. “Князь, — отвечал я в полголоса, — будьте уверены, что я непременно повергну к стопам его величества этот бланк”. Легкая, почти незаметная улыбка скользнула по устам князя и, будучи, вероятно, доволен, что его поняли, вышел, не давая виду, что понял меня».

Наконец вернулся граф Парр, ездивший вместе с Нессельроде, и «привез письмо, уполномочивающее нас привести к окончанию великое дело Парижской капитуляции».

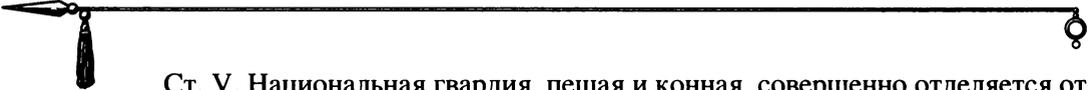
Затем на простом листе почтовой бумаги, в присутствии маршалов Мортье и Мармон, Орловым был составлен проект капитуляции Парижа в 8 статьях.

Ст. I. Французские войска, состоящие под начальством маршалов герцогов Рагузского и Тревизского, очистят Париж 19 марта к 7 часам утра.

Ст. II. Они возьмут с собой всю артиллерию и тяжести, принадлежащие этим двум корпусам.

Ст. III. Военные действия должны начаться вновь не прежде как два часа спустя по очищении города, т. е. 19 марта в 9 часов утра.

Ст. IV. Все военные арсеналы, заведения и магазины будут оставлены в том состоянии, в каком находились до заключения настоящей капитуляции.

Ст. V. Национальная гвардия, пешая и конная, совершенно отделяется от линейных войск. Она будет сохранена, обезоружена или распущена по усмотрению союзников.

Ст. VI. Городские жандармерии разделят вполне участь Национальной гвардии.

Ст. VII. Раненые и мародеры, которые найдутся в городе после 9 часов, останутся военнопленными.

Ст. VIII. Город Париж предается на великодушие союзных государей.

Маршал Мармон прочел эти пункты вслух всем присутствовавшим и сказал, что ничего в них изменять не надо, и поручил полковникам Фавье и Дюсис подписать акт.

Было далеко за полночь, когда Орлов отправился с французскими уполномоченными в замок Бонди. Уполномоченные были приняты Нессельроде, а сам Орлов отправился с докладом к государю.

«Ну, — сказал государь, — что вы привезли нового?» — «Вот капитуляция Парижа, государь». Император прочел переданную ему Орловым бумагу. «Поцелуйте меня. Поздравляю вас, что вы соединили свое имя с этим великим происшествием».

Государь выслушал все подробности составления капитуляции, а также и поручение Талейрана «Теперь это еще анекдот, — сказал государь, — но может сделаться историей».

Ночь с 18 на 19 марта кавалергарды провели у ворот Пантен, где они получили приказание «быть готовыми к 7 часам пополуночи в наилучшей чистоте и исправности для входа в город Париж».

Но и без этого приказания войска приводили свое обмундирование, насколько это было возможно, в наилучшее состояние. Настроение у всех было накануне этого торжественного дня особенно приподнято, и ночи не существовало. К тому же уже до рассвета бивак был полон парижанами, главным образом — парижанками, предлагавшими водку, вино и... самих себя.

Еще с Германии солдаты прозвали вино «вейном», во Франции водку от «boire la goutte» окрестили «бурлагутом», а любовные похождения называли странным словом «трик-трак», и этими тремя удовлетворялись все несложные пожелания солдата на походе.

Ровно в 8 часов утра государь, в черном кавалергардском вицмундире при Андреевской ленте, выехал из замка Бонди. Под ним был серый конь

Эклипс, подарок Коленкура еще в бытность его французским посланником в С.-Петербурге.

Долгожданный день отмщения Москвы наступил. Несметная толпа народа стояла у ворот Пантен. По мере приближения войск к центру города толпа все увеличивалась. Окна, балкона и даже крыши домов и деревья — все было запружено сплошной человеческой массой. Народ кричал, махал платками, бросал цветы под ноги проходивших полков, особенно — русских. Крики «Vive la Russie! Vive Alexandre!» не смолкали во все время прохождения русских полков. Первую ночь войска расположились как попало. На Елисейских Полях, в Булонском лесу и прямо на улицах Парижа.

В тот же вечер государь отправил в С.-Петербург бывшего командира кавалергардов Голенищева-Кутузова курьером с известием о взятии Парижа: «Поспешай, как наиможешь. Обрадуй матушку и жену». 13 апреля пушечные выстрелы с верхов Петропавловской крепости возвестили жителям столицы о приезде Кутузова с радостной вестью.

На следующий день войска были кое-как размещены по различным казармам Парижа и в его окрестностях. Кавалергарды вместе с конной гвადией стали в Ecole Militaire. Депредадович и штаб дивизии — в № 11, rue Madame.

Казалось, что после двух лет боев, тяжелых походов и лишений войска смогут насладиться долгожданным и заслуженным отдыхом. Но на деле вышло иначе. На армию посыпались парады, смотры и разводы, так что «солдату в Париже стало горше и тяжелей, чем на походе». Офицерам было запрещено отлучаться из казарм. Город был оцеплен двойной линией постов. Кроме того, каждый полк в своем расположении высылал круглые сутки патрули и разъезды.

Париж был разделен на три участка, во главе которых были назначены генералы. Расположение полка вошло в участок прусского генерала фон дер Гольца. Генерал-губернатором Парижа был назначен русский генерал барон Сакен, комендантом — русской службы флигель-адъютант государя, французский эмигрант граф Рошешуар. И Сакен и Рошешуар главную цель своего назначения видели в мелочных придирках и притеснениях войск, чем заслужили всеобщую к себе ненависть.

Конечно, после стольких лет походной жизни было трудно сразу окунуться в обстановку казарменной жизни. Тем более что победители Наполеона первые десять дней форменно голодали и для своего пропитания были принуждены захватывать самовольно проходящие транспорты с фуражом и продовольствием. Со временем все это наладилось. Офицерам было разрешено

жить на частных квартирах и носить штатское платье. Каждому ежедневно отпускались кормовые деньги: 3 франка — корнету, 4 — поручику, 5 — штабс-ротмистру, 6 — ротмистру и 10 — полковнику. Государь выдал всей своей Армии полный годовой оклад не в зачет. Таким образом, денег оказалось много, тем более много, что банкиры легко учитывали русские векселя по простому удостоверению командира корпуса, что данное лицо владеет в России недвижимым имуществом.

Центром веселящегося Парижа был Пале-Руайяль с прилегавшими улицами и бульварами. В особенности бульвар des Italiens, на котором к 4 часам собирался весь свет и полусвет Парижа. Кафе Veuve и Tortini и ресторан des Freres Provencaux были излюбленными местами русского офицерства.

Однажды в кафе Veuve вошел кавалергард В.В. Шереметев с целой компанией офицеров. Кафе, как всегда, было полно. Среди присутствовавших были и французские офицеры, заметно навеселе. Завидя вошедшего Шереметева, они направились к нему навстречу с бокалами в руках, предлагая выпить за здоровье Наполеона. На это предложение последовал громкий ответ Шереметева: «Il faut etre un vrai m'enfichiste pour boire a present a la sante de l'Empereur Napoleon. Il fallait mourir en le defendant»⁶⁴.

Среди офицеров полка молодой 16-летний корнет Н.Н. Тургенев отличался необыкновенной силой. В числе прочих своих молодых товарищей он часто посещал гимнастические залы Парижа, среди обычных посетителей которых было всегда много англичан. Как-то раз между ними и русскими зашел спор, кто сильней. Стали пробовать силу на особом аппарате, показывавшем на отдельной шкале силу каждого. Когда очередь дошла до Тургенева, то он не только оттянул рычаг до отказа, но вытянул весь аппарат с его подставкой. Англичане пришли в неопиcуемый восторг и победителя отнесли на руках в ближайшее кафе.

По распоряжению Александра I от кавалергардов был назначен караул в Мальмезон к императрице Жозефине. Они же отдали ей последние почести и несли караул у ее гроба.

Кавалергарды пробыли в самом Париже очень короткое время. 1 апреля они были переведены в Версаль и в ближайшие от него деревни. До них стояли там баварцы и до такой степени грабили население, что последнее,

---

⁶⁴ «Вы, должно быть, подлинные оптимисты, господа, раз взялись выпить теперь за здоровье императора Наполеона. По мне, так он должен умереть в роли обвиняемого» (франц.).

доведенное до отчаяния, обратилось к государю с просьбой пособить их горю. В записках современника Альфреда Лабушера описан приход полка в деревню Jouyen-Josas: «Les premieres troupes Alliees qui arriverent a Jouy en cantonnement regulier, furent les Chevaliers-Garde de L'Empereur Alexandre. lis descendirents un soir dans la vallee precedes d'une tres belle musique. Loges chez les habitants, ils resterent assez longtemps a Jouy. Le colonel Kabloukoff fut installe chez d-r Obercampf et il y vecut tres paisiblement. Les jeunes officiers appartenaient aux premieres families de Russie. Bien, eleves, aimables, ils furent remplis d'obligeance donnerent des serenades aux dames et maintinrent la plus severe discipline. On n'osait tenne se plaindre d'aucune infraction legere»⁶⁵.

9 апреля Государь переехал в Рамбулье. По этому случаю туда было отправлено два эскадрона кавалергардов под командой полковника Каблукова. Производство Каблукова в генералы было отдано в приказе по армии лишь во время обратного пути полка в Россию. Каблукову было приказано, «так как государь император завтрашнего дня изволит быть в Рамбулье, то рекомендуется вашему высокоблагородию взять по сему предмету надлежащие меры. Особенно караул должен быть во всевозможной чистоте и исправности и соблюдать осторожность».

А соблюдение осторожности было необходимо. В густых лесах Версаля и Рамбулье скопилось и скрывалось много шаек французских и союзных дезертиров и приверженцев Наполеона. Часто происходили нападения на отдельных солдат и даже на целые транспорты. Так, 9 апреля в лесу, не доезжая Версаля, кавалергард Никита Паполита был ранен неизвестным в левую руку пулей навывлет, а 28 апреля на двух кавалергардов Шефского эскадрона Сабатюка и Иванова между Версалем и Жуи напали французы и ранили первого — три раза саблей, а второму рассекли бровь.

Версальские уличные мальчишки преследовали кавалергардов криками «Barbares! Ogres russes!» Однажды, когда весь полк был в сборе на Версаль-

---

⁶⁵ «Первые войска союзников, которые прибыли в Жуи для расквартирования, были кавалергарды императора Александра, появлению которых вечером в долине предшествовала дивная музыка. Они расквартировались по местным жителям и оставались там долгое время. Полковник Каблуков проживал мирно у доктора Оберкампа. Молодые офицеры принадлежали к представителям лучших семейств России. Они исполняли добрые серенады для дам в рамках сурово поддерживающейся дисциплины. Местные жители не боялись жаловаться командованию на неприемлимые поступки постояльцев» (*франц.*).

ском плацу, собралась толпа зевак и, по обыкновению, отпускала разные остроты и плоские шутки. Солдаты, не понимая языка, добродушно смеялись. Офицеров это изводило. Наконец, один из них, выведенный из терпения нахальством одного француза, указал на него вахмистру: «А ну-ка, пручи его хорошенько». Вахмистр, атлетического сложения, ловко подскочил к французу, запустил ему в волосы всю свою пятерню и так встряхнул, что француз вмиг оплешивел, а у вахмистра в руках болталось нечто вроде скальпа.

18 мая по случаю заключения мира полк ходил на парад в Париж, а 21-го кавалергарды начали свой обратный поход в Россию. В течение пяти месяцев, день за днем, версту за верстой, совершали они свой путь на Родину.

18 октября, под звон колоколов и криков тысячной толпы, теснившейся на улицах С.-Петербурга, кавалергарды вступили в столицу и вернулись в свои казармы на Захарьевской улице.

В.Н. Звегинцов

Русские артиллеристы. Картинки войны 1812 года

Русская артиллерия веками выработала свой особый взгляд на свое служение в рядах вооруженных сил России. Она выработала свои артиллерийские традиции, свой уклад жизни; свой тип взаимоотношений и даже не только среди офицеров, но и среди солдат-артиллеристов. Русская артиллерия — это особый мирок среди общего мира российских вооруженных сил.

Но дал ли этот мирок что-либо особо полезное и славное для всей армии? Мы думаем, что — да. По нам могут сказать, что «грешневая каша сама себя хвалит». А что говорят другие? Пехота? Конница? Казаки? Еще недавно (впрочем, уж не так недавно, 60—70 лет тому назад) артиллерию ругали вовсю: у них-де и «шкура толста», они-де и «штрипок не носят», они-де «резиновые калоши надевают», они-де «штатские» и «фармазоны»... Но эти разговоры шли (и печатались) в тот бесславный век, когда русская армия переживала «Плевны» и подготавливала «Ляояны» и «Мукдены».

А что было раньше, в век Державного Бомбардира, в век екатерининских орлов, суворовских чудо-богатырей и «нашествия галлов и с ними двенадцати языков»?

Недавно мне довелось прочитать рапорт главнокомандующему князю Голенищеву-Кутузову-Смоленскому генерала от кавалерии Войска Донского атамана графа Платова о действиях вверенного ему корпуса с 13 октября 1812 г. по 6 января 1813 г. За это время корпус Платова имел свыше 26 сражений и захватил 540 пушек, 30 знамен и штандартов и более 70 000 пленных, в том числе более 4000 офицеров и 40 генералов. В огромном рапорте, в кратких выражениях, но чрезвычайно красочно, описан ход всего Платовского похода от Москвы до Данцига. При этом подвиги русской артиллерии и фамилии артиллерийских начальников не сходят со страниц рапорта.

При упоминании первого же дела (13 октября) отмечаются двое особо отличившихся, из них полковник Кайсаров — артиллерист.

19 октября тот же Кайсаров, командуя шестью орудиями, прикрываемыми егерями, составляет центр боевого порядка и снова упомянут отличившимся (в числе трех имен).

В последующие дни противник (корпус Даву) спешно отходит, пытаясь где-либо задержаться, но, «будучи всегда опрокинут искусным действием артиллерии нашей, бывшей под командой храброго полковника Кайсарова, не находит себе нигде пощады».

22 октября Платов доходит до Вязьмы, где объединились в обороне корпуса Мюрата, Нея и Даву. «Егеря приспели к неприятелю поспешно, имея за собой орудия, вступили в дело и заняли высоту, владычествующую над Вязьмой». Французы перешли в наступление, «но открывшиеся батареи наши мгновенно привели неприятеля в замешательство... всюду поражаемые; обратились в бегство — Вязьма занята».

27 октября одержана победа на реке Воль и захвачено 23 орудия: «При сем случае командовавший шестью орудиями... войсковой старшина Кирпичёв искусным и скорым действием сбил неприятельскую батарею, на противной стороне реки Воль бывшую, и тем много способствовал к оставлению неприятелем вышеупомянутых 23-х орудий».

28 октября «при занятии Зеленихи неприятель был опять поражен действием орудий Донской Конной артиллерии и егерями 20-го полка, под начальством известного полковника Кайсарова, где в бою взято им 2 орудия и более тысячи человек».

Дальше, «до самого Смоленска неприятель тесним был с флангов донскими полками, но в авангарде полковник Кайсаров, с егерями и артиллерией, на всяком шагу выбивал его из позиций и деревень... и поражал столь сильно и

упорно, что, вытеснив его ночью из укрепления, бывшего в трех верстах впереди форштадта (предместья Смоленска), отняв последние орудия, допустил едва тысяче человек...» отойти в город.

В начавшемся большом сражении за Смоленск Кайсаров с артиллерией, егерями и казачьими стрелками играет огромную роль. Он первым атакует в авангарде, нанося удары на оба фланга противника, а в центре, оставляя одну артиллерию, ведет огонь по различным целям и т. д. В заключение, когда противник устремился (бежал), чтобы укрыться за крепостными воротами, то артиллерия наша уже оказалась «на возвышениях у самого форштадта» и «его истребляла». После Смоленска полковник Кайсаров командует уже «сильным отрядом», к которому присоединяются четыре пехотных полка. Он умудряется несколько раз обогнать главные силы неприятеля и загроживать ему пути отхода... Но это уже не артиллерия, а артиллерист, возглавивший значительные силы из всех родов войск.

Наконец, последние крупные бои у Почуленки (на Немане). Здесь выдвигается другой артиллерист, генерал князь Кудашев. В первый день он командует, и весьма удачно, массированной артиллерией. Затем на артиллерийский участок подходят три кавалерийских полка: Житомирский и Арзамасский драгунские и Ольвиопольский гусарский, и князь Кудашев, «командуя оными», «напал» на противника и «истребил в один час».

Таково свидетельство об артиллерии и артиллеристах времен Отечественной войны со стороны славнейшего кавалериста и казака того времени.

Дух, предприимчивость и твердость артиллерии той эпохи сохранились и до времен Первой мировой и Гражданской войн. Этого духа не понимали, над ним смеялись в эпоху упадка. Но его опять поняли в наши дни, т. е. 50 лет тому назад.

Б.Н. Сергеевский

Смотр российских войск под Вертю 26 и 29 августа 1815 года

Перед возвращением русской армии на родину государю императору Александру I было угодно сделать общий смотр русским войскам, находившимся во Франции в числе более 150 тысяч человек. Для смотра избрали

*Портрет Александра I.
С рисунка Сен-Обера*

необозримую равнину, прилегающую к городу Вертю, в Шампаньи, среди которой возвышалась небольшая гора, как бы нарочно насыпанная для того, чтобы с нее лучше можно было видеть движения многочисленной армии.

Войска наши собрались на этой равнине к 20 августа 1815 года, а 25-го в Вертю приехал государь император. Смотр был назначен на 29-е число, после которого должны были совершиться молебствия и церковный парад перед походом домой.

По строевому рапорту к 25 августа в рядах русских войск, собранных для смотра, было: 87 генералов, 4413 штаб- и обер-офицеров и 146 054 унтер-офицера и солдат при 540 орудиях. Командовать такими массами для одновременности действия было невозможно, почему сигналы для исполнения команд подавались пушечными выстрелами.

Император Александр I, освободивший Европу от Наполеона, хотел представить свою победоносную армию своим союзникам. Все государи, главно-

командующие союзными армиями и масса всяких иностранцев были приглашены к смотру, а потому, желая, чтобы войска показали себя молодцами, государь назначил на 26 августа репетицию парада, где сам подавал команды. С восходом солнца в этот день войска выстроились на назначенных им местах: 3-й корпус ген. Дохтурова, 4-й корпус ген. Сакена и 5-й корпус ген. Раевского с их кавалерией стали в первой линии, за серединой их поместились гренадерский корпус ген.-лейт. Ермолова и 7-й пехотный корпус, имея кавалерию по флангам, а артиллерия стала при своих дивизиях.

В 6 часов утра на горе собрались уже все русские начальники, не бывшие в строю. Вид громадного поля, на несколько верст покрытого густым строем войск, был так грандиозен, что все невольно молчали, как бы боясь нарушить и мертвую неподвижность всего окружающего.

Но вот раздался выстрел, возвестивший войскам прибытие государя на гору. Яркое солнце мгновенно блеснуло на штыках ружей, и, как один человек, вся армия взяла ружья «на плечо». Грянул второй выстрел, войска сделали «на караул», и громкое, протяжное и раскатистое «ура» полилось по рядам и на далекое пространство огласило всю окрестность. Заиграла музыка и трубы, загремели барабаны.

По третьему выстрелу полки вновь взяли «на плечо» и построили батальонные колонны, а по четвертому — вся масса войск начала строить одно необозримо-громадное каре, три стороны которого состояли из пехоты, а четвертая из конницы. Перед одним фасом каре выстроились 10 батарей конной артиллерии. Государь в это время спустился с горы, объехал при громких, радостных кликах «ура» все каре и, остановясь посредине его, стал пропускать войска церемониальным маршем.

Впереди всех шли гренадеры, причем оба батальона каждого полка, построенные в густую взводную колонну, следовали один возле другого, имея знамена впереди. За каждой пехотной бригадой шла принадлежащая ей артиллерия, за гренадерами проходили армейские пехотные полки, конница и резервная артиллерия. Первою бригадой 3-й гренадерской дивизии — Астраханский и Суворовский полки — командовал его императорское высочество великий князь Николай Павлович, впоследствии император Николай I. После церемониального марша государь возвратился опять на гору, а войска стали в тот же порядок, как и для встречи его величества. По новому пушечному выстрелу они опять сделали «на караул», и снова загремели музыка и барабаны, и снова радостное «ура» наполнило воздух.

Этот смотр, по количеству войск в нем участвовавших, остается и до нашего времени, когда команды подаются через громкоговорители, а вертолеты управляют расположением войск на парадном поле, единственным во всей военной истории. Можно сказать, что ни ранее того, ни позже ничего подобного не было и количество участвовавших войск в последующих парадах XIX века, а также и нашего столетия никогда не достигало 150 000 человек. Очевидцы единогласно писали в своих воспоминаниях, что точность, с которою выполнялись ружейные приемы и все построения, опрятность и щеголеватость одежды, блеск оружия были поразительны и превзошли самые смелые ожидания. При построении каре некоторым полкам приходилось проходить до 3 и даже 4 верст, кавалерия неслась в карьер, но порядок ни в чем не был нарушен. На церемониальном марше из 107 000 пехоты ни одна часть не сбилась с ноги!

Государь был так доволен репетицией, что промолвил: «Я вижу, что моя армия первая в свете. Для нее нет ничего невозможного и по самому наружному ее виду никакие войска не могут с нею сравниться». Слезы гордости выступили у генералов и офицеров, окружавших государя, при этих словах, и многим невольно припомнилось, что в этот день — 26 августа — исполнилось ровно три года со дня Бородинского сражения. Тогда села и города русские от Немана и до берегов Москвы-реки пылали в зареве пожаров и кровь русских воинов текла ручьями. Франция, победившая всю Европу, взяла ее с собою и привела в Бородино. При Бородине состоялась битва народов. Россия не сокрушилась под ударами соединенной Европы. И вот русские в годовщину Бородина торжествовали славу своей победы на французской земле, знамена русские развевались на равнинах Шампаньи, и эхо французских гор — за нашими полками вслед — кричало наше русское победное и радостное «ура»...

29 августа смотр происходил в том же порядке, как и 26-го, с тою лишь разницею, что в числе зрителей были император австрийский, король прусский, все главнокомандующие союзными армиями и много, много заслуженных боевых генералов. На церемониальном марше государь лично предводительствовал армией, салютуя союзным монархам. Когда, после церемониала, монархи и все присутствовавшие вновь въехали на гору, открылась пушечная и ружейная пальба. В течение 12 минут сотни пушек и тысячи ружей изрыгали гром и молнию, воздух наполнялся дымом, армия мало-помалу скрывалась и, наконец, совершенно исчезла в густых облаках его.

Иностранцы с изумлением смотрели на густые ряды войск, проходивших мимо них в замечательном порядке, и Веллингтон, один из лучших полководцев того времени, говорил, что он «никогда не воображал, что армию можно довести до такого громадного совершенства». Хвалил безукоризненную дисциплину русских войск и Шатобриан, писавший, что Франция ожидала увидеть варваров, но варвары эти дали Европе пример дисциплины, опрятности, а в поступках их императора и благородства.

Веллингтон с таким напряженным вниманием следил за всем происходившим на параде, что заметил даже, что в одном кавалерийском полку недоставало эскадрона. Видя в Париже 3-ю гренадерскую дивизию, он думал, что люди в ней подобраны со всей армии. Другой генерал говорил, что смотр в Вертю — это «урок, данный российским императором прочим народам».

30 августа, в день Александра Невского, тезоименитства государя, на том же самом поле высились, по числу корпусов, семь походных церквей-палаток, конница без лошадей и пехота без ружей окружили их. Туман закрывал войска. В 8 часов прибыл государь. В то же время туман рассеялся. Началось молебствие. Государь и все воины преклонили колена.

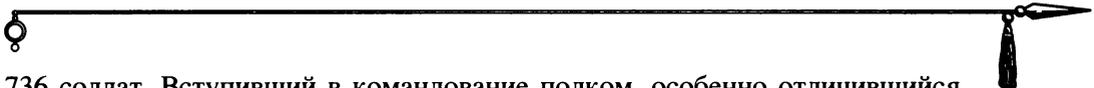
Когда иностранцы разъехались из Вертю, государь лично выбирал людей в гвардию и гренадеры, награждал и благодарил войска за мужество в кровопролитных битвах многотрудных походов 1812, 13, 14 и 15-го годов и затем приказом своим повелел им выступить из Франции в Россию.

В первых числах сентября российская армия тронулась в обратный поход к пределам своего отечества.

Ю.Н. Солодков

Лейб-гвардии Московский полк

Лейб-гвардии Литовский (впоследствии Московский) полк был сформирован в С.-Петербурге 7 ноября 1811 г. из 2-го батальона лейб-гвардии Преображенского полка и из отборных офицеров и солдат других гвардейских, гренадерских и армейских полков. Полку были присвоены права Старой гвардии. В следующем году полк с отличием участвовал в Отечественной войне 1812—1814 гг. и в походах за границу, вплоть до взятия Парижа. В Бородинском бою, 26 августа 1812 г., полк потерял командира полка, флигель-адъютанта полковника Удома, всех штаб-офицеров, 35 обер-офицеров и

736 солдат. Вступивший в командование полком, особенно отличившийся, командир III батальона полковник Шварц принял полк, но был смертельно ранен. Полк, совместно с лейб-гвардии Измайловским полком, отбил все атаки кавалерии Мюрата, не уступив ни пяди земли. В ознаменование подвигов полка в Отечественную войну император Александр повелел бывшему лейб-гвардии Литовскому полку с 12 октября 1817 г. именоваться впредь лейб-гвардии Московским полком.

По материалам журнала «Военная быль»

Белорусские гусары

В 1805 г., через два года по сформировании, Белорусский полк был двинут в Молдавию на театр войны с Турцией. Лихие дела под Бухарестом, Турбагом, Журжею и особенно под Измаилом под командой ген. гр. Голенищева-Кутузова положили начало боевым подвигам новосформированного полка. 10 октября 1809 г. в сражении под Татарицами, под командой фл. ад. полк. Ланского, полк атаковал превосходящие силы турок, опрокинул их и взял два знамени. После гр. Голенищева шефом полка был назначен ген. Кульнев, с которым полк 5 мая 1810 г. перешел Дунай и принял деятельное участие в сражениях под Бумлою, Беле и Братине, во взятии Никополя и Рущука. В 1811 г. шефом полка за боевые отличия был назначен ген.-м. Ланской, кавалер ордена Св. Георгия 3-й степени.

1812 г. Белорусские гусары перешли с армией адм. Чичагова в Польшу и отличились в бою при Любомле (17 сентября).

В кампании 1813 г. полк участвовал в сражениях под Люценом, Бауценом и Лейпцигом и особенно отличился под Кацбахом, где лихой атакой на левом фланге корпуса ген. Макдональда Белорусский полк, совместно с Ахтырским, под личной командой своего шефа ген. Ланского, опрокинул французскую кавалерию и смял пехоту левого фланга, за что и был удостоен знаков отличия на шапках с надписью «За отличие 14 августа 1813 года».

В 1814 г. полк отличился в сражении при Фер-Шампенуазе.

За участие в кампании 1812—1814 гг. полку были пожалованы 22 серебряных трубы с надписью «Белорусскому гусарскому, что ныне принца Оранского, за отличное мужество и храбрость в достопамятную кампанию 1814 года оказанные».

С 1812 до 1815 г. полком командовал полк. Данилович; 5 марта 1816 г. Шефом полка был назначен принц Оранский.

По материалам журнала «Военная быль»

Французы вспоминают тверских драгун

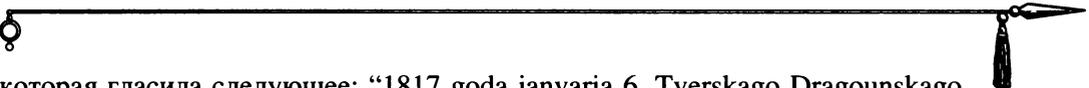
20 августа 1933 года в газете «Le Petit Rethelois», издающейся в г. Ретель (главный город департамента Арденн, во Франции), была помещена статья под заглавием «Une inscription a la memoire d'un officier russe. Enterre en 1817»⁶⁶.

Как известно, Тверской драгунский полк был дважды во Франции. Переправившись через Рейн в декабре 1813 года, тверцы в составе Силезской армии участвовали в первых боях кампании 1814 года при Бриенне, Ла-Ротьере и Монмирай. У селения Краон русская кавалерия восемь раз бросалась в атаку, выручая нашу пехоту. За это сражение командир полка получил орден Св. Владимира 4-й степени. У села Эюори, близ Фер-Шампенуаза, император Александр I лично руководил атакой каре двух пехотных дивизий. Командир полка награжден вторично, награждены и другие офицеры, а вахмистр Войтенко произведен в офицеры. Полк участвовал в блокаде Венсенского замка. Затем стоянки его были — Венсенский замок, село Варред (вблизи Мо) и окрестности Реймса. В начале августа 1814 года полк вернулся в Россию.

Вследствие возвращения Наполеона с Эльбы полк вторично пришел во Францию, в июле 1815 года, и в составе корпуса графа М.С. Воронцова (согласно постановлениям второго Парижского конгресса, корпус этот оставался во Франции для обеспечения ее внутреннего спокойствия) пробыл там до осени 1818 года, т. е. до решения Аахенского конгресса о выводе союзных войск из пределов Франции. В этот период стоянки полка были местечко Брие, а затем — город Ретель, откуда полк и выступил обратно в Россию.

В указанной выше газетной статье говорится о том, что «еще несколько лет назад можно было видеть надгробную плиту, на которой была выгравирована надпись на русском и французском языках. Плита эта помещалась у входа в дом Леона-Валлиен. Пять лет тому назад (т. е. в 1928 году) при перестройке дома плита эта была разбита рабочими. Хозяин дома собрал разбитые куски плиты и, вместе с другими обитателями, восстановил надпись,

⁶⁶ «Памятная надпись о русском офицере. Похоронен в 1817» (франц.).

которая гласила следующее: “1817 goda janvaria 6. Tverskago Dragounskago polka Paroutchikou Inozemtsovou ot drouzey ego sotovaritchey pamiatnik”».

Газета описывает пребывание тверцов в Ретеле и описывает трагическую гибель двух молодых офицеров.

«Семьи господ Анри Домбио и Анри Гиф, обосновавшиеся в нашем городе в начале прошлого столетия, хранили воспоминание о трагических и романтических обстоятельствах смерти молодого офицера. После Ватерлоо русский оккупационный корпус оставался в Ретеле до 1 ноября 1818 года. В отношении наших граждан иностранцы держались корректно и уважали их имущество. Памятная медаль была поднесена генералу Воронцову от жителей Ретеля как знак благодарности граждан Ретеля и Визиера за дисциплину, которую генерал поддерживал в своем войске. Один экземпляр этой медали хранится посейчас в городском музее. Мало-помалу самые сердечные отношения установились между русскими и французами. Офицеры организовывали празднества и балы, на которые приглашали наших дам и девиц, восхищенных элегантными кавалерами полка “de Dragons de Tver”⁶⁷, “одного из наиболее знаменитых и аристократических из всей России”.

К сожалению, на почве романтических интриг и соперничества произошло печальное событие, приведшее к трагической развязке. Лейтенант Иноземцев “descendant de l’aristocratie russe”⁶⁸ и один из его товарищей влюбились в одну молодую и красивую француженку. Их соперничество завершилось дуэлью. Оружием были избраны “sabres de combat”⁶⁹. “...les deux adversaires se precipitant l’un sur l’autre, se transpercent mutuellement et resterent morts sur le terrain”⁷⁰.

Так как их не могли похоронить на католическом кладбище, то тела их были преданы земле на участке, который впоследствии был пожертвован его владельцем г-м Нобель городу.

Надгробный памятник противника Иноземцева был настолько разрушен, что надпись на нем не представлялось возможности восстановить».

Статья подписана *Доктор М.*

По материалам журнала «Военная быль»

---

⁶⁷ «Тверские драгуны» (франц.).

⁶⁸ «Потомок русской аристократии» (франц.).

⁶⁹ «Сабли» (франц.).

⁷⁰ «...два соперника скрестили сабли друг с другом, пока один из них не пал за-
мертво на землю» (франц.).

4-й Мариупольский гусарский императрицы Елисаветы Петровны полк

С восшествием на престол императора Александра I наименования полков по именам их шефов были отменены, и 31 марта 1801 года гусарский генерал-майора Мелиссино полк принял названия «Мариупольский гусарский полк» и вошел, совместно с Тверским кирасирским, в Украинскую инспекцию. 16 мая 1803 года из полка выделены два эскадрона на формирование Одесского гусарского полка (впоследствии лб.-гв. Уланский Ее Величества и лб.-гв. Конно-гренадерский полки) и взамен их образованы новые.

Наступает период войн с Наполеоном, и уже в кампанию 1805 года мариупольцы отправляются в поход. 13 августа полк выступает из м. Радзивилов в составе колонны генерал-лейтенанта Дохтурова и с армией генерала Кутузова, через Броды и Тешен, следует по Австрии. 19 октября участвует в деле у Ламбаха и 24-го в отряде Милорадовича у Амштетена. Здесь полк потерял убитым подполковника Ребиндера. В деле у Кремса два эскадрона мариупольцев находились в отряде Милорадовича и два эскадрона — в колонне Дохтурова. 20 ноября, в день Аустерлицкого сражения, мариупольские гусары вместе с павлоградцами находились на правом фланге нашей армии (у Раузница) в отряде кн. П.И. Багратиона, действуя против маршала Ланна. Согласно выписке из списка отличившихся в сражении при Аустерлице, был награжден орденом Св. Владимира 4-го класса ротмистр князь Голицын, Мариуполец, который «с эскадроном, ему порученным, храбро кидался на неприятельскую колонну и, стремление ее на наш фланг удержав, опрокинул и во все время сражения поступал отлично; напоследок, будучи в сильной атаке, врезавшись во фланг неприятеля, ранен и, когда под ним убита лошадь, взят в полон». В день Аустерлицкого сражения Мариупольский полк понес следующие потери убитыми и без вести пропавшими: 1 штаб-офицер, 13 обер-офицеров, 5 унтер-офицеров, 136 рядовых и 253 строевые лошади. С окончанием войны Мариупольский полк возвратился в Россию, став на квартиры в Подолии.

4 мая 1806 года, при учреждении 13 дивизий, Мариупольский гусарский полк вошел в состав 9-й дивизии вместе с Глуховским кирасирским и Новороссийским драгунским полками. 2 декабря у нижних чинов гусарских полков отменены косы и локоны и повелено стричь волосы под гребенку, а

Казак Сибирского линейного казачьего
войска 1808—1812 гг.

Унтер-офицер лейб-гвардии Конного
полка 1808—1809 гг.

Гусарский офицер эпохи Наполеоновских
войн. Художник Л. Киль. 1815 г.

Штаб-офицер Псковского кирасирского
полка. Художник Л. Киль. 1815 г.

Партизаны следят за французами. Акварель неизвестного худ. XIX в.

Английская карикатура о войне русских и французов

Командиры партизанских отрядов эпохи войны 1812–1814 гг.:
А.С. Фигнер, Д.В. Давыдов, И.С. Дорохов, А.И. Чернышев,
Ф.К. Тетенборн, А.Н. Сеславин

Бой под Малоярославцем 24 октября 1812 г. Художник П. Гесс. 1840 г.

Бегство Наполеона из России. Гравюра XIX в.

Ретирада Наполеона из Москвы на зимние квартиры.
Сатирический рисунок. 1912 г.

Казачий спорт, или охота Платова после французской игры. Карикатура. 1813 г.

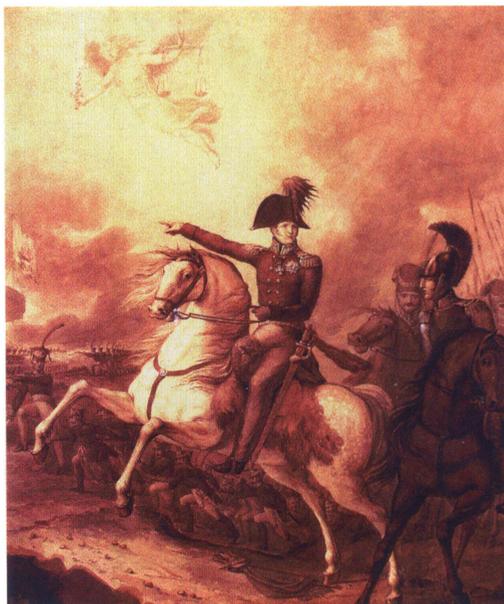
Первый шаг Александра I за пределы России. Медальон Ф.П. Тостого. 1824 г.

Лейб-гвардии конный полк в сражении при Фершампенуазе 13 марта 1813 г.
Художник Б.К. Виллевалде. 1891 г.

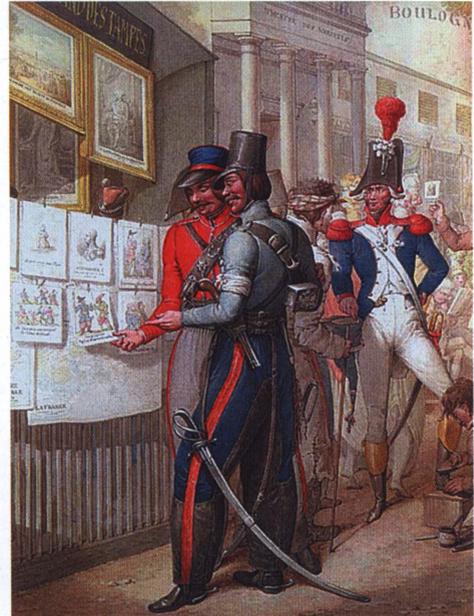
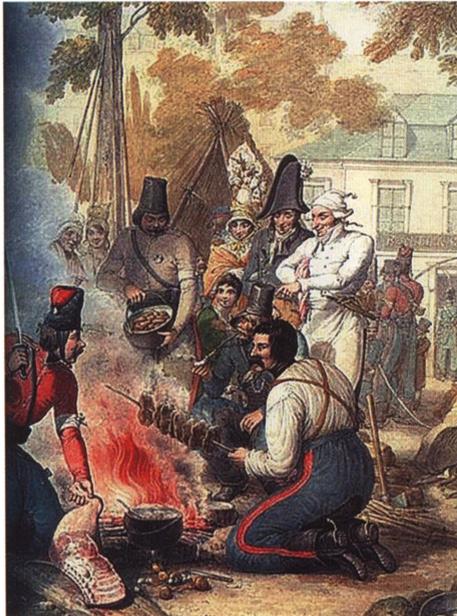
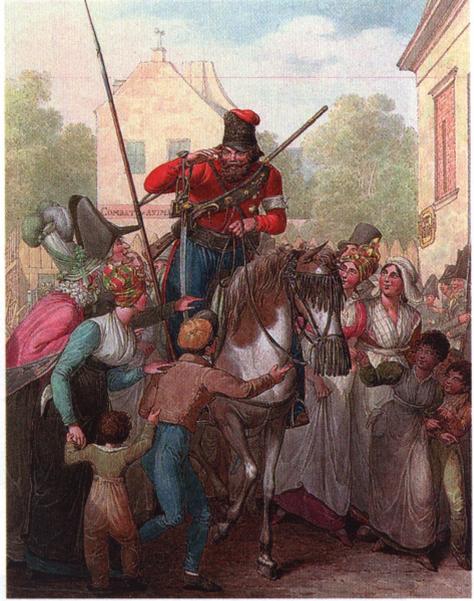
Медаль «За взятие Парижа
14 марта 1814 г.»

Вступление императора Александра Первого
в Париж. Картина неизвестного художника
1810-х гг.

Александр I под стенами Парижа. Рисунок 1814 г.

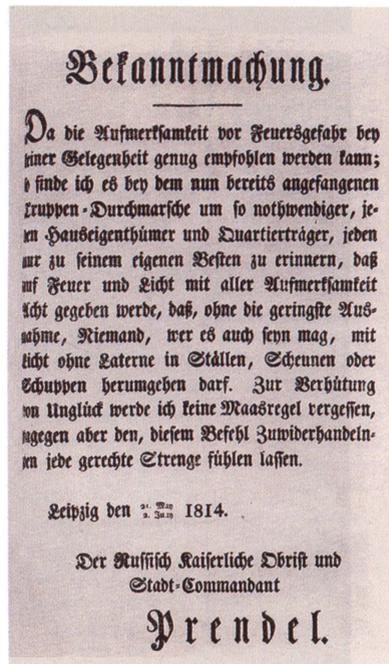
Казачи в Париже. Акварели Г.Э. Опица. 1814 г.

Сражение под Лейпцигом 6 октября 1813 г. Художник В.И. Мошков. 1815 г.

Командант Лейпцига В.А. Прендель.
Художник К.А. Зенф. 1813–1814 гг.

Одно из распоряжений В.А. Пренделя
в качестве коменданта Лейпцига. 1814 г.

Настольная медаль в честь заключения союза между Россией и Пруссией, направленного против Франции. 1813 г.

Медаль «За храбрость»

Настольная медаль в память битвы при Лейпциге. 1813 г.

Сражение при Кульме 17–18 августа 1813 года.
Художник А. Коцебу

Кульмский крест

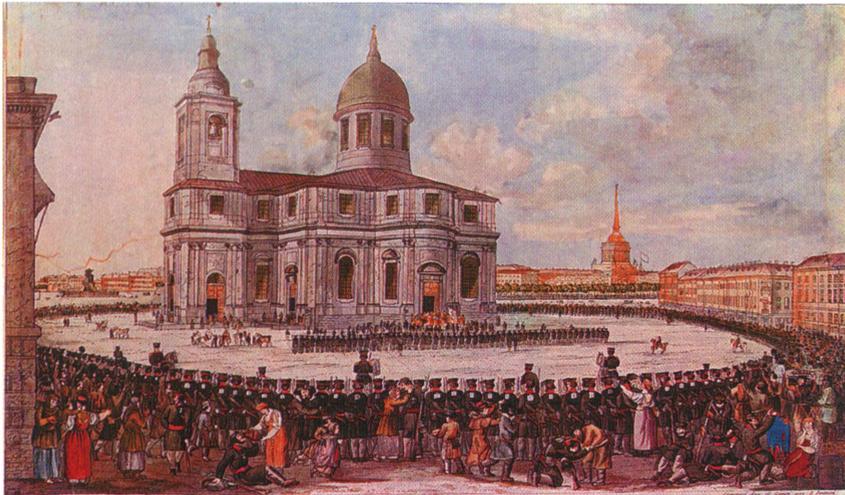
Некоторые военачальники русской армии, награжденные Кульмским крестом: генерал-майор К.И. Бистром (1-й), генерал от инфантерии и артиллерии А.П. Ермолов, генерал-лейтенант барон Г.В. Розен (1-й), генерал от инфантерии граф М.А. Милорадович, полковник лейб-гвардии Конного полка Х.Ф. Сольдаен, полковник лейб-гвардии Конного полка граф А.С. Апраксин

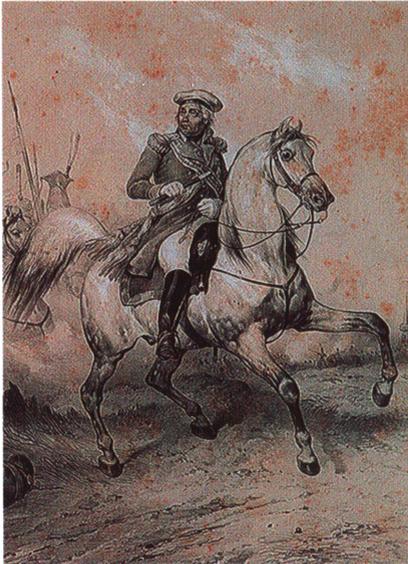
Возвращение ратника в свое семейство. Художник И.В. Лучанинов. 1815 г.

Медаль Земскому войску

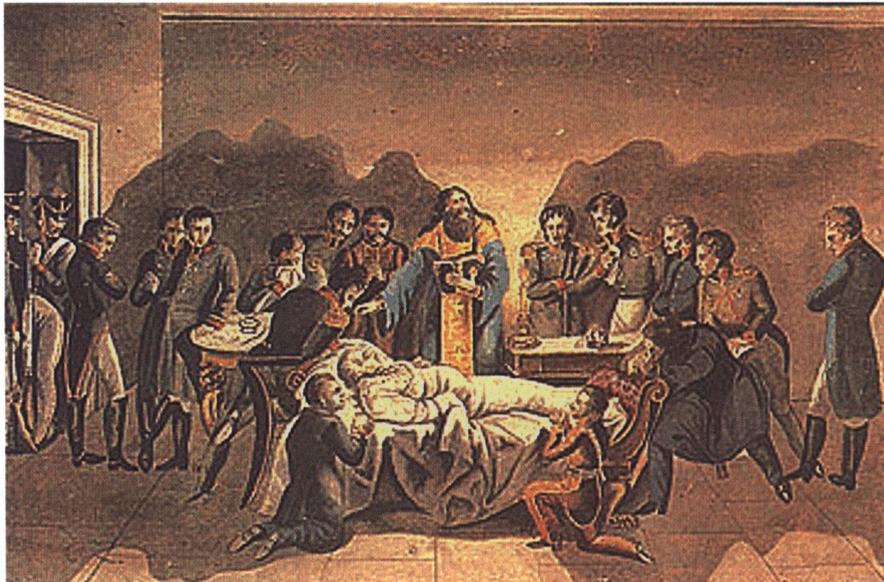
Торжественное возвращение Петербургского ополчения на Исаакиевскую площадь. Гравюра И.А. Иванова. 1816 г.

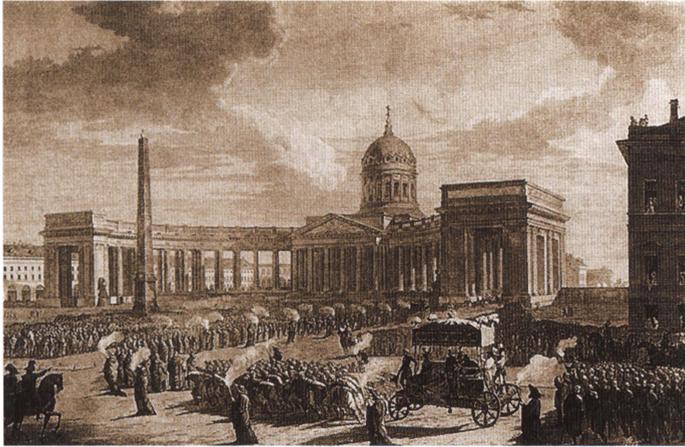
М.И. Кутузов на коне. Гравюра XIX в.

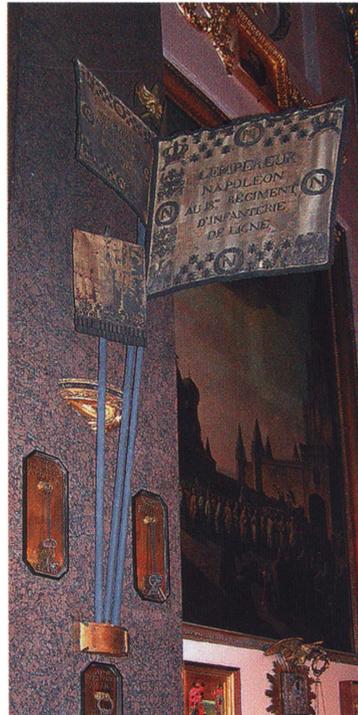
М.И. Кутузов в мундире полковника.
Портрет 1780 г.

Кончина М.И. Кутузова в штаб-квартире в Бунцлау 16 апреля 1813 г. Литография XIX в.

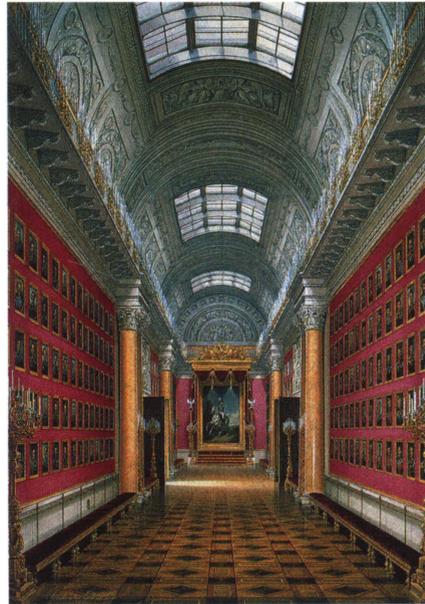
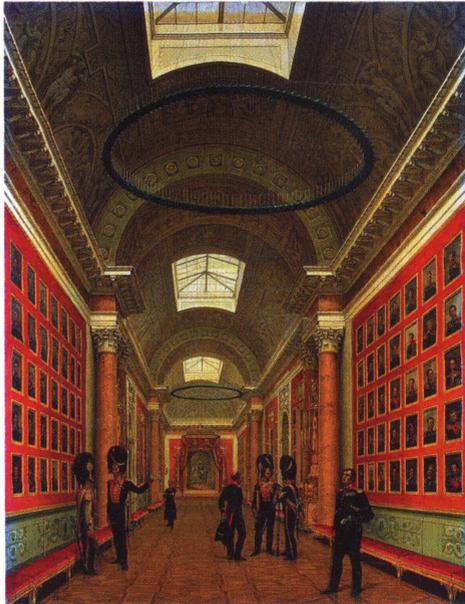
Казанский собор. Похороны М.И. Голенищева-Кутузова.
Гравюра М.Н. Воробьева. 1814 г.

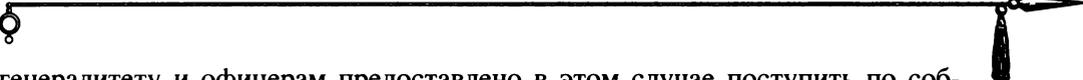
Гробница М.И. Кутузова с знаменами и штандартами, отбитыми у наполеоновской армии. Казанский собор. Санкт-Петербург

Посещение Александром I мастерской Дж. Доу в Эрмитаже. Гравюра И. Беннета по оригиналу А.Е. Мартынова. 1826 г.

Военная галерея 1812 года в Зимнем дворце, изображенная художниками Г.Г. Чернецовым и Э.П. Гау в 1860-х гг.

генералитету и офицерам предоставлено в этом случае поступить по собственному произволу.

В 1806 году возобновились военные действия, и Мариупольский полк в декабре этого года перешел с берегов Днестра к Бресту, где сосредоточен был корпус генерал-лейтенанта Эссена, имевшего задачу оборонять пространство между Брестом и Гродно. В начале 1807 года мариупольцы приняли участие во всех делах отряда генерал-лейтенанта князя Волконского, который действовал против французов у Остроленки, а в феврале того же года два гусарских полка — Мариупольский и Ахтырский — поступили под начальство генерал-майора графа Витгенштейна, которому генерал Эссен поручил наблюдать за французами на правом берегу Нарева.

29 октября 1808 года шефом Мариупольского гусарского полка был назначен генерал-майор барон Егор Иванович Меллер-Закомельский — сын генерал-аншефа барона И.И. Меллер-Закомельского, убитого в 1789 году при взятии Килии. Вместе со своим новым шефом мариупольцы в 1810 году совершают поход в Австрию (командиром полка в это время был полковник Клебек). Когда эта «бескровная война» окончилась, полк из Галиции вернулся в Россию.

В 1810 году приказом императора Александра I была переведена в Мариупольский гусарский полк известная девица — кавалерист Надежда Дурова, под фамилией корнета Александрова. Начиная с 1806 года она служила в кавалерии, участвовала во многих боях и заслужила знак отличия Военного ордена. Будучи раненной, она оказалась в госпитале, где и открылось, что она — женщина. Об этом случае было доложено государю, который заинтересовался ею, пожелал ее видеть лично и затем разрешил ей остаться в армии с переводом в Мариупольский гусарский полк. В Великую войну 1812 года она снова отличается и становится известной всей России. После Бородина она была произведена в поручики и назначена ординарцем к Кутузову. Дослужившись до чина штабс-ротмистра, она вышла в отставку.

За период от 1810 до 1812 года в судьбе полка произошли некоторые перемены: 28 октября 1810 года из полков армейской и гвардейской кавалерии составлены были дивизии и бригады, и Мариупольский полк причислен был к 7-й пехотной дивизии 2-го корпуса. 12 октября 1811 года Мариупольский гусарский полк совместно с Сумским гусарским образовали 2-ю бригаду 3-й кавалерийской дивизии. Того же числа были выделены офицеры и нижние чины на сформирование Новгородского кирасирского, впоследствии

*Поручик Литовского уланского полка
А.А. Александров (Н.А. Дурова)*

10-го драгунского полка. 14 марта 1812 года из запасных и резервных эскадронов повелено было составить восемь новых кавалерийских дивизий; на формирование 10-й кавалерийской дивизии Мариупольский полк выделил часть людей, совместно с Курляндским, Оренбургским и Иркутским драгунскими и Сумским гусарским. 2 мая того же года Мариупольский гусарский полк вошел в состав 3-го резервного кавалерийского корпуса, совместно с Оренбургским, Сибирским и Иркутским драгунскими полками.

Когда настал 1812 год, Мариупольский полк входил в состав 1-й Западной армии генерала Барклая де Толли и в 3-й кавалерийский корпус генерала графа Палена, части которого были сосредоточены в Виленской губернии у Лиды. Вместе с армией мариупольцы совершают отход на Ошмяны — Сморгонь — Свенцяны и 20 июня прибывают в Дрисский укрепленный лагерь.

Командовал в это время мариупольцами полковник князь Иван Михайлович Вадбольский (1781—1861), служивший в обер-офицерских чинах в лб.-гв. Конном полку, в котором был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени

и золотую саблю. Вся боевая деятельность мариупольских гусар в войнах 1812—1814 годов неразрывно связана с именем этого лихого командира. Под его командованием полк участвует в ряде арьергардных боев — у Ошмян, при Козянах (здесь из полка, находившегося на аванпостах, выбыло из строя 40 гусар), Бешенковичах, у Полоцка и Витебска. После сражения у Смоленска Мариупольский полк входит в состав корпуса графа Орлова-Денисова и, когда корпус этот прикрывает отход нашей армии, участвует в деле у Лубны. Здесь, по «Описанию Отечественной войны 1812 года» А. Михайловского-Данилевского, «атака Мариупольского гусарского полка и казаками была произведена с полным успехом и пехота французская изрублена на месте».

Во время движения арьергарда армии от г. Вязьмы до с. Бородина 23 августа Мариупольского гусарского полка майор Лесовской отважно и с успехом выполнил данное ему поручение с 6 эскадронами командуемого им полка атаковать «несравненно превосходнейшую неприятельскую кавалерию под личным предводительством вице-короля италийского, что самое остановило и прочие силы неприятеля», за что награжден орденом Св. Георгия 4-й степени (приказ генерал-лейтенанта Коновницына).

24 августа, в Бородинском бою, мариупольские гусары снова находились в 3-м кавалерийском корпусе генерал-адъютанта барона Корфа, заменившего заболевшего графа Палена. Корпус этот занимал центр нашего расположения и стоял сзади пехотного корпуса Дохтурова, как раз напротив Бородин. Когда около 10 часов утра войска маршала Нея завладели нашими флешами, наша пехота при содействии полков Мариупольского и Сумского гусарских, Курляндского и Оренбургского драгунских, «не обращая внимания на жестокий огонь неприятельских батарей, опрокинула французов и вытеснила их из флешей» (историк М. Богданович).

К полудню, когда неприятель обратил свои усилия на наш левый фланг и французская кавалерия стала окружать нашу пехоту, командир корпуса барон Корф приказал генерал-майору Дорохову произвести конную атаку. Дорохов выполнил этот приказ блестяще: «Выстроясь немедля, ударил он поспешно с Оренбургским драгунским полком в середину, а с Мариупольским гусарским и Курляндским драгунским во фланг неприятельской кавалерии, которая быстротой сей атаки была опрокинута и прогнана до самых их батарей» (рапорт генерал-адъютанта барона Корфа от 9 сентября 1812 года).

Участвовали мариупольцы и в конной атаке, когда кирасиры и уланы Латур-Мобура были брошены на наш центр, где завязался упорный бой и

атаки следовали одна за другой. Здесь был ранен картечью в голову командир мариупольцев князь И.М. Вадбольский. Рана, полученная им, не была опасна и не помешала ему вернуться в свой полк уже после оставления нами Москвы. Когда начали действовать наши партизанские отряды, князю Вадбольскому было поручено начальствовать над одним из таких отрядов, составленным из мариупольских гусар и казаков. Его отряд с успехом действовал между Можайском, Москвою и Тартутином. Когда Дорохову было поручено взять г. Верею, отряду князя Вадбольского было приказано присоединиться к отряду Дорохова и состоять в его команде. На рассвете 28 сентября Верея была взята приступом. Из регулярной кавалерии в этом славном деле участвовали Мариупольский полк и четыре эскадрона елисаветградских гусар.

19 октября Мариупольский полк был назначен в отряд генерал-майора Ожаровского, который вел малую войну, нападая на неприятельские транспорты и мелкие отряды. Затем, войдя в состав авангарда Милорадовича, мариупольцы приняли участие во всех делах этого авангарда, а также в больших сражениях при Малоярославце, Вязьме и Красном. В бою под Вильно 5 декабря 1812 года унтер-офицером Мариупольского полка Пономаренко был захвачен «орел» 9-го кирасирского полка (находится в Эрмитаже).

3 января 1813 года Мариупольский гусарский полк был переформирован в шесть действующих эскадронов и один запасный. 13 апреля «за мужество и храбрость, оказанные в Отечественную войну», полку было пожаловано 27 серебряных труб с надписью «Мариупольскому полку за отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России 1812 года» (Высочайшая грамота 4 июля 1826 года).

При новом распределении полков по дивизиям (27 декабря 1812 года) Мариупольский полк вошел в состав 2-й гусарской дивизии (полки Мариупольский, Александрийский, Ахтырский и Белорусский). В составе этой дивизии мариупольцы совершили походы 1813 и 1814 годов (в корпусе генерала от инфантерии барона Ф.В. Остен-Сакена, в Силезской армии Блюхера).

Наиболее славным делом мариупольских гусар в кампанию 1813 года было участие в сражении у р. Кацбах 14 августа. Сакен приказал начальнику 2-й гусарской дивизии князю Васильчикову атаковать французскую кавалерию. Около пяти часов вечера, в проливной дождь, при раскатах грома и блеске молний двинулись гусары в атаку: генерал-майор Юрковский с Мариупольским и Александрийским полками с фронта, а генерал-майор Ланской с Ахтырским и Белорусским ударил во фланг неприятеля. Французская кавалерия

лерия была опрокинута на собственную пехоту и привела ее в расстройство. Построясь в каре, французы пытались остановить гусар, но были сброшены в реку Кацбах. Гусары здесь взяли 30 орудий. За эту блестящую атаку Мариупольский гусарский полк (как и другие три полка дивизии) получил знаки на кивера с надписью «За отличие 14 августа 1813 года» (высочайше пожалованы 15 сентября 1813 года).

Другое славное кавалерийское дело — 5 октября у Мекерна на р. Парте, накануне Лейпцигского сражения. Около 10 часов вечера, когда части маршала Мармона делали перестроения, Блюхер приказал 2-й гусарской дивизии атаковать французскую кавалерию. Мариупольский и Ахтырский полки, двигавшиеся в походной колонне, не теряя времени на построение в линию, кинулись на неприятеля; за ними быстро следовали полки Александрийский и Белорусский. Неприятель встретил их сильным картечным огнем, но ничто не в состоянии было удержать их. Французская кавалерия уходит за свою пехоту. Гусары преследуют ее мимо неприятельской пехоты и артиллерии до самого моста через р. Парту и берут пять орудий. Французская пехота генерала Домбровского поспешно строится в каре и поражает смелых всадников ружейным огнем и картечью. Но гусары довершают блистательный подвиг и, окружив со всех сторон свою добычу: пять орудий и до 500 пленных, прокладывая себе оружием обратный путь к частям своего корпуса.

На следующий день, 6 октября, мариупольцы принимают участие в Битве народов под Лейпцигом, наступая на этот город с севера в составе корпуса Сакена. В ночь с 19 на 20 декабря полк у Мангейма переходит Рейн и вступает в пределы Франции. В половине января, находясь бессменно в авангарде, Мариупольский полк подошел к Нанси и Бриенну.

20 января 1814 года в сражении под Ла-Ротьером гусарам 2-й дивизии довелось снова одержать важный успех. Здесь они вместе с 3-й драгунской дивизией опрокинули кавалерию Пире, Кольбера и Гюйо, прорвали неприятельские линии и овладели 24-пушечною батареей. «При этой атаке, — пишет военный историк М. Богданович, — в особенности отличились Мариупольский гусарский и Курляндский драгунский полки». За это дело пять офицеров Мариупольского полка были награждены орденом Св. Георгия 4-й степени. Князь И.М. Вадбольский, раненный в этом сражении палашом, тем же орденом 3-й степени.

В кровопролитнейшем бою 28 февраля у Краона 2-я гусарская дивизия и 2-я бригада в особенности (александрийцы и мариупольцы) по восьми раз хо-

---

дили в атаку на упорноседавших французов. В этот день «Мариупольский гусарский полк, — пишет Михайловский-Данилевский, — в течение 3 часов лишился 22 штаб- и обер-офицеров». Из шести эскадронов осталось только два. Здесь же был смертельно ранен и начальник дивизии С.Н. Ланской. (Сергей Николаевич Ланской прежде служил в Мариупольском полку, в котором в 1805 году в чине полковника был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени за дело у Рожница 8 ноября. Впоследствии был флигель-адъютантом и кавалером ордена Св. Георгия 3-й степени.) В марте Силезская армия соединилась с Главной армией, и 13-го числа мариупольцы принимают участие в сражении при Фер-Шампенуазе; прибыв к концу боя, они довершают поражение французских пехотных каре, целый день героически отбивавшихся от русских атак.

Участвовать в битве под самым Парижем Мариупольскому полку не пришлось. 2-я гусарская дивизия, за полтора месяца потерявшая значительную часть своего личного состава, была отведена к г. Мо и несла здесь службу по наблюдению за переправами через Марну.

Уже после заключения мира мариупольцы вместе с дивизией перешли из Мо в селение Ла-Виллет, бывшее тогда пригородом Парижа. Отсюда они, в корпусе генерала Бороздина, перешли в Арденнский департамент, а в мае 1814 года двинулись в Россию и в августе вступили на родную землю, заняв квартиры в Киевской губернии, у г. Сквири. Но недолго пришлось отдыхать. Уже весной 1815 года мариупольцы были вновь отправлены в поход во Францию.

Когда гусары шли по Германии, то один очевидец так описывал свои впечатления: «Я видел в Нюрнберге проход дивизии, составленной из полков Ахтырского, Александрийского, Белорусского и Мариупольского. За всю жизнь не видел я такого прекрасного зрелища; можно подумать, что люди идут на парад, и дивишься, видя солдат с двумя и тремя медалями... Лошади у этих полков таковы, что частный человек не пожелал бы для себя лучших...» В Мариупольском полку было 16 офицеров, украшенных орденом Св. Георгия, получивших эту награду в период Наполеоновских войн с 1805 по 1814 год. В половине июня мариупольцы переправились вторично через Рейн у Мангейма и в начале августа стали в окрестностях Парижа. 26 августа они представлялись на высочайшем смотре императору Александру I в г. Вертю. Бывший командир мариупольцев князь И.М. Вадбольский, произведенный тогда уже в генерал-майоры, командовал бригадой, в которую входили мариупольцы. В половине сентября русские войска вернулись в Россию.

По материалам журнала «Военная быль»

Русский флот во время Наполеоновских войн

Период наших войн с Наполеоном начался в 1804 году. В то время победы адмирала Ф.Ф. Ушакова были еще свежи у всех в памяти, и для укрепления русского влияния на Средиземном и Адриатическом морях была послана эскадра адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина. Эскадра эта, идя из Балтийского моря, встретила на своем пути английский флот, возвращающийся после Трафальгара под приспущенным флагом мертвого Нельсона.

В 1806 году адмирал Сенявин начал военные действия против французов. Наполеону удалось поднять против России мусульман, и у Сенявина оказался и второй противник — турки. Настоящая заметка не имеет своей задачей описания блестящих действий русского флота и его победоносных десантов под командой адмирала Сенявина, но победный гром сенявинских пушек, в самых уязвимых для Наполеона местах, при иной обстановке мог бы заглушить раскаты залпов Аустерлица.

Уже сложная политическая обстановка, после Тильзитского мира, когда французы из врагов стали союзниками, сделалась совсем необычайной. Отдельные корабли Сенявина попали в распоряжение Наполеона. Русское правительство не проявило достаточного внимания к этому театру войны и к своему флоту, а император Александр I не оценил русского адмирала, «Нельсону равного».

Наступивший 1812 год поставил перед Балтийским флотом задачу обороны Санкт-Петербурга и действия на морские коммуникационные линии Наполеона. Речные флотилии сражались в армии Витгенштейна.

Мелкосидящие французские суда проходили Голштинским каналом, вне досягаемости огня глубоко сидящих английских судов, и, пользуясь морскими путями, Наполеон старался сосредоточить на Балтийском побережье запасы, необходимые Великой армии на зиму, но в Балтийском море русские канонерские лодки и речные флотилии, под командой адмиралов Р.В. Кроуна, А.В. фон Моллера и Е.Е. Тета, непрерывно атакуя караваны и сражаясь с французскими кораблями, не допустили их к Риге и под Митавой уничтожили все военные запасы, заготовленные для Великой армии.

За несколько дней до Бородина англо-русская эскадра произвела демонстрацию под Данцигом, и можно думать, что вести о русских морских успе-

хах, на Балтийском побережье дошли до Наполеона накануне Бородинского боя. Так ли это, пока точно неизвестно, но благодаря удачным действиям Балтийского флота Великая армия лишилась всей части своего снабжения, шедшей морскими путями.

На суше, в Отечественную войну, сражался гвардейский экипаж. В 1912 году, к столетию войны, на Бородинском поле его подвигам был поставлен памятник. Всем известна прекрасная картина, изображающая почетный караул от гвардейского экипажа в Тюильрийском дворце после взятия Парижа.

Во время Наполеоновских войн и непосредственно после заключения мира прославили Андреевский флаг экспедиции И.Ф. Крузенштерна, В.М. Головнина, Ю.Ф. Лисянского, Ф.Ф. Беллинсгаузена и других, открывшие ряд островов и назвавшие их русскими именами, почерпнутыми в Отечественной войне. Увы, и тут сказалось общее невнимание Александровской эпохи к флоту. Правительство отказалось от всех этих приобретений, и попытки присоединения к Российской Короне вновь открытых островов потерпели неудачу.

А.С. Крапивин

*Встреча трех императоров в Тильзите.
Гравюра Ж.-Ф.-Ж. Свебаха и Г. Куше*

Флот и память об Отечественной войне

Флот сделал все, чтобы славу двенадцатого года распространить возможно дальше, даже в страны, лежащие вне пяти частей света.

Привожу относящиеся к Отечественной войне названия земель и островов, открытых русскими моряками.

В Северном Великом океане — остров Кутузова (лейтенант Коцебу на бриге «Рюрик» в 1816 г.), острова Бородино (лейтенант Понафидин на корабле «Бородино» в 1820 г.), острова фон Моллера (кап. лейт. Станюкович в 1823 г.).

В Южном Великом океане — острова Ермолова, фон Моллера, князя Волконского, князя Голенищева-Кутузова-Смоленского, генерала Раевского, генерала графа Остен-Сакен (кап. 2-го р. Беллинсгаузен на шлюпе «Восток» и лейт. Лазарев на шлюпе «Мирный» в 1820 г.).

В Южном Ледовитом океане (у Южного полюса) — берег Императора Александра I, острова Бородино, Малый Ярославец, Смоленск, Полоцк и адмирала Шишкова (кап. 2-го р. Беллинсгаузен на шлюпе «Восток» и лейт. Лазарев на шлюпе «Мирный» в 1821 г.).

А.А. Геринг

Казачи Отечественной войны в глазах англичан

Разгром Россией наполеоновских полчищ в 1812 г. вызвал подъем духовной жизни народов; творческий дух человека увековечил эти события в скульптуре, живописи, нумизматике, в исторических и литературных произведениях и в графике. Русские нумизматические памятки этого незабвенного года (не считая позднейшей серии медалей гр. Ф. Толстого) чрезвычайно бедны, в сравнении с иностранной продукцией; зато немало так называемых *героуссы*, односторонних медальонов, с изображениями, выдавленными в металле; они накладывались на крышки табакерок или носились дамами как брошки. На них были изображены император Александр I (редко — и его супруга Елизавета), Кутузов (но не Барклай де Толли, кому должно было отдано позднее),

Витгенштейн и два казацких графа — Платов и Орлов-Денисов. Те же изображения воспроизводились на современных русских (и иностранных) фарфоре и хрустале (казаки особенно входили в моду).

Количественно преобладали карикатуры на Наполеона и его истерзанную армию, созданные в России Ив. Терebeneвым и др. (с таким успехом копировавшиеся в Англии Крукшенком, в чем с трудом сознались впоследствии британские исследователи), и в этой области иностранцы, очевидно, были еще более плодовиты: не было страны, в которой издевки над Наполеоном не были увековечены в карикатурах. Несколько отвлекаясь от темы, интересно познакомиться с воспоминаниями современников по поводу распространения карикатур в России. В записках врача гвардейского (Французского) корпуса де ла Флиза, попавшего в плен под Красным в 1812 г., читаем следующие строки о его посещении имения помещика Покорского (Мглинского уезда): «...Покорский сказал мне посмотреть, и я заметил, что он очень желал мне их показать; он повел меня в эту комнату и с холодной усмешкой представил мне целый ряд раскрашенных гравюр — карикатур, — развешанных на стенах... Это была картина всех бедствий московского отступления и до того верная в самом преувеличении, что она представляла уже не вымысел, а горькую действительность. И эти сцены вместо жалости возбуждали дикий хохот в русском помещике!..»

Итак, француз доктор по достоинству понял, прочувствовал и оценил русские карикатуры, но не мешало бы ему вспомнить поговорку: «Rira bien qui rira le dernier»⁷¹.

На русских карикатурах встречаются и казаки, но на иностранных, особенно английских и немецких, казаки доминируют и поэтому создается впечатление (у иностранцев), что «казак» гнал французов из России, что это он выиграл Лейпцигскую битву и в клетке отвез Наполеона на остров Эльба, а позднее наводил страх на парижанок...

Англичане, чествуя в Лондоне казака Землянухина в 1813 г. и атамана Платова в 1814 г., всецело отдали дань преклонения перед казаками (недаром император Александр I дипломатически прихватил с собою в Лондон одного графа Платова!). Попавшаяся мне редкая книжица поясняет, почему казаки, и только они, осуществили английскую мечту об уничтожении Наполеона. В ней доказывается, что квинтэссенцией русского народа

были и есть казаки. Книга эта напечатана в Эдинбурге в 1814 г., в 16°, на 107 страницах; ее заглавие: «A Concise History of the Cossacks including a sketch of the Customs of the Greek Church, by Samuel Killte, author of lectures on the Apocalyptical Espistles...» (т. е. «Краткая история казаков, включая очерк обычаев греческой церкви, составил Самуил Киттль — автор лекций об Апокалиптических посланиях...»). Итак, автор интересуется религией и потому в своем труде анализирует православие (отдавая преимущество англиканству — очевидно); возлагает большие надежды на «Библейское общество», квакеров и т. п., начавших уже проникать в Россию при содействии кн. А.Н. Голицына и присных, и видит в казаках кандидатов в проповедников христианства — среди магометан и язычников, населявших окраины России на юге и востоке... (Кстати, следствием этих англиканских мечтаний появились «Ланкастерские войсковые школы», игравшие у нас известную роль до 60-х гг. XIX столетия).

В начале книги видим гравированный портрет в рост знакомого уже нам казака Землянухина (это — тринадцатый, не описанный, его портрет), в конце книги — Землянухину посвящены еще три страницы, описывающие его пребывание в Лондоне в мае 1813 г. (подробное повествование напечатано мною в № 4 «Военно-исторического вестника» 1954 г.).

Приступаю к краткому изложению содержания этой любопытной книжки. В предисловии автор поясняет, что предпринял он свой труд для просвещения британской молодежи — вследствие всеобщего увлечения казаками в «настоящее» время — и что все данные почерпнуты им из ряда воспоминаний путешественников по России, начиная с труда Брауна «История казаков и их войн с Польшей», напечатанного в 1672 г. В нем нашел он первое известие о казаках, а именно — что «польские казаки, служившие в войсках греческого императора в 948 г., были им рекомендованы польскому королю и, следовательно, прозвище “казаки” восходит к классической эпохе...» Казаки, мол, — народ свободный, интеллигентный; они отстаивали свои права на свободу верования и наброшенного на них позорного рабства, — вели долгие войны против Польши, и потому автор утверждает, что, истребив казаков, поляки сами нанесли себе первый удар по своей независимости. Автору безразлично, одинакового ли происхождения «русские» и «польские» казаки, а важно то, что все казаки объединены одной религией, что теперь им доверена охрана границ могущественной Российской империи, окруженной разнообразными магометанскими и языческими племенами, с

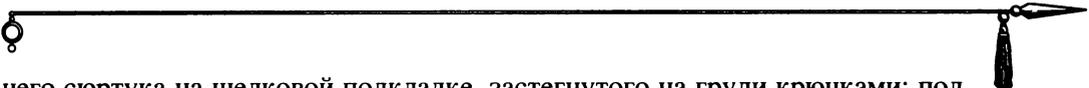

которыми казаки непрестанно сталкиваются. Следовательно, автор в этом уверен, будет весьма легко наберовать известное количество казаков, которые... будут проповедовать Св. Писание среди этих непросвещенных соседей, например во время... ярмарок, причем автор ссылается на достигнутые таким способом успехи — в Восточной Индии!..

В главе о происхождении «казачьих племен» автор заявляет, что это точно никогда установлено не было; некоторые, мол, историки утверждают, что казаки — польского происхождения, как и их язык; другие — находят их предков в стране «Кассахра», части нынешней Черкесии, в соседстве «горы Кавка». Но, согласно истории, исповедуемой самими казаками, их предки эмигрировали из... Греции, не были допущены в среду «народа Азова» — и потому основали свою столицу севернее, назвав ее «Черкасской»; размножились они быстро — благодаря «конституционному закону», дающему право гражданства всем желающим стать казаком; и потому казаки являются смесью русских, поляков, татар, черкесов, калмыков, армян, греков и турок... Рассуждая об этимологическом происхождении слова «казак», автор ссылается на мнения нескольких ученых; например, что слово «казак» происходит от польского слова «коза», подвижностью которой одарены эти воины; а может быть, и потому, что казаки одевались в козьи шкуры; еще существует мнение, что слово «казак» означает «бродяга», ибо казаки неусидчивы и живут грабежами; наконец, будто это слово происходит от «каса» = «мыс»...

Две последующие главы посвящены польско-казачьим взаимоотношениям и войнам между ними; затем следует описание «знакомства» казаков с русскими: «Казаки связались с Россией не позже 1021 года, когда русские под предводительством князя “Мистислава” покорили страну, примыкающую к горе Кавказ, — Кабарду; так как Русь не ранее 900 года приняла христианство, т. е. немного ранее покорения казаков, — следовательно, включение в свою среду народа, уже ранее исповедовавшего христианство (т. е. казаков), несомненно, очень повлияло на духовную сторону русских: культурность и храбрость казаков вынудила русских отнестись к ним с особой учтивостью». Затем автор всесторонне описывает казаков: «...первое впечатление, производимое казаками, — это их чрезвычайно воинственный вид, благородный, величественный! Приподнятые брови, темные усы; высокий головной убор из черной шерсти — с мешком, с султаном и шнурами, с белой кокардой. Казак держится прямо, легко и элегантно ходит, все это выявляет его значительность; казаки одеваются богаче всех прочих русских; их форма состоит из си-

него сюртука на шелковой подкладке, застегнутого на груди крючками; под сюртуком — шелковый жилет, внизу прикрытый шарфом; широкие, длинные брюки — из того же материала или белого плиса; все это — исключительной чистоты; шаровары охватывают тело выше талии и спускаются на сапоги; в мирной, домашней обстановке казак носит в руке трость с набалдашником из слоновой кости; сабля одевается во время путешествий, на войне, когда казак верхом. Но, повторяю, самое красивое — это шапка, украшающая каждое лицо, она увеличивает рост и вместе с... бакенбардами придает воинственный вид самой... невзрачной фигуре. Они подстригают волосы вокруг головы, но на маковке оставляют хвост; их волосы — прямые, густые, темные. Их шарфы бывают желтого, зеленого или красного цвета, чаще всего черного; они носят большие, военные перчатки (!). Во всем свете нет народа, носящего более чистой одежды — будь то молодежь или старики; их руки всегда чисты, волосы избавлены от насекомых, их зубы белы, цвет лица чист и здоров... На действительной службе каждый (!) казак должен иметь... две лошади: одну верховую, другую — подвьючную для разных запасов. Вооружение состоит из пики, длиной в 12 футов, со стальным наконечником и небольшим флажком, пары пистолетов с патронташем; сабли без эфеса и нагайки, сплетенной из кожи, толщиной в большой палец, висящей на кисти правой руки; нагайка употребляется для подбадривания коня и против... побежденного неприятеля (!). Некоторые казаки живут очень богато, пользуясь всеми... тонкостями и роскошью самых цивилизованных народов (!). Более бедные обеспечены хорошей пищей и имеют больше водки, чем могут выпить; порядок и согласие всегда поддерживается в станицах. Казачья пляска очень похожа на английский народный танец, хотя сопровождается свистом и визгом; они поводят головой от плеча к плечу и держат руки около ушей; в общем — все схоже с китайскими и татарскими танцами...»

Затем следует подробный разбор (вопрос, близкий автору) религии казаков — сопричастной греческой; выводы автора: праздники — чуть ли не каждый день; чрезвычайное количество церемоний привело к тому, что они с большим усердием преклоняются перед пустячными, причудливыми обрядами, чем поддерживая доктрины и повинуюсь заповедям; проповеди слушают редко, иногда только в Великом посту; знание катехизиса — ничтожно, и потому понятие о христианстве сведено к знакомству с внешней обрядностью; это не истая набожность, а театр; амулеты и талисманы очень распространены и носятся в карманах; они воздвигают частные каплицы в честь любимых

святых и не жалеют денег, украшая картины, писанные масляными красками, называемые «Бог» и «Образ». Белое духовенство особенно не подготовлено к исполнению своих обязанностей; приходские священники еле читают и пишут; церковная служба руководится правилами, изложенными в 20 огромных томах, и т. д. (Автор, который, очевидно, никогда в России не был, ссылается тут на ряд англиканских духовных трудов.)

Следует обзор отдельных казачьих войск, начиная с Донского (между прочим, автор говорит, что в 200 милях вверх по Дону от станицы Землянской находятся остатки крепости, построенной Александром Македонским...); донские казаки в общем, «beautiful» (т. е. прекрасны, красивы), но их одежда странновата: замужние носят шляпы вроде епископской митры, а девицы — индийские платочки. Лавки главных городов хорошо снабжены всеми предметами роскоши... и в них можно найти все для комфорта и удобства цивилизованного народа... В Черкасской имеется общественная «академия», в которой преподаются разные иностранные языки, геометрия, механика, география, история, арифметика и пр., в которой воспитываются все офицерские дети... Главные города Войска Донского называются «Черкасской» и «Казанской», оба на реке Дон; дома преимущественно деревянные на столбах, ибо во время разлива реки весь город наводняется, кроме места, где высится собор. Население этих городов очень весело и общительно; часто устраиваются балы и вечеринки; был и театр, но теперь он... запрещен! В особенности празднуется день прибытия огнеприпасов, посылаемых русским правительством. Недавно казаки начали строить новый город на берегу Аксая, который будет соперничать с любым другим русским городом!.. Их церкви гораздо лучше построены (и в смысле архитектуры и внутренних украшений), чем наши английские... казачьи дома гораздо лучше русских... Количество населения точно неизвестно, ибо казаки не разрешают производить перепись населения на своей территории!.. Потом следует описание — «Сечи, или малороссийских казаков», «черноморских и запорожских казаков», «волжских», «гребенских», «оренбургских», «уральских» и «сибирских» казаков.

В конце этой курьезной, почти комической книжки, запечатлевшей (наравне с карикатурами) британское увлечение казаками 1812—1814 гг. (но не далее), находим четыре добавления. Остановимся на первом и четвертом (второе повторяет землянухинский анекдот, а третье содержит краткие географические и статистические данные о России).

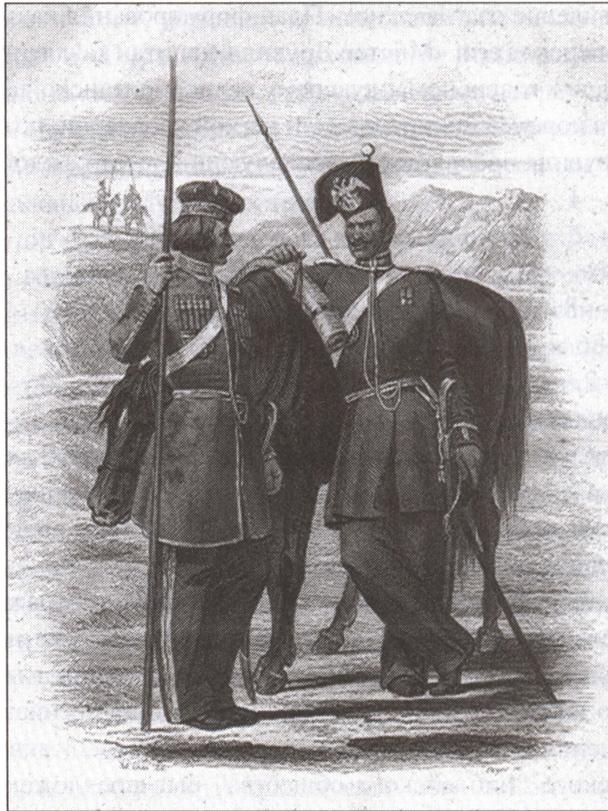
Первое добавление озаглавлено: «План формирования казачьих полков»; вот дословный перевод его: «Мистер Друвилл, капитан кавалерии, вручил герцогу Йорскому, как главнокомандующему великобританской армией, проект сформирования корпуса пикинеров, или легкой кавалерии, по примеру казаков. Мистер Друвилл предлагает нижеследующий штат каждой сотни:

подъесаул — 1
хорунжих — 2
подхорунжих — 4
урядников — 8
рядовых — 86
трубачей — 2.

Итого, включая офицеров — 104.

Каждый полк состоит из восьми сотен, или 832 человек, включая офицеров, составляя 4 дивизиона. Цвет формы — зелено-травянистый с небесно-голубым прикладом. Длина пики — 10 футов, с флюгером национальных цветов, прикрепленным ниже наконечника».

Одно лишь заглавие четвертого дополнения вполне отражает апокалиптические мечты автора книжки, но тут он базируется уже на данных, доставленных прямо из Петербурга. Заглавие дополнения гласит: «Усилия для морального и религиозного усовершенствования Российской империи»; следуют сообщения петербургского корреспондента: «23 января 1813 года проект российского “Библейского общества” был предложен собранию из 40 лиц в доме кн. А.Н. Голицина (министра народного просвещения и духовных дел!). Когда присутствующие заняли места, был прочтен Императорский Указ, разрешавший учреждение “Библейского общества”, с центральным управлением в Петербурге, и его устав. Председателем единогласно избран кн. А.Н. Голицын... Поражало единодушие членов собрания, состоявшего из православных, армян, католиков, лютеран и кальвинистов... Отныне (!?) проповедь Слова Божия распространится от Балтийского моря до Восточного океана, от Ледовитого океана до Черного моря и границ Китая?!!» Следующее сообщение гласило: «20 февраля 1813 года состоялось второе собрание “Библейского общества”; отчет прочел г. Попов; уже 7000 Библий было отпечатано для бесплатной раздачи... Внесен ряд предложений: 1) немедленно напечатать немецкую Библию; 2) выдать пленным Новый Завет; 3) учредить в Петербурге склад “Библейского общества”, который будет снабжать Библией каждого на его языке... Император очень доволен открытием этого общества

*Лейб-гвардии казачий чин и крымский казак.
С французской гравюры*

и обещал помочь; Его Величество и другие члены Императорской Фамилии всем сердцем пошли навстречу этому доброму делу...» 2 декабря из Петербурга писали: «“Общество” печатает Библию на калмыцком, армянском, финском, немецком, польском, французском, славянском, эстонском и латышском языках, намечено печатание на языках исландском, шведском и лапландском... Со всех концов России поступают просьбы о присылке Библии, а из Сибири тобольский губернатор, вместе с двумя князьями-язычниками, прислал пожертвование!!!»

Мы обязаны автору весело проведенным временем при чтении его «казачьей истории»; подобные «истории» печатаются и в наше время...

В.Г. фон Рихтер

О ВОЕННЫХ РЕЛИКВИЯХ

Пожалованный, но никогда не полученный штандарт

В библиотеке св. кн. Д.В. Голицына, в его имени Вяземы Звенигородского уезда Московской губернии, хранились различные документы, относящиеся к эпохе Отечественной войны, когда кн. Голицын командовал кирасирским корпусом, в который входили две дивизии: 1-я, ген. Депрерадовича: полки кавалергардский, лейб-гвардии Конный, лейб-кирасирские Его и Ее Величеств и Астраханский; и 2-я, ген. Дуки: полки Глуховский, Орденский, Малороссийский, Екатеринославский и Новгородский.

В числе этих документов имелся «Журнал по дежурству генерал-лейтенанта и кавалера князь Голицына исходящих бумаг».

Среди разных бумаг этого журнала находился рапорт кн. Голицына цесаревичу Константину Павловичу следующего содержания:

«Имея счастье под главным начальством Вашего Императорского Высочества командовать корпусом кирасир, неперменным долгом моим считаю поставить в виду Вашего Императорского Высочества подвиги им совершенные.

В продолжение кампании кровавые и жестокие битвы, увенчанные победами, сопровождаемые славою и истреблением врага, все без изъятия, ознаменованы отличною храбростью и знаменитыми подвигами кирасирского корпуса.

Ни буйственным стремлением, ни превосходством сил, ниже самую артиллерию, никогда он побежден и расстроен не был, но по справедливости служил твердым оплотом, надеждою и новым поощрением к бою, тесным и отступающим рядам нашим.

Предводившие кирасирскими полками, господа генералы, штаб- и обер-офицеры гордятся подвигами их и Монаршими наградами им Всемилютейше за то пожалованными, но сами полки не получили никакого отличия.

Полки КАВАЛЕРГАРДСКИЙ и ЛЕЙБ-ГВАРДИИ КОННЫЙ, в самом жару сражения и буйства нападающего неприятеля, хвалиться могут спасением линий наших, от поражения при Бородине 26 августа. Под сильными картечными выстрелами, неоднократно вновь устроившись, возобновляли они атаку, удерживая собою стремление неприятеля, и истребили его.

Полки ЛЕЙБ-КИРАСИРСКИЙ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, ЕКАТЕРИНОСЛАВСКИЙ, ГЛУХОВСКОЙ и МАЛОРОССИЙСКИЙ отнятием в бою пушек неприятельских 24-го и 26-го того же августа и поражением онаго.

Прочие полки сильным к тому содействием и повсеместным истреблением конных и пеших колонн неприятельских.

Каждая кирасирская атака поправляла дело! Храбрость кирасир увенчана была поражением неприятеля! Описание происходивших действий и неоднократная благодарность Главнокомандующего о том свидетельствуют!

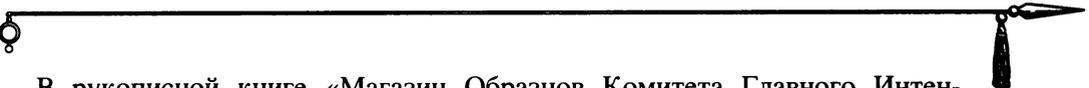
В вознаграждение отличных подвигов, твердости и храбрости их, чрез сильное предстательство Вашего Императорского Высочества испрашиваю и ожидать осмеливаюсь отличной награды от Его Императорского Величества полкам: КАВАЛЕРГАРДСКОМУ, ЛЕЙБ-ГВАРДИИ КОННОМУ, ЛЕЙБ-КИРАСИРСКОМУ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОМУ и МАЛОРОССИЙСКОМУ — ЭСТАНДАРТЫ СВЯТОГО ГЕОРГИЯ.

Полкам: ОРДЕНСКОМУ, ЛЕЙБ-КИРАСИРСКОМУ ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, НОВГОРОДСКОМУ и АСТРАХАНСКОМУ — ГЕОРГИЕВСКИЕ ТРУБЫ, удостоверяя, что отличная награда сия послужит им поощрением впредь к таковым же отличным подвигам — при первом случае заслужат они то своею кровию.

Месяц декабрь 1812 года 25-го числа № 394».

Все испрашиваемые кн. Голицыным награды были утверждены императором Александром. Георгиевские штандарты были пожалованы согласно существовавшим образцам к полковым штандартам.

Подобно прочим полкам, кавалергардам было пожаловано шесть Георгиевских штандартов. Один белый, полковой, для шефского эскадрона и пять зеленых для прочих пяти эскадронов.

В рукописной книге «Магазин Образцов Комитета Главного Интендантского Управления. Интендантский музей. Отдел рисунков и чертежей № 1406» на листе 86 помещено изображение и описание пожалованных полку штандартов.

«Штандарт Георгиевский. Надпись на полотнище в один ряд “За отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России. 1812 года” и далее под рисунком штандарта имеется приписка (сохранено правописание подлинника) “Лейб-Гвардии Кавалергардскому лодку один штандарт белый, пять зеленых. Сделаны и отправлены 1814 года марта 27 дня”».

Несмотря на отметку в книге, что штандарты отправлены, кавалергарды их никогда не получили, равно, как не получили их и полки лейб-гвардии Конный и лейб-кирасирский Его Величества. Почему?

Дело в том, что гвардейским кирасирским полкам, а таковыми в 1814 году явились только эти три полка, образец штандартов был изменен.

Для двух полков Старой гвардии — кавалергарды и конногвардейцы — вместо прибывных к древку полотнищ был введен образец хоругвей и полотнище, прибитое к поперечной перекладине, было подвешено к древку на металлических цепях. Одновременно было изменено и число штандартов в полках. Вместо шести — по одному на эскадрон — оставлено только три — по одному на дивизион. Лейб-кирасирскому Его Величества полку — Молодая гвардия — был дан также измененный образец штандарта — прибывной, желтый с синими углами. Эти три новых штандарта — желтое полотнище с серебряным орлом посередине, серебряными вензелями государя по углам, с серебряными же надписью и бахромой — были освящены и переданы полку только в 1817 году.

Кроме вышеупомянутых штандартов, кавалергарды за все время своего существования имели следующие штандарты. Пожалованные императором Павлом I: один штандарт подвесной, пожалованный Кавалергардскому корпусу в 1799 году, три штандарта прибывных, пожалованных Кавалергардскому корпусу в том же 1799 году, три штандарта подвесных, пожалованных кавалергардскому полку в 1880 году.

В июле 1851 года император Николай I пожаловал полку четыре новых Георгиевских штандарта, взамен старых, приурочив прибавку их к 25-летнему юбилею шефства императрицы Александры Феодоровны. Три штандарта предназначались трем действующим дивизионам, четвертый — запасному, или резервному. Штандарты были образца 1817 года, слегка измененные.

В 1860 году, в царствование императора Александра II, в полках был оставлен только один штандарт, полковой, а в 1867 году изменено навершие в гвардейских кирасирских полках: прежний орел, державший в когтях правой лапы так называемые «перуны», а в левой лавровый венок, был заменен новым орлом без перунов и венка, с укороченной шеей и увеличенными крыльями. К одной металлической цепи, державшей полотнище, добавлена вторая.

Наконец, последний Георгиевский штандарт был пожалован императором Николаем II 11 января 1899 года по случаю 100-летнего юбилея кавалергардов как строевого полка. Штандарт сохранил в общих чертах старый образец. Была изменена расцветка полотнища. Вместо желтого, гвардейского, дан полковой малиновый мальтийский цвет, и вместо государственного орла на полотнище помещено изображение иконы св. и пр. Захария и Елисаветы.

Этот штандарт является единственным штандартом гвардейской конницы, сохранившим изображение полковой иконы. До 1900 года все знамена и штандарты имели образ Нерукотворного Спаса.

Кроме последнего штандарта, находившегося в строю полка, все прочие, старые штандарты хранились в полковой церкви в С.-Петербурге на Захарьевской улице. На первом клиросе стояли 7 штандартов, пожалованных Императором Павлом.

От трех пожалованных в 1800 году и проделавших с полком все походы 1805, 1812, 1813, 1814 годов остались только древки и орлы.

На левом клиросе стояли 7 штандартов, пожалованных императором Александром I и Николаем I. От александровских штандартов, участников походов Польского в 1831 году и Венгерского 1849 года (полк дошел только до Вилькомра), сохранились лишь древки, орлы и лоскутки полотнищ.

Говоря о штандартах вообще, нельзя не упомянуть о том, по меньшей мере, странном изменении, внесенном императором Павлом I в период его увлечения фрейлиной Анной Лопухиной. До этого времени на всех российских знаменах и штандартах имелась надпись «С нами Бог».

Император Павел I изменил эту надпись. Вместо нее все знамена и штандарты, за исключением только одних кавалергардских, получили новую надпись: «Благодать». «Анн»а по-еврейски значит «благодать».

Как было воспринято это нововведение в войсках, видно хотя бы из стихов преображенца С.Н. Марина (впоследствии начальника внутреннего Преображенского караула в Михайловском замке в трагическую ночь 11 марта

1801 года). В одном из своих стихотворений — пародии на оду Ломоносова «Бог» — Марин пишет:

Могу ли тайну ту понять,
Что Анна греческа по-русски
Святая значит Благодать?

Могли ли руки твои дерзки
Украсить шапки гренадерски,
Знамена, флаги кораблей
Любезной имени твоей?

В.Н. Звегинцов

Русские знамена, потерянные под Аустерлицем

Сколько русских знамен было потеряно под Аустерлицем? На этот вопрос ответить точно невозможно.

Данные, извлеченные из французских источников, страдают своей неполностью. «Сорок пять», — пишет Паскаль в своей «Истории армии», не отделяя, однако, русских от австрийских. «Штандарты Русской Императорской Гвардии», — утверждает прокламация Наполеона. «40 знамен русских и австрийских», — пишет ген. Ниокс, директор Музея инвалидов, посвятивший трофеям французской армии весьма документальный труд. Отсылая взятые знамена в Париж, Наполеон сообщает: «Мы взяли у неприятеля 45 знамен».

Из полковых историй французских полков мы извлекаем следующие данные: 42-й пехотный полк взял два русских знамени, 48-й пехотный полк тоже два, как и 108-й. 5-й кирасирский — одно неприятельское знамя; 5-й конноегерский — одно русское знамя; гвардейский конноегерский — русское знамя; 26-й конно-егерский — три штандарта; 36-й пехотный полк сообщает о взятии 13 русских знамен.

Цифра внушительная, которая все-таки может быть принята на веру, принимая во внимание, что на этот полк была возложена миссия сбора трофеев,

оставленных разбитыми в Сокольницах колоннами. Весьма возможно, что именно здесь, среди тел убитых, были найдены древки знамен, сохраненных в плену. Но если подвести и итоги, то число все-таки не превышает 25. Это число мы и примем как указанное, по французским источникам, число потерянных русских знамен.

Перейдем теперь к русским источникам.

Немедленно после сражения русская армия подсчитала недостающие знамена. Таких оказалось 32. Цифра значительная и которая как будто бы подтверждала победные «Бюллетени Великой армии». Не забывая того, что каждый русский пехотный полк имел в строю 6 знамен (два на батальон) и что 164 знамени принимали участие в Аустерлицком сражении, массивная потеря знамен была особенно чувствительна сердцу императора Александра.

Однако новые факты стали неизменно уменьшать цифру потерянных знамен. Уже через несколько дней после сражения отдельные солдаты стали возвращаться в свои полки с вынесенными ими полотнищами знамен. 26 декабря 1805 г., подводя итоги, Кутузов доносил царю, что число потерянных знамен ограничивается 24. К его рапорту был приложен список полков, потерявших знамена. К сожалению, список этот был утерян и до нас не дошел.

16 января 1806 г. Кутузов вновь доносил Александру о возвращении еще четырех знамен, представленных бежавшими из плена солдатами, и выводил заключение: «Итак, в руках неприятеля остается еще 20 знамен». Пользуясь случаем, он испрашивал высочайшее разрешение прибить на новые древки все эти спасенные знамена, честь коих не была поругана. Высочайшее разрешение последовало, и император щедро наградил отличившихся солдат. Вот полки, о которых идет речь, и имена чинов, спасших знамена:

КУРСКИЙ мушкетерский — 1 знамя, спасено подпрапорщиком Лавровым. Будучи раненным, Лавров передал знамя подпрапорщику Свирчевскому, который бежал из плена (рапорт Кутузова от 24 декабря 1805 г.).

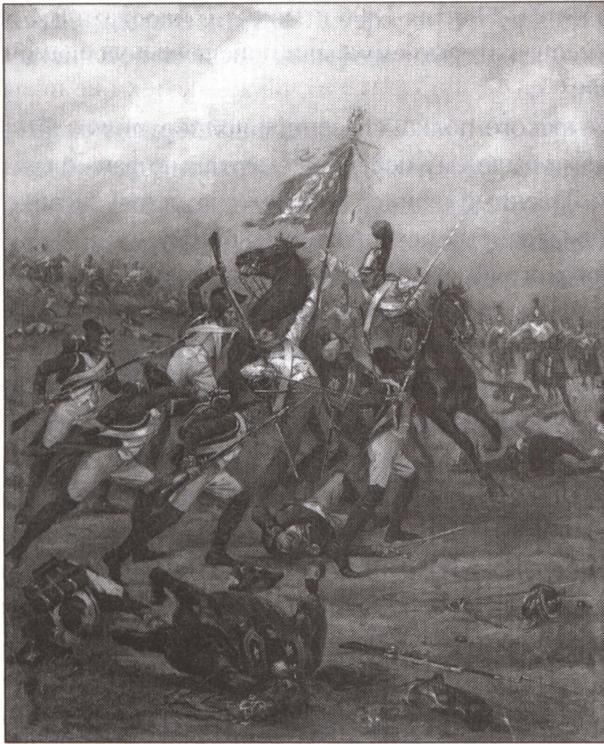
ГАЛИЦКИЙ — 3 знамени, спасены подпрапорщиками Бубновым, Куфаевым и унтер-офицером Волковым, которые бежали 24 ноября из Брюнна.

БУТЫРСКИЙ — 2 знамени, вынесенные подпрапорщиком Измайловым и рядовым Шанаиным (донесение Кутузова от 24 декабря 1805 г.).

ПЕРМСКИЙ — 3 знамени, одно из них спасено подпрапорщиком Стариковым, подробности спасения остальных двух отсутствуют (рапорт от 12 января 1806 г.).

НАРВСКИЙ — 1 знамя, вынесенное подпрапорщиком Гавриленко.

Бой за знамя.

Художник В.В. Мазуровский

АЗОВСКИЙ — 1 знамя, спасено унтер-офицером Старичковым, умершим от ран и перед смертью передавшим знамя рядовому Чайке, Бутырского полка.

ПОДОЛЬСКИЙ — 1 знамя, вынесено подпрапорщиком Лезиком.

Все эти полки принадлежали к колоннам генерала Пржебышевского и де Ланжерона, окруженным и уничтоженным в последних боях у озер.

История Аустерлицких знамен не останавливается на этих данных. До 1808 г. число потерянных знамен будет неуклонно уменьшаться.

7 февраля 1806 г. Кутузов доносит царю:

«Гренадер Нарвского мушкетерского полка Петр Нестеров нашел под Аустерлицем на теле убитого знаменщика полковое знамя. Будучи взят в плен, он отделил его от древка и спрятал под своей одеждою, он бежал и представил мне знамя». Нестеров был произведен в унтер-офицеры и пожалован

100 рублями золотом. 27 июля 1806 г. министр иностранных дел передал государю три знамени, которые ему были присланы российским посланником в Вене. Это были:

— знамя Бутырского полка, спасенное подпоручиком Лаптевым. Лаптев доносил, что знамя было ему передано смертельно раненным подпрапорщиком Садиковым. Пленный офицер передал знамя в Люневиле русскому чиновнику Званкову, который переправил его в Вену;

— знамя Нарвского полка, спасенное капитаном Гофманом;

— знамя Пермского полка, сохраненное подполковником Кузнецовым.

Таким образом недоставало уже не 20, а 16 знамен.

В ноябре 1806 г. генерал Эссен писал ген.-адъютанту Ливену:

«Начальник 10-й дивизии, генерал Меллер-Закомельский, отправил ко мне унтер-офицера Замарина со знаменем Азовского полка. Будучи раненым под Аустерлицем картечью и штыком и придя в себя ночью, Замарин нашел среди тел убитых знамя, древко которого было перебито в двух местах. Отделив полотнище от древка, Замарин спрятал его в подкладке своего мундира. Находясь в плену в Дижоне, затем в Люневиле, он бежал в Австрию и достиг России. Замарин был произведен в подпоручики».

16 февраля 1808 г. ген. Меллер-Закомельский, которому было поручено возвращение в Россию пленных, дописал царю, что он привез с собой пять знамен, сохраненных солдатами в плену после Аустерлица и переданных ему, а именно:

Знамя АЗОВСКОГО полка, спасенное подпрапорщиком Грибовским, который, умирая в Дижонском госпитале, передал его барабанщику Павлову. Опасаясь обыска, Павлов вручил знамя унтер-офицеру Шамову, который и представил его генералу в Люневиле.

Знамя НАРВСКОГО полка, спасенное подпрапорщиком Шереметевским. Высочайшим приказом Шереметевский был произведен в офицеры.

Знамя БУТЫРСКОГО полка, спасенное подпрапорщиком Кюкуриным, умершим в госпитале г. Буржа. Знамя сохранил в плену унтер-офицер Мостовский, который тоже был произведен в офицеры.

Знамя ПЕРМСКОГО полка, спасенное подпрапорщиком Кублицким. Будучи тяжело раненым, он передал его в госпитале г. Аугсбурга рядовому Седичеву, Курского полка, который и представил его генералу в г. Мец.

Знамя ГАЛИЦКОГО полка, спасенное подпрапорщиком Полозовым, раненым под Аустерлицем пулями в ногу и плечо.

Эти пять знамен, доставленные в Петербург поручиком Павлоградского гусарского полка Горичем, были переданы военному министру графу Аракчееву.

Итак, недоставало только 10 знамен.

Император Александр I приказал графу Толстому, русскому послу в Париже, произвести на месте анкету, дабы установить точное число русских знамен, оставшихся во Франции. Результаты ее нам неизвестны.

Что же касается последних пяти знамен, то они были забыты в министерстве и найдены случайно, только сто лет спустя, тщательно упакованными, в полной сохранности и со всеми официальными документами, относящимися к их спасению. Так как заинтересованные полки продолжали существовать, то император Николай II вернул им эти знамена и повелел занести навсегда в списки полков имена солдат, спасших знамена.

Таким образом, из утраченных под Аустерлицем 32 знамен 22 были спасены, и если о судьбе 10 не было ничего известно, то это еще не значило, что они попали в руки французов. Были, вероятно, знамена и поглощенные озерами, и зарытые, и, наконец, погребенные в плену с телами тех, кто их спас.

История АЗОВСКОГО полка повествует, что одно из его знамен было потеряно под Аустерлицем, но утверждает, что оно не попало в руки неприятеля. АРХАНГЕЛОГОРОДСКИЙ полк признает взятие французами одного из своих знамен. Известно также, что МОСКОВСКИЙ мушкетерский полк потерял два знамени, взятые 4-м пехотным французским полком.

Нам кажется, что нетрудно согласовать русскую и французскую версии, несмотря на то что от 10 до 25 все-таки далеко. Дело в том, что, если полотнища 22 знамен были и спасены, их древки остались на поле сражения и были взяты французами. Древко же с золотым копьём, имевшим в центре двуглавого орла, с золотыми шнурами и тяжелыми кистями, с частицами полотнища могло сойти за знамя, тем более что французы воевали тогда под «орлами», часто не имевшими полотнища. Так, взятое под Аустерлицем знамя 4-го пехотного полка было в действительности только «орлом». Это, впрочем, не помешало русским и французским художникам-баталистам изобразить на своих картинах полотнища, часто фантастические.

Отметим, наконец, что французы никогда не приводят названий полков, которые оставили в их руках знамена. Дело в том, что при Александре I знамена отличались только чрезвычайно сложным сочетанием цветов, определить их принадлежность могли только русские знатоки.

Изо всех русских знамен, попавших во французский плен, сохранилось только одно, которое и находится в Париже, в Музее инвалидов. Оно не было взято под Аустерлицем.

В 1814 г. все взятые французской армией знамена были сожжены в момент вступления союзников в Париж и остатки их брошены в Сену. Впоследствии металлические их части были извлечены и выставлены в музее. Среди металлических наконечников есть и русские копыя.

Существует легенда, что хранившиеся знамена не были уничтожены, а укрыты в одну из гробниц собора Парижской Богоматери, но в какую именно — забыли. И вот, чтобы не тревожить покоя мертвецов и не открывать всех могил, решили будто бы оставить этот вопрос навсегда открытым.

Знамена азовского полка под Аустерлицем

В № 93 «Военной были» был помещен очерк истории 45-го пехотного Азовского полка. В нем довольно подробно разбирается история спасения некоторых знамен полка в Аустерлицком сражении.

Этому вопросу, чрезвычайно запутанному, я в свое время посвятил немало труда, подготавливая к печати мою книгу о потерянных и взятых знаменах в русско-французские войны конца XVIII и начала XIX столетия.

В пути работы мне удалось ознакомиться с малоизвестными документами, позволившими мне довольно детально разработать судьбу знамен Азовского полка в Аустерлицком сражении.

О потерянных знаменах в официальных историях писать, по понятным причинам, не любят. Чтобы установить правду, нужны долгие поиски в архивах и исторических показаниях.

Волею императора Павла в кампанию 1799 г. русские батальоны выступили с пятью знаменами, в то время когда французы имели только одно знамя на батальон. Таким образом, русские полки, бывшие в двухбатальонном составе, должны были защищать в бою 10 знамен.

В кампаниях 1805—1807 и 1812—1814 гг. число это было понижено до шести, но все-таки и с таким количеством знамен русские полки были поставлены в невыгодное положение по сравнению с французами, которые до 1811 г. имели только одно знамя на батальон, а с 1812 г. только одно на полк.

В те времена рукопашные схватки были обыкновенным явлением и сохранять знамена, бывшие обязательно при бойцах, было нелегко. И русские, и французы теряли знамена. От этой участи не были застрахованы храбрейшие полки обеих армий. И все-таки и император Александр, и император Наполеон очень ревниво следили за своими знаменами и строго карали потерявшие их полки.

Существует протокол принятия 19 января 1806 г. в собор Парижской Богоматери отбитых под Аустерлицем русских знамен. Таковых было 29. Правда, среди этих трофеев было несколько древков без полотнищ. Принимая во внимание размеры Аустерлицкого погрома и то, что в сражении участвовало по меньшей мере 168 русских знамен, цифра в 29 потерянных знамен не может считаться исключительно большой.

В 1798 г. император Павел выдал по 10 знамен на каждый пехотный полк (егеря знамен не имели). После Цюрихского и Голландских поражений, повлекших за собой потерю знамен, решено было число их сократить. В 1802 г. каждый полк сдал в арсенал четыре знамени и оставил в строю шесть. Из этих знамен только одно (белое) считалось полковым, а пять других (цветных) — ротными.

В бою под Шенграбеном войск князя Багратиона Азовский полк особенно отличился и был пожалован Георгиевскими знаменами (первыми в России). Вот что мы извлекаем из Высочайшего приказа 15 ноября 1805 г. (Московский отдел архива Главного штаба. Опись 152, дело № 945, лист 305 и «приказ в армию генерала Кутузова 18 ноября 1805 г.):

«...за отличие в сражении 4 ноября при Шенграбене оказанное Павлоградскому гусарскому — штандарт, Черниговскому драгунскому — штандарты, Киевскому гренадерскому, мушкетерским Азовскому, Подольскому, двум батальонам Новгородского и одному Нарвского — знамена, Донским казачьим Сысоева и Ханженкова — по одному знамени, все с изображением знаков Военного ордена и надписью о подвиге, а 6-му егерскому — серебряные трубы с таковой же надписью».

Надпись на знамена, штандарты и серебряные трубы была составлена собственноручно императором Александром I: «За подвиги при Шенграбене 4 ноября 1805 года, в сражении 5-тысячного корпуса с неприятельским, из 30 тысяч состоявшим».

Но через несколько дней имело место несчастное Аустерлицкое сражение. Бывший в 3-й колонне генерала Пржибышевского окруженный Азовский

полк проявил большое геройство, отмеченное участниками боя с французской стороны, но понес тяжелые потери⁷².

Из 60 офицеров, 120 унтер-офицеров и 2067 рядовых он потерял 16 офицеров, 71 унтер-офицера и 1428 рядовых. Остатки полка пробивались и выходили из окружения группами или в одиночку. Только через день удалось собрать спасшихся бойцов, среди которых было немало раненых. Вечером 20 ноября все шесть знамен полка не были налицо и считались утраченными.

Император Александр тяжело переживал потерю знамен. Граф Буксгевден, несший немалую личную ответственность за поражения войск, бывших под его начальством, занял особую позицию: он во всем огульно обвинял своих подчиненных, офицеров и солдат, и требовал суровых санкций...

В его письме от 27 декабря 1805 г. графу Х.А. Ливену («Военный сборник» октябрь 1905 г. с. 189) он писал:

«...также вообще полки, лишившиеся знамен, оставлены были бы, как случилось прежде, без оных, доколь таковые в сражении впредь или отобьют неприятельския знамена, или окажут отличную храбрость и успехи, дав о них знать полкам всех российских войск особыми предписаниями, а не чрез Высочайшие приказы, в печать издаваемые, или газеты, дабы не оглашено было сие в публике...»⁷³

Государь внял этим советам и принял решение потерянные в бою знамена не заменять до особого отличия, оказанного полком.

13 июля 1806 г. в всеподданнейшем докладе генерал-адъютант граф Ливен доносил (Моск. отд. арх. Гл. штаба. Оп. 152, д. № 340, л. 299):

«...но как из числа сих полков Азовским, Подольским и Нарвским в сражении 20 ноября утрачены знамена, то, на основании Высочайшей Вашего Величества воли, дабы таковым полкам вновь знамен не давать, оные им ныне не назначаются».

---

⁷² Генерал Тьебо, который во главе своей бригады брал Сокольницкий замок, защищавшийся остатками Азовского и Подольского полков, пишет:

«Русские защищали замок с величайшей храбростью. Не было места, где они бы ни оказали упорного сопротивления. Просеки, конюшни и сараи — все было обращено в редуты. Они дрались до последней крайности. Много их полегло. Я видел солдат, оставшихся в одиночестве, дравшихся так же, как бы они то делали в кругу своего батальона. Я видел других, смертельно раненных, продолжавших заряжать свои ружья так же спокойно, как на учении».

⁷³ При Павле I список потерянных знамен объявлялся в печати.

Таким образом Азовский полк понес двойную кару. Ему не только отменялось пожалование Георгиевских знамен за Шенграбен, но от него требовалось совершение подвига для замены утерянных простых знамен.

Но далеко не все считавшиеся потерянными знамена попали в руки неприятеля. Многие из них были сорваны с древка и сохранены на себе офицерами и солдатами, попавшими в плен, и были впоследствии возвращены в Россию.

Первым вернулось в Азовский полк знамя, спасенное Старичковым⁷⁴.

Вот что доносил государю Кутузов 15 января 1860 г. (статья Г.Э. Кудлинга «Аустерлицкие знамена» в «Военном сборнике» 1906 г.): «Бутырского мушкетерского полка подполковник Трескин, размененный из плена от французов, представил знамя Азовского мушкетерского полка и притом донес, что получил он его при выезде из Брюнна Бутырского ж полка, роты имени его, от рядового Чайки, который, вручая оное, объявил: Азовского мушкетерского полка унтер-офицер Старичков, умирая, отдал оному рядовому сие знамя, умоляя сберечь его, и скоро после сего умер».

16 января 1806 г. Кутузов обратился к государю со следующим рапортом:

«Вынесенные разными чинами знамена, о коих я Вашему Императорскому Величеству доносил, при полках остаются без древков, а именно: в Курском мушкетерском — 1, Галицком — 3, Бутырском — 2, Пермском — 3, Нарвском — 1, Азовском — 1, Подольском — 1, всего 12. Вашего Императорского Величества всеподданнейше испрашиваю позволения о прибитии их попрежнему к древкам, как оные не были еще в руках неприятельских».

На нем имеется резолюция рукой Х.А. Ливена: «Позволить» (М.И. Кутузов. Сборник документов, том II, с. 321). Таким образом, Старичковское знамя встало в строй полка.

В ноябре 1806 г. генерал-лейтенант Эссен 1-й доносил графу Ливену из г. Дубны:

«От начальника 10-й дивизии генерал-лейтенанта барона Меллера-Закомельского представлен ко мне вышедший из плена от французов Азовского мушкетерского полка унтер-офицер Замарин с знаменем того полка, которое он спас во время бывшего под Аустерлицем сражения. Унтер-офицер сей показывает, что он в сражении 20 ноября прошедшего года, будучи ранен в левую ногу картечью и в левый бок штыком, оставался на поле до самой ночи,

---

⁷⁴ История старичковского знамени нами подробно описана в № 54 «Военной были».

а когда, собравшись с силами, приподнялся, то между убитыми нашел с раздроблённою в двух местах древкою, без копыя и подтока, Российское знамя, которое, тотчас оторвав от древки, зашил к себе в мундирный рукав, за подкладку. На другом день жителями найден он на месте сражения и, по объявлению их, с прочими нижними чинами взят французами в плен и доставлен в их лагерь, а потом в город Брюнн, оттоль, чрез Страсбург, во Францию, в город Дижон, где находился три месяца в госпитале, а по выздоровлении, имея все при себе знамя, отправлен в город Люневиль для определения в французскую службу, о чем он, узнавши, бежал и при цесарском транспорте добрался до города Вены, а отсель с тридцатью тремя человеками, бывшими в пути под его командою, вышел в Россию» (Кудлинг Г.Э. Аустерлицкие знамена // Военный сборник. 1906).

Знамя это было также возвращено в полк, прибито к новому древку и поставлено в строй. Замарин происходил из дворцовых крестьян, в службе состоял 24 года, в чине унтер-офицера 12 лет. Высочайшим приказом 20 декабря 1806 г. он был уволен от службы подпоручиком, с мундиром и с пенсионом полного жалования.

Прошел еще год, и Азовский полк был осчастливлен известием о спасении его полкового знамени (белого).

В 1807 г. для вывода из Франции русских пленных был назначен ген-майор барон Меллер-Закомельский. По прибытии в Люневиль он получил от солдат пять спасенных ими знамен. Среди них было и белое знамя Азовского полка. Вот что донес об этом знамени генерал 16 февраля 1808 г.:

«Белое знамя Азовского мушкетерского полка, спасенное во время Аустерлицкой баталии того же полка подпрапорщиком Грибовским, который, находясь уже во Франции пленным в городе Дижоне, в госпитале умер, а после его хранено было сие знамя барабанщиком Кирилою Павловым, который, быв угрожаем от французов обыском, отдал оно знамя того же полка унтер-офицеру Шамову, а сей с того времени хранил при себе и представил по команде уже по прибытии в город Люневиль, при формировании временных батальонов» (Г.Э. Кудлинг).

Однако это знамя в полк возвращено не было (до 1905 г.). В 1810 г. генерал Дохтуров поднял вопрос о возвращении этих знамен полкам, но государь ответил, «чтобы полки заслужили себе в деле потерянные знамена», видно, упуская из виду, что все эти пять знамен не были «потеряны», а были «спасены», т. е. не были в руках у неприятеля.

А тем временем войны продолжались и наказанные полки отличались.

Первым удостоился прощения и боевой награды Азовский мушкетерский полк, получивший за свои подвиги в Русско-шведскую войну 1808—1809 гг. простые знамена, взамен утраченных им в сражении 20 ноября 1805 г. О таком награждении этого полка просил генерал граф Каменский следующим рапортом от 28 августа 1809 г. военному министру:

«Оказанные услуги в Финляндии в течение как прошлой, так и нынешней кампании Азовским полком поставляют меня в обязанность, отдав пред начальством должную справедливость, просить в награждение Азовскому полку, так как он во время Аустерлицкого сражения потерял некоторое число знамен, дачи полного положенного числа новых знамен, но не отличных, а обыкновенных». (Моск. отд. архива Гл. штаба. Оп. 152, д. № 435, л. 284).

О таком же награждении Азовского полка просил и главнокомандующий генерал Барклай де Толли всеподданнейшим рапортом от 16 сентября 1809 г. На обоих этих рапортах имеется резолюция графа Аракчеева: «Высочайше утверждено 18 сентября».

В «Документе о русских знаменах начала XIX века», найденном Г. Габаевым, значится: «Азовскому мушкетерскому полку четыре знамя сделаны и отправлены в 1809 году ноября 26 дня».

Полк получил четыре знамени образца 1803 г., 1 белое и 3 цветных. Белое же знамя образца 1797 г. продолжало почивать в архивах. Однако полученные знамена были не Георгиевскими, а только простыми. Подвиг при Шенграбене был забыт.

В 1812 г., по свидетельству Г. Габаева («Роспись русским полкам 1812 г.», с. 157) Азовский полк имел «2 знамени образца 1797 г., пожалованные в 1798 г. и 4 знамени образца 1803 г., пожалованные 8 января 1810 г. 1) за отличие против шведов, взамен считавшихся утраченными в 1805 г.».

Из всего этого следует, что под Аустерлицем Азовский полк потерял не четыре, а три ротных знамени.

Но тут неожиданно внесла сомнение в умы вышедшая в 1903 г. опись Жерве «Знаменам, штандартам, хранящимся в артиллерийском историческом музее». Жерве писал, что в музее находилось 9 знамен образца 1797 г. Азовского полка. Если принять в расчет, что знамя, спасенное Старичковым, стояло с 1866 г. в Калужском соборе, то выходило, что Азовский полк никогда знамен не терял, т. к. в 1903 г. налицо были все 10 знамен, пожалованных ему в 1798 г.

Это шло вразрез с теми документами, которые мы привели, и, главное, с тем фактом, что в архивах Военного министерства хранилось еще белое знамя, спасенное Грибовским. Таким образом, налицо было уже не 10, а 11 знамен, вместо 10 пожалованных, что было, конечно, невозможно.

Но, описывая знамена, Жерве отмечал, что полотнища совершенно утратили свой первоначальный вид и что древки были разные. Можно утверждать, что в Артиллерийском музее стояли не знамена образца 1797 г., а знамена образцов 1797 и 1803 гг., а именно 5 знамен образца 1797 г. и 4 образца 1803 г. Прибавив к ним 2 знамени, хранившиеся в Калуге и в министерстве, получается 11 знамен. Для того чтобы установить потерю 1805 г., следует вычесть это число из общего числа пожалованных полку знамен в 1798 и 1809 гг., т. е. 14, что подтверждает цифру 3. Попали ли они все три в руки неприятеля, установить совершенно невозможно. Все русские знамена, взятые под Аустерлицем, в 1814 г. были тщательно запрятаны парижским архиепископом и его викарием. Оба скоро умерли, не открыв своей тайны. До сего дня эти знамена где-то почивают. Их долго искали, но никогда не нашли.

Русские знамена не носили никаких надписей и различались между собой только расцветкой, для французов они всегда оставались «неизвестными». Правда, император Александр I посылал в Париж генерала графа Толстого с поручением, не привлекая внимания французов, опознать эти знамена. Исполнил ли Толстой это поручение, нам неизвестно.

Не лишено интереса напомнить, как император Николай II исправил несправедливость, допущенную императором Александром I, не вернувшим Азовскому полку его полкового знамени, спасенного Грибовским.

В 1897 и 1898 гг. производилась отправка книг, планов и карт военнo-ученого и общего архивов Главного штаба в его московское отделение, причем во время этих работ были обнаружены хранящимися в одной из ниш архива 7 старых знамен. Среди них были 5 знамен, вывезенных из Франции в 1808 г. ген. Меллером-Закомельским. Все знамена были снабжены ярлыками с подписью генерала и описанием их спасения. Знамена эти хранились до 1816 г. в архиве военно-походной Его Величества канцелярии, а затем, по ее упразднении, были переданы в архив инспекторского департамента, впоследствии переименованный в общий архив Главного штаба, и там... забыты.

Дело было доложено государю, и вот что он решил:

«В 21 день ноября сего 1905 г. по всеподданнейшем докладе Его Императорскому Величеству, Государь Император, принимая во внимание, что на

знамена эти, как не бывшие в руках неприятеля, справедливее смотреть как на спасенные, нежели как на утраченные, и, имея в виду, что вышеуказанные полки участвовали в последующих войнах России и имеют за это участие боевые отличия, Высочайше повелеть соизволил: 1) на передачу пехотным полкам... 45-му Азовскому генерала-фельдмаршала графа Головина, ныне Е.И.В. Вел. Князя Бориса Владимировича... их старых знамен, спасенных чинами сих полков во время Аустерлицкой баталии, для вечного хранения их при полках; и 2) на зачисление в списки этих полков лиц, спасших означенные знамена» («Русский инвалид», 1905 г.).

Так в списки полка был занесен прапорщик Грибовский, а 25 февраля 1906 г. и унтер-офицер Старичков.

Георгиевский штандарт санкт-петербургских улан

То победители, то побежденные, и русские и французы имели право приписывать себе успех. Они у нас брали «орлы», мы у них, знамена...

Ген. Сен-Шаман

Во времена Наполеоновских войн первое место во французской кавалерии, по числу отбитых русских знамен, занимал 1-й кирасирский полк, взявший 25 января (6 февраля) 1807 г., под д. Гоф, три знамени Костромского и одно Днепровского мушкетерских полков⁷⁵. В русской же коннице такое же место принадлежало 1-му уланскому (тогда драгунскому) С.-Петербургскому полку, также отличившемуся отбитием четырех «орлов», одного в 1805 г., двух в 1807 г. и еще одного — в 1812 г.

«Ни один полк Русской армии не стяжал подобного отличия, — писал ген. Михайловский-Данилевский, — ни один из них не вырвал трех “орлов” из рядов наполеоновской армии в войны 1805, 1806 и 1807 гг.». Высочайшим

---

⁷⁵ Но оставивший свой собственный штандарт в Тарутинском сражении в руках казаков Донской бригады полковника Сысоева 3-го.

приказом от 22 ноября 1808 г. С.-Петербургскому драгунскому полку были пожалованы Георгиевские штандарты с надписями: «За взятие у французов трех знамен в сражениях 1805 г. ноября 8 при Гаузете и 1807 г. января 26 и 27 под г. Прейсиш-Эйлау». Препровождая штандарты в полк, император Александр I писал:

«Оказанные Нам услуги в продолжение двух кампаний противу французских войск, во время коих, преоборя все опасности, вы, своею храбростью и неустрашимым мужеством, в сражениях 8 ноября 1805 г. под д. Гаузет и 1807 г. генваря 26 и 27 чисел при Прейсиш-Эйлау, отняли у неприятеля три знамя, обращают особенное Наше внимание».

Эпизоды эти русскими историками вполне разработаны никогда не были, и даже в солидной полковой истории С.-Петербургского полка, составленный ген. Каменским (изд. 1900 г.), три этих отбитых «орла» опознаны не были. Пополняем посильно этот пробел.

«Орел» I эскадрона II драгунского полка, отбитый 8/20 ноября 1805 г. в бою на Рауснице⁷⁶

9 ноября Кутузов доносил императору Александру I:

«Вчерашнего числа, перед вечером, из простой перестрелки на аванпостах, сделалось, наконец, серьезное кавалерийское дело. Неприятель побит и потерял 11-го драгунского полка 1-го эскадрона штандарт, который взят С.-Петербургского драгунского полку рядовым Чумаковым. Штандарт Вашему Императорскому Величеству щастие имею представить».

В тот же день Кутузов объявил войскам о подвиге Чумакова:

«С.-Петербургского драгунского полку, драгун Дмитрий Чумаков, отнявший в сражении у неприятеля штандарт, производится за таковое отличие и оказанную храбрость в унтер-офицеры; сверх того, Его Императорское Величество жалует ему сто червонцев».

Оба эти документа остались неизвестными полковому историку, который пишет, что штандарт был отбит от «кирасир», но приводит подробности его взятия дивизионом майора Гернгросса:

«Вот вахмистр Евдокимов, здоровый и храбрый детина, грудью лошади налегает на неприятельского эстандарт-юнкера, сшибает его с коня, а затем, кинувшись на командира французского эскадрона кирасир, рассекает его ударом

---

⁷⁶ Деревня Гаузет, о которой говорит русская реляция, не обозначена ни на одной современной карте.

палаша. Вот рядовой Чумаков храбро влетает в неприятельский фронт, уда-рами палаша сшибает несколько кирасир и, завидя штандарт, внезапно осе-няется мыслью захватить его. Он сильнее пришпоривает коня и, подскочив к штандарту, смело схватывает его за древко и, несясь рядом с штандартным унтер-офицером, в молчаливой, но ожесточенной борьбе оспаривает честь захватить штандарт в свои руки. Вахмистр Евдокимов и тут подоспел на выручку, он скачет наперерез штандарту и ловким ударом палаша наносит смертельный удар его защитнику. Счастливый Чумаков выхватывает штан-дарт из рук помертвевшего француза...»

Взятый штандарт был представлен государю адъютантом Кутузова, под-поручиком лейб-гв. Семеновского полка Бибиковым и отправлен в С.-Пе-тербург, где он был поставлен в Петропавловский собор. Вахмистр Никита Евдокимов был впоследствии награжден «особым золотым знаком отли-чия». Отметим, что полковая история называет Чумакова не Дмитрием, а Иваном.

Французские источники подтверждают потерю штандарта. Полковая история 11-го драгунского полка отмечает смерть в бою командира полка, полковника Бурдона, и пишет:

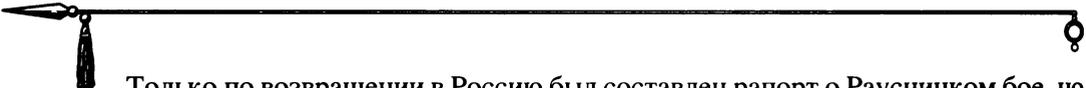
«2-й эскадрон, который шел на правом фланге, был атакован и принуж-ден к отступлению врассыпную. В беспорядке штандартный унтер-офицер был убит и его «орел» потерян»⁷⁷. Тут маленькое противоречие. Кутузов, имевший штандарт в руках, прочел на нем «1-й эскадрон». Противоречие это легко было бы разрешить, если бы существовал точный список знамен, хранившихся в Петропавловском соборе, но такого списка не было. Только в описании Петропавловского собора Новоселова, вышедшем в 1857 г. есть упоминание о поступлении в собор этого штандарта, но Новоселов, совер-шенно игнорировавший дело под Раусницем, считал, что трофей этот был не штандарт, а знамя, отбитое Багратионом под Шенграбенom.

В бою у Раусница 11-й драгунский полк потерял и другой штандарт, но бросившийся на русских капитан 9-го гусарского полка Матэрэ лично отбил его и вернул драгунам.

Через несколько дней имело место Аустерлицкое сражение, в котором с.-петербургские драгуны потеряли свой обоз, а с ним и полковой архив.

---

⁷⁷ В кампанию 1805—1807 гг. французские кавалерийские полки имели четыре «орла», по одному на эскадрон. В 1812 г. число их было ограничено одним на полк.

Только по возвращении в Россию был составлен рапорт о Раусницком бое, но его автор, по небрежности, вместо 8 ноября отнес это дело к 28-му. Императорская Главная квартира запросила Кутузова, были ли боевые столкновения 28-го, т. е. после Аустерлицкого сражения. Кутузов ответил отрицательно, и С.-Петербургский полк остался без награды. Взятый им штандарт, видно, уже забыли. Правда была восстановлена только в 1808 г., но тогда были уже отбиты два других «орла».

«Орел» 2-го батальона 18-го пехотного линейного полка, взятый 26 января (7 февраля), в первый день сражения под Прейсиш-Эйлау

В этот день арьергард кн. Багратиона, отбиваясь шаг за шагом, отходил на Эйлау, энергично преследуемый французами. Положение становилось критическим, и Багратион послал своего адъютанта, известного Дениса Давыдова, к Беннигсену просить содействия конницы. Беннигсен разрешил Давыдову взять два первых, попавшихся ему под руку кавалерийских полка. Случай пал на литовских улан и с.-петербургских драгун, которых Давыдов повел рысью на поле боя. Драгуны немедленно атаковали одну из наседавших на Багратиона пехотных колонн. Наблюдавший атаку ген. Ермолов пишет:

«Полковник Дехтерев, с петербургскими драгунами, атаковал колонну, которая шла по большой дороге. Французы покинули ее, чтобы развернуться в покрытом снегом поле. Поспешность этого перестроения повлекла за собой некоторый беспорядок, которым воспользовались драгуны. Встреченные редким огнем, они увидели свою решительность вознагражденной одним “орлом” и 500 пленными... Никогда не видал я столь стремительной атаки. Я был поражен видом этого полка, несущегося в образцовом порядке по покрытым снегом скатам».

Со своей стороны, французский полковник Ланглуа рассказывает:

«Когда 18-й полк, энергично тесня русскую пехоту, достиг возвышенности, он был внезапно атакован массой конницы, которая проникла в интервалы, не дав батальонам время построить каре. Схватка была отчаянной... когда 13-й конноегерский и драгунская дивизия Клейна прискакали на выручку 18-му, от него оставалось только несколько десятков бойцов, с оружием в руках защищавших еще честь полка, но несчастье уже свершилось. Генерал Лавассер, все шт. офицеры и много офицеров и солдат были тяжело ранены, и, что хуже всего, потерял “орел”».

История С.-Петербургского полка приводит следующие подробности:

«А вот несется еще кучка драгун, они врезаваются в середину пехоты, очищая себе путь, валят палашами французов и доскакивают до знамени. Рядовой

Василий Подворотный сшибает грудью лошади с ног знаменщика, хватается за знамя и между ними происходит борьба, знаменщик вскочил с земли, ухватился обеими руками за знамя и не отдает его. Несколько пуль ранят лошадь Подворотного, но вот подскочил рядовой Дерягин, полоснул знаменщика, тот упал, и знамя осталось в руках у Подворотного. Подскочил и трубач Логинов и стал защищать Подворотного от набежавших на него французов. С другой стороны прискакал прапорщик Апраксин с рядовым Ерофеевым и вахмистром Фоминым и удержали французов. Но тут же исколотый штыками прапорщик Апраксин был свален с коня и не пожелал быть убранным. «Оставьте меня умирать здесь, спасайте знамя», — сказал он и скоро умер... Высока была честь заслужить себе славу и взять такой дорогой трофеей от храбрых французских войск, но не дешево и полку стоил этот день. Убиты подпоручик Верещагин и прапорщик Апраксин и 18 ниж. чинов, ранены 2 офицера и 16 ниж. чинов». «Орел» был взят опять дивизионом майора Гернгросса и вновь в атаке отличился вахмистр Евдокимов. Майор Гернгросс был пожалован орденом Св. Георгия 4-й степени, а вахмистр Никита Евдокимов. Степан Фомин, рядовые Василий Подворотный, Савелий Дрягин, Ефим Ерофеев и трубач Филипп Логинов награждены были знаком отличия Военного ордена⁷⁸.

20-й бюллетень Великой армии признавал потерю знамени:

«“Орел” одного из батальонов 18-го полка не был найден после боя, он, вероятно, попал в руки неприятеля. Эту потерю нельзя, однако, поставить этому полку в упрек. В положении, в котором полк находился, это только несчастный случай. Император даст ему другой “орел”, когда он в свою очередь возьмет у неприятеля знамя». В архивах Ж. Брюнон мы нашли несколько оригинальных писем лейтенанта Лакомба, 18-го полка, в которых он живо передает чувства его товарищей после потери знамени:

«Самая тяжелая для нас утрата — это потеря нашего “орла”. Во время атаки казаков знаменщик 2-го батальона был изрублен. Прикрытие защищалось с большой храбростью, но, изнемогая под ударами сильнейшего в числе противника, все полегло. Понятие чести, которое мы связываем с этой эмблемой, причиняет нам самое большое горе. Нашей репутации нанесен тяжелый удар...» На закате дня взвод петербургских драгун торжественно провез отбитое знамя перед фронтом русских полков. Сюжет достойный кисти художника.

---

⁷⁸ Майор Гернгросс, вахмистр Евдокимов и рядовой Дерягин вскоре после этого прияли смерть храбрых в Фридландском сражении.

«Орел» 1-го батальона 44-го пехотного линейного полка, взятый 27 января (8 февраля) 1807 г. во второй день сражения под Прейсиш-Эйлау

В полковой истории маленькая краткая заметка:

«И в этот второй день Эйлауского сражения Петербургский драгунский полк выказал много доблести и мужества. Ему и в этом сражении удалось вырвать у неприятеля новый трофей его победы. Опять французское знамя развевалось в строю петербургских драгун. Когда наша конница, нысая в первую атаку, погнала французскую пехоту, дравшуюся с первой линией нашей пехоты, рядовой Яков Скрипников налетел на французского знаменщика, опрокинул его и вырвал у него “орла”». Тут все туманно... никто не удосужился просто прочесть номер, стоявший на подножии «орла». Видно, что полковой историк не обладал почти никакими данными об этом эпизоде. Отметим также, что в списке награжденных знаком отличия Военного ордена значится вовсе не Скрипников, а Яков Сырников.

Но опознать взятый «орел» и восстановить картину его взятия не так уже трудно. Из рапортов Беннигсена и наших розысков в архивах известно, что под Прейсиш-Эйлау только два русских кавалерийских полка овладели знаменами, орденские кирасиры и с.-петербургские драгуны, а по ходу сражения 27 января видно, что орденцы атаковали дивизию Едэло, корпуса маршала Ожеро, а петербуржцы — дивизию Дежарден, того же корпуса.

Во французских источниках есть много свидетельств, опубликованных в печати, о потере «орла» 1-го батальона 44-го полка, входившего в состав дивизии ген. Дежардена. Судя по показаниям свидетелей, «орел» был сбит картечью со знамени, а бросившийся его подобрать знаменщик пал под сабельным ударом «русского драгуна». Вот почему можно утверждать, что третий трофей с.-петербургского полка принадлежал именно 44-му полку.

Известны свидетельства некоторых французов, видевших это знамя в русских руках. Так, взятый в плен сержант 14-го пехотного полка Лекуант видел его в ставке Беннигсена, на поле сражения, а капитан 26-го Легкого полка Руссель в Кенигсберге.

Взятые под Эйлау знамена были отправлены в С.-Петербург, торжественно провезены по улицам столицы эскадроном кавалергардов и поставлены в Петропавловский собор.

12 октября 1812 г. по приказанию гр. Аракчева в собор явился подполковник Касторский и взял оттуда все французские «орлы». С тех пор след их потерялся. Дальнейшая судьба их неизвестна.

Но с.-петербургские драгуны взяли еще одного, четвертого, «орла» в 1812 г.

«Орел» 14-го кирасирского полка, взятый 16 (28) ноября 1812 г. на Березине, между д. Стахов и Брили

Штандарт этот, стоявший в Казанском соборе, был помечен: «Взят майором бароном Петром Гильденгоф СПб драгунского полка, на Березине».

16 ноября, прикрывая переправу Наполеона у Борисова, кирасирская дивизия ген. Думерка, вернее ее жалкие остатки, яростно атаковала войска Чичагова, порубила три русских егерских полка и опрокинула одну дивизию, взяв 2000 пленных. Кирасиры подверглись затем атаке с.-петербургских драгун и павлоградских гусар, были, в свою очередь, опрокинуты и оставили в руках русской кавалерии два штандарта, один из коих был взят С.-Петербургским полком.

Полковой историк, ген. Каменский, пишет:

«Разбирая старые полковые дела, присланные из г. Слуцка, где они были оставлены полком, нами найден следующий интересный документ:

“Командиру С.-Петербургского драгунского полка

Того же полка, майора Гильденгофа, рапорт:

Во исполнение повеления Вашего Высокоблагородия от 22 октября 1814 г. за № 667, данное мне от г.г. обер-офицеров свидетельство, что я действительно в прошлом 1812 году, при переправе неприятельской главной армии через р. Березину, с двумя эскадронами, оказал подвиг: разбил кирасир, взял штандарт, капитана и несколько кирасир и при том доношу, что взятый мной штандарт был лично отдан отрядным начальником генерал-адмиралу и кавалеру Чичагову, за что и был представлен с прочими к награждению. Причем Вашему Высокоблагородию оный оригинал представить честь имею и покорнейше прошу не оставить представлением главному начальству, для доведения сего подвига до особы Его Императорского Величества.

Майор Гильденгоф марта 10 дня 1815 г.”

Первое представление было утеряно, а второе не мог подтвердить граф Мантейфель, ибо был убит в сражении под Лейпцигом. Барон Гильденгоф остался без награды, и вообще подвиг его был забыт... даже в полку».

Отметим, что за взятие «орлов» в 1812 г. полков не награждали. Единственным исключением был лейб-гв. Уланский полк, и то, из двух взятых им под Красным «орлов» учли только один. 22 же баварских знамени, найденных лейб-уланами в отбитом фургоне, вообще не были приняты во внимание.

Знамена Великой армии, отбитые в 1812 году

В 1909 г. вышел труд ген. Геккеля «Трофеи войн 1812—13—14 гг.» Это список трофеев, сохранившихся в Казанском соборе, из числа тех, которые были регулярно сданы частями во время кампании. В нем немало погрешностей, ошибок и пробелов, но он является единственным описанием того, что сохранилось в соборе, из которого многое было выкрадено «посетителями». Отметим, что мы совсем не уверены, что все трофеи 1812 г. были сданы в Казанский собор.

В 1913 г. полк. Чуйкевич в своей работе, посвященной кампании 1812 г., сделал попытку подвести итоги трофеям русской армии. В ней также немало ошибок и пробелов. Эти два издания являются единственными известными нам попытками выявить трофеи 1812 г. Такие отрывочные и часто противоречивые данные разбросаны в многочисленных трудах, как русских, так и иностранных. Поскольку можно судить, богатейшие русские архивы разработаны в этом направлении не были. Когда французский художник Эдуард Дегайль в конце прошлого столетия запросил русский Генеральный штаб о французских знаменах, хранившихся в России, ему прислали список того, что находилось в Казанском соборе, но сообщили, что в русских архивах нет указаний о том, при каких обстоятельствах знамена эти попали в русские руки. Что касается архивов французских, то они, в порядке политической чистки после падения Империи, немало пострадали. Сведения, которые они дают, весьма отрывочны. По сей день, в военной исторической литературе вопрос о трофеях 1812 г. полностью разработан не был. Приводя здесь все, что нам удалось собрать после долгих и кропотливых розысков, нам остается выразить сожаление, что и в нашей работе есть еще много пробелов и, вероятно, немало ошибок.

Прежде всего следует отметить, что при наличии почти полного уничтожения Великой армии число потерянных ею знамен было, в общем, ограничено. Французы сделали все, что было в их силах, чтобы спасти знамена. Так, из 35 полков линейной французской пехоты мы не определили судьбу только двух «орлов», 4 были уничтожены, 24 были спасены и только 5 попали в руки русских войск. Сам Кутузов в донесении его императору Александру I от 7 до 19 декабря так объясняет малое количество трофеев:

«Имея счастье повергать к стопам В.И.В. забираемые у неприятеля знамена и штандарты, долгом моим считаю представить приказ от Наполеона выдан-

ный, коим повелено, оставя при каждом комплектном полку по одному только “орлу”, все остальное отправить в депо. Из сего В.И.В. усмотреть изволите трудность, которая представлялась в приобретении неприятельских “орлов”».

Действительно, с 1811 г. во французской армии находилось в строю только одно знамя на полк, когда в русской их было по два на каждый батальон. Но наряду с официальными полковыми знаменами, которые, собственно, и являются трофеями, французские войска имели еще по одному значку на батальон, которые не имели никакой ценности.

Мало знакомые с регламентацией французской армии, русские часто принимали за знамена не только батальонные значки, но и значки, которые носили на алебардах ассистенты при «орлах» и даже подвязанные к трубам платы. Вот почему разобраться в трофеях 1812 г., исследуя только современные русские документы, чрезвычайно трудно.

Справедливость требует также отметить, что некоторые знамена не были взяты в бою, а просто подобраны на поле боя, среди убитых и замерзших воинов Великой армии. Вот что нам удалось установить.

25/27 июля в Кобрине, в руки войск ген. Торماسова, при сдаче в плен после боя остатков саксонской бригады ген. Клингеля достались два знамени и два штандарта. Знамена принадлежали 1-му батальону Королевского и 2-му батальону Неземеншельского пехотных саксонских полков, а оба штандарта уланскому Клемента полку. 1) Знамена и один из штандартов находились в Казанском соборе (второй штандарт из собора исчез). Нам не удалось установить, кто именно взял эти трофеи.

8/20 сентября у Несевичи взвод Александрийского гусарского полка поручика гр. Буксгевдена отбил в бою три штандарта австрийского легкоконного полка О. Рейи. Штандарты эти были возвращены, в 1812-м же году, Австрии и находятся сейчас в Вене.

8/20 сентября под Ригой рядовой Идрик, 3-го егерского полка, взял в бою прусский значок. Попав затем в плен, он сохранил значок на себе и, будучи в феврале 1813 г. освобожден из плена, представил его Витгенштейну. Дальнейшая судьба значка неизвестна.

29 сент./11 октября при взятии штурмом Вереи рядовой Старостенко, Вильманstrandского пехотного полка, взял знамя 1-го батальона 6-го Вестфальского пехотного полка. Знамя находилось в Казанском соборе.

6/18 октября в Тарутинском сражении донская казачья бригада ген. Сысоева 3-го взяла штандарт 1-го французского кирасирского полка. Кто именно взял

штандарт, неизвестно. Защищавший его корнет де Берлемон получил 13 ран. Штандарт этот находится теперь в Московском Историческом музее.

12/24 октября у о. Глубокого обозы 6-го (баварского) корпуса и их прикрытие были внезапно атакованы гвардейской конницей. Эскадрон лб.-гв. уланского полка (а не лб.-гв. гусарского, как о том говорят некоторые источники) поручика Глазенапа, отбил фургон, в котором найдено 22 баварских знамени, принадлежавших 11-и баварским пехотным полкам. Все эти знамена, за слабосильностью баварских полков (1500 бойцов в 11 полках), были упакованы и помещены в фургон. Это дело дало повод наградить знаком отличия Военного ордена особенно отличившихся в 1812 г. лейб-улан, а именно унтер-офицеров Кондратенко и Глоба, рядовых Прокофьева, Крохмалева, Коваленко, Демьяненко, Рябенко, Вороха, Чичика, Никитенко, Нагорнаго, Мораханова, Петрова, Давыдова, Хотицкого, Галушко, Селиванова и трубача Окунева. Эти знамена потом находились в Казанском соборе, причем некоторые из них были ошибочно прибиты не к своим древкам.

13/31 октября у Малоярославца, по свидетельству ген. Ермолова, не подтвержденному другими источниками, казаки Платова отбили одно польское знамя. В Казанском соборе находилось одно древко, с дощечкой «орла», которое, по мнению одного польского историка, могло принадлежать 15-му польскому пехотному полку, который сильно пострадал в бою с казаками под Малоярославцем.

19/31 октября у Колоцкого монастыря Атаманский полк отбил, по русским источникам, «два знамени», в действительности батальонные значки 1-го и 2-го батальонов 7-го французского полка легкой пехоты. Оба значка находились в Казанском соборе, причем значок 2-го батальона был прикреплен к древку с «орлом» от польского знамени. По этому случаю польский «орел» был ошибочно приписан 7-му пехотному польскому полку.

22 окт./3 ноября у Вязьмы казаки Платова отбили батальонный значок 3-го батальона 7-го французского полка легкой пехоты.

Ген. Крейц свидетельствует также о взятии в тот же день, под Вязьмой, *двух* других пехотных французских значков, сибирскими и курляндскими драгунами, о которых русские официальные рапорты не упоминают. Возможно, что это были значки 4-го и 6-го батальонов того же 7-го полка, которые также поступили в К.С.⁷⁹. Отметим, что полковой «орел» 7-го легкого полка,

---

поврежденный русским ядром в Прейсиш-Эйлауском сражении, был спасен французами и вынесен из России.

Чуйкевич пишет, что между 16/28 окт. и 24 окт./4 ноября, при преследовании от Малоярославца, было взято одно французское знамя, о котором не упоминают современные русские документы. Вероятно, это штандарт 28-го французского драгунского полка, разбитого в этом районе донцами. Штандарт был найден у жителей в феврале 1813 г. и препровожден в К.С. Был ли он взят и не представлен по начальству или просто найден, неизвестно. С 1911 г. он находился в Юхновском соборе.

24 окт./6 ноября между Вязьмой и Дорогобужем были взяты «два гвардейских штандарта», в действительности оказавшиеся трубаческими платами, найденными казаками на телах убитых трубачей 2-го гвардейского уланского (голландского) полка, совершенно изрубленного эскадрона капитана Шнейтера. В России находилось 7 таких платов, принятых по ошибке за штандарты.

26 окт./8 ноября у Базикова полк. Тарасов, командовавший донским казачьим Иловайского 3-го полком, собственноручно взял одно знамя, определить которое мы не смогли.

3/15 ноября в ночном бою на улицах Волковыска рядовой Мисотников, Вятского пехотного полка, взял знамя 2-го батальона саксонского пехотного полка Фридриха-Августа. Потерявший знамя знаменщик Штейнбах был выгнан с позором из полка и брошен на произвол судьбы.

3/15 ноября у Кайдан Стародубовский драгунский полк взял два польских знамени, которые были сданы в К.С. Определить полки, которым принадлежали знамена, не удалось. Геккель пишет о 14-м пехотном польском полку, который в действительности не принял участия в этом деле. Неизвестно и кто взял эти знамена. Командовал стародубовцами полковник Наний.

Между 3/15 и 6/18 ноября в сражениях под Красным было взято несколько знамен и значков, но данные о них в русских изданиях противоречивы. Чуйкевич доводит их числом до 15, Кутузов свидетельствует о 6. Вот что мы определили:

3/15 — рядовой Гомза, лб.-гв. Уланского полка отобрал «в пехотной колонне, от кавалерийского офицера — штандарт». Возможно, что это «орел» с цифрой 4, сданный в К.С., который Геккель приписывает 4-му пехотному полку, который в действительности спас и вынес из России своего «орла». Мы думаем, что «орел» принадлежал 4-му французскому легкоконному полку, остатки которого были совершенно уничтожены под Красным.

4/16 — знамя 35-го французского линейного пехотного полка. Древо, «орел» и ленты были взяты унтер-офицером Яковлевым и рядовым Осиповым, Полтавского пехотного полка, а полотнище — рядовым Скидановым, Нижегородского пехотного полка, что свидетельствует, что знамя это было сорвано с древка. Значок одного из ассистентов 35-го полка был взят полковником Давыдовым, которому некоторые источники ошибочно приписали взятие «орла». Полк. Давыдов командовал Московским драгунским полком. Полотнище со временем было украдено из К.С. «Орел» сейчас в Эрмитаже, а значок был после революции продан и вернулся во Францию.

5/17 — донской генерал Карпов отбил «пять знамен», среди которых находилось 3 русских знамени и 1 значок, найденный французами в Московском арсенале.

5/17 — Ревельский пехотный полк отбил батальонный значок 1-го полка вольтижеров Молодой гвардии, пожертвовавшего собой, прикрывая отход других войск. У этого полка знамени не было, а было только два значка.

6/18 — корнет Карачаров и рядовой Дарченко, лб.-гв. Уланского полка, отбили в бою знамя 18-го французского пехотного полка и унтер-офицер Зезекало, Полтавского пехотного полка взял значок ассистента 46-го линейного французского пехотного полка. «Орел» 18-го полка сейчас в Эрмитаже, а значок 46-го вернулся во Францию. Отметим, что значки ассистентов 35-го и 36-го полков не находились в К.С.

К числу взятых под Красным знамен следует прибавить полотнище знамени 127-го пехотного линейного французского полка («орел» был вынесен из России), найденное в 1827 г. на базаре в Нахичевани у урядника Безмолитвенного, который в 1812 г. не представил его начальству. К этому знамени Геккель ошибочно отнес и «орел» без номера, находившийся в К.С. — в действительности 145-го полка и взятый в 1813 г.

9/21 ноября у Борисова отряд гр. Ламберта отбил два польских знамени. Знамя 1-го линейного пехотного полка было взято Арзамасским драгунским полком. Другое знамя, неизвестно кем взятое, принадлежало или 14-му пехотному полку или 7-му уланскому (бывшему 1-му легкоконному). Оба эти знамени находились в К. С.

10/22 ноября у Уши донской казачий Луковкина полк отбил одно польское знамя (14-го пехотного или 7-го уланского полков). Об этом трофее упоминают многие источники, но в рапорте полковника Луковкина о нем ничего нет.

М.И. Платов. Художник Т. Филипп

15/27 ноября на Березине войсками Витгенштейна и Платова отбито «четыре знамени». При пленении остатков дивизии Партуно были взяты знамена 44-го и 126-го французских линейных пехотных полков. Знамя 126-го (голландского) полка было взято капитаном (фамилия неизвестна) 23-го егерского полка, адъютантом ген. Властова, знамя же 44-го полка как будто бы было найдено зарытым в снегу.

Майор Виддер, Финляндского драгунского полка, взял значок, который мы не определили (Геккель ошибочно указывает на 17-й пехотный полк). По свидетельству английского капитана Даусона, одно из взятых знамен принадлежало Итальянской гвардии. В Казанском соборе находился штандарт итальянского драгунского полка королевы и платы от труб итальянских гвардейских драгун.

16/28 ноября на Березине войсками Чичагова было взято 2 штандарта. Штандарт 14-го кирасирского полка (голландского) был взят майором Гильденгофом, С.-Петербургского драгунского полка, и штандарт 3-го французского легкоконного полка, взятый как будто павлоградскими гусарами. Последний Геккель приписал 3-му польскому гвардейскому уланскому полку, который в действительности не имел штандарта, и отнес его взятие к делу у Слонима, что явно не соответствует действительности.

21 ноября/3 декабря у Латигалья отрядом ген. гр. О'Рурка взяты полковые штандарты саксонских полков гвардейского и кирасирского Цастрова. Остальные 6 эскадронных штандартов этих полков также были потеряны в России, но на их след мы не попали. Известно только, что потерявший их фендрик Дитмар был с позором выгнан из саксонской армии.

21 ноября/3 декабря донские казаки ген. Мартынова отбили штандарт как будто 15-го польского уланского полка (без древка и «орла»), который находился потом в К.С.

21 ноября/3 декабря, по донесению Платова, отряд Атаманского полка, полковника Кирсанова, взял «гвардейский штандарт,» определить который мы не смогли и который не находился в К.С.

27 ноября/9 декабря у Вильны Сеславин донес о взятии «орла». Это, вероятно, штандарт 4-го французского кирасирского полка. Штандарт этот был потерян (отвязался от седла), подобран унтер-офицером 14-го кирасирского полка и украден у него, с другими вещами, мародером. Как он попал в руки партизан, неизвестно.

Неизвестно, какого числа и при каких обстоятельствах, под Вильной унтер-офицер Пономаренко, Мариупольского гусарского полка, овладел штандартом 9-го французского кирасирского полка.

28 ноября/10 декабря Платов донес о взятии 4 знамен между Вильной и Ковно. Это были знамена 2-го батальона саксонского полка Рехтен, 1-го и 2-го батальонов саксонского полка Лова и 2-го батальона Франкфуртского пехотного полка. Все четыре находились в К.С.

Позднее Платов сообщил, что Ольвиопольский гусарский полк взял еще в этот день «три штандарта», вероятно трубачские платы, т. к. в 1813 г. Платов не упоминает больше об этих трофеях.

2/14 декабря у Ковно Платов взял еще «три знамени», среди них значок ассистента 17-го французского пехотного полка, взятый майором Карауловым (в современных рапортах фамилия его искажена на Карачкова), и «два батальонных знамени, изорванные в драке», определить которые мы не могли. Отметим, однако, что в К.С. поступил разорванный штандарт со следами цифры 11 на дощечке «орла». Возможно, что он принадлежал 11-му гусарскому полку (голландскому), остатки которого погибли под Ковно. Заметим также, что дирекция К.С. прибила значок 17-го полка на древко с орлом 4-го.

10/22 декабря ген. Кутузов доносит о взятии между Вильной и Ковной одного знамени, о котором мы ничего не нашли.

11/23 декабря Платов сообщает из Волковыска о взятии двух штандартов и пяти полотняных значков. Значки безусловно принадлежали 1, 2, 3, 4 и 6-му батальонам 2-го французского пехотного полка (К.С.), а о штандартах данных не найдено.

12/24 декабря в Кайданах было найдено на пленном полотнище одного знамени Французской гвардии. Возможно, что это штандарт итальянского драгунского полка королевы, прибитый русскими на немецкое древко (от знамени Вюрцбургского полка, взятого в 1813 г.).

Вообще, в русских рапортах 1812 г. часто упоминается о взятии знамен и штандартов Императорской гвардии. В.К.С. гвардейских знамен не было. Были ли таковые в других местах, неизвестно. Французская гвардейская пехота проделала кампанию 1812 г. при двух знаменах на 20 полков. Мы склонны думать, что под термином «гв. штандарты» следует подразумевать трубачевские платы, но есть вопрос, который мы не разрешили. После революции во Франции было продано знамя 1-го гвардейского гренадерского полка, а в Эрмитаже стоит сейчас «орел» с цифрой 1 — неизвестного полка.

14/26 декабря у Инстербуга отрядом ген. Кутузова было взято четыре значка. В этот день попали в плен остатки 2-го гвардейского уланского полка. Возможно, что «четыре значка» являются в действительности платами от труб.

Всего же в кампании 1812 г. в руки русских войск попали следующие знамена, не считая всевозможных значков, которые трофеями посчитаться не могут:

Французские

1. 18-го лин. пех. — «орел» и знамя
2. 35-го лин. пех. — «орел» и знамя
3. 44-го лин. пех. — «орел» и знамя
4. 106-го лин. пех. — «орел»
5. 126-го лин. пех. — «орел» и знамя
6. 127-го лин. пех. — знамя
7. 1-го кирасирского — «орел» и штандарт
8. 4-го кирасирского — «орел» и штандарт
9. 9-го кирасирского — «орел» и штандарт
10. 14-го кирасирского — «орел» и штандарт
11. 3-го легкоконного — «орел» и штандарт
12. 28-го драгунского — «орел» и штандарт
13. 4-го (вер. легкоконного) — «орел»
14. 11-го (вер. гусарского) — «орел» и треть штандарта.

Кроме того, в С.-Петербургском артиллерийском музее хранились частицы старого знамени 124-го линейного пехотного полка, которые не имели никакой ценности, т. к. в 1812 г. этот полк имел новое знамя, которое он вынес из России. На выставке в Москве в 1912 г. фигурировали еще три «орла» неизвестных полков, один из которых был найден на Бородинском поле.

Следует отметить судьбу «орла» 106-го полка. Мы отыскивали протокол об уничтожении этого «орла» в ноябре 1812 г. по приказу принца Евгения. В 1927 г. этот «орел», никогда не бывший в К.С., был продан во Францию. Он действительно сильно поврежден ударами молотка. Должно быть, он был найден, но остался в частных руках.

Баварские

Полные знамена 1-го и 2-го батальонов пехотных полков:

1. 1-го Королевского
2. 2-го наследного принца
3. 3-го принца Карла
4. 4-го герцога Саксонского
5. 5-го графа Прейсинга
6. 6-го герцога Вильгельма
7. 7-го принца Левенштенского
8. 8-го герцога Пиус
9. 9-го графа Изенбурга
10. 10-го барона Сен-Бриера
11. 11-го барона Кинкеля — всего 22 знамени.

Вестфальское

1. 1-го батальона 6-го линейного пехотного полка.

В К.С. под этикеткой «Вестфальский штандарт» хранился шведский штандарт Финляндского драгунского полка, отбитый в 1808 г.

Саксонские

1. Королевского пехотного полка
2. Пехотного полка Низемейшеля
4. Пехотного полка Лов
5. Пехотного полка Рехтен
6. Пехотного полка Фридриха-Августа
7. Гвардейского кирасирского полка
8. Кирасирского полка Цастрова
9. 10. Уланского полка Клемента.

Соответственно:

1-го батальона

2-го батальона

1-го и 2-го батальонов

2-го батальона

2-го батальона

1-го эскадрона

1-го эскадрона

два штандарта

Кроме того, саксонцы признают потерю в России всех четырех штандартов гв.-кирас., кирас. Цастрова и уланских Клемента и Альбрехта полков.

Австрийские

1. 3-го легкоконного полка О'Рейи — три штандарта.

Франкфуртское

1. Пехотного полка фон Цвейера 2-го батальона.

Итальянское

1. Драгунского полка королевы

1-го эскадрона.

Отнесенные Геккелем к 1812 г. три неаполитанских знамени были действительно взяты в 1813 г. в Данциге.

Польские

1. 1-го пехотного «орел» и знамя

2. 14-го пехотного «орел»

3. Неизв. пех. древко и дощечка от «орла»

4. Неизв. пех. «орел» (на древко прибит французский значок)

5. Неизв. пех. «орел» (на древко прибито баварское знамя)

6. 7-го уланского «орел» и штандарт 1-го легкоконного полка

7. 15-го уланского штандарт.

Всего 59 знамен.

Следует упомянуть и четыре значка, которые долгие годы стояли в К.С. под названием бергских штандартов и знамен. Геккель пишет, что они были взяты на Березине. Знатоки итальянских знамен утверждают, что это совсем не бергские штандарты, а батальонные значки Итальянской гвардии. Обстоятельства, при которых эти значки попали в русские руки, еще не выяснены.

Интересно проследить судьбу трофеев 1812 г. В 1912 г. большая часть их была, по высочайшему повелению, передана из К.С. на юбилейную выставку

1812 г., открытую в Москве, в здании Арсенала. Из этой выставки должен был быть создан Музей 1812 г., и знамена были переданы на постоянное хранение. После революции знамена были переданы в Военно-исторический музей, а оттуда в 1924 г. в Государственный Исторический музей. В 1937 г. большая часть знамен была отправлена в Ленинградский артиллерийский музей.

В настоящее время трофеи, находившиеся до 1912 г. в К.С., расплынены по многим местам, но большая часть их находится в Эрмитаже.

Революционные годы и частые перемещения не могли не отразиться на знаменах. Кое-что исчезло, кое-какие знамена были возвращены Польше, некоторые знамена потеряли «орлы», другие — полотнища.

Австрийские трофеи александрийских гусар

8/20 сентября 1812 г., при нечаянном нападении конного отряда генерал-адъютанта графа Ламберта у с. Несевичи, александрийские гусары отбили три австрийских штандарта 3-го легкоконного полка Орелли.

В русской военной истории это был первый случай отбития в бою австрийских знамен. До 1914 г. он оставался единственным.

Действительно, при несомненном отсутствии взаимных симпатий русские и австрийские войска неизменно сражались бок о бок, и, кроме обоюдной комедии 1809 г., случая помериться в бою до 1812 г. не было.

Эпизод этот не был еще достаточно освещен в исторической литературе, и, во всяком случае, о судьбе этих штандартов не было как будто никаких данных.

Об этом деле граф Тормасов доносил Кутузову:

«8 сентября... гр. Ламберт, узнав от пленных, что того же дня должен прийти в селение Несевичи с кавалерийским отрядом австрийский генерал Цейхмейстер, не медля нисколько, отправился туда с частью своей кавалерии и перед рассветом, напав на неприятельский лагерь, разбил неприятеля и обратил его в бегство. При сем деле взято в плен: шт. офицеров — 1, оберофицеров — 8, рядовых — 150, лекарей — 3 и три штандарта легкоконного полка Орелли.

В сем деле особенно отличились: командовавший ген. адъютант гр. Ламберт, гвардии лейб-гусарского полка полковник князь Багратион и Александрийского полка поручик граф Буксгевден, который при случае, командуя полуэскадром, взял у неприятеля сии штандарты. Я справедливо считаю доставить ему счастье поднести сии Его Императорскому Величеству. Покорнейше прошу у Вашей Светлости удостоить его, яко храброго офицера, сего отличия».

В своей истории войны 1812 г. Михайловский-Данилевский пишет:
«Один эскадрон полка Орелли, с тремя штандартами, продвигался по дороге, которую перерезал взвод александрийских гусар, под командой поручика гр. Буксгевдена. Офицер не успел подать команды, как его гусары сами бросились на австрийцев и отбили их три штандарта».

К несчастью, полковая история не сохранила имен гусар, которые действительно отбили штандарты. Они, без сомнения, существуют в русских архивах, но извлечь их из забвения никто еще в России не удосужился.

Взятие штандартов в бою — большой подвиг, за который обыкновенно награждали не только тех, кто этот подвиг совершил, но также и полк, форму которого они носили.

Александрийские гусары награждены не были, и их трофеи возвращены Австрии.

Во французском издании записок гр. Ланжерона сохранились тексты писем, которыми при этом случае обменялись граф Румянцев и князь Меттерних. Приводим их отрывки.

Вот что писал 14/26 октября 1812 г. Румянцев:

«Одна из военных случайностей предоставила Его Императорскому Величеству три штандарта знаменитого легкоконного полка Орелли. Он их получил от Марии-Терезии и должен о них сожалеть, так как он прославил их своей храбростью. Его Величество, этим письмом, которое я пишу по Его указанию Вашему Превосходительству, просит Его Величество, Императора Австрийского, оказать Ему дружескую услугу, приняв эти штандарты, возвратить их храбрым воинам, которым они принадлежали...»

Император Александр просит Императора Франца сохранить его просьбу в тайне. Фельдъегерь, который везет штандарты, не знает, какой ценный залог ему вручен... Его Величество признается, что Ему было бы тяжело представить взорам его подданных то, что могло бы напоминать те времена, которые Государь желал бы вычеркнуть из летописи истории».

Одновременно императрица Елисавета Алексеевна писала своей матери, принцессе Баденской:

«Посланец, которому вручено это письмо, везет также в Вену три штандарта, отбитые от князя Шварценберга. Да поможет это решение Государя осветить Австрии тот единственный путь, на который она должна стать».

1 декабря Меттерних отвечал Румянцеву:

«Его Императорское Величество приказал мне просить Вас, граф, засвидетельствовать перед Императором, Вашим Августейшим повелителем, Его особенную признательность за тот знак внимания, который Его Императорское Величество Ему оказывает, отсылая штандарты полка Орелли, которые превратности войны отдали в руки Русской Армии... Император не может лучше отдать справедливость благородным причинам, которые продиктовали решение Императора Александра, как приняв эти трофеи, отбитые храбростью и возвращенные дружбой».

В австрийских источниках нет упоминания о потере этих штандартов и ничего о их дальнейшей судьбе. В Военном музее в Вене много штандартов старой армии, разных эпох, но как найти те, которые нас интересуют, да и сохранились ли они после 150 лет?

Предпринятые в этом направлении розыски увенчались успехом. После ознакомления с историями австрийских полков удалось выяснить, что полк Орелли впоследствии носил имя 8-го уланского. Среди массы старых штандартов мы отыскали три штандарта, пожалованные этому полку императором Карлом IV, отцом императрицы Марии-Терезии.

Других штандартов этот полк как будто бы не получал до более поздних времен, а потому можно утверждать, что эти три штандарта и являются трофеями александрийских гусар. Штандарты сравнительно хорошо сохранились. Один из них, четырехугольный, вероятно, полковой, и два с косицами. Прибиты они, несомненно, на позднейшие древки. На копьях вензель императора Фердинанда I.

Следует добавить, что в решении императора Александра I не надо видеть только политический жест. Полк Орелли дрался в Италии в 1799 г. под знаменами Суворова, и в несчастный день Аустерлицкой баталии он пожертвовал собой, прикрывая отход разбитой русской пехоты Буксгевдена, отца поручика Буксгевдена.

Эти заслуги перед русской армией не могли не тронуть чувствительное сердце русской царя.

С.П. Андоленко

Русские инженерные войска в Отечественной войне 1812 года

В начале войны русские инженерные войска состояли из двух пионерских полков трехбатальонного состава. Каждый батальон состоял из одной минерной и трех пионерских рот. Ввиду большой разбросанности инженерных частей фактическая организация была ротная. При артиллерии существовали понтонные роты. Лишь в 1802 году инженерные войска были отделены от артиллерии. Русские инженерные войска сыграли значительную роль в победе над Наполеоном. Под Бородином были возведены четыре группы укреплений: 1) на правом фланге редут и два люнета; 2) в центре батарея Раевского; 3) Багратионовы флеши; 4) впереди Бородина редут Шевардино. При отступлении, а потом при наступлении инженерные войска много поработали в строительстве огромного количества мостов, переправ и дорог.

Кутузов, сам воспитанник Инженерной школы, приказал сформировать конные отряды сапер, чтобы те могли выезжать вперед и своевременно чинить дороги. Вторжение Наполеона в Россию и присоединение Царства Польского указали на необходимость укрепления российских западных границ. Для чего потребовалось значительное число военных инженеров и в 1819 году были открыты военно-инженерное училище и академия (под названием Главного инженерного училища с верхним офицерским классом — ныне Инженерная академия).

Шевардинский редут в 1911 г. Фото С.П. Прокудина-Горского

Сам император Николай I проявлял особый интерес к военно-инженерной обороне России и лично составил записку «О системе обороны западного фронта». Инженерное дело совершенствовалось и развивалось.

В 1829 году пионерные батальоны были переименованы в саперные батальоны, а понтонные парки, которые находились в ведении артиллерии, были переданы инженерным войскам.

По материалам журнала «Военная быль»

Польские «орлы» и знамена, взятые войсками в кампанию 1812—1813 гг.

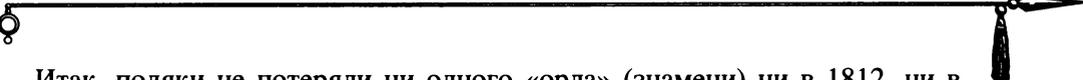
Польский историк Гембаржевский, разбирая вышедшую в 1909 г. работу генерала Геккеля «Трофеи войн 1812—1813—1814 годов», хранящиеся в Казанском соборе, писал:

«Я думаю, что наши разногласия вытекают из убеждения автора, что все эти знамена были взяты в бою. Это мнение не вполне соответствует истине, во всяком случае, что касается всех польских знамен, которые находятся в Казанском соборе... В 1814—1815 гг. во время организации новой польской армии цесаревичем Константином Павловичем старые польские знамена были сданы в Варшавский арсенал и оттуда, по приказанию великого князя, были отправлены в Казанский собор. Важные документы, касающиеся этого дела, находятся в архивах русского Генерального штаба...»

Статья г. Гембаржевского была любезно помещена в «Журнале Императорского Русского военно-исторического общества» без комментариев. Среди русских историков не нашлось никого, кто бы мог ответить г. Гембаржевскому, что указывает на то, что трофеи русских войск были покрыты «мраком неизвестности», даже для крупных военных историков.

В других источниках мы нашли другое письмо того же польского историка:

«В кампаниях 1809, 1812 и 1818 гг. польская армия доблестно несла свои «орлы», и, несмотря на ужасные события войны против русских и почти полное уничтожение многих полков, ни одна из этих эмблем военной части не была потеряна в 1812 г. на полях сражений. Благодаря самоотверженности полковника Сзимановского все знамена, пушки и даже зарядные ящики польских полков были спасены».

Итак, поляки не потеряли ни одного «орла» (знамени) ни в 1812, ни в 1813 гг. и те, которые стояли в Казанском соборе, были туда посланы русским великим князем, который воспользовался своим положением наместника, чтобы украсить Казанский собор старыми польскими знаменами.

Тезис, безусловно, «патриотический», но который не выдерживает критики.

Что касается этих знамен, которые будто бы «изъяты» нещепетильным цесаревичем и превращены в «трофеи», г. Гембаржевский пишет:

«Существует официальная корреспонденция генерала Домбровского от 5 мая 1814 года, из которой следует, что полковник Коссинский, командующий единственным оставшимся польским пехотным полком, получил на хранение 9 “орлов” с 5 полотнищами».

Г. Гембаржевский не приводит списка этих «орлов».

Нам удалось, однако, этот список отыскать, а равно и другой, а именно знамен, сданных позже в Варшавский арсенал полковником Блисзинским.

Достаточно сопоставить списки знамен спасенных поляками и знамен, находившихся в Казанском соборе, чтобы убедиться в полной несостоятельности версии г. Гембаржевского.

Знамена, находившиеся в Польше в 1814 г.

- 1-й пехотный. «Орел» и знамя
- 4-й пехотный. 2 «орла» и знамени.
- 6-й пехотный. «Орел» и знамя.
- 8-й пехотный. «Орел».
- 12-й пехотный. «Орел».
- 15-й пехотный. «Орел».
- 16-й пехотный. «Орел».
- 1-й кавал. 2 «орла» и штандарт.
- 2-й кавал. «Орел» и штандарт.
- 11-й кавал. «Орел» и штандарт.

Знамена в Казанском соборе

- 1-й пехотный. «Орел».
- 5-й пехотный. «Орел».
- 7-й пехотный. «Орел».
- 10-й пехотный. «Орел».
- 11-й пехотный. «Орел».
- 13-й пехотный. 2 «орла» и знамя.
- 14-й пехотный. «Орел».

1-й конноегерский «Орел» и штандарт.

15-й уланский. «Орел» и штандарт.

«Орел» неизв. пехотного полка.

Беглого взгляда достаточно, чтобы убедиться в разности этих списков.

В своей статье 1909 г. г. Гембаржевский утверждал, что польские полки имели только один «орел», находившийся при 1-м батальоне и что вторые батальоны имели только знамя без орла, и пользуется примером 1-го пехотного полка, чтобы уличить русских. Но почему же тогда 4-й и 13-й пехотные и 1-й кавалерийский полки имели по два «орла»? Нетрудно допустить, что один из «орлов» 1-го пехотного полка был спасен поляками, а другой взят русскими. Что касается 1-го кавалерийского и 1-го конноегерского полков, то идет ли речь об одном и том же полку? Но даже если это тот же полк, то можно ли утверждать, что у него было только два штандарта?

Мы не знаем, заменили ли поляки потерянные «орлы» новыми, но известно, что некоторые польские полки имели больше двух «орлов», как, например, 4-й пехотный, два «орла» которого находятся в 1814 г. в Варшаве, а 3-й в развалинах Шпандуа найден в 1832 г. пруссаками.

Итак, если даже цесаревич Константин и отправил кой-какие знамена в Россию, они не были помещены в Казанский собор.

В Московском арсенале было несколько польских знамен, три из коих были переданы в 1912 г. по высочайшему повелению в Музей 1812 г. и неко-

Казанский собор. Гравюра XIX в.

торые другие возвращены советским правительством Польше, после неудачной войны 1920 г.

В 1812 г. польские войска были разгромлены. Сохранение ими всех их «орлов» было бы, безусловно, чудом. Надо ли добавить, что все эти потери отнюдь не набрасывают тень на польские войска, доблесть которых общеизвестна и не нуждается в защитниках.

Приведем теперь все, что мы собрали о польских «орлах», находившихся в Казанском соборе. Конечно, в числе их есть несколько «неизвестных», но большая часть их была взята или в бою, или во взятых крепостях. Вот все известные нам случаи взятия польских знамен в кампаниях 1812—1813 гг.:

13/25 октября 1812 г.

Малоярославец. Казаки Платова взяли одно польское знамя (свид. ген. Ермолова).

15 ноября 1812 г.

Кайданы. Два польских знамени взяты у корпуса ген. Коссецкого авангардом гр. Ламберта (Стародуб. др. полк).

9/21 ноября 1812 г.

Борисов. На штурме города авангардом гр. Ламберта у корпуса ген. Домбровского взято два знамени (одно из них Арзамаским др. полком).

5/17 декабря 1812 г.

Кутузов получил от Платова одно отбитое польское знамя.

24/5 апреля 1813 г.

При капитуляции Ченстохова взято два польских знамени.

17/29 апреля 1813 г.

При капитуляции Данцига взято три польских знамени.

23/4 сентября 1813 г.

Черниц. Одно польское знамя взято отрядом кн. Кудашева.

23/5 декабря 1813 г.

Три польских знамени взято при капитуляции Замостья.

А всего 15 «орлов», из коих 14 удостоверенных официальными документами. В 1912 г. в Казанском соборе находилось 11 «орлов» и 3 были переданы в Музей 1812 г. из Московского арсенала, т. е. опять 14 «орлов».

Вот список этих знамен:

В Казанском соборе:

- 1) 1-го пехотного полка. «Орел» с номером полка, взят в Борисове.
- 2) 5-го пехотного полка. «Орел» без номера, взят в Данциге.

- 3) 7-го пехотного полка. «Орел» без номера (неизвестно).
- 4) 10-го пехотного полка. «Орел» с номером, в Данциге.
- 5) 11-го пехотного полка. «Орел» с номером, взят в Данциге.
- 6) 13-го пехотного полка 1-го бат. «Орел» с номером, взят в Замостье.
- 7) 13-го пехотного полка 2-го бат. «Орел» с номером, взят в Замостье.
- 8) Неизвестного полка. «Орел» без номера, взят в Замостье.
- 9) 14-го пехотного полка. «Орел» с номером, взят в Кайданах.
- 10) 1-го конноегерского. «Орел» и штандарт с номером, взят в Борисове.
- 11) 15-го уланского полка. Штандарт полка и пех. «орел» (неизвестно).

В Московском арсенале:

Два неизвестных польских знамени.

1-го конноегерского полка. «Орел» и штандарт.

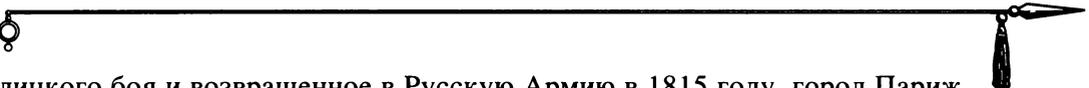
Итак, в России как будто бы находилось 14 польских «орлов», отбитых в 1812—1813 гг., взятие которых подтверждается документами и одной аттестацией о сдаче Платовым Кутузову от 5/17 декабря 1812 г. одного польского знамени. Можно предполагать, что речь идет о знамени, взятом под Малоярославцем, которое Платов временно удержал при себе. Действительно, взятие знамени под Малоярославцем не обозначено в современных документах, но свидетельство Ермолова весьма определенно (13 пушек и 1 знамя отбиты от поляков казаками Платова). Заметим, что в официальных бумагах мы нашли данные только об одном польском знамени, отбитом казаками, что подтверждает наше предположение.

Что касается 14 польских «орлов», попавших в русские руки, то принадлежность их определенным полкам была установлена в 8 случаях. Пять не были опознаны или же опознаны «приблизительно», так как поляки имели присутствие духа отбить номер полка. Что касается 15-го уланского полка, то русские, по небрежности, соединили штандарт (полотнище) этого полка и «орел» неизвестного пехотного полка.

Бутырское знамя в Брюсселе

Перед нами старая уже расписка:

«По доверенности от капитана Ергина получил знамя, хранившееся у российского военного агента в г. Риме, капитана 1-го ранга фон Дена, принадлежавшее мушкетерскому полку, попавшее в плен после Аустер-

лицкого боя и возвращенное в Русскую Армию в 1815 году, город Париж 21 октября 1938 г.

Рустан Мурза Тайганский»

Подпись неразборчива, и за верность ее мы не ручаемся. Содержание расписки не совсем соответствует действительности. Знамя это никогда не было в руках у неприятеля, и 1815 г. совсем ни при чем. Оно находится теперь в Брюссельском военном музее, переданное туда на хранение, как сообщила дирекция, старыми русскими офицерами. Это белое (полковое) знамя Бутырского пехотного полка, спасенное в Аустерлицком сражении и переданное в 1905 г. государем императором в 66-й пехотный Бутырский полк «на вечное хранение». Как попало оно за границу, нам неизвестно, но нахождение в иностранном музее знамени, побывавшего в Аустерлицком сражении, где, как известно, было утрачено несколько русских знамен, может со временем ввести в заблуждение. Вот почему нам кажется необходимым зафиксировать, пока не поздно, все, что относится к истории этого знамени.

К расписке приложена копия записки, прикрепленной к полотнищу знамени. Вот она:

«Белое знамя Бутырского мушкетерского полка, спасенное во время Аустерлицкой баталии того же полка портупей-прапорщиком Николаем Кокуриным, который, находясь уже во Франции пленным в городе Бурже, в гошпитале умер, а после его хранено было сие знамя означенного полка унтер-офицером Михайлою Мостовским и представлено по команде уже по прибытии в город Люневиль при формировании временных батальонов. Генерал-майор барон Меллер-Закомельский».

По потерям в Аустерлицком сражении Бутырский полк занял первое место. С поля боя не вернулось 56 офицеров из 60, 91 унтер-офицер из 120 и 1755 нижних чинов из 1972. По французским данным, из этого числа в плен попало 30 офицеров и 761 унтер-офицер и нижний чин. Только ничтожные остатки вышли из боя. В те времена каждый мушкетерский полк имел 6 знамен. Одно белое, считавшееся полковым, и 5 цветных, ротных. Из этих 6 знамен налицо оставалось только одно, ротное. Казалось, что в Аустерлицком сражении Бутырский полк был не только разгромлен, но и обесчещен потерей 5 знамен, вероятно попавших в руки неприятеля. В действительности это оказалось не так.

15 декабря 1805 г. Кутузов доносил императору Александру:

«После сражения, бывшего в 20-е число ноября, нижние чины из плену французов спаслись бегством и вынесли четыре знамя, ими с древков сорван-

ные, а именно: Бутырского мушкетерского полка портупей-прапорщик Измайлов 1-й и Галицкого мушкетерского... О сем их отличном поступке Вашему Императорскому Величеству всеподданнейше доношу».

На рапорте государь поставил резолюцию: «Дать чины».

Интересны подробности спасения этого знамени, кои следуют из рапорта Кутузову генерал-лейтенанта Эссена 1-го от 30 ноября:

«Бутырского мушкетерского полку портупей-прапорщик Измайлов 1-й, являсь у меня, представил знамя своего полку, объявляя, что во время бывшего с французами сражения, когда не предстояло никакой надежды спасти знамя, то он оторвал от древка, спрятал оное в шапку, а потом был взят французами в плен, из которого удалось ему в скором времени бежать, сохраняя знамя в его шапке и имея обвязанную голову, представлял себя будто раненым, почему, хотя несколько раз французские партии на него нападали и по обыскам, имевшиеся у него деньги и тесак отобрали, но из уважения к мнимым ранам шапки не тронули, и, таким образом, знамя сохранено. Предписав Московскому гренадерскому полку портупей-прапорщика Измайлова 1-го прикомандировать к полку, а представленное им знамя хранить вперед до предписания, я имею честь о всем том донести Вашему Высокопревосходительству».

Портупей-прапорщик Алексей Измайлов 1-й происходил из дворян, в службе с 13 мая 1803 г. 30 января 1806 г. произведен в прапорщики.

Через 9 дней, 24 декабря, Кутузов доносил государю о спасении другого ротного знамени Бутырского полка рядовым Яковом Шанаиным. Шанаин тоже был взят в плен, но бежал и представил спасенное им знамя.

16 января 1806 г. Кутузов обращался к государю:

«Вынесенные разными чинами знамена, о коих я Вашему Императорскому Величеству доносил, при полках остаются без древков, а именно: в Курском мушкетерском — 1, Галицком — 3, Бутырском — 2... Всеподданнейше испрашиваю позволения о прибитии их по-прежнему к древкам, как оные не были в руках неприятельских».

На это последовала резолюция: «Позволить».

Таким образом два знамени, считавшихся потерянными, вернулись в строй полка. Оставалось еще три. Через несколько месяцев, а именно 27 июля 1806 г., министр иностранных дел доносил государю, что им получено от российского посла в Вене еще одно знамя Бутырского полка, спасенное портупей-прапорщиком Садыковым 1-м и поручиком Иваном Романовичем Лаптевым.

Об обстоятельствах спасения знамени Лаптев доносил:

«Ноября 20-го 1805 года, будучи в сражении при местечке Аустерлице, когда Бутырский мушкетерский полк, по усиленному на оный нападению неприятеля, начал отступать и портупей-прапорщик Садыков 1-й того же полку, быв ранен и обессилевши, не мог более держать знамя Вашего Императорского Величества и сохранить оное, я, по обязанности моей, опасаясь, дабы оное не попало в руки французов, оторвав оное от древка, обернул себя по телу и захвачен с оным в плен, также и упомянутый Садыков, который в непродолжительном времени во французском лазарете помер.

Исполненный усердием к службе Вашего Императорского Величества, быв в руках неприятеля, сберегал то знамя при себе тайным образом в продолжение 7 месяцев. Воспользуясь случаем, по прибытии надворного советника Званкова в Люневиль, по возвращении из Парижа, опасаясь дабы неприятель внезапным каким для меня случаем не усмотрел оное, признал за лучшее отдать сие для всеподданнейшего вручения Вашему Императорскому Величеству, которое и отдал в 1-й день июля 1806 г. в присутствии господ генерал-лейтенантов Пржибышевского, барона Вимпфена и при полковниках князе Сибирском и Бибикове, о принятии коего от меня получил от господина Званкова, с засвидетельством вышеозначенных господ, свидетельство».

Ровно через неделю, 3 августа 1806 г., министр вновь препроводил государю императору еще одно ротное знамя Бутырского полка. Оно было привезено из Франции статским советником Убри. Во время посещения последним лагеря русских военнопленных в Люневиле знамя это было передано ему капитаном Яновским. По заявлению Яневского, знамя было спасено портупей-прапорщиком Измайловым 2-м.

14 августа по высочайшему повелению знамена были переданы генералу Михельсону для доставления в полк. Таким образом, в строю восстановленного полка находилось уже 5 знамен. Однако самого из них ценного, а именно белого, все еще не хватало. Но и это знамя в руки неприятеля не попало. Как мы уже отмечали, оно было спасено портупей-прапорщиком Николаем Кокуриным, который скончался в плену, в Бурже. После него знамя хранил унтер-офицер Михаил Мостовский. После заключения мира в 1807 г. для вывода из Франции русских военнопленных был назначен генерал-майор барон Меллер-Закомельский. По его приезде в Люневиль ему были представлены еще 5 знамен, хранившихся в плену полтора года.

Среди них было белое знамя Бутырского полка, спасенное Мостовским. О Мостовском известно, что он происходил из «церковников», в службе рядовым с 1788 г., унтер-офицером с 1800 г. В 1799 г. был в разных сражениях и за храбрость награжден знаком отличия Св. Анны. 13 августа 1808 г. по высочайшему повелению Мостовский за спасение знамени был произведен в прапорщики.

Однако знамя это в полк возвращено не было. Оно оставалось вместе с другими в военно-походной канцелярии Его Величества. В 1810 г. генерал Дохтуров возбудил ходатайство о возвращении этих знамен в полки, но государь просьбу эту отклонил, заявив, «чтобы полки заслужили себе в деле потерянные знамена». Решение это было несправедливым, так как знамена эти были не потеряны, а спасены. По упразднении канцелярии в 1816 г. знамена были переданы в архив Главного штаба и там были забыты. Обнаружены они были только в 1898 г., во время разбора архива. Ко всем были пришиты ярлыки, подписанные 90 лет назад ген. Меллером-Закомельским.

К столетию Аустерлицкого сражения, 21 ноября 1905 г., государь император исправил несправедливость императора Александра I. Знамена были возвращены в полки «для вечного хранения», а спасшие их чины занесены в полковые списки. Так, портупей-прапорщик Николай Кокурин был зачислен в списки 66-го пехотного Бутырского генерала Дохтурова полка, а знамя доставлено в Замостье, где стоял полк. Почему Кокурин, а не Мостовский? Возможно, потому, что Мостовский был уже награжден офицерским чином, а Кокурин остался без награждения.

Следует добавить, что, кроме своих знамен, бутырцы приняли деятельное участие в спасении знамени Азовского полка. В рапорте Кутузова от 15 января 1806 г. находим следующее:

«Бутырского мушкетерского полка подполковник... Трескин, размененный из плена от французов, представил знамя Азовского мушкетерского полка и притом донес, что получил оное при выезде из Брюна, Бутырского ж полка, роты его имени, от рядового Чайки, который, вручая оное, объявил: Азовского полка унтер-офицер Старичков, бывший в плену, покрытый ранами, умирая, отдал оному рядовому сие знамя, умоляя сберечь его, и скоро после сего умер. Рядовой Чайка, приняв оное с благоговением, сохранил при себе».

По повелению императора Александра I Чайка был произведен в унтер-офицеры и ему была выдана денежная награда.

Таким образом честь Бутырского полка была спасена. Несмотря на полный разгром полка, все его знамена были спасены. Этим он был обязан поручику Лаптеву, портупей-прапорщикам Измайлову 1-му, Измайлову 2-му, Кокурину и Садыкову, унтер-офицеру Мостовскому и рядовому Шанаину.

Имена эти достойны памяти.

С.П. Андоленко

О ношении знаков отличия в царствование императора Александра I

XIX век лишь на десять недель опередил воцарение Благословенного⁸⁰.

Восприемля императорский всероссийский престол, Александр Павлович купно восприял обязанность управлять Богом врученный ему народ по законам и по сердцу в бозе почивающей своей бабки. Помимо прочего, и учреждаемые им в начале царствования боевые медали сходились с екатерининскими и подобно последним носились лишь нижними чинами, а для офицеров учреждались подобные же екатерининским золотые кресты.

Но век Екатерины миновал. Наступил «Наполеона грозный век». 13 февраля 1807 года был учрежден **ЗНАК ОТЛИЧИЯ ВОЕННОГО ОРДЕНА**, явивший собою отход от заветов Екатерины и возврат к заветам отца — императора Павла I, которому принадлежит первенство пожалования нижних чинов сопричисленными к орденам знаками отличия⁸¹. Затем, 15 марта того же 1807 года, при составлении подвижной милиции была учреждена медаль, розданная равно офицерам и ратникам: офицерам, участвовавшим в сражениях, — золотые на Георгиевских лентах; не участвовавшим — золотые на Владимирских лентах; ратникам, участвовавшим в сражениях, — серебряные на Георгиевских лентах⁸².

Наконец, 5 февраля 1813 года была учреждена боевая медаль **В ПАМЯТЬ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**, розданная равно всем чинам, в ней участвовав-

---

⁸⁰ Эта прекрасная фраза заимствована автором у Габаева.

⁸¹ См. статью «Размышления о знаке отличия Военного ордена» в № 100 «Военной были».

⁸² Первый случай пожалования боевой медали на различных орденских лентах.

Медаль «В память Отечественной войны 1812 г.»

шим, и носившаяся всеми — от императора до рядового. Сия медаль стала прообразом всех последовавших русских боевых медалей.

С этого же времени начинается также постепенное образование правил ношения орденских и иных знаков отличия. До того орденские знаки низших степеней и наградные медали носились на лентах, продетых в петлицу мундира. Однако в непрерывных войнах с Наполеоном количество жалуемых для ношения в петлице знаков отличия столь преумножилось, что не стало уж хватать петлиц на мундирах «начальников народных наших сил, покрытых славою великого похода и вечной памятью двенадцатого года». У иных они заполнили всю грудь. Никаких правил ношения знаков отличия тогда не было, и каждый носил их по-своему. Сколь различным было это ношение, показано на трехстах с лишним портретах Военной галереи Зимнего дворца. Правда, все изображенные там лица дослужились до генеральского чина, но им-то как раз и приходилось придумывать, как бы получше разместить свои знаки. Правда также, что портреты писались много лет спустя, между 1819 и 1829 годами, когда многих участников Отечественной войны уже не было в живых, а другие рассеялись по всей необъятной России и не явились позировать в Петербург, а прислали взамен какие-то свои изображения, по которым художник Дау и написал их портреты, причем допущены были ошибки⁸³, но

⁸³ Главная ошибка заключается в том, что на портретах изображалась медаль за взятие Парижа, в царствование Александра Павловича лишь «предназначенная к установлению», но выбитая и розданная войскам лишь в последующее царствование.

лучшего документа нет, и мы воспользуемся им для описания различных способов ношения знаков отличия того времени.

КУТУЗОВ — наградных медалей не носил.

БАРКЛАЙ ДЕ ТОЛЛИ — медаль В ПАМЯТЬ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ помещена под орденом МАРИИ-ТЕРЕЗИИ 2-й степени. Имел, но не носил золотой крест ЗА ПРЕЙСИШ-ЭЙЛАУ.

РАЕВСКИЙ — медаль В ПАМЯТЬ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ и орден МАРИИ-ТЕРЕЗИИ 3-й степени помещены под орденом СВ. ВЕЛИКОМУЧЕНИКА И ПОБЕДОНОСЦА ГЕОРГИЯ 2-й степени.

МИЛОРАДОВИЧ — петличные знаки отличия размещены наподобие колодки: сперва медаль В ПАМЯТЬ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, затем орден МАРИИ-ТЕРЕЗИИ 3-й степени, затем орден МАВРИКИЯ И ЛАЗАРЯ, затем медаль ЗА ВЗЯТИЕ ПАРИЖА.

ВИТГЕНШТЕЙН — петличные знаки отличия размещены наподобие колодки: сперва золотой крест ЗА ПРАГУ, затем медаль В ПАМЯТЬ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, затем медаль ЗА ВЗЯТИЕ ПАРИЖА.

ДОХТУРОВ — медаль В ПАМЯТЬ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ помещена высоко, под орденом СВ. ВЕЛИКОМУЧЕНИКА И ПОБЕДОНОСЦА ГЕОРГИЯ 2-й степени.

НЕВЕРОВСКИЙ — петличные знаки отличия размещены наподобие колодки: сперва орден СВ. ВЕЛИКОМУЧЕНИКА И ПОБЕДОНОСЦА ГЕОРГИЯ 4-й степени, затем медаль В ПАМЯТЬ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, затем золотой крест ЗА ПРАГУ.

ПЛАТОВ — орденскими и иными знаками отличия усыпана вся грудь. Выделяются: украшенный бриллиантами Высочайший портрет и большая золотая медаль, пожалованная ему еще в 1774 году. Медаль В ПАМЯТЬ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ неприметна.

ДАВЫДОВ — орден СВ. ВЕЛИКОМУЧЕНИКА И ПОБЕДОНОСЦА ГЕОРГИЯ и медаль В ПАМЯТЬ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ нашиты на ментике.

ЛИСАНЕВИЧ — петличные знаки отличия расположены наподобие колодки: сперва золотой крест ЗА БАЗАРДЖИК, затем медаль В ПАМЯТЬ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, затем медаль ЗА ВЗЯТИЕ ПАРИЖА. Имел также, но не носил золотые кресты ЗА ОЧАКОВ и ЗА ПРАГУ.

ВУИЧ — петличные знаки расположены наподобие колодки: сперва золотой крест ЗА ИЗМАИЛ, затем медаль В ПАМЯТЬ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, затем медаль ЗА ВЗЯТИЕ ПАРИЖА... и т. д.

Но читатель, вероятно, уже убедился, что всякий носил тогда свои знаки отличия по-своему. Не было тогда и правил сложения орденских лент. Просто в ушко медали продевалось колечко, в которое продевалась лента, концы которой продевались в петлицу мундира. Лента сама собою складывалась крест-накрест. Правый ли конец ленты покрывал левый, или левый покрывал правый, все равно. Если не хватало петлиц, то на мундир нашивались особые петли, в которые продевались орденские ленты, или же они прямо нашивались на мундир. К концу царствования, судя по портретам, образовалось уже некоторое подобие колодки. Следует, однако, заметить, что подобное расположение знаков отличия встречается на портретах лиц, позировавших художнику уже в последующее царствование.

Внимательный просмотр знаков отличия вышеуказанных портретов привел автора также к следующим заключениям:

1. Золотые кресты ЗА ОЧАКОВ, ЗА ИЗМАИЛ и ЗА ПРАГУ, ЗА ПРЕЙСИШ-ЭЙЛАУ и ЗА БАЗАРДЖИК (заветнейшая мечта коллекционеров) современниками не ценились и зачастую не носились. Причиной такого небрежения автор почитает то, что жаловались они представленным, но не получившим высших орденских знаков (подобно тому как барышням, не получившим приза на конкурсе красоты, дарят коробки конфет).

2. На многих портретах изображены по две медали В ПАМЯТЬ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: одна серебряная на Андреевской ленте, а другая бронзовая, на Владимирской. Просмотрев послужные списки означенных лиц, автор убедился, что вторая медаль долженствовала изобразить медаль ЗА ВЗЯТИЕ ПАРИЖА. Очевидно, что во время написания портретов ни рисунок, ни лента медали ЗА ВЗЯТИЕ ПАРИЖА установлены еще не были.

Лучше всех носил свои знаки отличия сам Благословенный. На хранящемся в собрании автора портрете Александра Павловича⁸⁴ знаки отличия расположены наподобие колодки: сперва орден СВ. ВЕЛИКОМУЧЕНИКА И ПОБЕДОНОСЦА ГЕОРГИЯ 4-й степени, затем медаль В ПАМЯТЬ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, затем орден МАРИИ-ТЕРЕЗИИ 3-й степени, затем ЖЕЛЕЗНЫЙ КРЕСТ, затем прусская медаль 1813—1814 годов. Порядок расположения знаков и сложение лент точь-в-точь как и в наше время.

Е.С. Молло

О Кульмском кресте

В № 9 журнала «Старая Монета» за 1910 год был напечатан отчет о прочитанном в петербургском «Разряде полковых и корабельных историй» докладе гвардии капитана Е. Козакевича на тему «Очерк развития медалей в память военных походов и событий». Считавшийся тогда экспертом в этой области, капитан Козакевич, упоминая о «Знаке за битву при Кульме», ошибочно утверждал, что этот знак был учрежден императором Александром I; точно так же был не прав Козакевич, допуская, например, что офицерский крест за Прейсиш-Эйлау был только учрежден Александром Павловичем, но ни роздан, ни носим не был...

В немецком труде полковника фон Гейдена о знаках отличия, изданном в Мейнингене в 1897 году, указано, что прусский Железный крест (двух классов) был учрежден королем Фридрихом-Вильгельмом 10 марта 1813 года, а Кульмский крест — 4 декабря 1813 года. С нашей, русской, точки зрения — между этими двумя знаками отличия никакой разницы не было; не подлежит никакому сомнению, что первоначально король прусский награждал некоторые части нашей гвардии именно Железным крестом 1-го класса.

В сражении при Дрездене 14—15 августа Наполеон наголову разбил союзников, вследствие чего они начали беспорядочный отход в Богемию по единственной трудно проходимой дороге. Для преследования союзной армии был послан корпус Вандамма; только благодаря исключительному героизму русского гвардейского отряда под командой графа Остермана-Толстого, ценой огромных потерь разгромившего корпус Вандамма, союзники были спасены. Победы при Кульме, Кацбахе и Ленневице имели огромное значение: союзные армии воспрянули, французы же пали духом. И Кульм, и Кацбах, и Лейпциг — победы русские.

Будучи личным свидетелем жертвенного мужества отряда Остермана-Толстого при Кульме, прусский король награждал гвардейцев⁸⁵ орденом Железного креста, т. е. пожаловал высшую, тогда существовавшую свою боевую награду (и всему отряду в 12 000 человек). Другого подобного случая военная история не знает. Тотчас же после сражения и объявления об этой исключительной награде «кресты были вырезаны и выкованы из кожи и железа конского снаряжения,

---

⁸⁵ См.: «Русский инвалид» № 76 за 1841 год «Отрывки из описания войны 1813 г.» генерала Михайловского-Данилевского.

отбитого у неприятеля»⁸⁶. О награждении именно Железным крестом говорит и М. Богданович в «Истории войны 1813 г. за независимость Германии» (СПб., 1864 г. Т. 2. С. 228). То же название полученного знака отличия приводится и в «Отрывках из истории Лб.-гв. Кирасирского Его Величества полка»⁸⁷.

Действительно, как сказано выше, Кульмский крест был учрежден лишь 4 декабря 1813 года. Почему же наши гвардейцы надели на себя эти кресты уже в августе того же года? Очевидно, пруссаки спохватились: высшая боевая награда... огулом — 12 000 офицерам и солдатам иностранной армии (завоевавшим «независимость Германии»), а не редким единицам прусской армии... И вследствие воздействия общественного мнения Железный крест, пожалованный русской гвардии под Кульмом, в конце года был переименован в Кульмский крест с датой учреждения этого «нового» знака отличия — 4 декабря 1813 года. Нам известен бант (колодка), носившаяся бывшим унтер-офицером лейб-гвардии Преображенского полка Черняевым⁸⁸ (умершим в офицерском чине) и состоящая из: 1) медали за Очаков; 2) медали за Измаил 1790 года; 3) медали «Победителям» 1791 года; 4) знака Св. Анны за 35-летнюю беспорочную службу в солдатском звании, полученного в 1805 году; 5) знака отличия Военного ордена за Бородино; 6) знака за Кульм; 7) прусского знака Железного креста за Кульм; 8) Медали за Отечественную войну 1812 года; 9) медали за взятие Парижа 1814 года; 10) ордена Св. Станислава 3-й степени; 11) пряжки за 20 лет беспорочной службы в офицерских чинах; 12) ордена Св. Георгия за 25 лет службы в офицерских чинах. Старший вахмистр лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка Ярошевский между прочими знаками отличия носил «Знак за Кульм» и «Прусский серебряный знак отличия».

В России еще долго не делали различия между Железным и Кульмским крестами, ибо, например, описывая знаки отличия 392 нижних чинов, призреваемых в 1853 года в Чесменской богадельне, таковых указано: а) знаков Св. Анны — 10; б) знаков отличия Военного ордена — 19 (только); в) прусских Железных крестов — 21; г) знаков военного достоинства — 45; д) медалей 1812 года — 101; е) медалей за Париж 1814 года — 65; ж) медалей за Русско-персидскую и турецкие войны — 43 и з) за Варшаву 1831 года — 36.

---

⁸⁶ См.: Орлов Ф. Павловские и Екатерининские гренадеры. Варшава, 1914. Любезно сообщено Ю.А. Топорковым, также и следующая ссылка.

⁸⁷ См.: «Русский инвалид» № 181 за 1853 г.

⁸⁸ См.: «Русский инвалид» № 39 за 1843 г.

*Генерал-адъютант Н.А. Исленьев
с Кульмским крестом.
Неизвестный художник*

Прусские Железные кресты первоначально также фабриковали в разных размерах и не совсем одинаковыми. В нашем собрании имеются оригинальные кресты 1813 г. размерами 42 мм и 33 мм. Известно, что вначале производство этих крестов очень осложнялось спайкой их серебряных краев и потому изделия разных фабрикантов были несходны.

В мае 1815 г. 443 и 11 120 (офицерских и солдатских) Кульмских крестов были высланы из Берлина в С.-Петербург, и в связи с этим в «Русском инвалиде» от 27 апреля 1816 г. было напечатано следующее: «24-го числа сего месяца получены здесь отличия “Железного Креста”. Его Величество Король Прусский Высочайше соизволил определить оные для раздачи тем из Гвардейских частей, которые с отличным мужеством сражались при Кульме в 1-й день августа 1813 года. По случаю получения сих лестных наград командующий Гвардейским Корпусом Господин Генерал от Инфантерии граф Милорадович отдал следующий приказ: “Государь Император и Союзные Монархи, вместе с Европою, отдали полную справедливость непреодолимому мужеству, оказанному войсками Российской Гвардии в знаменитом бою при Кульме в 17-й день августа 1813 года. Но Его Величество Король Прус-

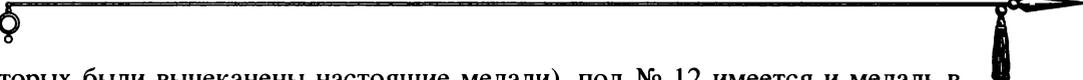

ский, желая особенно ознаменовать уважение Свое к отличному подвигу сих войск, соизволил наградить их Знаком Отличия Железного Креста. Государь Император, отдавая им ту же справедливость, Высочайше соизволил да увенчается мужество их столь лестною наградой. Вам, достойные офицеры и храбрые солдаты Гвардии, сражавшиеся в 17-й день августа, принадлежат сии новые знаки отличий. Да умножат они на груди вашей число тех, которые трудами и кровью приобрели вы в битвах за спасение Отечества, за славу имени Русского и свободу Европы” (подлинный подписал ген. от инф. граф Милорадович. Верно: ген. Сипягин)». Кресты были розданы на специальном параде 7131 участнику Кульмской победы (а прислано их было — по числу наличных бойцов — около 12 000; потери были тогда более 50 % убитыми и ранеными).

Кульмские (Железные) кресты, возложенные на гвардейцев тотчас после сражения, были изготовлены своими руками. Их вырезали из белой бляхи с наложенным на нее меньшим крестом, вырезанным из кожи. В краях крестов были просверлены дырки, и через них они нашивались на мундиры с левой стороны груди (как носились Железные кресты 1-го класса). Кресты, присланные через три года в Петербург, уже фабричной работы, но все же они были сработаны хуже, чем кресты, раздававшиеся в прусской армии, но именовавшиеся не Кульмским, а Железным 1-го класса. По некоторым сведениям, встречались Кульмские с острыми шпильками, прикрепленными с внутренней стороны крестов; ими прокалывалось сукно, и шпильки загибались.

Офицерские Кульмские кресты были из серебра, покрытые черным лаком, с выделявшимися широкими серебряными краями; солдатские были из белого железа. На аукционе коллекции фон Гейдена в 1898 году оба креста были проданы по высокой цене: 81 и 71 марка. В наше время Кульмские (не поддельные) кресты уже совершенно ненаходимы, но нам удалось получить фотографии современных офицерского и солдатского крестов (оба с дырками для пришиванья). Сфотографированный в свое время офицерский крест находился в Гогенцоллернском музее, в замке Монбизу в Берлине, который был уничтожен в 1944 году во время бомбардировок. Другого подобного экземпляра, по-видимому, в уцелевших немецких коллекциях не имеется.

В России Кульмский крест был взят как модель для нагрудных юбилейных знаков гвардейского экипажа, егерского и уланского Его Величества полков. В серии медальонов в память военных событий 1812—1815 годов, исполненных в 30-х годах прошлого века известным скульптором гр. Ф. Толстым (с ко-

торых были вычеканены настоящие медали), под № 12 имеется и медаль в память победы при Кульме.

В 1835 году император австрийский Фердинанд соорудил памятник под Кульмом; в память освещения монумента была выбита особая медаль: на ее лицевой стороне — латинская надпись, в переводе на русский язык гласящая: «Мужеству Русской Гвардии при Кульме», и дата сражения, на оборотной стороне — тоже латинская надпись: «Фердинанд, Император Австрийский, по предначертанию блаженной памяти Августейшего Родителя своего Франца, повелено воздвигнуть памятник. 1835».

Эту настольную серебряную Кульмскую медаль мне удалось приобрести лишь на днях (известен еще один экземпляр, но в золоте). О ней имеются следующие интересные подробности. После Кульмских торжеств в августе—сентябре 1835 г. (в память об этом мы имеем два нумизматических сувенира), попрощавшись с пруссаками, наш сводный гвардейский отряд вернулся морем в Петербург⁸⁹, государь же Николай Павлович с супругою отправились в Богемию, к Теплицким минеральным водам, по дороге посетив Вену и Прагу (где на сей случай была вычеканена чешская медаль, имеющаяся в моей коллекции). Воспользовавшись этим обстоятельством, император австрийский пригласил Николая Павловича и короля прусского на закладку (а не освящение) Кульмского памятника, когда и была выбита упомянутая выше медаль.

О Кульмском памятнике читаем в современной пражской газете следующее: план монумента начертан г. Нобиле, венским придворным архитектором, он должен быть сооружен вблизи последней позиции, занятой русским гвардейским отрядом во время Кульмского боя. Он будет увенчан статуей Победы высотой в 9 футов, скопированной с вывезенной из Греции древней скульптуры. На пирамидальном пьедестале, окруженном четырьмя львами, будут начертаны надписи, напоминающие о доблести русских войск, с изображением имен воинов, павших 17 августа 1813 года, когда четыре полка российской гвардии противостояли 40 000 французов.

Из описания торжества узнаем, что у сооруженного амвона, около которого стояла модель памятника, было совершено богослужение, после коего все три союзных монарха подписали акт в присутствии депутации от российской армии, состоявшей из участников Кульмского сражения, роты Дворцовых гре-

---

⁸⁹ Построенный тогда же в Кадише памятник был уничтожен поляками в 30-х годах XX столетия.

надер: капитана, двух унтер-офицеров и четырех рядовых, кои тут же были произведены государем в следующие чины. Одновременно в Петербурге были обнародованы две высочайшие грамоты о пожаловании ордена Св. Андрея Первозванного ближайшим начальникам отряда, одержавшего Кульмскую победу: генералам гр. Остерману-Толстому и Ермолову. В грамоте первому знаменательная фраза: «...когда он, в минуту решительную для всей Европы, противустал с малыми силами многочисленному неприятелю, решительный бой, и победа...» В грамоте Ермолову читаем: «...под начальством вашим полки лейб-гвардии явили здесь опыт беспримерного мужества и жизненной твердости, которые стяжали им справедливую признательность Отечества и всех народов, участвовавших в священном подвиге освобождения Европы».

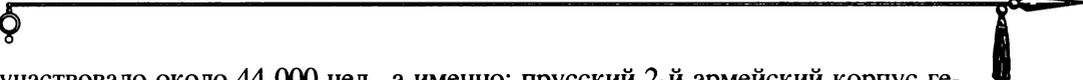
За кровопролитный Кульмский бой преображенцы и семеновцы были пожалованы Георгиевскими знаменами, а измайловцы и лейб-егеря — Георгиевскими трубами. Когда наследник цесаревич посетил Чесменскую богадельню в 1860 году, в ней находилось 14 ветеранов Кульмского сражения, все награжденные за этот бой прусским Железным крестом (сиречь Кульмским крестом) (см.: «Русский инвалид», № 115, 1860 г.).

Какова ныне судьба Кульмских памятников?

Еще о Кульмском кресте и Кульмском сражении, но с точки зрения немецкой

После получения в Берлине американского журнала с перепечатанной в нем, с разрешения редакции «Военной были», статьей «Кульмский крест», я получил письмо от моего постоянного корреспондента и известного международного эксперта д-ра К. Клитманна, к которому была приложена статья «Мысли к истории Кульмского креста». Эти чрезвычайно характерные мысли д-ра Клитманна были им начертаны потому, что по данным вопросам он, мол, придерживается иных взглядов... а сражение при Кульме, по его словам, стало победоносным НЕ только благодаря действиям русской гвардии, но и многих других частей союзных войск, принимавших в нем ОДИНАКОВОЕ участие...

В сокращении «Мысли» д-ра Клитманна сводятся к нижеследующим пунктам: 1) в сражении при Кульме, 18/30 августа, со стороны всех союзников

участвовало около 44 000 чел., а именно: прусский 2-й армейский корпус генерала фон Клейста, ряд австрийских пехотных и кавалерийских полков, из русских же части 3-го гренадерского корпуса, 5-го (гвардейского) корпуса, 1-я кирасирская и легкая кавалерийские дивизии; потери союзников выразились в цифре 3319 убитыми и ранеными: ок. 1500 пруссаков, 1002 русских и 817 австрийцев... 2) «Может быть, во время сражения, вернее же по окончании боя, — пишет д-р Клитманн, — у короля прусского возникло желание вознаградить части русской гвардии “особым” отличием за их необыкновенную храбрость...» 3/19 сентября того же 1813 года в Теплице королю прусскому был вручен список русских гвардейцев, участвовавших в победе при Кульме и подлежащих награждению, состоявший из 9 генералов, 415 офицеров, 1168 унтер-офицеров, 404 музыкантов и 10 070 нижних чинов, итого — 12 066 чел. 3) Так как Железным крестом (единственной тогда прусской боевой наградой, учрежденной 10 марта 1813 года) по статуту могли награждаться только прусские подданные («Но, как исключение, получили этот крест некоторые русские генералы и офицеры», — вставляет д-р Клитманн), возникла для «бедной Пруссии» проблема создания отличия, хотя по внешности и похожего на Железный крест, но изготовление которого стоило бы дешевле... поэтому король заказал пробные экземпляры из белого и черного шелка, кои и были сфабрикованы в количестве 12 000 экземпляров; однако быстро сообразили, что матерчатые кресты не прочны; решили сделать их из белой и черной бляхи и раздать их при проходе через Берлин русской гвардии, на ее обратном пути в Россию, 13 августа 1814 года. 4) Но и тут возникло препятствие: раздача этого отличия, столь похожего на бесценный Железный крест, на глазах всего Берлина — «неудобно», кроме того, выяснилось, что список, доставленный королю в Теплице, не соответствует действительности; так, например, был «пропущен» участвовавший в Кульмском сражении гвардейский экипаж, в числе 212 чел., а гвардейский батальон великой княгини Екатерины Павловны был уже расформирован... В конце концов устроено было так, что Железный крест Кульмский был роздан участникам в Петербурге 27 августа 1816 года.

Эти «Мысли» доктора Клитманна вызвали, с моей стороны, следующий ответ: 1) в моей статье указаны источники, чего он не сделал в своих «Мыслях». 2) Он говорит лишь о ВТОРОМ дне Кульмского сражения, о 18/30 августа 1813 года. Но сражение то продолжалось в действительности не один, а два дня, 17/29 и 18/30 августа. В моей статье внимание сосредоточено на ПЕРВОМ дне сражения, на этом дне — Русской победы, когда русской гвардии

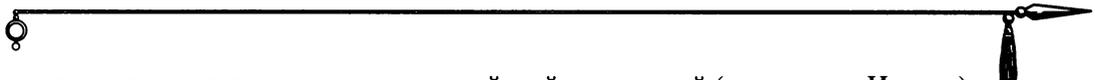

*Гусар П.С. Масюков
с Кульмским крестом.*

Художник В.Л. Боровиковский

был пожалован Железный крест его учредителем, прусским королем. 3) Потери русских за первый день сражения исчисляются следующими цифрами: а) 1-я гвардейская пехотная дивизия (преображенцы) — 700 чел., Семеновцы — 1000 чел., измайловцы — 500 чел., егеря — 600 чел., итого — 2800 чел.; б) 2-й армейский корпус князя Шаховского и отряд генерала Гельфрейха — 2400 чел.; в) кавалерия — 600 чел. Всего — 6000 чел., но никак не 1002, как утверждает д-р Клитманн. 4) Д-р Клитманн упорно настаивает на «особом» отличии за Кульм, но все русские современники говорят только о Железном кресте. Если бы 17/29 августа 1813 года прусский король действительно хотел создать СПЕЦИАЛЬНОЕ отличие за Кульм, разве ему не хватало художественного воображения? 5) В первый день сражения при Кульме французы встретили отпор только от русских, благодаря сообразительности гр. Остермана-Толстого. Прусский корпус генерала Клейста был тогда далеко (между деревнями Хансдорф и Фюрстенвальд). По приказу императора Александра I этот корпус совершил обходный марш и вышел в тыл французам во ВТОРОЙ день сражения, 18/30 августа. В атаке русской кавалерии 17/29 авгу-

ста принял участие один только австрийский драгунский (эрцгерцога Иоанна) полк. В подтверждение этих данных я отослал доктору Клитманну ряд новых цитат из немецких, французских и русских источников.

Доктор Клитманн ответил мне новым письмом от 21 мая, в котором он говорит, что основывался только на официальных документах, часть коих погибла во время войны, часть же — вне достижимости читателей... Затем он утверждает, что: 1) сражение при Кульме произошло 18/30 августа, а накануне, 17/29, произошли только «стычки», названные «боем при Пристене», согласно документам прусского Генерального штаба; 2) что число убитых и раненых русских за 18/30 августа (т. е. только за ВТОРОЙ день сражения) без «боя при Пристене» — согласно русской статистике от 2 сентября 1813 года, переданной графом Аракчеевым прусскому королю, указывает 1002 чел. 3) «Я настаиваю, — пишет далее доктор Клитманн, — на том, что сражение при Кульме 18/30 августа должно быть отделено от боя при Пристене 17/29 августа» (о котором я не говорил...). Пристен — это чисто русская победа с потерями в 6000 человек, а Кульм — это русско-пруско-австрийское сражение».

Резюмируя вышеизложенную переписку, мы смело заключаем, что авторитетному доктору Клитманну не удалось опровергнуть данные, изложенные в первоначальной статье о Кульмском кресте, но следует остановиться на способах, коими он старается статью «подминировать», и не только статью, но и все «мысли» самого короля прусского, выдумавшего Кульмский крест вместо Пристенского... оказавшийся все тем же Железным крестом 1-й степени.

Военная история знает много подобных примеров, ведь в 1856 году, на открытии памятника на поле сражения при Прейсиш-Эйлау, в присутствии короля прусского, делегации от русской армии не было... Отчего? Да потому, что прусские военные историки в конце концов пришли к заключению, что это кровопролитное сражение, когда из 65 000 русских выбыло из строя 26 000, не было выиграно французами благодаря им, пруссакам. Правда, тогда, 27 января 1807 года утром, прусская армия была представлена тремя конными батареями, но 17/29 августа 1813 года при Пристене из пруссаков был лишь король со свитой.

В.Г. фон Рихтер

P.S. Тут возникает старый «больной» вопрос: отчего при награде были забыты «армейские» части, потери которых были только несколько ниже? А ведь дрались они без патронов, штыками...

ОСМЫСЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА

Патриотические настроения в Отечественную войну⁹⁰

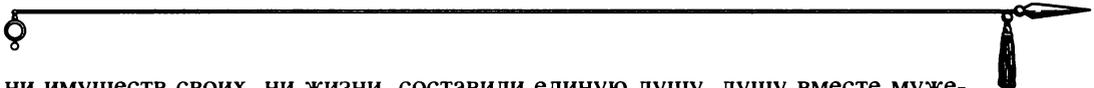
1812 год ознаменовался подъемом патриотических чувствований и настроений.

Современная литература, привыкшие к официальному виршеству стихотворцы, правительственные манифесты наперерыв превозносили доблести и героизм русского народа, проявленные в период Отечественной войны. Неудержимый поток восторга, самого грубого шовинистического задора, издевательства над неудачей врага — вот что характеризует нам господствующий тон общественного настроения после двенадцатого года. Патриотические манифесты, составляемые Шишковым, провозглашали дифирамбы «верности и любви к отечеству, какие одному только русскому народу свойственны» (манифест от 3 ноября 1812 г.). «Войска, вельможи, дворянство, духовенство, купечество, народ, словом, все государственные чины и состояния, не щадя

---

⁹⁰ Напечатано в издании «Отечественная война и русское общество». Там статья эта была как бы вводной частью к заключительному очерку «Правительство и общество после войны» (помещена ниже). В отдельном издании, казалось, более логичным поместить эту часть в виде заключения к очеркам, посвященным 1812 г.; тем более что в ней характеризуется, хотя и бегло, последний этап деятельности Ростопчина.

ни имуществ своих, ни жизни, составили единую душу, душу вместе мужественную и благочестивую, толико же пылающую любовь к отечеству, колико любовью к Богу», — гласил манифест, подписанный Александром в Вильно 25 декабря 1812 г. За манифестами то же повторит и ранний историк: «Россия не во все времена от всех народов отличалась любовью и привязанностью к престолу своих государей: но в Бонапартовскую войну... все стремились с неописанной ревностью на истребление врагов своих, нарушивших спокойствие их отечества»⁹¹. Те же мотивы, как мы знаем, звучат и в «бешеных» статьях «Сына Отечества», и в благодарственных одах и патриотических песнях 1813 г. «Русский Сцевола» — одна из любимых тем карикатуристов. Этому восторгу отдает дань и будущий певец гражданственности, семнадцатилетний юноша Рылеев: «Низойдите тени героев, тени Владимира, Святослава, Пожарского!.. Оставьте на время райские обители! — Зрите и дивитесь славе нашей»... «Возвысьте гласы свои, Барды. Воспойте неимоверную храбрость боев русских! Девы прекрасные, стройте сладкозвучные арфы свои: да живут герои в песнях ваших»...

Всякое виршество страдает преувеличением, и особенно виршество начала XIX века, привыкшее воспевать героев в выпрєнных формах ложного классицизма. Но, по-видимому, и в жизни каждый русский гражданин готов был себя считать спасителем Отечества. «Всякий малодушный дворянин, — писал Ростопчин Александру 14 декабря 1812 г., — всякий бежавший из столицы купец и беглый поп считает себя, не шутя, Пожарским, Мининым и Палицыным, потому что один из них дал несколько крестьян, а другой несколько грошей, чтобы спасти этим все свое имущество».

«Тупую гордость во всех сословиях», «в каждом сознание, что без него государство погибло», отмечает тот же Ростопчин в письме Воронцову в начале 1813 г.

Упрекавший других в патриотическом самообольщении, в действительности более всех страдал этим сам Ростопчин, еще в 1812 г. объявивший себя спасителем Отечества. Он разрушил козни Наполеона и по возвращении в Москву «спас всех от голода, холода и нищеты»⁹².

Действительность, конечно, была очень далека от этого апофеоза деяниям героев 1812 г. «Кто не испытывал того скрытого неприятного чувства застен-

---

⁹¹ Жизнь военная и политические деяния Кутузова-Смоленского. СПб., 1813.

⁹² Письмо Воронцову 28 апреля 1814 г.

чивости и недоверия при чтении патриотических сочинений о 12-м годе» — написал Л.Н. Толстой в наброске предисловия, которое хотел предпослать своему роману. Жизнь есть проза, где эгоистические побуждения и материальные расчеты играют так часто первенствующую роль, где примеры бескорыстного идейного служения являются скорее исключением. И патриотизм в эпоху Отечественной войны, патриотизм естественный и в значительной степени эгоистический, как отметил Ростопчин в процитированном письме Александру, далеко не всегда был окрашен тем розовым цветом, в каком пытается его обрисовать патриотическая историография вплоть до наших дней.

Истинный патриотизм выражается «не фразами, не убийством детей для спасения Отечества и тому подобными неестественными действиями», а «незаметно, просто, органически и потому производит всегда самые сильные результаты». Правдивость этого замечания Толстого в «Войне и мире» может быть легко подтверждена фактами. Крикливые шовинисты 1812 г. в действительности менее всего были способны к самопожертвованию. Пушкин в своем «Рославле» дал самую ядовитую и злую характеристику тем «заступникам Отечества», патриотизм которых проявлялся лишь в «пошлых обвинениях в французомании», — в «грозных выходках против Кузнецкого Моста». «Гонители французского языка и Кузнецкого Моста взяли в обществе решительный верх, и гостиные наполнились патриотами. Кто высыпал из табакерки французский табак и стал нюхать русский; кто сжег десяток французских брошюр; кто отказался от лафита и принял за кислые щи. Все заклились говорить по-французски, все заговорили о Пожарском и Минине и стали проповедовать народную войну, собираясь надолго отправиться в Саратовские деревни».

В этом внешнем патриотизме было в действительности очень мало глубокого чувства, зато много искусственности и сентиментализма, довольно ярко очерченных в воспоминаниях о Москве Хомутовой. Когда не верилось еще в возможность появления Наполеона под стенами Москвы, все пылали патриотизмом: молодые девушки воображали себя «то амазонками, то странницами, то сестрами милосердия» и примеривали на себе соответствующие костюмы. Тогда играли в патриотизм, и кн. Вяземский вербовал полк из женщин, давая пароль: «Aimer tonjoug». Так было 22 июля. А уже 10 августа эти горячие патриоты «с видом отчаяния» «думали только о бегстве и о том, чтобы увезти свое добро или зарыть его в землю, либо замуравить в стену». «Бледные и трепещущие, они покрывали стены постоялых дворов чувствительными

надписями: “Le mot adieu, ce mot terrible”... “Je vous salue, o lieux charmants, quittes avec tant de tristesse”...»⁹³

Но и это чисто внешнее возбуждение далеко не простиралось на всю Россию. «В Тамбове, — пишет Волкова 30 сентября, — все тихо, и если бы не вести московских беглецов да не французские пленные, мы бы забыли, что живем во время войны». В то время как «вся Россия в трауре и слезах», в Петербурге веселятся и салонный патриотизм выражается лишь в том, что «в русский театр ездят более, чем когда-либо».

Недаром молодой Никитенко в свой дневник записал: «Общество наше поражало невозмутимым отношением к беде, грозившей России».

Когда от слов приходилось переходить к делу, патриотический мираж тускнел.

И это прежде всего приходится сказать про то дворянство, которое в избрании манифеста 1814 г. представляло «ум и душу» народа, которому достались наиболее лестные отзывы (напр., в речи Александра в Москве 16 августа 1816 г.), которое, по проекту шишковского манифеста, должно было стоять на первом плане и деятельность которого в то же время у некоторых современников находила совсем иную оценку. Каким диссонансом зазвучит знаменитый ответ кн. С.Г. Волконского на вопрос Александра, каков «дух народный». «Вы должны гордиться им: каждый крестьянин — герой, преданный отечеству и вам». — «А дворянство?» — «Стыжусь, что принадлежу к нему, было много слов, а на деле ничего». Чем же объяснить этот суровый отзыв человека, принадлежавшего к самым привилегированным слоям аристократического общества и в то время еще не вкусившего запретного плода западноевропейского просвещения? Чем объяснить позднейший отзыв о роли дворянства в 1812 г. «В годину испытания... не покрыло ли оно себя всеми красками чудовищнейшего корыстолюбия и бесчеловечия, расхищая все, что расхитить можно было, даже одежду, даже пищу, и ратников, и рекрутов, и пленных, несмотря на прославленный газетами патриотизм, которого действительно не было ни искры, чтобы ни говорили о некоторых утешительных исключениях»⁹⁴.

История дворянских ополчений (к сожалению, еще так мало разработанная), пожалуй, дает уже ответ на поставленный вопрос. Когда дворяне жерт-

---

⁹³ «Слово прощания — ужасное слово»... «Приветствую вас, о очаровательные места с налетом легкой грусти» (*франц.*).

⁹⁴ «Вестник Европы». 1867. Кн. 2, 197.

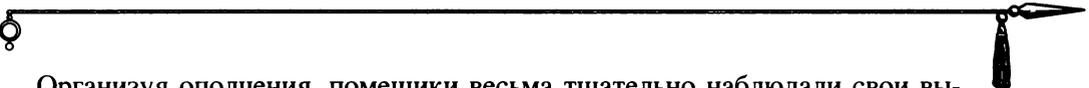
вовали «всем», как выражался в своих «письмах» офицер Ф.Н. Глинка, когда калужское губернское дворянское собрание постановляло: «Не щадить в случае сем не только своего достояния, но даже жизни до последней каждой капли крови», оно в действительности никогда не забывало своих интересов. «Общая необходимая защита своей собственности»⁹⁵ побуждала к патриотическим действиям, к откликам на призыв правительства. Тем более что призыв подчас высказывался в очень категорической форме как показывает, напр., дело о сборе с московских граждан 1 000 000 руб. на покупку волов. По этому поводу в отношении Балашова к Ростопчину 6 июня весьма определенно говорилось, что государю угодно «составить или добровольным приношением, или сбором посредством общей раскладки сумму миллион рублей». Общая раскладка эта уже относится к области принуждения, а не добровольной дачи. Любопытно, что на призыв 18 июля о добровольных приношениях из числа именитых граждан откликнулось только трое иностранцев. Также не удалось собрать добровольных приношений и со стороны дворянства, на которое пала половина нужной суммы, и пришлось прибегнуть к раскладке по числу ревизских душ. Ополчения носили тот же характер общей раскладки.

Это — любопытная черта для характеристики патриотического движения в так называемую Отечественную войну. Правительство Александра, при своей всегдашней подозрительности к дворянству из-за боязни проявления самодеятельности в этой олигархической среде, всемерно противилось даже в эпоху народной войны инициативе, исходившей не из кругов правительства. Всякого рода пожертвования рассматривались не как патриотический долг, а как правительственная обязанность. Яркое подтверждение можно найти в истории рязанской депутации, отправленной в Москву с предложением дать 60 000 работников. Министр полиции Балашов очень резко принял эту депутацию и немедленно предложил ей выехать обратно. Нужно было дожидаться момента, когда правительство само запросит дворянство. И понятно, что при таких условиях многие из якобы добровольных пожертвований попросту не поступали фактически в кассу⁹⁶. Приходилось обращаться к системе пени за недоимки, т. е. к системе, обычной при взимании каких-либо налогов и податей.

---

⁹⁵ Так выражался впоследствии Казимирский в письмах к кн. Оболенскому 3 сентября 1859 г.

⁹⁶ См., напр.: О пожертвованиях на ярославское ополчение // Шукинский сборник. VII.

Организуя ополчения, помещики весьма тщательно наблюдали свои выгоды⁹⁷, сдавая в ополчения ненужные или вредные элементы крепостной деревни, в уверенности по примеру милиции 1806 г., что за этих ополченцев они получают рекрутские квитанции, или перенося всю тяжесть на зажиточных крестьян, которые должны вместо себя ставить ополченцев. При таких условиях уже а priori можно было бы заподозрить полную правдивость правительственного извещения (манифест от 3 ноября 1812 г.), что крестьяне «охотно и добровольно» вступали в ополчение. Хомутова в своих воспоминаниях свидетельствует, что сдача в ополченцы «на каждом шагу» сопровождалась «раздирательными сценами». Она говорит это про Москву. Но и в Симбирске ей пришлось быть очевидицей таких же сцен. По «тогдашнему обыкновению», замечает другой неизвестный нам современник, отдача в рекруты в 1812 г. «обязательно сопровождалась воем и плачем». Эту обыденность мы и встречаем в год исключительного подъема патриотизма, когда, по словам Вигеля, «прекратились все ссоры, составилось общее братство».

Несомненно, в эту годину были примеры самого горячего юношеского энтузиазма: 16-летний мальчик, будущий декабрист Никита Муравьев, скрывается из дому, чтобы принять участие в борьбе с французами. Будущий же декабрист Лунин просит послать себя парламентаром, чтобы, как говорит Н.Н. Муравьев, «всадить ему (Наполеону) в бок кинжал», и т. д. Можно привести и другие примеры такого юношеского воодушевления. Но вряд ли от этого изменится картина общей обыденщины, той жизненной прозы, которая очень и очень была далека от воспетого в лирико-эпических произведениях современников.

Беспристрастие скорее заставит согласиться с той же Хомутовой, которая так охарактеризовала общественные настроения в 1812 г.: «Одни готовы были все принести в жертву Отечеству; другие желали бы спасти его, не слишком вредя собственному благосостоянию; некоторые полагали, что все эти жертвы бесполезны». С такой оценкой, в сущности, соглашаются и те современники, которые на словах умели проявлять наиболее крикливое «патриотическое» воодушевление, и между ними, конечно, на первом месте стоит гр. Ростопчин, приписавший себе честь обращения русской знати на истинный

---

⁹⁷ «Конечно, всякий старался соблюсти свои выгоды, — замечает Свербеев, — отдавались люди пожилых лет, не отличного поведения и с телесными недостатками, допускаемыми, как исключения, для этого времени в самых правилах о наборе ополченцев».

*Портрет офицера ополчения 1812 года.
Неизвестный художник*

путь патриотического бескорыстия. За это на первых порах его многие из современников готовы были возвести на высокий пьедестал. «Я могу сравнить вас, — писал Ростопчину С.Р. Воронцов 7 марта 1813 г., — только с князем Пожарским; но ваше призвание было труднее его задачи... наше ложное образование, развиваемое нашим правительством... уже давно успело бы потушить в нас всякую искру патриотизма (так же как она потушена у других народов), если бы наш патриотизм не восторжествовал над угнетающей его силою, так сказать, вопреки правительству». «Ты не знаешь, что было в Москве с конца июля, — пишет Волкова своей корреспондентке 11 ноября 1812 г. — Лишь человек, подобный Ростопчину, мог разумно управлять умами, находившимися в брожении, и тем предупредить вредные и непоправимые поступки»⁹⁸.

Цитируя этих современников, мы входим вновь в сферу «пошлых обвинений», т. е. шаблонных памфлетических нападок на галломанию общества.

«Патриоты», за исключением, быть может, наивного Сергея Глинки и недалекого старца Шишкова, как мы уже знаем, отличались, в сущности, сами в большой степени тем «нелепым пристрастием» к внешнему лоску утонченной французской культуры, за которое обвиняли других. К ним почти ко всем применима остроумная басня Измайлова «Шут в парике» (1811), в которой метко вышучивались модные обличительно-патриотические нападки: шут нападает на одежду и, когда его уличают в ношении французского парика, кричит: «Безбожник, изменник, фармасон. Сжечь надобно его, на веру нападает».

Националисты торжествовали в 1812 г., когда вдруг в русском обществе проявилось желание говорить и писать на родном языке, когда «офранцузившаяся» знать в виде протеста скидывает французские платья и заменяя роброны русскими сарафанами (Вигель), когда Гнедич приходил в ужас, услышав, как молили «Бога о спасении отечества языком врагов Бога и отечество, сохраняя выговор во всем совершенстве». Ростопчин, вероятно, сам молившийся Богу на французском языке и не могший обойтись без французского повара, с удовольствием констатировал в 1813 г. в «Русском вестнике», что Кузнецкий Мост обрусел и вместо «Викторины Пешь, Антуанетты, Лапотера, лавок a la Corbeille, Au Temple du bon gout⁹⁹ торгуют Карп Майков, Доброхотов, Абрам Григорьев, Иван Пузырев». Даже такой умный человек, как Мордвинов, и тот поддается общему шаблону; и он пишет из Пензы в ноябре 1812 г. Кутлубицкому: «Благословенное время доброго начала... все злые духи бегут по всем дорогам из городов наших; исчадия адские — французское учение... французские прихоти... французские книги»¹⁰⁰.

Недолго, однако, продолжался и этот налет чисто внешнего патриотизма. Ушел враг, и жизнь быстро вернулась в свое старое русло. Прежняя «галломания» захватывает широкие круги дворянства еще в большей степени. Бывало прежде, иронизирует Ростопчин, «приедет француз с виселицы, а его наперехват, а он еще ломается». Но теперь так легко приобщиться заманчивым благам утонченной французской культуры — к ее внешнему лоску. Теперь так легко и дешево получить французского «учителя» из числа оставшихся в России прежних врагов. Эти «выморозки» рассыпались во внутренние гу-

---

⁹⁹ У Курбеля, Храм хорошего вкуса (*франц.*).

¹⁰⁰ Любопытно, что совершенно аналогичное явление мы, современники второй «великой европейской войны», наблюдали через 100 лет. Так устойчива, в сущности, общественная психология.

бернии. Каждый мелкопоместный дворянин может теперь тягаться со знатнейшими домами, имея «своего» француза. И каждый «порядочный дом», по словам Гнедича, действительно считает своим долгом держать отныне французского учителя.

После 1812 г., свидетельствует нам Жихарев, французский язык распространился еще больше. Лишь только «прононская гнусливость» несколько изменилась: стали «держаться чего-то среднего между горловым гнусливым»¹⁰¹. Сам Ростопчин должен уже в мае 1813 г. признать в письме издателю «Русского вестника», что пристрастие к французам не исчезло, «еще усилилось от учтивого какого-то сострадания к несчастным». «Русское дворянство, — пишет он Александру 24 сентября 1813 г., — за исключением весьма немногих личностей, самое глупое, самое легковверное и наиболее расположенное в пользу французам». Так как 1812 г. не излечил русских от «нелепого пристрастия к этому проклятому отродью», то Ростопчин советует «серьезно приняться за уничтожение этих восторженных поклонников». Ему по-прежнему мерещится революция там, где ее не было и не могло быть.

В сущности, вся деятельность Ростопчина в возобновленной из пепелища Москве проникнута сыском к обнаружению тех, которые в 1812 г. не проявили должного патриотизма, т. е. стояли в стороне от той крикливой шумихи, которой выражался в значительной степени общественный патриотизм Отечественной войны.

Первым распоряжением московского генерал-губернатора было предписание (13 октября) московскому обер-полицмейстеру Ивашкину «удостовериться путем опроса, кто помогал французам»¹⁰². Начинается «ловля» тех, кто участвовал в муниципалитете, составляются особые списки «колодников», находившихся на службе у французам¹⁰³, и, наконец, производятся опросы отдельных лиц, провинившихся, по мнению Ростопчина. Ростопчин, долгое время, как мы знаем, задерживавший выезд из Москвы населения, теперь готов зачислить в число изменников всех тех, кто остался в Москве. Этих лиц и призывают к ответу, и, по-видимому, ото всех получалось довольно стереотипное объяснение. Некто титулярный советник на вопрос, почему

---

¹⁰¹ Из записок Макарова «О времени обедов, ужинов и съездов в Москве» (Бум. Щук., т. II).

¹⁰² Были обнаружены 21 русский и 37 иностранцев.

¹⁰³ Насчитано 17.

он остался в Москве, отвечает: «Его сиятельству угодно было обнадеежить московских жителей, чтобы они ничего не боялись и что французы отнюдь сюда впущены не будут». На тот же вопрос, по словам М.И. Димитриева, не без остроумия и язвительности отвечает кн. Шаликов: «Ваше сиятельство объявили, что будете защищать Москву... со всем московским дворянством... Я явился вооруженный, но никого не застал».

К таким же «якобинцам» был отнесен и дворянин Вишневецкий, пытавшийся, по словам Ростопчина, убедить дворян остаться в Москве (письмо Александру от 17 марта 1813 г.).

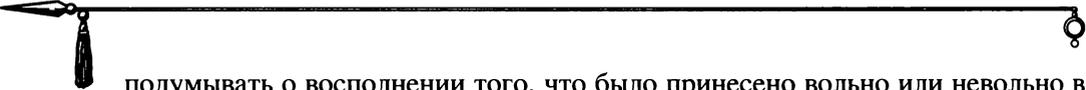
Не оставляются в покое и старый Новиков, и враг Ростопчина Ключарев. До Ростопчина доходит слух, что Новиков принимал больных из неприятельской армии. Для «патриота» Ростопчина, столь жестоко расправившегося по приезду в Москву с пленными больными французами, была органически непонятна возможность филантропии к врагу. И бронницкому исправнику Давыдову отдается 15 октября предписание узнать в соседних селениях, «какие сношения имели с неприятелем в с. Авдотьине Новиков и в с. Валовом Ключарев». Таким путем Ростопчин обнаружил целый ряд «изменников». С одними он расправлялся сам¹⁰⁴, других, по предписанию Александра, сажал в кибитки и отправлял в Петербург. Вначале сыск, по-видимому, не давал больших результатов. «До сих пор, — пишет Булгаков, — нам удалось арестовать только двух подьячих, которых граф тотчас отдал в солдаты». Затем последовали «иностранцы», «купцы-раскольники», «мартинисты», «якобинцы». В целях более успешного сыска, «для удаления неподходящего элемента», Ростопчинным принимаются соответствующие меры учета населения.

Но не один гр. Ростопчин разбрасывает обвинения в измене. Все те, кто из страха бежали перед неприятелем, готовы были представлять теперь свои поступки героическим самопожертвованием и обвиняют всех тех, кто не последовал их примеру. «Горько было от неприятелей, — записывает Н.Н. Мурзакевич, — но горше пришлось терпеть оставшимся в городе (Смоленске) жителям от своих приезжих соотечественников. В чем только несчастных не укоряли: и в измене, и грабительстве, и перемене веры».

Однако все те, кто считал себя спасителями Отечества, Мининскими и Пожарскими, по мере того, как жизнь входила в свое старое русло, начинали

---

¹⁰⁴ «Вольнодумец» титулярный советник Поспелов был посажен в «железе», других отдавали в солдаты.

подумывать о восполнении того, что было принесено вольно или невольно в годину бедствий на алтарь Отечества. В данном случае чрезвычайно характерны те прошения и ходатайства, с которыми многие представители московского общества обращались к правительству в целях возмещения понесенных убытков от московского пожара. Когда была открыта эта запись в книгу «явочных просьб», мы встречаемся наряду с заявлениями претензий со стороны беднейших слоев населения прошения и от богатейших представителей московской аристократии. Если одни это делают в целях только довести как бы до сведения правительства о понесенных убытках, то другие предъявляют весьма часто необоснованные претензии. Среди заявивших претензию на возмещение убытков мы видим представителей самых знатных фамилий: гр. А.Г. Головин — на 229 000 руб.; гр. И.А. Толстой — 200 000 руб., и дальше кн. Засекина, кн. А.И. Трубецкой и т. д.

Потерянные вещи перечисляются до смешных мелочей; напр., в реестре кн. Засекиной мы встречаем 4 кувшина для сливок, 2 масляницы, чашка для бульона; дочь бригадира Артамонова перечисляет новые чулки и шемизетки. Одна дама, по свидетельству Ростопчина (письмо Александру 2 декабря), «поставила в счет 380 руб. за сторевших канареек»; кн. Голицын предъявляет претензии за убытки, понесенные в его деревнях, и т. д.

Поток прошений был так велик, отыскание похищенных вещей — часто московскими жителями, подмосковными крестьянами и дворовыми — было так затруднительно, что довольно скоро пришлось ликвидировать деятельность по возмещению убытков, понесенных в год нашествия врага и год величайшего патриотического воодушевления.

Таким образом, эгоизм, житейские расчеты всецело торжествуют над идеальными чувствами патриотического воодушевления, торжественно провозглашаемыми в напыщенных одах и официальных реляциях. «При свете ламп и люстр приметно начинал гаснуть огонь патриотического энтузиазма нашего», — замечает Вигель. Эти житейские соображения, в конце концов, развенчивают в московских гостиных и ореол минутного героизма, которым на первых порах окружается имя Ростопчина — спасителя Отечества.

Если Ростопчину еще не приписывается определенно инициатива пожара, то обвинение это уже носится в воздухе. Это действительно обвинение, потому что современники вовсе уже не склонны по подсчету убытков превозносить «патриотическую» жертву. Во всяком случае, нераспорядительность Ростопчина, его нелепые меры защиты столицы, уверения в полной

безопасности оставляемого в Москве имущества содействовали увеличению понесенных убытков.

На этой почве постепенно и возрастало недовольство Ростопчиным.

Постоянный корреспондент С.Р. Воронцова, Логинов, в письме от 12 февраля 1813 г. с «великим изумлением» уже отмечает, что «так громко воспевают в Англии великие деяния гр. Ростопчина». «Мнение общества теперь таково, — пишет Логинов, — что все окончательно изверились в него настолько же, насколько раньше верили в его бахвальство». Логинов, и прежде не одобрявший склонность Ростопчина к «ремеслу писаки», передает теперь как бы общее осуждение его литературной деятельности: «Он до сих пор продолжает писать прокламации, вызывающие смех своим слогом и подчас странным содержанием». Итак, Ростопчин возбуждает «почти общий ропот» (слова Штейнгеля). Против него в Москве крепнет оппозиция, во главе которой стоит начальник кремлевской экспедиции П.С. Валуев. Разочаровываются в Ростопчине подчас и наиболее горячие его адепты, как известная нам Волкова. «Я отказываюсь, — пишет она 18 ноября, — от многого сказанного мной о Ростопчине... он вовсе не так безукоризнен, как я полагала... Ему особенно повредила его полиция, которая, выйдя из города в величайшем беспорядке, грабила во всех деревнях, лежащих между Москвой и Владимиром». «Я решительно открываюсь от моих похвал Ростопчину», — добавляет Волкова через месяц. Причиной этого решительного отказа послужила история с магазином Обер-Шальме. Получив приказание от Александра продать с аукциона магазин Шальме, где было товара на 600 000 руб., и раздать деньги бедным, Ростопчин, по словам Волковой, разделил деньги между полицией¹⁰⁵. По словам Булгакова, дело обстояло следующим образом: «Так как мы (полиция) лишились всего, то он (Ростопчин) объявил нам, что мы вправе взять из магазина Шальме все, что только нам заблагорассудится. Для самого себя граф возьмет (Булгаков писал за несколько дней до “разграбления”) столовый сервиз, так как его собственный сервиз похищен»¹⁰⁶.

---

¹⁰⁵ Волкова знала это от своего двоюродного брата, служившего в московской полиции и отказавшегося от своей доли, равно как московский комендант Спиридонов и Б.А. Голицын.

¹⁰⁶ Любопытно, что других грабителей Ростопчин наказывал весьма строго: например, дворовый помещика Власова был прогнан три раза шпицрутенами через 1001 человека.

Все это, вместе взятое, с возмущением по делу Верещагина, с возмущением по поводу всегдашнего произвола московского генерал-губернатора не могло не вызывать действительно всеобщего осуждения Ростопчина. Тот, кто приписывал почти исключительно себе лавры победителя, не встречал и поддержки со стороны Александра, который, почти по общему признанию, очень не любил властного «московского барина». Ростопчин чувствовал, что дни его господства сочтены. Он силен был лишь тогда, когда мог устрашать правительство возможностью революции. Но теперь в «бахвальство» уже не верили. «Я более ничего не хочу принимать на свою ответственность. Кроме того, трудно приучиться к тому, — пишет он почти единственному верному своему поклоннику Воронцову 1 ноября 1812 г., — что с тобой обходятся хорошо, когда в тебе нуждаются, и тебя выдают, как дикого зверя, когда опасность миновала».

Он о том же жалуется Глинке: «Меня обдают здесь пересудами; гоняют сквозь строй языками; меня тормозат за то, что я клялся жизнью, что Москва не будет сдана». Но Ростопчин и здесь не может стусеваться без позы. «Москва, — заявляет он, — была сдана за Россию, а не сдана на условиях. Неприятель не вошел в Москву, он был в нее пущен — на пагубу свою»...

Он грозит, что уедет во Францию, в Париж, и оставит «почетное место», которое занимает, потому что «устал от равнодушия правительства к городу, который был убежищем для его государей et le grand ressoir¹⁰⁷, символом их могущества над подданными» (письмо Воронцову от 26 января 1813 г.).

Ростопчинская отставка последовала в июле 1814 г. по возвращении Александра в Россию. «Третьего дня совершился мой развод в Москве», — писал он жене 1 сентября. Первый в России «патриот», в то время нецененный, утешался тем, что в «немецкой земле» ему «делают почести и признают главным орудием гибели Наполеона». «По крайней мере, когда своим не угодил, то чужие спасибо скажут». Как отнеслось московское общество к сему ему разводу с Ростопчиным? «Москва в восторге от отставки Ростопчина, — пишет Кристина Туркестановой 3 сентября. — Рассказывают, будто он написал жене: “Наконец, Его Величество оказал мне милость, избавив меня от управления этой мошенницей”. Не ручаюсь за подлинность фразы, во всяком случае, могу вас уверить, что мошенница в долгу у него не остается и платит ему той же монетой».

Вождь официального патриотизма 1812 г. велел сделать надпись на своем надмогильном памятнике: «Среди моих детей покоюсь от людей». И мы знаем теперь, что если люди после 1812 г. не оценили сразу патриотических подвигов Ростопчина, то впоследствии потомство не по заслугам пыталось возвеличить эти несуществующие подвиги и не только Ростопчина, но и всех иже с ним сущих.

С.П. Мельгунов

«Перлы» и «клюква» мемуаров генерала барона де Марбо

Читая воспоминания генерала барона де Марбо, я невольно останавливал свое внимание на некоторых страницах его мемуаров о виденном и пережитом за всю его долгую службу Франции (1799—1848).

Военная карьера этого генерала прошла исключительно в кавалерийской среде. Барон де Марбо был знатоком своего дела, любил его и доблестно сражался во всех больших кампаниях Наполеона. Одиннадцать ранений, ряд высших французских и иностранных орденов свидетельствуют о его преданности французскому государству и о его личной храбрости в боевой обстановке.

Наполеону генерал де Марбо остался верен до конца и всегда был его самым убежденным защитником. Патриотизм и горячая натура генерала увлекали его порой, наверно, незаметно для самого себя при изложении некоторых событий в область пристрастности и фантазии. Но наряду с подобными недостатками в его труде можно найти прекрасные и ценные для русского читателя страницы, дополняющие наши знания о наполеоновских войнах.

Я задерживаюсь сейчас на 4-м томе (Березина — Лейпциг — Ватерлоо), особенно интересном для русских. Из него я выписываю ряд выдержек, привожу их сам на русский и предлагаю их дорогим читателям «Военной были». Одни из справок относятся к категории «перлов», т. е. ценных и правдивых сведений; другие принадлежат к разряду «клюквы», т. е. указаний ошибочных или явно фантазерского характера.

Я уверен, что читатели сами, без затруднений, определяют, к какой категории надлежит отнести каждую выдержку (к «перлам» или к «клюкве»).

*Барон де Марбо в молодости.
Неизвестный художник*

С. 24. «...Артиллерия Русских далеко не так хороша, как наша, но Русские пользовались в боях пушками-“единорогами”, дальнобойность которых превосходит действенность огня французских орудий той же эпохи. Эти “единороги” производили самые огромные опустошения в наших войсках...»

С. 36, 37 (Атака кавалергардов под Полоцком в августе 1812 года). «...Бесстрашный и умный генерал Беркхейм, подходя на помощь во главе 4-го кирасирского полка, бросился на кавалергардов. Несмотря на их храбрую защиту, они были почти все убиты или взяты в плен. Доблестный их майор оказался в числе погибших. Атака, произведенная горсточкой храбрецов (120 кавалергардов при 1 офицере), дала бы огромный результат, если бы была поддержана. Блестящее дело кавалергардов подтвердило лишний раз, что неожиданные атаки кавалерии обещают наибольший успех...»

С. 41. «...Как только раздавался последний ружейный выстрел, генерал Сен-Сир замыкался в монастыре иезуитов, где он посвящал целые дни, а часто и ночи, чему бы вы думали? Игре на скрипке!»

С. 47—48. «(В Бородинском сражении)... Французы одержали победу над русскими. Соппротивление последних было одним из самых стойких...»

С. 48. «(В Бородинском сражении)... Французы взяли очень мало пленных, и это свидетельствует о том, с каким мужеством защищались побежденные...»

С. 49. «(О Бородинском сражении)... Хотя русские были разбиты и были принуждены уйти с поля битвы, их главнокомандующий Кутузов осмелился написать императору Александру о том что только что одержал большую победу над французами! Эта ложная новость, пришедшая в Санкт-Петербург в день ангела императора Александра, вызвала чрезвычайную радость!.. Пели “Тебе, Бога хвалим”; Кутузов был провозглашен спасителем Отечества и произведен в фельдмаршалы. Между тем правда вскоре стала известной и радость превратилась в траур; но Кутузов был фельдмаршалом! Это было то, чего он желал...»

С. 53. «...Мюрат, вспоминая свои блестящие успехи в кампаниях 1806 и 1807 годов против Пруссии, когда он преследовал противника до крайности, считал, что одной кавалерии достаточно для всего и что последняя должна была совершать ежедневные переходы по 12—15 лье, не заботясь об усталости лошадей. Главное было нагрянуть на врага с несколькими головными колоннами! Но климат, затруднения в отыскании фуража, затянувшаяся кампания и в особенности стойкость русских изменили условия войны. Таким образом, когда мы прибыли в Москву, половина нашей кавалерии оказалась без лошадей, и Мюрат доканчивал уничтожение ее остатков в Калужской губернии».

С. 56. «...19 октября (после ухода Наполеона из Москвы) маршал Мортье и две дивизии Молодой гвардии задержались в городе на двадцать четыре лишних часа для того, чтобы закончить разрушение города и взорвать Кремль».

С. 58. «...Маршал Мортье присоединился к императору после того, как взорвал Кремль»...

С. 62 «...Атаман Платов, пивший ночью по своей привычке, спал в это время... Дисциплина же в русской армии настолько сильна, что никто не посмел бы ни разбудить своего начальника, ни взяться за оружие без его приказа...»

С. 94. «...(На правом берегу Березины, накануне гибели французов). Я думал, что мосты были загромождены. Скачу туда галопом, и каково же мое удивление, найдя их совершенно пустынными! Никто не проходил по ним в то время, как в ста шагах от них, при хорошем лунном освещении я увидел более 50 000 отставших или оторвавшихся от своих частей солдат. Они получили прозвище “rotisseurs” (слово, трудно переводимое на русский, смысл его — кашевар, кухарь. — *И.С.*). Эти люди, спокойно сидевшие перед громадными кострами, готовили себе жареную конину, не подозревая того, что они находились перед рекою, переправа через которую будет стоить жизни многим из них. А сейчас, в несколько минут, они смогли бы перейти ее без

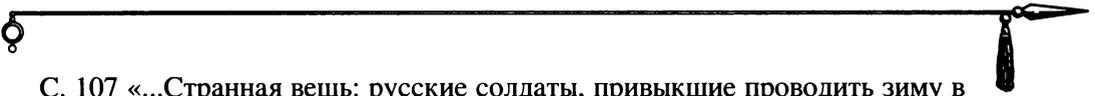
препятствий и закончить приготовление своей еды на противоположном берегу. И ни одного офицера из Императорской штаб-квартиры, ни одного адъютанта из штаба армии, ни одного маршала не было здесь, чтобы предупредить этих несчастных и оттеснить их, в случае необходимости, к мостам!

В этом лишенном всякого порядка лагере я увидел впервые военных, возвращавшихся из Москвы. Моя душа была в отчаянье! Все чины были перемешаны; ни оружия, ни военной форумы! Солдаты, офицеры и даже генералы были покрыты лохмотьями и имели в виде обуви только куски кожи или сукна, плохо стянутые бечевкой! Громаднейшая толпа, в которой смешались тысячи людей различных национальностей, громко говоривших на всех языках Европейского континента, но не имевших возможности понять друг друга!..»

С. 101. «(После перехода через Березину)... Мой полк, еще многочисленный, очутился перед полком черноморских казаков. У них были высокие каракулевые папахи. Они были одеты добротнее и сидели на лучших лошадях, нежели остальные казаки. Мы бросились на них; по обычаю этих людей, которые никогда не сражаются в одной линии, казаки повернули назад и умчались галопом. Но, не зная местности, они направились к чрезвычайно редкому в этих обширных равнинах препятствию: большому и глубокому оврагу, заметить который издали мешала поразительная ровность почвы. Овраг остановил их как вкопанных. Видя невозможность пройти через него со своими лошадьми, принужденные повернуться лицом к моему полку, который достигал их, казаки сделали поворот, придвинулись плотно один к другому и храбро выставили нам свои пики!..»

С. 103 «(Бой)... вскоре был кончен. Много казаков было убито, другие, бросивши лошадей, скатились на дно оврага, где большинство из них погибло в огромных кучах снега, наметенного ветрами».

С. 106 «...6 декабря мороз увеличился неимоверно: термометр опустился почти до 30 градусов. Таким образом, этот день был еще более роковым, чем предыдущие, в особенности для войск, не привыкших постепенно к непогоде. В числе последних была дивизия Грасьена. Насчитывая 12 000 призванных, она покинула Вильно 4-го, чтобы прибыть сюда раньше нас. Резкий переход от хорошо отопленных казарм к бивуаку при 29½-градусном морозе погубил в сорок восемь часов почти всех этих несчастных! Жестокость зимы произвела еще более страшное действие на 200 неаполитанцев гвардии короля Мюрата. Они тоже шли навстречу нам, пробыв долго в Вильно, но они умерли все в первую же ночь, которую они провели на снегу!»

С. 107 «...Странная вещь: русские солдаты, привыкшие проводить зиму в своих постройках, хорошо защищенных от непогоды и снабженных постоянно топящимися печами, оказались гораздо более чувствительными к холоду, чем солдаты других стран Европы; таким образом, неприятельская армия несла большие потери, что и объясняет медлительность преследования нашей армии русскими.

Мы не понимали, почему Кутузов и его генералы ограничивались тем, что следовали за нами в хвосте, со слабым авангардом, вместо того чтобы обрушиться на наши фланги, охватить их и отрезать нам отступление, дойдя до головы наших колонн. Но такой маневр, который завершил бы наш разгром, стал для них невозможным, так как большинство их солдат погибало так же, как и наши люди, на дорогах и на бивуаках. Сила мороза была так велика, что можно было видеть нечто вроде дыма, выходявшего из ушей и глаз. Этот пар, сгущаясь в соприкосновении с воздухом, звучно падал нам на грудь, подобно шуму брошенных в нее горстей проса...»

С. 108 «(То же отступление после Березины)... (Поляки)... во время переходов и на привалах воровали все, что им попадалось на глаза. Однако, так как к этим людям отношение было недоверчивое и так как одиночные акты воровства стали затруднительными, поляки решили работать на широкую ногу. Для этого они организовывались в шайки, снимали свои каски и надевали крестьянские шапки. Вискальзывая из лагерей, как только наступала ночь, эти люди собирались в назначенном пункте и потом возвращались в наши лагерь с военным кличем казаков «Ура! Ура!». Этим они вносили ужас в состояние умов ослабевших людей, из которых многие бежали, бросая свои вещи, повозки, продукты. Тогда так называемые «казаки», награбив всего, удалялись и возвращались до наступления утра во французскую колонну. Там они становились снова поляками, но для того, чтобы опять стать «казаками» в следующую же ночь».

С. 109. «(То же отступление)... Как только мы очутились вне Вильно, подлые евреи набросились на французов. До этого они сами приняли французов в свои дома, чтобы вытянуть из наших солдат последние, остававшиеся у них деньги. Евреи раздели и выбросили их на улицу через окна совершенно голыми!.. Несколько офицеров русского авангарда, который входил в этот момент в город, были настолько возмущены подобной жестокостью, что приказали пристрелить многих таких евреев».

Еще об одной книге эпохи Отечественной войны

В октябре 1813 года одновременно в Лондоне, Эдинбурге и Дублине некий Джон Филиппарт выпустил в свет свой самый объемистый, двухтомный труд, озаглавленный: «Campaign from the commencement of the War in 1812 to the Armistice Signed and ratified June 4th 1813». Эти редкие два тома украшены гравированными портретами императора Александра I и Наполеона, пополнены всеми бюллетенями Наполеона за это время и двумя подробными расцветченными картами, с нанесенными на них маршрутами обеих армий от Немана до Москвы и обратно.

По прочтении этого труда мысли читателя сосредоточиваются главным образом на контрасте между материалом, доставляемым в Лондон состоящей при российской армии военной английской миссией, и тем, как этот материал был обработан и преподнесен публике автором этой военной хроники.

Джон Филиппарт родился в 1784 году; по окончании Военной академии он поступил в канцелярию военного министерства и одновременно занялся компилятивной военно-литературной деятельностью, выказав большую трудоспособность, издавая журнал «Военная панорама». О созданном им себе положении как в обществе, так и в министерстве свидетельствует то, что он 43 года состоял бессменным канцлером ордена Св. Иоанна Иерусалимского; он умер в 1874 году. Описываемый труд он посвятил герцогу Адольфу-Фридриху Кембриджскому, возведенному в чин генерал-фельдмаршала именно в 1813 году; в посвящении автор дважды настаивает на том, что эти «огромной важности события» описаны в «достоверных и беспристрастных деталях, при свойственном автору независимом суждении». В предисловии же Филиппарт говорит, что он считает себя счастливым, ибо основывал свой труд «на источниках, доступных лишь очень немногим», и добавляет, что задача его была очень затруднена кратким периодом времени; действительно, закончил описания июнем 1813 года, а книга была выпущена через 4 месяца — в октябре того же года.

«Источники, доступные лишь очень немногим», состояли преимущественно из донесений английской военной миссии при российской армии или, что почти то же самое, при императоре Александре Павловиче. Уже с 1806 года миссия возглавлялась сэром Робертом-Томасом Вильсоном (1774—1843); за

какой-то «подвиг» в сражении при Прейсиш-Эйлау под командою Беннигсена царь пожаловал ему орден Св. Георгия! Уже в следующем году, достав в Петербурге из-под полы ультиматум — объявление Россией войны Швеции (неизменной союзницы Англии), — Вильсон вызвал восторг в Лондоне, ибо сумел перегнуть русского курьера; Вильсон был матерым агентом, научившимся своему делу и в Бельгии, и в Египте, и в Ирландии, Испании и Пруссии. В его английской биографии читаем многопоучительные слова: «...он имел значительное влияние на царя и высказывал здравое и честное суждение о русских генералах» (!!), о чем он впоследствии подробно писал в напечатанных после его смерти воспоминаниях.

О нескрываемой благосклонности к иностранцам со стороны Александра Павловича сообщают все современники и историки; но царя и Вильсона особенно объединяла острая неприязнь к Кутузову; вспомним хотя бы этот случай: 24 декабря 1812 г., в Вильно, выражая Вильсону благодарность за все его «письма», царь прибавил: «Вы всегда говорили мне правду, которую я не мог бы узнать другим путем» (!!)... и продолжали в разговоре поносить Кутузова... Фельдмаршал все это давно знал, но он не позволил себе выслать из пределов армии Вильсона (как Константина Павловича и Беннигсена), ибо также хорошо знал об английских «субсидиях» и доставляемом оружии. Штаб Кутузова делился на стоящих «за него» и бывших «против»; эти последние, разводившие непрестанные дразги и славшие в Петербург доносы, дошли до того, что послали в Петербург с каким-то требованием английского агента Вильсона!.. И царь Вильсону поверил... а Вильсон слал свои донесения в Лондон.

А в труде Филиппарта нет ни намек на все эти сплетни, наветы и доносы, ни на «влияние», ни на односторонние, эгоистические «суждения о генералах». Наоборот, Филиппарт неизменно и неоднократно отзывается о Кутузове самым правдивым, благоприятным образом, так же как и о всем русском народе. Например: «После Бородинского сражения у Кутузова осталось вдвое меньше людей, чем у Бонапарта; к 9 октября он имел уже 200 000, включая крестьян, стремившихся к нему и выполнявших ответственную задачу — расстраивая ряды убежавших врагов. Этот старый, высокоценный генерал пользовался доверием всей армии и всего народа: его жизнь заключалась в ответственных услугах отечеству, его имя во всей империи отождествлялось с «победой»; и тут — подстрочная выноска, напечатанная мелким шрифтом: «Хотя он был главнокомандующим во время Аустерлицкого поражения и его

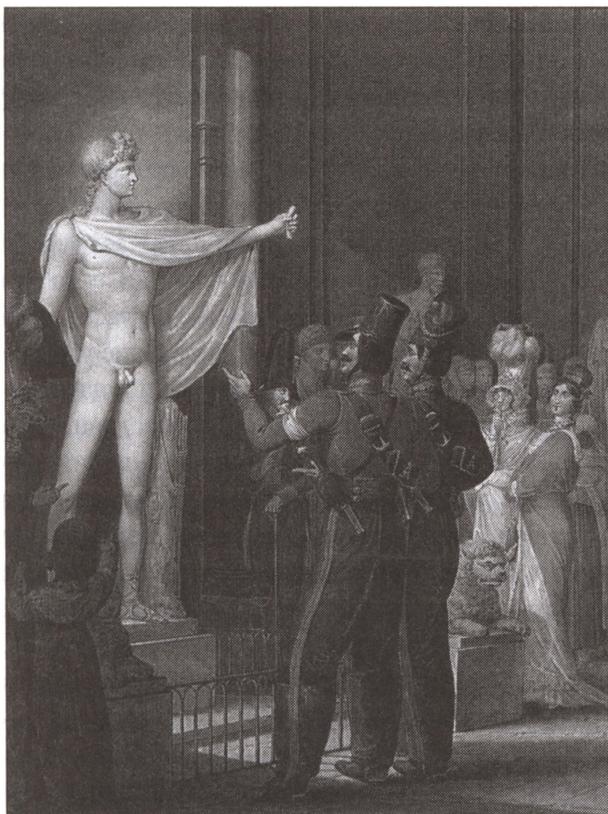

военная репутация несправедливо пострадала в глазах Европы, сушая правда заключается в том, что последствия этого фатального события незаслуженно взвалены на него; весь план и его выполнение были несправедливо приписаны ему... авторитетом, с коим Кутузов не мог спорить...» Честь аустерлицкого поражения делят между собою Александр I и австрийский генерал.

Филиппарт приводит мнение о русском солдате другого члена английской военной миссии — полковника Диллона: «Всецелое, слепое повиновение — отличительная черта русского солдата. Все чувства, страсти постепенно меняющейся его натуры сводятся в конце концов к неуклонному исполнению его прямых обязанностей; русский солдат медленно подчиняется требованиям дисциплины, но, раз их усвоив, он превращается в какое-то бездушное существо, непревзойденное ни одним примитивным творением; в отношении стойкости русская армия стоит выше любой другой»... (и тут я оставляю заключения «чувствительного» англичанина без комментариев. — *В Р.*). Упоминается еще один член той же миссии, состоявший при армии адмирала Чичагова, — капитан 1-го гвардейского пехотного полка, молодой лорд гр. Гаприконель, умерший в Вильно 20 декабря 1812 года от простуды, полученной во время преследования французов; по приказанию Кутузова он был похоронен со всеми воинскими почестями и ему был поставлен памятник. Среди 43 генералов армии Наполеона, взятых в плен до 26 декабря 1812 года, перечислены 9 поляков.

Но когда Филиппарт касается прошлого России, он проявляет невежество; так, повторяя за Вильсоном некоторые случаи из сражения под Прейсиш-Эйлау, упоминается принимавший в этом бою участие... кн. Потемкин. Из «Мемуаров» того же Потемкина Филиппарт таким образом описывает страничку из истории казаков: «Это он (Потемкин) подчинил России “питомник” солдат (казаков), бывших до него лишь в номинальном подданстве и от коих было мало пользы. До него казаки составляли добровольческую милицию, управляемую республиканскими законами; до Потемкина никто не решался эти законы нарушить, но он их уничтожил. Он создал казачьи полки и подчинил их тем же законам набора, как и прочие войска. Потемкин уважал казаков и был ими любим, так же как и Суворов». Затем следует «наставление»: «Но все же только что организованные казаки — не то, чем они быть должны. Если русское правительство будет оказывать внимание казакам, оно превратит этих умных, неутомимых, воинственных людей в свое главное орудие успехов на страх врагам»...

Казачи у статуи Аполлона в Лувре.

Художник Г.-Э. Опиц

Опять и опять возвращаясь к Кутузову, читаем: «Бородинское сражение — это победа русских и поворотный пункт в необдуманном вторжении Наполеона (на пути в Индию! — *В.Р.*) в необъятные просторы России, погрузившие его и армию в гущу озлобленного народа, имея противником твердо-го, расчетливого, умудренного долгой жизнью, боевым и дипломатическим опытом Кутузова, поддерживаемого ограниченным числом умных сотрудников и терзаемого недалёковидными интриганами, во главе с побежденным под Аустерлицем Александром I и его семьей...»

Как мы видим выше, Филиппарт внес в свое военное сочинение некоторое разнообразие — отступления; русские, например, не позволяют измерить Царь-пушку из боязни, что иностранцы выльют пушку большего размера. По

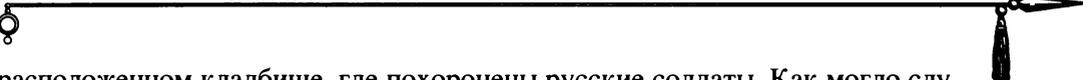
его словам, в следовавшем за французской армией обозе было много и разных ремесленников, столяров, каменщиков и даже огородников (из Саксонии) с целью преобразовать завоеванные «азиатские пустыни» в цветущие города и деревни, утопающие в садах...

Наконец, Филиппарт затрагивает тему, несколько разъясняющую цель им преследуемую: «Британцы, всегда либеральные в отношении страждущего патриотизма, не могут безучастно относиться к несчастьям, свалившимся на русских крестьян и солдат. Пожертвования текут в Петербург, шлет их все наше население с членами Королевского дома во главе; нами учреждены в России комитеты, задачей коих является установление убытков, понесенных каждым (?! — *В.Р.*). Не только человеколюбие, но и политика требует от Великой Британии оказания помощи народу, так пострадавшему за умиротворение всего континента. Ни одна нация не проявила еще подобного духовного подъема... Благородное поведение русских зажгло факел свободы и произвело трещину в тирании над Европой... оно разрушило континентальную систему и снова открыло путь британской мануфактуре в Балтийское море; оно разорвало цепь, сковавшую британскую торговлю и благосостояние. Устроенные в нашей стране митинги постановили оказать русским помощь...» и т. д. (Нет ли статистических данных, указывающих, в скольких фунтах проявилась эта британская благотворительность... в отношении «каждого»? — *В.Р.*).

Итак, вопреки своим убеждениям, повинуюсь солдатской дисциплине, Кутузов повел обновленную свою армию за пределы границ освобождать Европу, к неопишуемой радости всех Вильсонов, и скоро — умер! Мавр сделал свое дело, а Филиппарт не нашел нужным углубляться в злые, шкурные наветы Вильсона. Но не при его ли содействии (т. е. Филиппарта) была отчеканена в Англии медаль (единственная!) в честь Кутузова?

В «Русском инвалиде» от 27 июня 1824 года читаем: «В среду 23-го с. м. скончалась здесь, ко всеобщему сожалению, княгиня Катерина Ильинишна Голенищева-Кутузова-Смоленская, урожденная Бибикина, Двора Их Императорских Величеств штатс-дама, и орд. св. Екатерины кавалерственная дама».

В 1950 году в одной польской газете мы прочли, что в деревне Тыменов Болеславецкого уезда (в польской Нижней Силезии), т. е. в бывшем немецком Бунцлау, стоит мавзолей, в котором в золотой урне возлежит сердце Кутузова; деревенская молодежь поддерживает порядок, так же как и на близко

расположенном кладбище, где похоронены русские солдаты. Как могло случиться, что тело фельдмаршала было впоследствии перевезено в Казанский собор в Петербурге, а сердце осталось за границей?

В.Г. фон Рихтер

Кто сжег Москву?¹⁰⁸

Вопрос о причинах, вызвавших пожар Москвы, — вопрос, на котором усиленно останавливалось внимание потомства, — в сущности, и не ставился в сознании современников в первые годы после Отечественной войны. «Весь 1813 и 1814 гг., — говорит Свербеев, — никто не помышлял, что Москва была преднамеренно истреблена русскими». И эта точка зрения вполне подтверждается перепиской. «Нас считают варварами, — писал Ростопчину С.Р. Воронцов 7 июня 1814 г., — а французы, неизвестно почему, прослыли самым образованным народом. Они сожгли Москву, а мы сохранили Париж». В том же духе пишет Воронцову и сам Ростопчин: Наполеон «предал город пламени, чтобы иметь предлог подвергнуть его грабежу» (письмо от 28 апреля 1813 г.). «Бонапарт, — как бы добавляет через год своему корреспонденту Ростопчин, — чтобы свалить на другого свою гнусность, наградил меня титулом поджигателя, и многие верят ему» (письмо от 28 апреля 1815 г.).

Нет, конечно, никакого сомнения в том, что пожар Москвы не может свидетельствовать «постыдные и хищные дела презренных зажигателей», как выражался Высочайший указ на имя Ростопчина по поводу проекта воздвигнуть «увенчанный лаврами столб» в Москве из оставленных французами артиллерийских орудий «на память многократных побед и совершенного истребления всех дерзнувших вступить в Россию неприятельских сил». Так могло казаться лишь недостаточно осведомленным современникам, которым в то время не приходила даже мысль о преднамеренном сожжении русской святыни. Так констатировалось в правительственных актах — и это было, как мы знаем, одним из самых могущественных средств к возбуждению, так сказать, органической ненависти к врагу, и не только в низах, но и в дворянстве. Если в низших слоях населения возбуждалось тем самым чувство грубо поправленной религиозности, то в дворянских и буржуазных кругах столь же сильно захва-

---

¹⁰⁸ Впервые напечатано в издании «Отечественная война».

тывались имущественные интересы. Недаром К.К. Павлова в своих воспоминаниях записала: «Хорошо было Пушкину, лет двенадцать позднее, воскликнуть с энтузиазмом поэта: “Пылай, великая Москва!” Но когда она пылала, то, сколько я знаю, общее чувство было вовсе не восторженное». И понятно, «весть о пожаре Москвы грянула как громовой удар». «Осторожные» барыни, заперев накрепко свой московский дом, были совершенно спокойны насчет своего оставленного там имущества.

При таких условиях, действительно, обвинение французов в пожаре являлось лучшим агитационным средством, что и отметил, как мы уже знаем, в своих воспоминаниях Домерг.

«Правительство ухватилось за этот предлог, чтобы придать войне характер народный и религиозный. Вся Россия, казалось, почерпнула в этой великой катастрофе новую энергию».

Но французы не повинны в пожаре. Им не могла принадлежать инициатива уже потому, что «глупо было бы допустить, — как выражался Рунич, — что французы подожгли город, в котором они нашли в изобилии все, что было

Пожар в Москве. Неизвестный художник

необходимо для их существования и который представлял собою к тому же надежный пункт, из которого они могли вести переговоры или руководить военными действиями во все стороны, как из центра, находившегося в их руках». Мы знаем, какие усилия употреблялись для борьбы с дезорганизацией, и действительно, было бы «глупо» разрушать одной рукой то, что создается другой. Таким образом, ранняя русская версия о французах-поджигателях абсолютно лишена основания. В сущности, о них говорит единственное только донесение Тутолмина 11 ноября императрице Марии Феодоровне: «Когда я и подчиненные мои с помощью пожарных труб старались загасить огонь, тогда французские зажигатели поджигали с других сторон вновь. Наконец некоторые из стоявших в доме жандармов, *оберегавших* меня, сжалившись над нашими трудами, сказали мне: “Оставьте, — приказано сжечь”».

Единственно, что можно сказать, — это то, что на первых порах завладевшие столицей не обратили внимания на начавшийся пожар. Он «не казался опасным, — говорил Наполеон О’Меару на о. Св. Елены 3 ноября 1816 г. — Мы думали, что он возник из-за солдатских огней, разведенных слишком близко от домов, сплошь деревянных».

От этих бивачных огней, по рассказам Глинке оставшегося в Москве гравера Осипова, «загорелся дом Филипповского» (Глинка. «Записки о Москве»).

На следующий день огонь увеличился, но еще не вызывал серьезной тревоги... На следующее утро поднялся сильный ветер, и пожар распространился с огромной быстротой, причем сами русские, как утверждал Наполеон, — и это утверждение соответствует фактам — помогали защите города от пожара («Napoleon dans l’exil»¹⁰⁹).

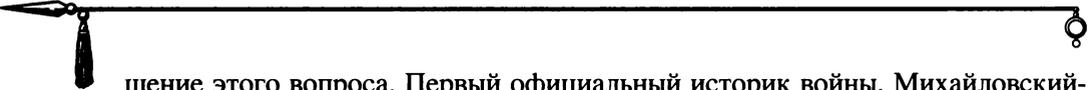
Версия о французах-поджигателях была хороша только для 1812 г.

Несуразность ее очевидна даже для С.Н. Глинки: «Ни в Париже, ни при вторжении в Россию пожар московский не заглядывал в мысли Наполеона» («Записки о Москве», 1837 г.). Жозеф де Местр мог лишь удивляться длительному существованию этой версии. «До сих пор еще, — писал он в своем донесении 2 июня 1813 г., — в народе говорят, да и повыше народа, что Москву сожгли французы: так еще сильны здесь предрассудки, убивающие иногда всякую мысль наподобие гасильников, которыми тушат свечи».

Какое же имеет под собой историческое основание французская версия? У позднейших историков Отечественной войны мы найдем различное ре-

---

¹⁰⁹ «Наполеон в изгнании» (франц.).

шение этого вопроса. Первый официальный историк войны, Михайловский-Данилевский, отвергая «обвинение в умышленном и заранее обдуманном зажжении Москвы Российским правительством», видит «причины первых пожаров» в сожжении комиссариатских барок на Москве-реке по распоряжению отчасти Ростопчина, отчасти Кутузова. «В то же время, — говорит он, — загорались дома и лавки, но уже не по чьему-либо приказанию, не по наряду, но по патриотическим чувствованиям». Затем к французским грабителям присоединились «бродяги из русских» и, «вероятно, вместе с неприятелями старались о распространении пожара, в намерении с большею удобностью грабить в повсеместной тревоге». На другой точке зрения стоит ген. Богданович в своей истории Отечественной войны: «Выказывать пожар Москвы в виде гибели Сагунта — столь же нелепо, сколько приписывать его жестокости Наполеона и буйству его войск». По его мнению, «главным или, по крайней мере, первым виновником его был граф Ростопчин». Д.П. Рунич в своих воспоминаниях пошел дальше: «Для всякого здравомыслящего человека есть один только исход, чтобы выйти из того лабиринта, в котором он очутился, прислушиваясь к разноречивым мнениям, которые были высказаны по поводу пожара Москвы. Несомненно, только император Александр мог остановиться на этой мере». «Не пройдет и века, — добавлял Рунич, — как тайна разъяснится и на пожар Москвы, без сомнения, будут смотреть, как на одну из лучших жемчужин, украшающих венец Александра. Ростопчину остается только слава, что он искусно выдумал и выполнил один из самых великих планов, возникавших в человеческом уме».

Фантастическое настроение Рунича, конечно, не войдет в историю, ибо под ним нет решительно никакого фундамента. Отойдет в область предания и вся вообще патриотическая легенда, занесенная на страницы воспоминаний ген. Ланжерона: «Пожар Москвы — это геройское деяние, это ужасное, величавое решение, вызванное удивительным самоотвержением и патриотизмом самым пламенным». Тщетны усилия доказать, что «Москва была вольной жертвой нашего патриотизма». Если этот вопрос был возведен «до апогея патриотического самопожертвования», то, по мнению Свербеева, «мыслящая русская публика» ухватилась за него «более ловко, чем искренно». В 1821 г. Д.Н. Свербеев выступил в «Вестнике Европы» с большой статьей, посвященной разбору причин московского пожара в 1812 г. (статья эта вошла в виде приложения в первый том его записок). Отрицая участие Ростопчина в московском пожаре, Свербеев давал такой ответ (и «единственно возможный»,

по его мнению) на вопрос, кто сжег Москву: «Не мы, русские, и не они, французы, задуманно и заранее преднамеренно, и мы, русские, т. е. оставшиеся во время неприятеля в Москве, и они, французы, т. е. все галлы и все их двадцать язык, те и другие, но не задуманно и не заранее намеренно. Может быть, в редких случаях и были между зажигателями русские по чувству ненависти к врагу и из мщения за жестокое с ними обращение неприятеля, но главнейшею причиной пожаров было отсутствие всякой дисциплины в неприятельском войске и всякого порядка между кочующими по городу толпами жителей». «Не должно ли будет согласиться, что Москве труднее было уцелеть, нежели сгореть при таких ужасных беспорядках, продолжавшихся не день, не два, целую неделю».

Если мы поставим вопрос, как сгорела Москва, то, в сущности говоря, замечания Свербеева, совпадающими с точкой зрения Михайловского-Данилевского, вопрос будет вполне исчерпан, надо лишь будет добавить, что первыми поджигателями-грабителями явились не французы, а русские. Полупьяная толпа, взвинченная прокламациями Ростопчина, растерзав Верещагина, направляется в то же время в Кремль и там с оружием в руках встречает неприятеля. Этой толпой, начавшей поджоги, руководили, конечно, не только корыстные цели, здесь сыграло роль и чувство инстинктивного самосохранения.

«Совершеннейшее безначалие царствовало в городе, — свидетельствует наполеоновский бюллетень от 16 сентября, — пьяные колодники бегали по улицам и бросали огонь повсюду». И «когда узнали, — как бы добавляет в своих воспоминаниях сержант Бургонь, — что сами русские поджигают город, то уже не было возможности более удерживать нашего солдата: всякий ташил, что ему требовалось».

И кто бы ни поджег Москву (сознательно или бессознательно), все равно не приходится удивляться тому, что полудеревянная Москва, при стоявшей засухе, при отсутствии средств для тушения пожара (пожарные трубы были вывезены по распоряжению Ростопчина), при полной дезорганизации, начавшейся еще за три дня до вступления французов, могла сгореть в несколько дней. «Кто как ни выставляй патриотизм, — замечает Александров в «Очерках моей жизни» («Р. арх.», 1904), — но и Москва в 1812 г. горела немало от своих же злоумышленников». И совершенно понятно, что французам приходилось постоянно защищать мирных обывателей. Об этом рассказывают почти все мемуаристы.

К этой версии в 1813 г. должен присоединиться и Лонгинов, утверждавший в письме Воронцову тотчас же после пожара: Бонапарт «в своей жестокости и отвратительной ярости превратил в пепел» Москву. В январе он уже делает оговорку для своего корреспондента: «Надо предположить, что Москву мы зажгли наравне с французами».

Но при всем том можно ли игнорировать так решительно утверждение французских источников, что пожар был подготовлен Ростопчиным? Можно ли, по крайней мере, отрицать всякое участие Ростопчина в пожаре? Французские источники в один голос указывают на Ростопчина как на одного из виновников пожара. «L'incendie de Moscou a ete consu et prepare par le general gouverneur Rostopchine», — гласили бюллетени Великой армии. Они утверждали, что поймано до 300 поджигателей со взрывчатыми веществами, что при царившем безначалии пьяные колодники бегали по улицам и бросали огонь.

Наиболее полное объяснение пожара как акта, приуроченного заранее, мы найдем в протоколе от 24 сентября военной комиссии, судившей поджигателей в числе 26 человек¹¹⁰. Комиссия свидетельствует, что на суде фигурировали «разные вещи, употребленные к зажиганию, как то: фитили ракет, фосфоровые замки, сера и другие зажигательные составы, найденные частью при обвиненных, а частью подложенных нарочно во многих домах». Эти зажигательные средства, по мнению комиссии, были приготовлены Шмидтом (т. е. известным нам Леппихом): «Построение великого шара только выдуманно для того, чтобы скрыть истину». В подтверждение комиссия ссылалась на прокламации Ростопчина с угрозой сжечь французов, если они осмелятся войти в Москву. Таким же доказательством являлся для нее выпуск из тюрьмы преступников, которым дана свобода с тем, чтобы они «подожгли город в двадцать четыре часа» по вступлении французских войск. Затем, — свидетельствует протокол комиссии, — «разные офицеры, военнослужащие в российской армии и полицейские чиновники получили тайно приказ остаться в Москве, будучи переодеты, чтобы распоряжаться зажигателями и дать им сигнал к запалению». Наконец, «бессомнительно доказано, что губернатор Ростопчин, для отнятия всех средств тушить пожар, приказал вывезть... из 20 кварталов в Москве все пожарные трубы, дроги, крючья, ведра и все проч. пожарные орудия». Все это явно доказывает, что «пожар произошел от уложенного плана».

Первый официальный историк Отечественной войны назвал процитированный протокол военной комиссии сцеплением «вымыслов и лжи». Но уже Богданович несколько мягче выразился о военно-судебной комиссии: здесь «ложь перемешана с истиною». И действительно, если вся концепция французской версии, быть может, и не выдерживает критики, то почти все отдельные факты, приведенные военно-судебной комиссией, не могут быть аннулированы.

Вопреки утверждениям официальных историков, «колодники» не были вывезены из Москвы: брошенные на произвол судьбы, обреченные к полуголодному существованию, они участвовали и в упомянутых выше «патриотических» подвигах и в разграблении домов — им ничего другого и не оставалось делать. В составе 26 подсудимых мы видим поручика 1-го Московского пехотного полка Игнатьева, солдата и девятерых полицейских (*Soldats de police a Moscou*). Из свидетельств самого Ростопчина мы знаем, что он выбрал нескольких наиболее надежных полицейских, которые должны были остаться в Москве и доносить московскому градоправителю о положении дел. Они остались и исправно отправляли свою миссию, за что впоследствии были вознаграждены¹¹¹. Что же касается зажигательных веществ, найденных в домах и у подсудимых, то и здесь, несомненно, была доля правды. У нас нет никаких реальных оснований утверждать, что зажигательные снаряды, фигурирующие в качестве вещественных доказательств в протоколах французской военной комиссии, являются вымыслом. Основания могут быть исключительно лишь психологические — Наполеону выгодно было для реабилитации в общественном мнении представить дело таким образом. Как ни сильны подчас бывают для исторических выводов подобные соображения, все же они требуют проверки. Бесспорно, шар Леппиха сам по себе не имеет никакого отношения к пожару (среди ранних иностранных историков высказывалась мысль, что Леппих дал первую мысль о сожжении)¹¹². Но после Леппиха остались «горючие материалы». Это факт, не подлежащий сомнению. Они и послужили, по

---

¹¹¹ И вознаграждены, как свидетельствует дочь Ростопчина Нарышкина, именно за поджог. См. в заметке «Еще о Ростопчине».

¹¹² Источником этих слухов отчасти были иностранцы, оставшиеся в Москве и, конечно, недостаточно осведомленные о предприятии Леппиха. Вот что говорит, напр., в своих воспоминаниях аббат Серюг: на даче Репнина «*on se fabriquaient des pieces de feux artificiels, des fusees a la Congreve et d'autres instruments, destines a l'execution du grand projet*» («*Les Francais a Moscou*». *Relation inedite publiee par le Libercier. Moscou, 1911*).

словам Ростопчина, «предлогом, за который с жадностью ухватились, чтобы доказать, что в этой лаборатории приготавливались зажигательные материалы для сожжения Москвы».

Но как быть с тем, что все французские мемуаристы, современники, участники Великой армии — солдаты и офицеры без различия, действительно, в один голос утверждают, что у поджигателей были «горючие материалы». Возьмем ли мы сержанта Бургоня, возьмем ли кого-нибудь другого, мы встретим все одно и то же в различных вариациях. Нет ничего более легкого, как утверждать, что все эти показания очевидцев недостоверны, что все это — позднейшие повторения французской официальной версии. Но есть ли для этого какое-нибудь основание? Подчас рассказ очевидца отличается такой непосредственностью, что сразу можно увидеть, где он рассказывает с чужих слов, по слухам, и где передает личные впечатления и наблюдения. Несомненно, рассказы очевидцев окрашены большой дозой субъективизма, детали часто очень недостоверны, но это все же не повод для поголовного отрицания их рассказов. Сержант Бургонь в своих воспоминаниях много раз рассказывает, как он со своим патрулем наталкивался на поджигателей с «факелями», перебежавших из одного дома в другой, он рассказывает, как ему приходилось охранять, по просьбе мирных обывателей, дома от поджогов и т. д. «По крайней мере, две трети этих несчастных (забранных в плен патрулем) были каторжники... остальные были мещане среднего класса и русские полицейские, которых легко было узнать по их мундирам». Свидетельство простого сержанта, рассказ о непосредственных наблюдениях представляет, конечно, гораздо большую ценность, чем знаменитый рассказ Сегюра, всецело передающий официальную версию о пожаре, поджигателях и ракетах. Возьмем ли мы артистку Луизу Фюзи (Fusil. «Souvenirs d'une femme sur la retraite de Russie»¹¹³), возьмем ли итальянца офицера Ложье (Laugier. «La grande armee»¹¹⁴), возьмем ли полковника Комба («Memoires»¹¹⁵), возьмем ли генерала Дедема («Memoires»), возьмем ли письмо Марэ, герцога Бассано, датированное 21 сентября (Chuquet. «Lettres de 1812»¹¹⁶), мы повсюду встре-

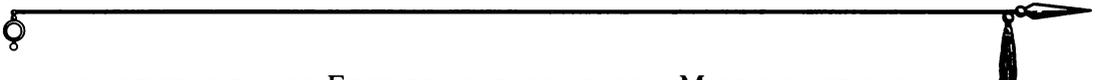
---

¹¹³ «Воспоминания одной дамы об отдыхе в России» (франц.).

¹¹⁴ «Великая армия» (франц.).

¹¹⁵ «Мемуары» (франц.).

¹¹⁶ «Письма 1812 года» (франц.).

чаемся с одним и тем же. Единогласие поразительно. Марэ говорит о «горючих материалах», найденных в домах, а капитан Бургоэн, остановившийся в доме Ростопчина на Лубянке, рассказывает, как вскоре после прибытия в трубах была обнаружена кадка с фитилями, ракеты и т. д. Последнее сообщение особенно любопытно... То же подтверждает Боссе, который передает со слов д-ра Жоанно, жившего там, что в печных трубах ростопчинского дома были найдены взрывчатые вещества и горючие материалы¹¹⁷.

Однородные факты, сообщаемые иностранными мемуаристами, во всяком случае, показывают, что московская полиция во главе с Ростопчиным замешана в пожаре. Сообщения современников-иностранцев можно добавить сообщениями русских современников (напр., о горючих веществах, спрятанных в некоторых домах, о поджогах людьми, нанятыми Ростопчиным, говорит ген. Левенштерн в своих воспоминаниях). Но в особенности приходится обратить внимание на показание одного из самых достоверных свидетелей — очевидцев московских событий летом и осенью 1812 г. — Бестужева-Рюмина. В своем «Кратком описании» он рассказывает, как он пошел посмотреть (в то время, когда французы еще не вступили в город), что делается в городе. «На Лобном месте, что близ кремлевских Спасских ворот, площадь была полна народу, так что тесно было; в воздухе же был нестерпимый смрад от того, что лавки москательного ряда были уже зажжены, и, как говорили, зажигал лавки сам частный пристав городской части, какой-то князь». Глинка передает другую версию: «Я слышал от гравера Осипова, шедшего мимо рядов в день оставления Москвы, что в москательный ряд брошена была бомба».

Если мы сопоставим эти факты с предписанием Ростопчина от 1 сентября полицмейстеру Ивашкину о вывозе пожарных труб с приказом его разбить бочки со спиртом и водкою, с распоряжением о сожжении комиссариатских барок у Симонова монастыря и Красного Холма (что и было исполнено «по мере возможности, в виду неприятеля до 10 часов вечера», — как доносил пристав Вороненко), то еще очевиднее будет довольно деятельное участие московской полиции в первых поджогах.

---

¹¹⁷ Ростопчин в позднейших своих объяснениях по этому поводу писал: «Один французский медик, стоявший в моем доме, сказывал мне, что нашли в одной печи несколько ружейных патронов... они могли быть положены после моего выезда, чтобы через то подать еще более повода думать, что я имел намерение сжечь Москву. Равномерно и ракеты... могли быть взяты в частных заведениях» («Правда о пожаре Москвы»).

Ростопчин выражал полную уверенность, что Москва сгорит, как только вступят в нее французы¹¹⁸. Мы сошлемся в данном случае не на намеки, которые делал Ростопчин в своих объявлениях московскому населению или в ранних письмах Багратиону и разговорах с Ермоловым. Напр., Багратиону 12 августа он писал: «Народ здешний умрет у стен московских, а если Бог не поможет, обратит город в пепел»; сошлемся не на апокрифическую в значительной степени беседу, которую ведет перед отъездом из Москвы Ростопчин со своим младшим сыном и которую передает внук Ростопчина Сегюр: «Приветствуй Москву в последний раз, через ½ часа она будет в огне», и не на свидетельство принца Евгения Вюртембергского, что Ростопчин считал лучше сжечь Москву, чем отдавать ее французам. По словам автора, Ростопчин перед советом в Филях сказал ему: «Если бы меня спросили, то я бы сказал: уничтожьте город прежде, нежели отдавать его неприятелю».

Мы сошлемся лучше на два письма Ростопчина от 1 сентября, из которых одно было адресовано императору Александру, а другое — жене. «Москва в руках Бонапарта будет пустынею, если не истребит ее огонь, и может стать ему могилою», — пишет Ростопчин императору. «Город уже грабят, — сообщает Ростопчин жене, — а так как нет пожарных труб, то я убежден, что он сгорит». «Я хорошо знал, — пишет Ростопчин через неделю жене (9 сентября), — что пожар неизбежен». Правда, через два дня он приписывает себе только мысль о сожжении Москвы, которую не удалось выполнить. «Моя мысль поджечь город до вступления в него злодея, — сообщает 11 сентября Ростопчин жене, — была полезна. Но Кутузов обманул меня... Было уже поздно...» Через месяц, 13 октября, почти то же Ростопчин повторяет и Александру: «Скажи мне два дня раньше, что он (Кутузов) оставит Москву, я бы выпроводил жителей и сжег ее».

Многие хотят видеть в последних указаниях как бы подтверждение того, что Ростопчин, лелея, быть может, мысль о сожжении Москвы, фактически не принимал в нем участия. Вряд ли, однако, это отрицание может опровергнуть приведенные выше показания. При всех разговорах и намеках на возможность сожжения Москвы действительность и сознание современников были очень далеки от такой возможности. При том впечатлении, которое произвел на

---

¹¹⁸ Щербинин передает со слов Шафонского, директора канцелярии кн. Д.В. Голицына, преемника Ростопчина, что именно в этих целях, т. е. поджога Москвы, были выпущены Ростопчиним арестанты.

русское общество пожар Москвы; при том негодовании против варварского поступка французов, какое он вызвал, признание со стороны Ростопчина, что он участвовал в сожжении Москвы, хотя бы даже с патриотической целью, показалось бы чудовищным и вызвало бы скорее бурю негодования. Ростопчину неизбежно приходилось молчать о своем «патриотическом» подвиге. Нельзя забывать и того, что только в официальных реляциях можно было утверждать, что Москва оставлена пустой, что из нее все вывезено. Современники, зная правду, конечно, не верили подобным сообщениям, тем более что в момент оставления Москвы, в момент бегства из Петербурга, решительно никаких сознательных патриотических целей не ставилось.

Содействуя поджогам Москвы, не ставил каких-либо сознательных патриотических целей и сам Ростопчин: это была простая месть человека, находившегося «в крайне раздраженном состоянии», «слепая ненависть», как выразился один из современников. Ростопчин подводил итоги своим многочисленным обещаниям, которые все оказались мыльными пузырями. И эта «слепая ненависть» отзывается действительно чем-то «скифским», если мы припомним, что в Москве на милосердие неприятелей оставляли тысячи русских раненых...

В совершении акта сожжения Москвы могло сказаться и обычное упрямство Ростопчина — «упрям, как лошак», сказал он сам про себя. Раз народилась в уме Ростопчина мысль, он ее осуществлял вопреки логике, вопреки изменившимся обстоятельствам, вопреки, наконец, простому здравому смыслу. Участник кампании 1812 г. А.А. Щербинин, считавший инициатором пожара Ростопчина, так говорит по этому поводу: «Неизвестно внутреннее побуждение Р., полагал ли он лишить французов пристанища или обратить на возненавиденного им Кутузова проклятие России за гибель Москвы».

При таких условиях Ростопчину о своем «подвиге» приходилось умалчивать и стирать следы своего участия в московском пожаре¹¹⁹. Вернувшись в

---

¹¹⁹ В статье о Ростопчине, помещенной в сборнике «Исторические очерки», А.А. Кизеветтер, присоединяясь к выводам одного из наиболее авторитетных в свое время историков Отечественной войны, Попова, считает невозможным даже говорить об участии Р. в московском пожаре.

Приводя «новое документальное указание», обнародованное в 1912 г., А.А. Кизеветтер полагает, что оно «должно устранить всякие дальнейшие споры по этому вопросу».

Москву после французов, Ростопчин еще в большей мере должен был считаться с враждебным настроением тех, кто потерпел материальные убытки от пожара. Он сам признавался в письме Воронцову, что «многие верят ему», т. е. Наполеону. И мы видим, что Ростопчин принимает довольно энергичные меры к прекращению нежелательных слухов: он еще с большим усердием предъявляет обвинение в политической неблагонадежности и отдает в «рекруты» тех, которые «много врут о разорении Москвы»...

Проходят годы. Непосредственные впечатления от пожара ослабевают. За границей творится «патриотическая легенда» о пожаре Москвы. Ростопчин делается европейской знаменитостью. Его поступок с сожжением собственного поместья Воронова возводится в перл патриотического воодушевления: «Сожигатель Эфесского храма, — говорит Вильсон, — доставил себе постыдное бессмертие, разрушение Воронова должно остаться вечным памятником русского патриотизма». Ростопчин чрезвычайно чувствителен к славе. Лучше всего это может показать письмо, адресованное из Москвы 28 апреля 1814 г. Воронцову: «Сделайте же мне одолжение, устройте, чтобы я имел какой-либо знак английского уважения, шпагу, вазу с надписью, право гражданства». Ростопчин прекрасно сознает, что его «известность держится на

Приходится признать, что у А.А. Кизеветтера заключается здесь просто недоразумение. Говоря о «новом документальном указании», автор имеет в виду письмо Р. жене (11 сентября), помещенное в отрывке биографии Р., составленной его дочерью Наталией, который был напечатан в «Трудах Яросл. арх. ком.» (1912, вып. III). Ростопчин указывает в нем, что его «мысль поджечь город была бы полезной до вступления злодея», т. е. Наполеона, но вследствие обмана со стороны Кутузова осуществлять ее «было уже поздно». В сущности, это «новое документальное указание» уже достаточно старо, ибо цитированное письмо находится в серии писем Р. жене, опубликованных в 1901 г. в «Русском архиве» (кн. VIII, с. 472). Очевидно, эти материалы вообще ускользнули от внимания А.А. Кизеветтера, а между тем в других письмах (9 сентября и 1 сентября). Р. в таких же интимных признаниях жене (эту интимность А.А.К. считает особенно важной) говорит, что он «хорошо знал, что пожар неизбежен» (9 сентября), «я убежден, что он (т. е. город) сгорит» (1 сентября). Воспоминания Н.Ф. Нарышкиной, отрывок из которых цитирует по «Трудам Яр. арх. ком.» А.А. Кизеветтер, имеются в отдельном издании на французском языке (*Le comte Rostopchine et son temps*). Надо сказать, что источник этот весьма мутен (см. «Родственники о Ростопчине»). Но если к нему и обращаются, то как раз здесь можно найти весьма определенные и действительно *новые* указания, противоречащие мнению А.А. Кизеветтера.

пожаре Москвы», как пишет он одной из своих дочерей. Бонапарт «соделал своими ругательствами имя мое незабвенным». «В Англии народ желал иметь мой гравированный портрет», «в Пруссии женщины модам дают имя мое» — так характеризует Ростопчин свою заграничную популярность. Человек столь мелкого самолюбия упивался своей славой, хотя бы она основывалась на «скифском» поступке. Ростопчин попадает в Париж, где он разыгрывает из себя знаменитость. Все его хотят видеть. Издаются его портреты с подписями «L'incendiaire Rostopchine»¹²⁰. Московский властелин в отставке удовлетворен и вовсе не намерен возражать против тех «ругательств», которые, по собственному признанию, создают ему славу. И только в 1823 г. Ростопчин выступает с знаменитой брошюрой «La verite sur l'incendie de Moscou», в которой пишет: «Я отказываюсь от прекраснейшей роли эпохи и разрушаю здание своей знаменитости». Зачем издал Ростопчин эту брошюру через десять лет молчания? «Он хотел сложить ответственность с одного себя за последствия пожара», — отвечает внук Ростопчина. Он хотел вернуться в Москву и, зная, что его «патриотический подвиг» на родине далеко не возбуждает того восторга, уважения или любопытства, как в Западной Европе, пишет брошюру, которую посылает своим компатриотам как «залог для примирения». Ростопчин в ней стоит на так называемой «патриотической» точке зрения. «Главная черта русского характера, — пишет он, — есть некорыстолюбие и готовность скорее уничтожить, чем уступить, оканчивая ссору следующими словами: “Не доставайся уже никому”... Я слышал следующее выражение: “Лучше сжечь”... Я видел многих людей, спасшихся из Москвы после пожара, которые хвалились тем, что сами зажигали свои дома».

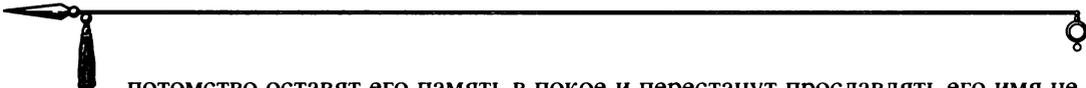
«Казалось бы, — писал Свербеев в своей статье о пожарах Москвы, — что после такого резкого отречения Ростопчина от возводимого на него подвига, после такого искреннего и вместе насмешливого на то негодования с первых строк его знаменитой брошюры¹²¹, после всех приведенных им в ней доказательств, что он никогда не замышлял сожжения Москвы¹²², современники и

---

¹²⁰ «Ростопчин-поджигатель» (франц.).

¹²¹ «Ennuye d'entendre debiter la tête fable, je vais faire parler la verite qui seule doit dieter l'histoire» — «Хотите услышать главу басни, я буду говорить правду, которая лишь возможна» (франц.).

¹²² Неопределенное оправдание Ростопчина производило весьма различные впечатления на читателей брошюры: для Свербеева это полное отрицание, а по мне-

потомство оставят его память в покое и перестанут прославлять его имя небывалым подвигом. Напротив того, чем более отдалялась от нас знаменитая эпоха, тем упорнее стали мы писать, печатать, проповедовать, “что Москву сжег Ростопчин, что Москву сожгли русские”».

Так утверждает, напр., Хомутова в своих воспоминаниях, которые писались через двадцать лет: «Никто не сомневался, что пожар был произведен по распоряжению гр. Ростопчина: он приказал раздать факелы выпущенным колодникам, а его доверенные люди побуждали их к пожару». Мы уже цитировали мнение самого Свербеева, с которым в значительной степени нельзя не согласиться. Но это мнение нисколько не опровергает участия Ростопчина в поджогах — оно свидетельствует только, что не было никакого разработанного правительством плана сожжения Москвы, что Москва вовсе не была вольной жертвой «нашего патриотизма».

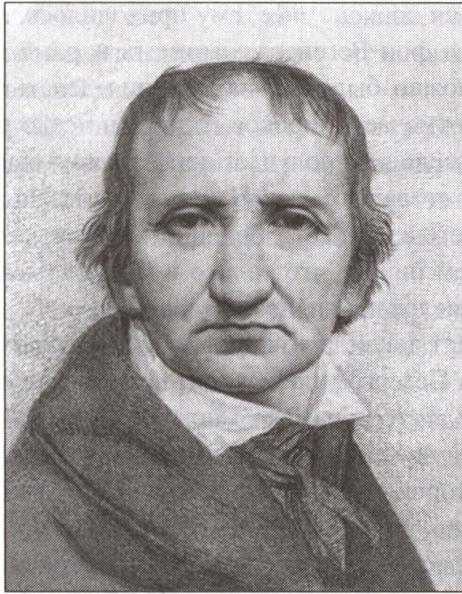
С.П. Мельгунов

Этюды русских воинов Отечественной войны 1812—1813 годов и посещение Петербурга германским скульптором Шадовым в 1791 году

В январе 1791 года прусским королем Фридрихом-Вильгельмом II был издан указ о постановке памятника в виде конной статуи его великому предшественнику, Фридриху II. Для этой цели был назначен конкурс, и уже в мае того же года в Берлинской академии художеств состоялась выставка проектов и моделей памятника. Выбор короля пал на проект Шадова. Шадов (1764—1850) после трехлетнего пребывания в Риме был в 1788 году назна-

---

нию Рунича, Ростопчин в этой брошюре «захотел, как ворона, одеться в павлины е перья, приписывал лично себе дело, за которое он подлежал бы ответственности перед судом разума и совести, если бы он сделал его без монаршего приказания, по собственному усмотрению». Издатель «Русского архива» П.И. Бартевев считал, что Ростопчин «отрицает только последовательные и преднамеренные правительственные действия».

Г. Шадов. Автопортрет

чен ординарным членом Академии художеств и уже успел обратить на себя внимание.

Бронзовую статую памятника Фридриху Великому предполагалось отлить в Берлине, и так как Шадов был мало знаком с техникой металлического литья вообще, король предложил скульптору для ее изучения поехать в Стокгольм и Петербург.

В августе 1791 года Шадов отправился в Стокгольм, откуда по совету прусского посланника фон Брокгауза, воспользовавшись удобным случаем, отправился в Петербург, где в то время отливалось несколько крупных статуй.

Шадов рассказывает о пребывании на берегах Невы в своих воспоминаниях, изданных в 1849 году.

Скромному жителю вполне еще провинциального в то время Берлина прежде всего бросается в глаза необычайная роскошь екатерининского Петербурга. Бережливого немца пугает страшная дороговизна петербургской жизни, и в письме к жене он жалуется на то, что ему придется выйти из бюджета, что нет возможности ходить пешком в этом «слишком широко» разбросанном городе, где вдобавок это сочлось бы неприличным для иностранца. Несмотря

на желание устроиться поэкономнее, ему приходилось, по совету советника прусского посольства фон Вегенера, нанимать парный экипаж, ибо только таким образом возможно было без замедления делать визиты и посещать мастерские. Шадов отмечает широкое гостеприимство русских и сообщает жене, что он почти ежедневно получает приглашения на обеды.

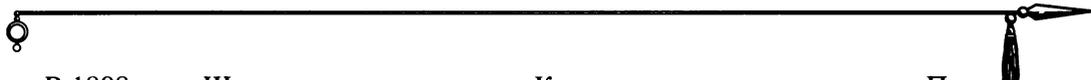
Для скульптора, стоявшего перед задачей создания монументального памятника, фальконетовский Петр Великий представлял здесь наибольший интерес. Шадов о нем пишет, что только в металле можно было без риска осуществить такое смелое предприятие.

Шадов осматривает также и императорские дворцы в окрестностях Петербурга, из которых Петергоф производит на него наибольшее впечатление. В парке Царского Села его поражают многочисленные копии со знаменитых скульптур, свидетельствующие о большой любви императрицы к искусству и о той легкости, с которой огромные средства здесь расходовались на произведения искусства.

Кроме осмотра достопримечательностей, берлинский академик делал много визитов и завел разные знакомства. Он был любезно принят престарелым президентом Академии художеств И.И. Бецким, равно как и графом А.С. Строгановым, который ему показал свою картинную галерею. Осмотрены были еще дворцы князя Безбородко и графа Остермана. Очень радушный прием встретил Шадов у иностранных художников Петербурга во главе с Кваренги, которого он называет «чем-то вроде второго Палладио» и у которого находит счастливое соединение добродушного зажиточного итальянца с «нобилита московите».

Благодаря содействию прусского консула Мааса, Шадову удалось быть свидетелем одного из блестящих выходов Екатерины II и присутствовать при торжественном богослужении, где он увидел императрицу, молящуюся коленопреклоненно. Он присутствовал также и при приеме поздравлений императрицей, где граф Остерман представлял ей иностранцев. Раздобыв все необходимые сведения касательно исполнения, постановки и стоимости памятника Петру Великому, Шадов распростился с Петербургом и уехал обратно в Стокгольм.

Сношения Шадова с Россией не ограничились одним его кратковременным посещением Петербурга. Шадов в своих записках неоднократно отмечает посещения ежегодных академических выставок Александром I и Николаем I, приводя их отзывы о некоторых из выставленных произведений искусства.

В 1808 году Шадов получает от князя Куракина, тогдашнего посла в Париже, заказ на надгробный памятник одному из княжеских слуг, погибшему во время путешествия в Тильзит.

Очень подробно Шадов описывает вступление в Берлин в 1813 году русских войск, среди которых, конечно, казаки возбуждали наибольшее любопытство. Особенно заинтересовался ими, как и другими восточными типами русской армии, сам скульптор, так как его давно занимала идея создать альбом разных народов.

Он обратился к князю Репнину, назначенному губернатором Берлина, с просьбой о предоставлении ему подходящих для данной цели моделей-солдат, что князь охотно исполнил.

Результатом пребывания русских войск в Берлине остались и хранятся в берлинской Академии художеств десять листов с карандашными набросками разных типов русской армии.

К тому же периоду, вероятно, относится и подлинный рисунок пером, известный по гравюре Ингеля, «Атаман Платов с казаками», который принадлежал принцу Иоганну Георгу Саксонскому в Дрездене.

Это редкое изображение казаков 1812—1813 годов их современником было в 1962 году опубликовано в книге сочинений Дениса Давыдова в Государственном издательстве художественной литературы в Москве, под редакцией Вл. Орлова. Советское издание дает к этой гравюре следующую справку: «Атаман Платов с казаками, гравюра Ф. Тюгеля по рисунку Шаделя». Почему фамилия Шадова переделана в Шаделя, остается при этом загадкой.

Из серии русских солдат 1812 года Шадова мы приводим донского казака в походной форме, с пикой, саблей, широким поясом, пистолетами и лядункой. Этикет на шапке и лядунка дают основание считать казака принадлежащим к гвардейской сотне. Другой казак изображен спиной. У него так называемая «фуражная шапка», т. е. походная, в виде колпака, которая повторяется у казаков на рисунке «Атаман Платов с казаками».

Центральной фигурой этого рисунка является не сам Платов, изображение и форма которого мало соответствуют действительности, а казак-пластун с ружьем на плече, с пикой в руке и окровавленной перевязкой на голове. Этот казак был зарисован Шадовым с натуры. На заднем плане рисунка мы видим остатки Великой армии Наполеона, сдающиеся в плен казакам.

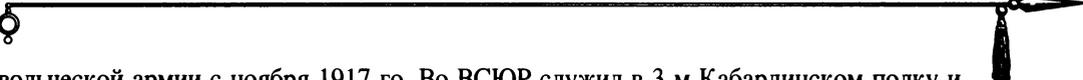
Ю.Н. Солодков

Краткие биографии авторов

Акимов Глеб Николаевич (1889—1976), окончил Суворовский кадетский корпус в 1906 году, Николаевское инженерное училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Полковник лейб-гвардии Литовского полка. После Октябрьского переворота 1917 года проживал в Петрограде. В сентябре 1918 года, во время «красного террора», оказался в заложниках из числа горожан, приговоренных к расстрелу за убийство Леонидом Канегисером Моисея Урицкого. Чудом спасся. Бежал в Добровольческую армию. Воевал в составе Вооруженных Сил Юга России и в Русской армии в составе Сводного гвардейского пехотного полка до 1920 года. Был эвакуирован с полком из Ялты. С 1920-х годов проживал в Бельгии. Участвовал в приходской жизни церкви во имя Святых Благоверного князя Александра Невского и Серафима Саровского в Льеже. Сотрудничал с журналом «Военная быль». Скончался в Льеже.

Андоленко Сергей Павлович (1907—1973) родился в Волочинске Подольской губернии. Бригадный генерал французской армии, военный историк. Окончил Сен-Сирскую военную школу. Поступил в Иностранский легион (1926), воевал в Марокко (1930—1932), служил в Алжире (1944—1947). Занимал различные штабные должности во французской армии. Был награжден Военным крестом высшей степени (1930-е), орденом Почетного легиона (1945), офицерским крестом Почетного легиона (1958). Составлял историю Иностранного легиона, написал историю лейб-гвардии Преображенского полка. Создал в Музее инвалидов отдел, посвященный Русской императорской армии. Работал в Центре высших военных наук (1960—1962). Военный атташе в Вене (1961—1963). Долголетний сотрудник газеты «Русская мысль», сотрудник журнала «Военная быль». Печатался в журналах «Возрождение», «Revue Militaire d'Information». Издал в Париже на французском языке книги «Нагрудные знаки русской армии» (1966), «История русской армии» (1967) и др. За научные труды был награжден орденом Академической пальмы. Почетный член Союза офицеров бывших комбатантов французской армии *a titre etranger*, член правления Общества ревнителей русской военной старины. Член Союза русских дворян. Редактор «Военно-исторического вестника» (1971—1973). Скончался в Венсен под Парижем. Был погребен на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.

Вуич Николай Эммануилович (1897—1976) родился в Туле. Окончил Пажеский корпус в 1916 году. Офицер лейб-гвардии Уланского Ее Величества полка. В Добро-

вольческой армии с ноября 1917-го. Во ВСЮР служил в 3-м Кабардинском полку и Сводно-гвардейском отряде. В Русской армии служил в чине ротмистра в эскадроне лейб-гвардии Уланского Ее Величества полка в составе Гвардейского кавалерийского полка вплоть до эвакуации из Крыма. Был ранен в июле 1920 года. В эмиграции проживал в Югославии, Франции, Италии, Люксембурге. В 1920-х начальник отделения генерала-инспектора конницы КИАФ, создатель журнала «Русский клич». С 1952 года начальник походной канцелярии великого князя Владимира Кирилловича. Скончался в Брюсселе.

Геринг Алексей Алексеевич (1895—1977), окончил 1-й кадетский корпус и Морской корпус в Петербурге. Участник Великой войны 1914—1917 годов. Служил в 1-м Балтийском флотском экипаже в чине мичмана. Участник Гражданской войны на черноморских судах Белого флота. За подвиг произведен в лейтенанты приказом главнокомандующего Русской армией барона П.Н. Врангеля. В 1920 году эвакуировался в составе Русской эскадры в Бизерту (Тунис). Флаг-офицер начальника 2-го отряда судов контр-адмирала М.А. Беренса. В 1922—1924 годах — командир эсминца «Беспокойный». После расформирования Русской эскадры, в 1924 году, переехал во Францию. Трудился мойщиком стекол, в свободное время выступал с докладами на военно-морские темы в Союзе младороссов. С 1950 года — председатель Общекадетского объединения во Франции. Член Общества любителей русской военной старины. Редактор «Вестника Общекадетского объединения» в 1961—1972 годах. Основатель и главный редактор военно-исторического журнала «Военная быль», выходившего в Париже с 1952 по 1974 год. Совладелец (вместе с литератором Н.И. Катениным) военно-исторического издательства «Танаис», выпустившего 6 книг. Автор «Материалов к библиографии русской военной печати за рубежом» (1968). В 1972 году был избран председателем Совета старейшим Морского собрания. Скончался в Париже. Был похоронен на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.

Гончаренко (Галич) Юрий Иванович (1877—1940), окончил Полоцкий кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1897), вышел корнетом в лейб-гвардии Кирасирский Ее Величества полк. Автор поэтического сборника «Вечерние огни» (1907). Учился в Академии Генерального штаба. Участник Великой войны 1914—1917 годов. Награжден Георгиевским оружием и орденом Святого Георгия 4-й степени. Генерал-майор (1917). После прихода к власти большевиков в 1917 году продолжал числиться по Генеральному штабу, уже в составе РККА. Приказом Всероссийского главного штаба от 27 декабря 1918 года был уволен со службы по болезни.

К тому времени уже уехал в гетманский Киев. В армии Украинской державы (с 6 августа 1918) ген. хорунжий. На 21 ноября 1918 года состоял при штабе гетмана. В Одессе 12 апреля 1919 года был зачислен в резерв чинов при штабе главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. Через Константинополь прибыл на Дальний Восток. 28 февраля 1920 года зачислен в резерв сухопутных и морских сил Временного правительства Приморской областной земской управы. 29 апреля 1921 года назначен внештатным генералом для поручений при командующем войсками временного Приамурского правительства. Поэт и журналист. Сотрудничал во владивостокских журналах. Приехав после некоторого времени из Берлина, в 1923-м, поселился в Риге. Автор более 12 романов. Покончил жизнь самоубийством 12 декабря 1940 года.

Гринев Геннадий Модестович (1897—1982), окончил Суворовский кадетский корпус в 1914 году и Николаевское кавалерийское училище в 1915 году. Вышел корнетом в 7-й гусарский полк. Участник Великой войны 1914—1917 годов. С 1918 года в Донской армии. Есаул 1-й сотни лейб-гвардии Казачьего полка. После 1920 года был эвакуирован с казачьими частями Русской армии на остров Лемнос. После проживал во Франции и Германии. В 1950-е годы редактировал журнал «Суворовцы», издававшийся в Нью-Йорке. В 1961—1968 годах был редактором «Информационного бюллетеня Объединения лейб-казаков». Участвовал в работе музея лейб-гвардии Казачьего полка в Курбеуа, на северо-востоке Парижа, где им был прочитан доклад о победе под Лейпцигом по случаю 150-летия битвы. Сотрудник «Военной были». Скончался в Мюнхене.

Звегинцов Владимир Николаевич (1891—1973), окончил Пажеский корпус. Служил в Кавалергардском полку, в Управлении государственного коннозаводства. Участник Белого движения в ВСЮР с 1918 года. Служил в финансово-экономическом комитете Крымского центра, с мая 1919 года — в штабе кавалерийской дивизии 3-го армейского корпуса в Крыму, в Сводно-кирасирском полку. Весной 1920 года был командирован в Сербию. Затем воссоединился с семьей в Софии и проживал некоторое время в Риме, работая водителем-экскурсоводом. Во Франции с 1921 года. В конце 1920-х работал над темой «Кавалергарды-декабристы» (очерк вышел в свет в Париже в 1977 году, уже после смерти автора), много лет собирал воспоминания знакомых, служивших в Кавалергардском полку, состоял в обществе «Кавалергардская семья». Автор сочинения «Кавалергарды в Великую войну и Гражданскую» (в 3 т.). С 1956 года редактор «Вестника кавалергардской семьи», сотрудник журнала «Военная быль». В 1966 году его посетил в Париже советский литературовед и искусствовед

Илья Зильберштейн. Звегинцов принял решение отправить на родину часть принадлежавших ему семейных реликвий и портретов, в числе которых оказались дневник и две главы воспоминаний А.А. Олениной, которые поступили в Российский государственный архив литературы и искусств. Скончался в Париже. Был погребен на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.

Ковалевский Владимир Григорьевич (1876—1958), из дворянской военной семьи, окончил 2-й Московский государыни Анны Иоанновны кадетский корпус, Тверское кавалерийское училище. Полковник, командир эскадрона гвардейского запасного кавалерийского полка. Покинул страну с частями Вооруженных Сил Юга России в 1920 году. Проживал в Югославии, затем во Франции, сотрудничал с журналом «Военная быль». Автор памятки «Господа офицеры лейб-гвардии Драгунского полка в Царствование Императора Николая II». Скончался в Париже.

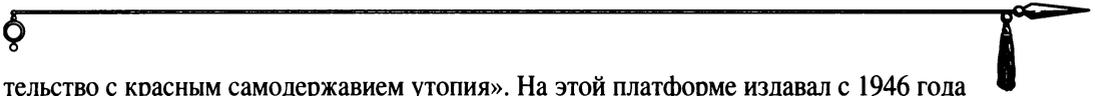
Крапивин Александр Сергеевич (1894—1976), родился 24 апреля 1894 года в Москве, в семье профессора Московского университета, химика. Москвич по рождению и образованию, окончивший с золотой медалью 5-ю гимназию и Московский университет, где его отец был профессором, поступил в Михайловское артиллерийское училище в Петрограде. Участник Великой войны 1914—1917 годов, служил на Черном море, на кораблях Белого флота. Лейтенант. Эмигрировал с флотом в Бизерту. После ликвидации Русской эскадры в 1925 году переехал во Францию. Работал во французском химическом тресте «Компани де Сен-Гобен», где он прослужил 34 года вплоть до выхода на пенсию. Основал в Париже Общество бывших воспитанников Московского университета. В декабре 1954 года было отпраздновано 200-летие Московского университета, а в ноябре 1956 года — 25-летие Русского Высшего технического института в Париже. Союз принял участие в создании франко-русского технического словаря издательством Дюно. Сотрудничал в организации ежегодных Дней русской культуры. Вице-председатель Комитета по управлению домом для престарелых людей в г. Кормей-ан-Паризис. Попечитель церкви во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы. Скончался в Кинси-су-Сенар во Франции.

Лейман Константин Степанович (1883—1959), из семьи кадрового военного, окончил Виленское военное училище в 1907 году, участник Русско-японской войны, на штабной работе; после того — служба в 97-м пехотном Лифляндском полку. Участник Великой войны 1914—1917 годов. За отличия награжден орденами Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом, Святой Анны 3-й степени с мечом и бан-

том, Святого Станислава 2-й степени. Во время Гражданской войны проходил службу в Северо-Западной армии генерала Н.Н. Юденича в чине штабс-капитана. Служил в штабе Северного корпуса генерал-лейтенанта А.П. Родзянко. После Гражданской войны проживал в Латвии, руководил Обществом русских соколов, после прихода советских войск в 1939 году выехал с семьей в Германию, где проживал до 1951 года, когда выехал в США, где в 1954 году опубликовал воспоминания о Кульневском храме и его реликвиях в Режице. Автор «Военной были». Скончался в Юттике, США. Был похоронен на православном кладбище Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле.

Мельгунов Сергей Петрович (1879 —1956), русский историк и публицист, один из руководителей партии народных социалистов. Окончил Московский университет (1904). В 1900—1910 годах сотрудничал в газете «Русские ведомости». В 1913—1923 годах — один из редакторов журнала «Голос минувшего» и руководитель издательства «Задруга». Основные труды по истории церкви, русского общественного и революционного движения написаны с либерально-народнических позиций. Участвовал в создании коллективных исторических трудов — «Великая реформа» (1911), «Отечественная война и русское общество» (1912), «Масонство в его прошлом и настоящем» (1912) и др. Великую Октябрьскую социалистическую революцию встретил враждебно; в 1923-м эмигрировал за границу, где опубликовал ряд исторических работ, ценных по своему фактическому материалу, и несколько антисоветских книг по истории Февральской и Октябрьской революций 1917-го и Гражданской войны 1918—1920 годов; участвовал в издании журнала «Голос минувшего на чужой стороне». В 1920—1950 годах он написал серию книг, наиболее значительными из которых были: «Красный террор в России: 1918—1923 гг.» (Берлин, 1923—1924), «Н.В. Чайковский в годы гражданской войны. (Материалы для истории русской общественности. 1917—1925 гг.)» (Париж, 1929), «Гражданская война в освещении П.Н. Миллюкова: критико-библиографический очерк по поводу “Россия на переломе”» (Париж, 1929), «Трагедия адмирала Колчака. Из истории гражданской войны на Волге, Урале и в Сибири» (Белград, 1930—1931), «На путях к дворцовому перевороту: заговоры перед революцией 1917 года» (Париж, 1931), «Российская контрреволюция. Методы и выводы генерала Головина» (Париж, 1938), «Золотой немецкий ключ большевистской революции» (Париж, 1940). В 1931 году в семи выпусках еженедельника «Борьба за Россию», издаваемого Мельгуновым, публикуется его исследование «Чекистский Олимп», так и не вышедшее отдельной книгой. В послевоенные годы выступал против просоветских настроений в эмиграции, утверждая в прессе, что «Сталину нельзя верить» и «надежда на мирную эволюцию большевистской власти, на мирное сожи-

тельство с красным самодержавием утопия». На этой платформе издавал с 1946 года сборники «Свободный голос». В 1950—1954 годах редактор журнала «Возрождение». С 1948 года председатель Союза борьбы за свободу России, с 1951 года председатель координационного центра антибольшевистской борьбы. Скончался и был похоронен в Шампиньи-сюр-Манн недалеко от Парижа. После его смерти увидели свет «Воспоминания и дневники» (Париж, 1964), опубликованные его вдовой.

Молло Евгений Семенович (1904—1985), родился в Уфе, доброволец в армии адмирала Колчака. График, коллекционер. С 1922 года в эмиграции в Великобритании. Окончил Королевский художественный колледж. Занимался живописью и сценографией, в том числе для русского балета С.П. Дягилева. В 1929 году провел персональную выставку в лондонской галерее Literary Book Shop. Коллекционировал предметы русской военной истории. Автор работ о русских военных знаках и холодном оружии.

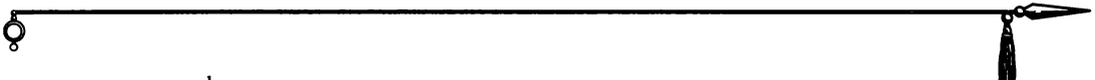
Фон Морр Кирилл Александрович (1906—1973), окончил Владимирский Киевский кадетский корпус, эмигрировал из России, вернувшись в начале 1920-х в Латвию, жил некоторое время без определенных занятий и определенного места жительства. В 1939 году репатриировался в Германию. Автор «Военной были».

Фон Реймерс Николай Александрович (1894—1964), родился в Севастополе, в семье контр-адмирала. Окончил Санкт-Петербургский университет в 1916 году и курсы гардемарин флота в 1917 году. Мичман военного времени Черноморского флота. Эмигрировал по окончании Гражданской войны. С 1924 года работал таксистом в Париже. В 1930 году защитил докторскую диссертацию по философии в Сорбонне. С 1931 по 1950 год опубликовал 6 сочинений по эстетике и философии на французском и русском языках. Скончался в Париже.

Фон Рихтер Владимир Гвидович (1886—1968), из военной семьи, сын генерал-лейтенанта Г.К. Рихтера (1855—1919), участник Великой войны 1914—1917 годов, служил в 4-м уланском Харьковском полку, затем в 37-м Сибирском стрелковом полку; награжден Георгиевским оружием и орденом Святого Георгия 4-й степени; ранен, переведен на должность помощника заведующего хозяйством Николаевской академии в Петрограде; полковник, участник Гражданской войны, эвакуирован в Галлиполи. С 1921 по 1936 год проживал в Марокко, затем в Польше. Автор книги «Собрание трудов по русской военной медалистике и истории», вышедшей в Париже в 1972 году. Постоянный автор «Военной были». Скончался в Варшаве.

Рубец Иван Филиппович (1889—1972). В 1909 г. окончил 2-й Санкт-Петербургский Николаевский кадетский корпус (1909), портупей-юнкером Николаевское кавалерийское училище, в 1911 году вышел корнетом в лейб-гвардии Кирасирский Ее Величества Государыни Императрицы Марии Фёдоровны полк 1-й гвардейской кавалерийской дивизии, стоявший в Гатчине. Участник Великой войны 1914—1917 годов; штабс-ротмистр (на 1917). После Октябрьского переворота 1917 года — в белых войсках на Юге России. С ноября 1918 года — в эскадроне кирасир Ее Величества в составе Сводно-гвардейского полка 2-й бригады 1-й пехотной дивизии Добровольческой армии. Затем командир эскадрона кирасир Ее Величества в Сводно-гвардейском кавалерийском полку (1918—1919), помощник командира и командир эскадрона в Сводном полку Гвардейской кирасирской дивизии (1919). В Русской армии (1920): в Запасном кавалерийском полку. Эвакуировался из Крыма в ноябре 1920 года в составе Русской армии. Полковник (на 1920). В эмиграции состоял в кадрах родного полка. В довоенное время участвовал в скачках и взял 212 призов. С 23 августа 1942 года — командир 3-й сотни 3-го отряда Русской охранной группы (Русского корпуса). Участник боевых действий на территории Югославии против партизан Тито и советских войск 3-го Украинского фронта. На 6 марта 1944 года — командир 3-й роты 1-го батальона 3-го полка. Затем служил в 11-й роте 4-го полка. После 1945 года последовательно проживал в Австрии и США. Участвовал в жизни Союза чинов Русского корпуса. Сотрудник журнала «Военная быль» (Париж). Автор воспоминаний. Похоронен на кладбище Ново-Дивеево близ городка Нануэт в штате Нью-Йорк.

Сагацкий Иван Иванович (1902—1981), казак станицы Новониколаевской; сотник, инженер-геолог, доктор естественных наук. Его отца большевики расстреляли только за то, что он был казачьим полковником. Уже шестнадцати лет юношей-кадетом С. боролся за Дон в отряде полковника Семилетова; в 1919 году окончил Донской кадетский корпус, поступил в Атаманское военное училище. После производства в чин хорунжего вышел на службу в лейб-гвардии Казачий полк. С 1920 года в эмиграции; в Париже и Нанси получил высшее образование и докторскую степень; с 1928 года состоял на службе инженером-геологом в частных горнодобывающих компаниях и во французских колониальных учреждениях Западной Африки, Индокитая и Новых Гибрид. Вел научно-исследовательскую работу в Камеруне, Сенегале, Судане, Аннаме и в некоторых европейских странах. Во Франции был опубликован ряд его работ по горным породам для проведения геологоразведок. В течение ряда лет он опубликовал 3 доклада во Французской академии наук, три доклада во Французском геологическом обществе, пять работ по розыскам золота, изучению горных пород, со-

ставил ряд географических и геологических карт, подготовил практические рекомендации по изучению способов орошения, постройки шоссейных и железнодорожных путей. Некоторые труды Сагацкого были переведены на английский язык. В Русском Зарубежье он был известен и как поэт, стихи которого публиковались в общеказачьем журнале «Родимый Край» и выходили отдельными сборниками: «Память» (1938) и «Встречи» (1942). Скончался в Париже.

Сергиевский Борис Николаевич (1883—1976), из семьи профессора Санкт-Петербургского университета и сенатора, окончил классическую гимназию в Санкт-Петербурге, Константиновское артиллерийское училище в 1904 году. Николаевскую академию Генерального штаба в 1911 году. Обучался в Археологическом институте. Служил в лейб-гвардии Стрелковой артиллерийской бригаде. Участник Великой войны 1914—1917 годов. Начальник службы связи при ставке Верховного Главнокомандующего. Полковник. Кавалер ордена Святого Георгия 4-й степени. С 1917 года временно служил в войсках Закавказья: помощником начальника штаба Сводно-Армянского отряда и начальником штаба 1-й Русской Закавказской стрелковой дивизии. Далее продолжил службу в Добровольческой армии и Вооруженных Силах Юга России в чине генерал-майора. Участник Кубанского десанта в 1920 году. Эвакуирован в Галлиполи. Командир офицерской роты. Недолго пребывал в составе русских войск в Болгарии, откуда был выслан как неблагонадежный элемент правительством А. Стамболийского в 1922 году. В Югославии преподавал в Донском кадетском корпусе и на Высших военно-научных курсах в Белграде. Исполняющий дела генерала для поручений при начальнике РОВС, представитель главнокомандующего и редактор «Вестника ОВВВ Северного фронта». После 1945 года переехал в США. Скончался в Лос-Анджелесе. Автор познавательного труда «Прошлое русской земли» (Нью-Йорк, 1954).

Солодков Юрий Николаевич (1921—1989), литератор, художник-иллюстратор, коллекционер русской старины; деятель Русского Зарубежья. Сотрудник «Военной были». Подготовил к публикации рукопись с многочисленными раскрашенными рисунками «Форма одежды и обмундирование Русской Императорской армии. 1889—1914 гг.». Член Союза русских дворян за границей. С 1982 году староста прихода Св. Великомученика Пантелеймона в Кельне, в юрисдикции Русской православной церкви за границей.

Стефанович Платон Львович (1904—1974), из военной семьи, сын флигель-адъютанта полковника Л.П. Стефановича. Вольноопределяющийся (с 1923) лейб-гвар-

дии Конно-гренадерского полка. Окончил 2-й Санкт-Петербургский (Николаевский) кадетский корпус. В эмиграции жил сначала в Берлине, затем во Франции. Свою творческую деятельность посвятил памяти отца — полковника лейб-гвардии Конногренадерского полка. На протяжении многих лет осуществлял сбор материалов по истории полка и российским военным традициям. В конце 1920-х был активный участник движения младороссов, но в 1937 году вышел из партии. Весной 1940 года был арестован гестапо и отправлен в лагерь Верне. Писал на военно-исторические темы. Сотрудник журналов «Военная быль», «Часовой». Член Общества друзей «Военной были». Активный член Гвардейского объединения, Общества бывших кадетов Николаевского кадетского корпуса, Общества ревнителей памяти императора Николая II, Общества любителей русской военной старины. Член Санкт-Петербургского кружка в Париже. Инициатор реставрации иконы «Всех Святых», пожертвованной полковым объединением Конно-гренадерского полка Свято-Николаевскому собору в Ницце. Секретарь и казначей отдела Гвардейского объединения на юге Франции. Основатель Объединения потомков конногренадер (1971). В соавторстве с братом К.Л. Стефановичем опубликовал в Париже: «Памятка Общества старых офицеров лейб-гвардии Конногренадерского полка» (1929), «Памятка старых офицеров лейб-гвардии Конногренадерского полка» (1931) и другие. Скончался в Ницце. Был похоронен в Париже, на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.

Федуленко Валентин Васильевич (1894—1974), окончил Алексеевское военное училище в 1914 году, участник Великой войны 1914—1917 годов, служил в 269-м пехотном Новоржевском полку. Капитан. С 1918 года в войсках Восточного фронта адмирала Колчака. Эвакуировался из Владивостока с флотилией под командованием адмирала Г.К. Старка. Первоначально проживал в Шанхае. Автор воспоминаний «Жизнь русских эмигрантов в Шанхае». С 1946 года — заместитель председателя русской эмигрантской ассоциации Шанхая. Участвовал в эвакуации беженцев из коммунистического Китая на филиппинский остров Тубаобао. С 1950 года проживал в США, ведя большую организационную деятельность по помощи русским переселенцам из Тубаобао в США и Австралию. В 1970 году опубликовал сочинение «Зарождение и развитие театра в Казани». Сотрудничал с «Военной билью». Скончался в Сан-Франциско. Был похоронен на Сербском кладбище Сан-Франциско.

Хитрово Владимир Сергеевич (1891—1968), окончил Пажеский корпус в 1910 году. Участник Великой войны 1914—1917 гг. С конца 1918 года — командир 1-го отдела Офицерской дружины генегала Кирпичева в Киеве. В 1919 году прибыл

из Ялты в Новороссийск; с 5 января 1919 года зачислен в Сводно-гвардейский полк, летом 1919 года командир 2-й горной гвардейской батареи. Эвакуировался из Новороссийска. В Турции одно время был главой русского пресс-бюро в Константинополе, впоследствии эмигрировал во Францию. Там активно участвовал в жизни общества выпускников Пажеского корпуса и Союза пажей, являясь сотрудником журнала «Военная быль». Член правления Союза георгиевских кавалеров. В последние годы жизни — заместитель председателя Гвардейского объединения. Автор неопубликованного сочинения «Воспоминания и материалы для истории. Лейб-гвардии конная артиллерия. Часть II. Война 1914—1917 гг. Поход в Восточную Пруссию». Скончался в Грассе.

Фон Царевский Борис Кириллович (18**—19**), прапорщик 7-го гусарского императора Александра I Белорусского полка; в годы Гражданской войны служил в воссозданном полку в Добровольческой армии в составе Сводно-кавалерийского полка, в эмиграции проживал во Франции, автор «Военной были».

Содержание

МОЗАИКА ПАМЯТИ

О ревнителях военной старины (О.Г. Гончаренко).....	3
---	---

В ГАЛЕРЕЕ ГЕРОЕВ

Император Александр I. Сфинкс, не разгаданный до гроба (Е.С. Молло).....	10
Светлейший князь Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов-Смоленский (В.С. Ковалевский).....	15
«Два рескрипта императора Александра I» (В.С. Ковалевский).....	22
Вожди армии (С.П. Мельгунов).....	23
Барклай де Толли и Багратион (С.П. Мельгунов).....	30
Ростопчин — московский главнокомандующий (С.П. Мельгунов).....	43
Авангардный генерал (И.Ю. Галич).....	95
Генерал-майор Яков Петрович Кульнев и его гусары (Б.К. фон Царевский).....	102
Могила героя (К.А. фон Морр).....	115
Кульневские торжества в 1932 году (К.С. Лейман).....	118
Генерал барон Жомини (И.И. Сагацкий).....	121
Партизан В.А. Прендель и медаль за Лейпцигскую победу (В.Г. фон Рихтер).....	130
Еще о партизане В.А. Пренделе (В.Г. фон Рихтер).....	136
Партизан Фигнер (Н.А. фон Реймерс).....	137

О СРАЖЕНИЯХ

150-летие Бородинской битвы (1812—1962) (В.В. Федуленко).....	139
Кирасиры Ее Величества в Бородинском бою (И.Ф. Рубец).....	157
Лейб-гвардии конная артиллерия в Бородинском сражении (В.С. Хитрово).....	159
Литовцы под Бородином (Г.Н. Акимов).....	163
Уланы цесаревича под Красным. 6 ноября 1812 года (Ю.Н. Солодков).....	168
Действия Уланского цесаревича полка в бою под Фридландом 1 и 2 июня 1807 года (Н.Э. Вуич).....	174
Лейб-драгуны под Фер-Шампенуаз (П.Л. Стефанович).....	181

О БОЯХ И ПОХОДАХ

Кавалергарды в 1812 году (В.Н. Звезгинцов).....	185
Из прошлого кавалергардов. Поход 1813 года (В.Н. Звезгинцов).....	195
Из прошлого кавалергардов. Поход 1814 года (В.Н. Звезгинцов).....	203
Русские артиллеристы. Картинки войны 1812 года (Б.Н. Сергеевский).....	214
Смотр российских войск под Вертю 26 и 29 августа 1815 года (Ю.Н. Солодков).....	216

Лейб-гвардии Московский полк*	220
Белорусские гусары*	221
Французы вспоминают тверских драгун*	222
4-й Мариупольский гусарский императрицы Елисаветы Петровны полк*	224
Русский флот во время Наполеоновских войн (А.С. Крапивин)	231
Флот и память об Отечественной войне (А.А. Геринг)	233
Казачи Отечественной войны в глазах англичан (В.Г. фон Рихтер)	233

О ВОЕННЫХ РЕЛИКВИЯХ

Пожалованный, но никогда не полученный штандарт (В.Н. Звегинцов)	241
Русские знамена, потерянные под Аустерлицем (С.П. Андоленко)	245
Знамена азовского полка под Аустерлицем (С.П. Андоленко)	250
Георгиевский штандарт Санкт-Петербургских улан (С.П. Андоленко)	257
Знамена Великой армии, отбитые в 1812 году (С.П. Андоленко)	264
Австрийские трофеи Александрийских гусар (С.П. Андоленко)	274
Русские инженерные войска в Отечественной войне 1812 года*	277
Польские «орлы» и знамена, взятые войсками в кампанию 1812—1813 гг. (С.П. Андоленко)	278
Бутырское знамя в Брюсселе (С.П. Андоленко)	282
О ношении знаков отличия в царствование императора Александра I (Е.С. Молло)	287
О Кульмском кресте (В.Г. фон Рихтер)	291
Еще о Кульмском кресте и Кульмском сражении, но с точки зрения немецкой (В.Г. фон Рихтер)	296

ОСМЫСЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА

Патриотические настроения в Отечественную войну (С.П. Мельгунов)	300
«Перлы» и «клюква» мемуаров генерала барона де Марбо (И.И. Сагацкий)	313
Еще об одной книге эпохи Отечественной войны (В.Г. фон Рихтер)	318
Кто сжег Москву? (С.П. Мельгунов)	323
Этюды русских воинов Отечественной войны 1812—1813 годов и посещение Петербурга германским скульптором Шадовым в 1791 году (Ю.Н. Солодков)	336
Краткие биографии авторов (О.Г. Гончаренко)	340

* Статьи, отмеченные звездочкой, написаны неизвестными авторами.

Научно-популярное издание

ОТ АУСТЕРЛИЦА ДО ПАРИЖА
Дорогами поражений и побед

Выпускающий редактор *М.К. Залесская*

Корректор *О.Б. Бубликова*

Верстка *Н.В. Гришина*

Дизайн обложки *Е.Б. Бессонова*

ООО «Издательство «Вече»

Юридический адрес:

109004, г. Москва, ул. Николаямская, дом 43, корпус 4.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 20.04.2012. Формат 70 × 90 1/16.

Гарнитура «NewtonС». Печать офсетная. Бумага офсетная.

Печ. л. 22. Тираж 7500 экз. Заказ 2861/12.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ЗАО «ИПК Парето-Принт», г. Тверь, www.pareto-print.ru

В последние сто лет, прошедшие после первого празднования юбилея 1812 года, отечественная периодика уделила достаточное внимание как отдельным лицам — героям войны и полководцам, так и отдельным сражениям и битвам, участие в которых принимали русские войска. «Дети страшных лет России» — в полной мере эти строки Александра Блока можно отнести к авторам этой книги. И современный читатель, пусть даже впервые знакомящийся с темой Наполеоновских войн, прочитав предлагаемый сборник, получит, хотя и общее, зато весьма яркое представление о ряде исторических лиц, их «днях и делах» и других событиях того времени. В год двухвекового юбилея Отечественной войны 1812 года предлагаемая читателям книга станет еще одним источником полезных сведений для всех тех, кто интересуется этой, без сомнения, яркой исторической эпохой, именуемой Наполеоновскими войнами.

ISBN 978-5-9533-6482-9

9 785953 136482 9

